

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

1991 ГОД: ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ

- 3 ТОЩЕНКО Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР?
- 14 СЕМЕНОВ Е.В. Долгое эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы
- 22 ТИХОНОВА Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества:
конец 1980-х – конец 2010-х гг.
- 33 МИРОНОВ Б.Н. Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР
- 49 ДРОБИЖЕВА Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием
- 62 СИМОНЯН Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс)
- 72 ЯКОВЕНКО А.В. СССР как зеркало нереализованной гуманистической перспективы

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 82 АНДРЕЕВ А.Л., АНДРЕЕВ И.А. Россия-2021: переживание настоящего
и взгляд в будущее
- 93 КУЗНЕЦОВ И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм
и обновление

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 103 ШАБАНОВА М.А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика
россиян: динамика, факторы, потенциал
- 118 ЦЗЯН ХАЙБИНЬ, ВЕСЕЛОВА Л.С., ЛЕБЕДИНЦЕВА Л.А. Феномен китайской
рабочей силы: сложности с трудоустройством выпускников и
«острый дефицит рабочей силы»

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 130 ПОПОВ Е.А. Профессия социолога: идеалы абитуриентов и консенсус студентов
-

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 140 ПИКЕТТИТ. Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 154 БАРИЕВ М.М., МАКСИМОВА О.А. Молодежь в глобальной повестке
(о Международном конгрессе в Казани)
- 156 ВИНОКУРОВА У.А., ПРОНИНА Е.И. Личность. Ученый. Учитель
(памяти Л.М.Дробизевой)
- 159 НЕКЛЮДОВА Н.П., СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО О.О. Обитогах XII Уральского
демографического форума

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 161 БУЗГАЛИН А.В., КОЛГАНОВ А.И. Большой сбросили выброс полуправды:
станет ли постпандемический мир более справедливым?

КОРОТКО О КНИГАХ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- 170 НОВОКРЕЩЁНОВ А.В. Еще раз о номенклатурном методе
работы с руководящими кадрами

THEORY. METHODOLOGY

- 175 CHERNYSH M.F. Modernization Revisited: Searching for a New Conceptual Scheme

ECONOMIC SOCIOLOGY

- 184 KAZ M.S. The "World of Labor" of Working Retirees: Dilemmas and Meanings
- 194 KISELEV I.YU., OVCHINNIKOVA N.V., SMIRNOVA A.G., MIN YOU. Employment
trajectories of preretirees in the context of retirement-age increase
- 203 KLIMOVA S.G., KLIMOV I.A. The Experience of Russian Companies in the Context of the
Pandemic

POLITICAL SOCIOLOGY

- 212 BARSUKOVA S.Yu., ZVYAGINTSEV A.V., LAPTYEVA L.S. The experience of youth
participation in election campaigns and its impact on the civic position

1991: A LOOK AT EVENTS 30 YEARS LATER

- 221 TOSHCHENKO Zh.T. Was the geopolitical catastrophe of the USSR man-made?
- 230 SEMENOV E.V. A long echo of 1991: social meaning of country's disaster
- 237 TIKHONOVA N.E. Transformations of the social structure of Russian society in late
1980s – late 2010s
- 246 DROBIZHEVA L. M. 1990s' Experience and cultural diversity management
- 257 SIMONYAN R.H. How the Soviet Union could be preserved (Baltic angle)

266 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

1991 год: взгляд на события 30 спустя

От редакции. В августе 2021 г. отмечается 30-летие «крупнейшей геополитической катастрофы», которая связана с тремя событиями: отказом от советского «реального социализма», распадом СССР и крушением проекта формирования «советского человека». События происходили на фоне глубокого затянувшегося социально-экономического кризиса. Их научное осмысление остается дискуссионным. Мы пригласили к обсуждению сущности, причин и последствий событий 1991 года известных исследователей, полагая, что проблемы, из-за которых произошла «смена эпох», во многом актуальны и в наши дни. Критика привилегий современных власть имущих остается фундаментом протестных настроений, как и критика советской «номенклатуры» 30 лет назад. Этнонациональные конфликты трансформировались из «внутрисоветских» в конфликты между Россией и соседними экс-советскими республиками. Экономика страны находится, как и в последние советские годы, в тяжелом состоянии. Поэтому обсуждение событий начала 1990-х гг. – это не только осмысление прошлого, но извлечение уроков для настоящего. Мы надеемся, что эта подборка послужит импульсом к обсуждению этой сложной и многообразной тематики на страницах не только нашего журнала.

© 2021 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

БЫЛА ЛИ РУКОТВОРНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА СССР?

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosh@mail.ru).

Аннотация. Анализируются причины, условия и факторы событий 1991 года, ставшие точкой отсчета краха СССР, ликвидации первого в мире социалистического государства. Анализируются попытки с разных мировоззренческих и идеологических позиций объяснить ход истории, вернувший Россию в лоно капиталистического пути развития. Оспаривая и отвергая многие из этих объяснений, автор обращает основное внимание на отсутствие в большинстве публикаций и политических заявлений анализа такого ключевого фактора, как игнорирование политической элитой воли народа, а также научных выводов и рекомендаций, которые ориентировали на рациональные, взвешенные и обоснованные средства и методы выхода из кризисного состояния общества. Значительное место уделяется субъективному фактору – как общественному мнению советских людей, так и ограниченности видения тех, кто управлял страной. В результате страна развивалась ни в рамках революционного, ни в рамках эволюционного пути, а вступила на путь турбулентного хаотичного и противоречивого пути развития, который автор именует «обществом травмы». Делается вывод, что геополитическая катастрофа была во многом рукотворна, вызвана не столько объективными, сколько субъективными факторами, сыгравшими определяющую роль в разрушении СССР. Авторские выводы опираются на результаты всесоюзных исследований общественного сознания, осуществленных социологами Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1985–1991 гг.

Ключевые слова: СССР • социализм • капитализм • перестройка • революция • эволюция • общественное сознание • советский человек

DOI: 10.31857/S013216250016071-1

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще были подписаны соглашения, зафиксировавшие предложенную Г. Бурбулисом, доверенным лицом Б. Ельцина, формулировку: «Советский Союз как геополитическая реальность прекращает свое существование». Вполне закономерно возникает вопрос: как может по воле группы высокопоставленных лиц прекратить свое существование государство, которое было одной из самых могущественных держав мира? Ведь СССР был объективной реальностью, в которой не сомневались даже его враги. Но, тем не менее, это произошло.

Почему же это стало возможным?

Несмотря на многочисленные объяснения условий и причин этой катастрофы, истина в полной мере до сих пор не достигнута. На наш взгляд, это объясняется тем, что из этих попыток практически всегда исключаются состояние и тенденции развития общественного сознания, ориентации и мнение народа, игнорируется в той или иной мере тот факт, что вершителем судеб своей страны всегда в конечном счете были народные массы. На наш взгляд, справедливо утверждение философа А. Неклесса: «Исторические перевороты предваряются революцией сознания – трансформацией картины мира, социальной ментальности, методов познания с последующей коррекцией практики и образа жизни» [Неклесса, 2019: 9]. Именно они определяют ход истории, несмотря на противоречивые зигзаги в общественном сознании и поведении.

Однако почему же в 1991 г. на первый план вышла не воля народа, а суждения и деятельность «перестроечных» государственных органов, а также различных групп и объединений, которые выражали устремления небольших групп людей, нацеленных на ликвидацию социалистических отношений?

Как объяснялась и/или оправдывалась катастрофа. Итак, 1991 г. стал свидетелем геополитической катастрофы, приведшей к исчезновению одной из мировых держав, в течение более 70 лет олицетворявшей принципиально иной – социалистический – строй. Этот рубеж означал также разрушение советской экономики и принципов ее функционирования. Коренным образом было изменено социальное и политическое лицо страны. Было подвергнуто сомнению существование такого феномена, как «советский человек», который, несмотря на различные истолкования, был реальностью, проявившейся как в принципиально новых мировоззренческих позициях, так и в реальной исторической практике.

Для начала проанализируем существующие точки зрения по объяснению причин этой геополитической катастрофы. Во-первых, была попытка полностью отвергнуть все то, что было связано с марксизмом, с его ленинским воплощением в Октябрьской революции 1917 г., с осуществлением планов строительства новой экономики, культуры, созданием новых общественных отношений. Отвергалось все – и теория, и практика (подробнее см., напр., [Гайдар, 1994; 2005]). Французский социолог А. Берелович, комментируя идеи этих книг, писал, что в них «встречаются недостаточно обоснованные утверждения, произвольно выбранные данные и откровенное игнорирование фактического материала, который не вписывается в концепцию автора». Главный недостаток книг Е.Т. Гайдара он видит в присущем его мышлению «жестком экономическом детерминизме, упраздняющем проблему выбора той или другой альтернативы, а также, что немаловажно, и проблему ответственности политического деятеля» [Берелович, 2005]. В таких произведениях (как и у большинства неоллиберальных политиков) авторские идеи подавались с претенциозных позиций – надо было все делать по-иному. Для обоснования авторы заимствовали постулаты чикагской экономической школы (отрицание государственного регулирования), не обращая внимания на то, что ее рекомендации не были последовательно соблюдены даже в США. Но эти рекомендации были не только сформулированы, но и внедрены в новой России, показав сомнительную полезность как отстаиваемой теории, так и реализованной практики. Характерно, что наиболее яркий представитель этого направления, А.Б. Чубайс, демонстративно вышедший из КПСС, употреблял такие уничижительные слова, что надо «забить последний гвоздь в гроб коммунизма». Конечно, при такой гиперкритической оценке не могло быть найдено ничего позитивного в предшествующем опыте страны.

Во-вторых, немало нашлось тех, кто винил во всем неэффективную советскую экономическую систему, для чего использовались разные приемы. Сначала это были обвинения в адрес застоя в период правления Брежнева. Затем последовала критика индустриализации и коллективизации, пятилетних планов развития народного хозяйства, решений по созданию военной промышленности [Иноземцев, 1998; Авен, Кох, 2013].

В-третьих, среди аргументов тех, кто обосновывал неизбежность краха СССР, выделяются доводы обвиняющих во всем политический строй, однопартийную систему, конкретных лидеров КПСС. Для этого обвинения привлекались события «кроважадной» Гражданской войны, политика раскулачивания, преследование интеллигенции, преступления 1937–1938 гг., пакт Молотова–Риббентропа, неудачи первых лет Великой Отечественной войны, произвольные зигзаги в политике Хрущева, отстраненность от активных действий Брежнева, лихорадочность поведения Горбачева. Все это сливалось в сплошную неупорядоченную, стихийную, плохо обоснованную политическую деятельность, которая плохо или совсем не учитывала объективно складывающуюся реальность. В рамках этого подхода отвергались принципы подбора и функционирования партийной и государственной номенклатуры, деятельность общественных организаций, идеологическая работа, направленность международной политики. Среди трудов сторонников этого направления особо выделялись публикации бывшего секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева, употреблявшего самые оскорбительные определения в адрес той партии, в которой он и отвечал за идеологическую работу [Яковлев, 2001; Тощенко, 2016: 113–151].

В-четвертых, немало тех, кто основную вину за эту катастрофу возлагал на политику перестройки и на ее инициатора М. Горбачева, который, хотя и ощущал необходимость существенных перемен, однако, так и не мог предложить продуманной стратегической программы преобразований, заменив ее блестящими неопределенностями (вроде «нового мышления», «европейского дома», «гласности», «прав человека» и т.п.). Такой выдающийся мыслитель, как А.А. Зиновьев, который подверг резкой критике пороки советского строя в своей книге «Зияющие высоты» (1976), неоднократно говорил позднее: он был не против социализма, не против советского строя – он хотел освободить страну от тревожащих проблем, улучшить жизнь советских людей. Более того, он с горечью признавался, что если бы знал, что эта книга и подобные произведения будут вкладом в крах СССР, то не писал бы их. В книге «Катастрожка» (1989) Зиновьев резко осудил и отверг проводимую Горбачевым политику шарахания, неопределенности и некомпетентности (см. подробнее [Зиновьев, 2003; Ахиезер, 1997; Бутенко, 1990]).

В-пятых, получили распространение разного рода конспирологические теории, при помощи которых доказывалась умышленная деятельность зарубежных закулисы (включая как официальную, так и разведывательную политику), а также действия «внутренних врагов» в виде явной или стихийной «пятой колонны» [Латыш, 2015; Платонов, 2015: 3]. Конечно, враждебная политика Запада (прежде всего, США) сыграла немалую роль в расшатывании устоев СССР, в разрушении имиджа идей социализма. Однако это была не главная и далеко не единственная причина исчезновения Советского Союза. Ведь хотя СССР постоянно подвергался различного рода «идеологическим диверсиям», но до конца 1980-х всегда находились силы и возможности успешно противостоять им.

В заключение следует упомянуть и такую позицию, будто сам народ отверг советскую власть, не хотел сотрудничать с коммунистами. Более того, народ, мол, постоянно критиковал политику перестройки, ее экономические реформы и попытки политического переустройства, поскольку затеянные изменения не приводили к улучшению жизни. Действительно, советские люди требовали реализации обещаний, провозглашенных Горбачевым. Все больше и больше людей сходились в убеждении, что «так жить нельзя» (название фильма известного кинорежиссера С. Говорухина). Высказывались и другие обвинения в адрес народа, страдающего «своеобразной политической невменяемостью» [Ципко, 2020: 8]. Впрочем, означает ли критика, даже самая жесточайшая, что люди хотели именно свергнуть советскую власть, а не совершенствовать ее?

Рассмотрим это на результатах социологических исследований. Наши дальнейшие выводы и предположения построены на данных всесоюзных социологических исследований, которые проводились в 1985–1991 гг. коллективом социологов АОН при ЦК КПСС. В этот период были осуществлены исследования (в том числе в режиме мониторинга) экономического, политического, нравственного и исторического общественного сознания, которые показывали настроения населения СССР с первых лет начала провозглашенных преобразований. Эти исследования охватывали от 3 тыс. до 4,7 тыс. человек в 10–18 регионах страны согласно репрезентативной выборке. Об уникальности исследований такого масштаба говорит тот факт, что в позднесоветский период времени ничего аналогичного не проводилось ни одним из академических или университетских учреждений.

Главный их результат состоял в том, что они показали сложность и неоднозначность отношения советских людей к происходящим событиям в жизни страны. Во-первых, советские люди связывали большие надежды с провозглашенным курсом на перестройку жизни страны. Во-вторых, по ходу ее выполнения в результате неумелого и ошибочного курса постепенно росла критика этого курса: люди высказывали неудовлетворенность ее реализацией и в первую очередь тем, как протекали изменения в их трудовой и повседневной жизни. В-третьих, они не теряли надежду, что ошибочные действия власти можно изменить, и поэтому активизировали свое участие в решение тех проблем, которые непосредственно их касались.

Мнение народа о реальном и будущем существовании советского государства.

Итак, какие проблемы волновали людей в 1980-е гг., в заключительные годы существования советского государства? Были ли они направлены на отрицание советского строя? Рассмотрим прежде всего эволюцию реальных социально-экономических ожиданий.

Начнем с исходных данных. Уже первое исследование (апрель 1986 г. – 4 075 человек, 934 эксперта, 11 регионов) показало, что политику перестройки советские люди в своем большинстве приветствовали, выражали надежду на успешные преобразования, искренне поддерживали провозглашенный курс на осуществление давно назревших перемен. Прежде всего, отметим, что намеченные меры по перестройке экономики обсуждало большинство народа: 67,5% людей постоянно (и еще 28,7% иногда) говорили о них с товарищами по работе или в кругу близких. Интерес к программе перестройки был велик: информацию о ней 84,2% черпали из телепередач, 77,3% – из центральных газет. Это было реакцией на заявление Горбачева, нового Генерального секретаря КПСС, пообещавшего внести значительные коррективы в политику для коренного улучшения жизни народа. На этом первоначальном этапе люди понимали, что сразу невозможно добиться впечатляющих результатов по реализации идей перестройки, но искренне выражали надежду, что в ближайшее время многое изменится к лучшему. Особенно это касалось ожиданий в сфере трудовых отношений, их положения непосредственно на производстве: 37,5% считали, что могли бы больше реализовывать свои способности на работе, а 65,8% утверждали, что могли бы трудиться с еще большей отдачей при улучшении условий и организации труда. Отсюда делался вывод, что советские люди не ограничивались словами поддержки, а проявляли инициативу, считая, что тем самым вносят свой личный вклад в поддерживаемую ими политику перестройки [Перестройка экономического сознания..., 1987: 30, 32].

Однако затем последовали «дела». Одной из первых акций была провозглашена перестройка тяжелой промышленности (напомним для сравнения, что КНР выходила из наследия Мао Цзэдуна путем первостепенного преобразования сельского хозяйства, чтобы накормить все население страны). Затем последовала непродуманная, нанесшая большой экономический и социальный ущерб антиалкогольная кампания, образовавшая огромную финансовую дыру в бюджете страны. За внешне привлекательными призывами уменьшить алкоголизацию населения последовало уничтожение виноградников, закрытие заводов, создание нездорового ажиотажа вокруг доступности спиртных напитков. Хотя первые полтора-два года шли победные реляции о сокращении смертности от снижения

употребления водки и вин, о повышении рождаемости и сокращении заболеваний, скоро стало ясно, что вместо продуманной политики оказались приняты скороспелые законы без консультации с народом (и особенно с экспертами). А ведь в это время и ранее на страницах печати шла активнейшая работа по пропаганде так называемого культурного питания, что было бы более достойным выходом.

Реакцией на эти акции руководства страны стали первые сомнения в плодотворности политики перестройки. В 1988 г. (2741 опрошенный, 668 руководителей производства, 7 регионов) у людей появилась возможность оценивать первые результаты проводимой политики. И здесь социологи столкнулись с неожиданностью: число позитивно оценивающих изменения в экономической и производственной жизни уменьшилось в полтора-два раза. Если в 1986 г. о начале позитивных изменений говорили 27%, то в 1988 г. – только 9% респондентов. Аналогичная пессимистическая оценка получена при оценке организации труда (о ее улучшении заявили соответственно 29 и 19%), условий труда (соответственно 21 и 13%), дисциплины труда (соответственно 88 и 54%) [Экономическое сознание..., 1989: 23]. Примерно в такой же пропорции изменились и ответы руководителей производства. Почему это произошло?

На наш взгляд, начал складываться разрыв между управленческими усилиями власти и реальным положением дел на местах. В верхних эшелонах власти шли бурные обсуждения, что и как надо делать для реализации намеченных задач. Но эти шумные обсуждения «наверху» никак не сказывались на том, что происходило в низовых производственных организациях. Именно при проведении этого исследования в беседе с одним из опрашиваемых данная ситуация получила точную оценку – «наверху шумят, а у нас тишина». Иначе говоря, появились первые и обоснованные сомнения в эффективности перестройки, что поставило под вопрос способность власти умело решать поставленные жизнью проблемы и вывести страну из кризиса, а не ввергать ее в еще более опасное состояние.

Дальнейшие шаги политического руководства лишь усугубляли усложнявшуюся ситуацию. По мере дальнейшего осуществления перестройки происходил рост негативных ситуаций. Горбачев и его приверженцы лихорадочно искали, предлагали и даже внедряли отдельные – очень часто непродуманные – положения, вместо того чтобы принять принципиально новые, кардинальные и неотложные меры по переходу на рыночные отношения, необходимость которых начинали признавать многие советские люди. Горбачев и его команда оказались неспособными генерировать идеи, предложить обществу эффективный путь решения назревших проблем, как это сделали Дэн Сяопин (КНР), Ли Куан Ю (Сингапур) и Махатхир Мохамад (Малайзия). Вместо этого появлялись лоскутные внесистемные законы, которые внешне были ориентированы на решение некоей принципиальной задачи, но, будучи не увязанными с другими проблемами, вели к краху всю советскую экономику. Особенно это проявилось в связи с принятием и внедрением Закона «О кооперации» (1988). Его реализация принесла непоправимый урон: так называемые кооперативы начали высасывать ресурсы из государственных предприятий, заложив основу разграбления национального богатства страны, что привело к дезорганизации производства. Этот акт, при внешней его привлекательности, обернулся огромнейшими потерями.

Поскольку вместо улучшения экономики люди видели ухудшающуюся ситуацию, в сознании людей во все большей степени стали преобладать критические оценки перестройки. В исследовании 1989 г. хозяевами своего предприятия уже считали себя только 7% (в 1986 г. – 28%, в 1988 г. – 11%). И это оценка неудивительна, поскольку, по мнению работников и специалистов, в результате хаотичных преобразований бесхозяйственность выросла (по мнению 26% в 1986 г., 42% в 1989 г.). Одновременно происходило и ухудшение оценок других показателей: если об улучшении организации труда говорили в 1986 г. 44% опрошенных, в 1988 г. 28%, то в 1989 г. лишь 20%; а в отношении условий труда – соответственно 30, 22 и 17% [Экономическое сознание..., 1989: 42, 44]. На наш взгляд, это следствие хаотичных решений по поиску выхода из складывавшейся негативной ситуации в экономике страны и ухудшавшихся показателей развития народного хозяйства.

Этот конфликт интересов народа и официальной политики с каждым годом все возрастал. В 1990 г. об ошибочности экономической политики заявили 62% опрошенных и столько же – 61% – об очень плохой экономической обстановке. Именно в этот период остро встал вопрос о дефиците товаров: трудности с приобретением продовольственных товаров отмечали 70%, промышленных товаров – 82%, с получением бытовых услуг – 54% [Человек и экономика..., 1990: 61, 62, 68, 74]. Более того, обозначились и стали ощущаться такие болезненные проявления, как мафиозные группы и организации, – об этом сказали 46% (!) опрошенных. Главное, люди к 1990 г. в своих ожиданиях теряли надежду на перспективу: положительно оценили возможность в ближайшие один-два года добиться улучшения экономики только 2%, в то время как 53% отвергли такую вероятную перспективу. А если к этому добавить 36% воздержавшихся от оценки, то можно сказать, что уже в 1990 г. отчетливо обозначился крах перестройки. Иначе говоря, невразумительная экономическая политика создавала все условия для разрушения экономики, что очень остро чувствовал народ.

Апофеозом стала оценка в 1991 г. осуществляемой экономической политики – 41% признали ее неправильной, еще 31% скорее неправильной, чем правильной. Иначе говоря, народ к этому времени разочаровался в проводимых мерах по перестройке экономики и фактически отвернулся от нее. Общественное настроение продолжало ухудшаться: 46% согласились с тем, что происходит развал управления народным хозяйством, 48% беспокоил рост цен. Появились и стали расти новые тревоги, которых раньше не было: почти каждый второй (44%) выразил опасение потерять работу из-за начавшихся сокращений рабочих мест. Это проявилось и в том, что на вопрос «Кто, по вашему мнению, может защитить "простого" человека в настоящее время?» 51% респондентов ответили «никто» [Человек и рынок..., 1991: 15, 17, 138, 143, 144].

Означали ли эти данные, что люди выступали против советской власти? Их анализ показывает, что, критикуя многие действия власти в сфере экономики и давая им отрицательную оценку, люди по-прежнему были нацелены на совершенствование имеющегося социального положения. Именно в соответствии с этим пониманием перспектив развития они предлагали пути и методы решения волнующих их проблем. В частности, опрос населения в марте 1991 г. показал, что возросла активность населения по выработке предложений для выхода из кризиса. Росло позитивное отношение к рынку – люди увидели в нем некоторую перспективу по решению назревших проблем. Именно надежда на рынок проявилась в том, что 43% респондентов считали, что они в этих новых обстоятельствах повысят интенсивность и качество своего труда (в мае 1990 г. так считали только 26%), а 39% возлагали надежду на конкуренцию, от которой выиграют потребители.

В этой связи нужно привести следующий впечатляющий факт: в 1990 г. на вопрос, надо ли переходить к рыночным отношениям, о позитивном к ним отношении заявили 28% населения [Политическая борьба..., 1990: 7]. Удивительно, но в это время мы получили казус, который был отвергнут официальными лицами: в этом опросе идею о необходимости введения рыночных отношений поддержали 44% коммунистов. Получается, что рядовые коммунисты (их тогда было более 18 млн) оказались более продвинуты в профессиональном и в гражданском осознании важности такого решения. Именно рядовые коммунисты, а не руководство КПСС, более реально представляли и оценивали назревшие потребности времени.

Появились и другие вполне обоснованные предложения о передаче предприятий в собственность трудовых коллективов. Предлагались и даже осуществлялись такие меры, как совершенствование принципов голосования по выборам депутатов в Верховный Совет СССР, что, правда, дало неоднозначный эффект. Но это был поиск, апробация самых различных вариантов по преобразованию трудовой и повседневной жизни. Уже в 1989 г. 42% людей согласились с необходимостью признания института частной собственности. Были многочисленные предложения по организации торговли, внедрению фермерства, дополнительных мер по подключению военной промышленности к выпуску

гражданской продукции (конверсии). Иначе говоря, народ был полон уверенности в возможность преобразований в рамках существующей политики: их предложения в полной мере вписывались в логику *социалистического* устройства общества. Однако принимаемые руководством страны меры неуклонно вели к катастрофе.

Политика как поле апробации идей катастрофы СССР. Зигзаги и провалы в экономике одновременно сопровождались пертурбациями в сфере политики. Именно политические процессы стали одним из основных факторов, определивших судьбу страны.

Перестройка в политике началась с провозглашения курса на развитие, укрепление и совершенствование демократии, что и стало вдохновляющей силой для многих людей. Ее первым показателем стало провозглашение гласности как ключевого звена в грядущем преобразовании советского общества. И это приветствовалось большинством людей. Уже в 1987 г. 32,2% отметили, что гласность реально существует и дает свои плоды в виде доступа к любой интересующей людей информации. Советские люди получили, впервые в СССР, возможность обсуждать любые вопросы, в том числе и деятельность руководителей страны. Практически не было никаких запретных тем. Можно было обсуждать все и всех. И это радовало многих. Достаточно сказать, что миллионы телезрителей «прилипали» к экранам телевизоров, по каналам которых передавались заседания Верховного Совета СССР, а потом РСФСР, ранее неинтересные и непривлекательные. Иначе говоря, этот аспект преобразования полностью соответствовал интересам советских людей. Однако одновременно с этим набирал силу сначала малозаметный процесс разрушения мировоззрения советских людей. А начиналось это с простого вопроса: а все ли в порядке было в истории советской страны?

Сначала появилась тема трагических 1937–1938 гг., которая, наряду с приданием гласности преступлений, породила произвольные, а иногда прямо фантастические измышления о количестве жертв. Подспудно начала формироваться мысль о преступности всей советской истории. Этому служили искаженное изложение коллективизации, кронштадтского мятежа, крестьянского восстания в Тамбовской губернии и многого другого, что выдавалось за борьбу против советской коммунистической власти. Нагнетанию негативного настроения способствовали измышления об истории Великой Отечественной войны – про победу, якобы полученную путем «заваливания трупами». Постепенно подошли и к оголтелому отрицанию Октябрьской революции 1917 г. как едва ли не политического разбоя, из чего делался вывод о нелегитимности советской власти.

Параллельно этому шло массированное наступление и в области теории, основ социалистических идей. Причем этот подрыв идей социализма тоже осуществлялся постепенно. Сначала искали «истинные» основы социализма у Г.В. Плеханова, не забывая упомянуть его расхождение с Лениным и непризнание им «октябрьского переворота». Затем искали «плодотворные» идеи у Н. Бухарина и даже у Л. Троцкого. Затем начался поиск пороков и ошибок в творчестве и деятельности В.И. Ленина, начиная от отрицания его вклада в развитие марксизма и завершая «анализом» записок или случайных слов по поводу текущих событий в первые годы советской власти [Котеленец, 2017: 39]. И все это – чтобы показать искусственность советской власти и необходимость не просто отказа от советского прошлого, но и выработки принципиально иного пути развития. Особенно досталось И.В. Сталину, на которого были возложены все грехи, реальные и мнимые, дабы доказать, будто во главе страны стоял преступник.

Как же реагировал народ на эти действия противников советского строя? Соглашаясь с многими критическими замечаниями и даже поддерживая их, советские люди делали прямо противоположный вывод: не свергать советский строй, а совершенствовать его, улучшить. Среди достижений первых лет перестройки 51,4% назвали возможность высказывать свое мнение, 41,4% – голосовать на выборах за своего кандидата, 35,6% – критически высказывать свое мнение о любых процессах в обществе. 27,7% респондентов позитивно отзывались о такой осуществляемой мере, как выборность руководителя. Очень важно отметить, что словесное одобрение принятых мер проявилось в оценке

своей деятельности: 42,5% сказали, что они получили возможность реализовать себя, 37,1% выступили с предложениями и критическими замечаниями по совершенствованию жизни и работы в своих организациях, своем поселении, стране [Перестройка экономического сознания..., 1987: 30–35, 42–45].

Исследование в ноябре 1989 г. (1360 человек, 8 регионов) показало: от абсолютной надежды и уверенности, что политики страны смогут осуществить желаемые перемены, общественное сознание начало склоняться к разочарованию в их способности реализовать провозглашенные цели. С каждым годом росло сомнение, а потом и отвержение предлагаемых мер. В этом исследовании 50% населения (и что особенно поразительно – 2/3 коммунистов) стали отрицать наличие успехов перестройки [Политическое сознание..., 1989: 6, 8]. Именно это исследование впервые показало, что партия де-факто потеряла право на свое монопольное положение в стране. Дальнейшие исследования (июнь 1990 г., 1433 человека) свидетельствовали, что отрицательные оценки деятельности КПСС стали преобладать над положительными (на 9,3 п.п.). Согласно убеждению 61% опрошенных, политика, проводимая руководством страны, им непонятна, она запутана и противоречива. Иначе говоря, в политических оценках населения стало преобладать и даже превалировать мнение о неспособности политической власти решать провозглашенные ей цели. Таким образом, политическое сознание населения также эволюционировало – от радужных надежд до полного разочарования и даже отвержения, но без потери надежды, что это можно исправить, улучшить, совершенствовать.

Итак, политическое сознание советских людей было на распутье. Это усугублялось и действиями руководства страны: шла кадровая чехарда, были открыты двери явным антисоциалистическим движениям. Как апофеоз всего, КПСС была отодвинута от руководства страной, хотя, по мнению председателя КПРФ Г. Зюганова, именно ее надо было превратить в государственную организацию, которая реально управляла бы страной и ее экономикой. Все это – и состояние экономики, и политическая неразбериха – убедительно показывало, что наступает не только крах перестройки, но и крах страны в условиях полного отказа населения поддерживать провозглашенные идеи, которые сначала были так привлекательны.

Некоторые выводы. Данные всесоюзных исследований позволяют сделать вывод, что народ был прав, поддерживая провозглашенные идеи по перестройке общества. Но не в меньшей мере он оказался прав, когда перестал их поддерживать, увидев несостоятельность действий руководства страны по их реализации.

Главный итог состоял в том, что, несмотря на критической настрой, 75% населения страны, принявших участие в голосовании на референдуме в марте 1991 г., высказались за сохранение Советского Союза, за его дальнейшее развитие и укрепление. Советские люди при решении судьбы страны чаще всего связывали свое будущее с обществом, которое шло именно по социалистическому пути развития. Однако через полгода это решение народа было проигнорировано. Антисоветские силы пришли к власти и объявили себя победителями. Их любимой аргументацией стало утверждение, что народ не поднялся на поддержку ГКЧП в августе 1991 г. Но этот аргумент игнорирует тот факт, что большинство местных органов власти выступили в поддержку этой акции, однако из-за отсутствия не только вразумительных, но и вообще каких-либо действий со стороны гзачепистов по реализации провозглашенной ими позиции инициативу перехватили сторонники Ельцина, которые свою позицию постепенно довели до декабря 1991 г., до трагического беловежского соглашения.

А почему, в самом деле, народ промолчал? Во-первых, потому что его привлекло обещание новой власти коренным образом улучшить жизнь народа. А эта идея, конечно, нравилась многим, поскольку людям хотелось жить лучше. Во-вторых, история СССР и КПСС показала, что при всех поворотах политики, при смене первых лиц государства (после Сталина, при смене Хрущева, уходе Брежнева и других), ничего принципиально нового не происходило: менялись некоторые акценты в политике, но всегда была надежда на

улучшение положения, что, кстати, частично оправдывалось. Вот и приход Б.Н. Ельцина к власти тоже рассматривался в массовом сознании с этих позиций – как возможность исправить ситуацию в рамках существования прежней страны. В-третьих, замена СССР на СНГ была облечена во внешне приемлемую форму организации нового государственного объединения по типу конфедерации, в которой военная и внешняя политика, а также финансовая деятельность по-прежнему будут общими при самостоятельном осуществлении каждой из республик. И люди в своем большинстве приняли за истину предлагаемые изменения. В-четвертых, шел невероятный по масштабу обман народа: во всех планах и обещаниях Ельцин и его окружение не говорили о том, что они готовы и намерены поставить страну на путь капиталистического развития, что они отринут все социалистическое, как не оправдавшее себя. И даже первые шаги – авральный переход к рыночным отношениям – не насторожили людей, тем более что Ельциным клятвенно («лягу на рельсы») было заверено, что все трудности будут преодолены к концу 1992 г. (на самом же деле к концу этого года был достигнут совсем другой эффект – 2000% инфляции). Иначе говоря, народ обманули не по мелочам, как это делали советские руководители, ничего принципиально нового не делая, а по крупному – сменив и бесповоротно уничтожив советский строй, долгое время скрывая истинные намерения. Все перечисленное позволяет сделать вывод, что уже в советском обществе стартовал процесс формирования социального неравенства, началась прекаризация труда, произошла потеря гомогенности социальной структуры. Это означало превращение страны в общество травмы (подробнее см.: [Тощенко, 2020]).

К этому стоит добавить еще один значимый вывод, который умалчивается. Речь идет о том, что при решении об «упразднении» Советского Союза не были учтены выводы и рекомендации науки. А ведь Институт системных исследований Академии наук СССР, коллектив которого состоял из ученых практически всех наук (и естественно-научных, и социальных), провел тщательный и скрупулезный анализ существования великих империй прошлого – Британской, Оттоманской, Французской и других, выявляя факторы, приведшие к их падению. Затем с этих позиций было проанализировано состояние СССР и получен вывод (см., напр.: Известия, 15 декабря 1999 г., № 235), что потенциал Советского Союза еще велик и значителен, он мог бы еще существовать 200–220 лет при проведении выверенных и последовательных реформ. Иначе говоря, был сделан вывод о насильственном прекращении существования СССР. А как иначе судить об этой геополитической катастрофе, если и субъективный фактор (мнение народа), и объективные условия (возможность существования еще два века) были полностью проигнорированы?

Приведенных аргументов, на наш взгляд, достаточно для вывода, что эта геополитическая катастрофа была рукотворной. Не были учтены ни позиция народа, ни выводы науки – развитие пошло по пути, навязанному пассивному большинству активным меньшинством, состоящим из амбициозных, желающих получить власть, решительно и антисоветски настроенных людей, готовых к кардинальным переменам в стране и умело скрывающих свои конечные цели. Это тот случай в истории, когда так называемые группы давления, даже будучи сравнительно малочисленными, но хорошо организованными и инициативными, навязывают свой сценарий развития событий при полной атрофии существующей публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Берелович А. Pro domo sua (Е.Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории) // Отечественные записки. 2005. № 6(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoe-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (дата обращения: 27.05.2021).
- Бутенко А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

- Зиновьев А.А. Катастрофа. М.: Алгоритм, 2003.
- Зюганов Г.А. Драма власти. М.: Палей, 1995.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998.
- Котеленец Е.А. Битва за Ленина: Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.
- Латыш Ю.В. Конспирологические теории перестройки и разрушения СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 13. С. 83–91.
- Некlessа А. Кто преодолеет постиндустриальный барьер? // ИГ-Наука. 2019. 11 сентября.
- Платонов О.А. Государственная измена. М.: Родная страна, 2013.
- Перестройка экономического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития. М.: АОН при ЦК КПСС, 1987.
- Политическая борьба и политический выбор масс (результаты социологического анализа) // Информационный бюллетень № 8 / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
- Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития / Ред. кол. Ж.Т. Тощенко, В.А. Щегорцов, А.И. Яковлев. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989.
- Состояние и тенденции развития экономического сознания на первом этапе перестройки (итоги сравнительного исследования 1986 и 1988 гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойкова и др. М.: АОН, 1988.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Ципко А. Почему мало ценится дарованная свобода // Мир перемен. 2020. № 1. С. 8–22.
- Человек и рынок: социально-политические аспекты // Инф. бюллетень № 5.14 / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1991.
- Человек и экономика (результаты социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
- Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойкова, Л.Д. Чернышовой. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989.
- Яковлев А. Большевизм – социальная болезнь XX в. // Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001. С. 5–32.

Статья поступила: 17.05.21. Финальная версия: 08.06.21. Подписана к публикации: 10.06.21.

WAS THE GEOPOLITICAL CATASTROPHE OF THE USSR MAN-MADE?

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Head of Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. The paper is written under RNF project No. 18-18-00024.

Abstract. The article analyzes causes, conditions and factors of the 1991 events, which became the starting point for the collapse of the USSR, liquidation of the first socialist state and rejected the possibility to realize socialism and communism ideas. Various attempts are analyzed from different worldview and ideological positions to explain the course that returned Russia to the capitalist path of development. Challenging and rejecting many of these explanations, created under the influence of both purposeful and speculative reasoning and spontaneous conscientious delusions, the article focuses on the absence in most publications and political statements of an analysis of such key factors as ignoring the will of the people and scholarly conclusions and recommendations that focused on rational, balanced and reasonable means and methods of overcoming the crisis-ridden state of society. A significant place is given to the subjective factor – poverty of imagination, limited vision, primitive thought of those ruling the country who failed to offer a scientifically grounded development strategy. As a result, the country evolved in the framework neither of a revolutionary, nor an evolutionary path, but embarked on a turbulent, chaotic and contradictory path of development leading to what the author calls society of trauma. In conclusion, it is stated that the geopolitical catastrophe was largely man-made,

caused by subjective factors that played a decisive role in the destruction of the great country. These conclusions are based on the results of 1985–1991 all-Union studies of social consciousness carried out by sociologists of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU.

Keywords: USSR, socialism, capitalism, perestroika, revolution, evolution, social consciousness, soviet man.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience*. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.)
- Aven P., Koch A. (2013) *Gaidar's Revolution: A First-hand History of the Reforms of the 1990s*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Berelovich A. (2005) Pro domo sua (E.T. Gaidar. For a Long Time. Russia in the World...). Review. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 6(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoe-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (accessed 27.05.2021). (In Russ.)
- Butenko A.P. (1990) *Where from and Where We Go: A Philosopher's View of the History of Soviet Society*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
- Restructuring Economic Consciousness and Increasing its Role in Accelerating Socio-economic Development*. (1987) Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (2005) *For a Long Time. Russia in the World: Essays in Economic History*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (1997) *State and Evolution*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (1998) *Outside the Economic Society: Post-Industrial Theory and Post-Economic Trends in the Present World*. Moscow: Academia; Nauka. (In Russ.)
- Kotelenets E.A. (2017) *Battle for Lenin: Latest Research and Discussion*. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)
- Latysh Yu.V. (2015) The Conspiracy Theories of Perestroika and the Collapse of the USSR. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"]. Vol. 13: 83–91. (In Russ.)
- Neklessa A. (2019) Who will Overcome the Post-industrial Barrier? *Nezavisimaya gazeta – Nauka* [Independent Newspaper – Science]. September 11. (In Russ.)
- Platonov O.A. (2013) *High Treason*. Moscow: Rodnaya strana. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) *Man and Economics (The Results of Sociological Analysis)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1991) *Man and Market: Socio-Political Aspects*. News-bulletin No. 5.14. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Phantoms of Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) *Political Struggle and Political Choice of the Masses (The Results of Sociological Analysis)*. News-bulletin No. 8. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E., Chernyshova L.D. (eds) (1989) *Economic Consciousness of Workers (The Results of Comparative Research, 1986, 1988 and 1989)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E. et al. (eds) (1988) *State and Trends in the Development of Economic Consciousness at the First Stage of Perestroika (The Results of a Comparative Study in 1986 and 1988)*. Moscow: AON. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Shchegortsov V.A., Yakovlev A.I. (eds) (1990) *Political Consciousness of the Working People in the Conditions of Perestroika and the Acceleration of Socio-economic Development*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Tsytko A. (2020) Why the Freedom Granted is of Little Value? *Mir Peremen* [The World of Transformations]. No. 1: 8–22. (In Russ.)
- Yakovlev A. (2001) Bolshevism is a Social Disease of the 20th Century. In: *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Moscow: Tri veka istorii: 5–32. (In Russ.)
- Zinoviev A.A. (2003) *Catastroyka*. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
- Zyuganov G.A. (1995) *The Drama of Power*. Moscow: Paleya. (In Russ.)

Received: 17.05.21. Final version: 08.06.21. Accepted: 10.06.21.

Е.В. СЕМЕНОВ

ДОЛГОЕ ЭХО 1991 ГОДА: СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КАТАСТРОФЫ

СЕМЕНОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (eugen.semenov@inbox.ru).

Аннотация. Крах СССР рассматривается как результат действий советской номенклатуры в условиях борьбы двух мировых систем – социалистической и капиталистической. Социальная структура советского общества, согласно теории Ю.В. Яременко, имела пирамидальное строение и состояла из четырех страт-сословий. Бюрократическая номенклатура, составлявшая правящий класс, в отличие от других страт, не имела возможностей для вертикального роста и была ориентирована на интеграцию в западное общество. Именно правящий класс при вялом сопротивлении других групп населения разрушил социум и государство. Новый правящий класс формировался главным образом за счет разгосударствления собственности и масштабного перераспределения общественного богатства при падении производства и потребления, а не их роста. В геополитическом смысле крах мировой социалистической системы (1989) и последовавший за этим крах Советского Союза (1991) означали полную на тот исторический момент победу мировой капиталистической системы. Анализ развала СССР имеет принципиальное практическое значение для современной России, потому что в стране вновь сформировались номенклатура и административно-командная система.

Ключевые слова: крах СССР • путч 1991 года • современная Россия • перестройка • реформы Гайдара • правящий класс • номенклатура

DOI: 10.31857/S013216250015528-3

Стремительный крах СССР является нетипичным историческим событием, вызывающим много вопросов. В связи с 25-летием этого события «известный американский политик Г. Киссинджер, рассуждая об эффекте распада СССР, писал, что ни одна великая держава никогда не дезинтегрировалась настолько полно и настолько быстро без поражения в войне»¹. За три десятилетия накопилась обширная историография вызывающей удивление катастрофы 1991 года, в которой есть анализ ее внешних и внутренних, объективных и субъективных причин и факторов. Появилось и много работ, содержащих обзор имеющихся версий и концепций [Коршунов, Кочеткова, 2014].

Данная статья содержит размышления автора о смысле и последствиях событий 1991 года, анализом которых он занимался, работая в то время руководителем сектора политического анализа и прогноза в структуре ЦК КПСС, а также в последующее тридцатилетие. Статья основана на личных наблюдениях автора и беседах с большим числом непосредственных участников событий, аналитиков и исследователей.

Накануне перестройки. Почти 30 лет назад автор сформулировал тезис о нарастании настроений капитуляции в советском обществе, условно говоря, после 1968 г. Эти настроения охватывали, хотя и не равномерно, практически все группы населения. «В 1970–1980-х годах в обществе зарождалось смутное ощущение того, что страна проиграла историческое соревнование Западу. Практически во всех социальных слоях нарастали настроения психологической капитуляции. В разных социальных группах они приобретали различные формы, но общей их результирующей было утверждающееся мнение, что “там”, “у них” лучше. И кино, и музыка, и тряпки там лучше, и свободы у них больше.

¹ Мельник Г. Можно ли было спасти СССР? // Парламентская газета. 2016. 22 ноября.

Официальная идеология пыталась противиться таким умонастроениям, но делала это бездушно и казенно. Этнос психологически надломился, росло отчуждение от всего своего, терялась общенациональная идея, жизненная философия людей вырождалась в банальное потребительство, в слепую страсть – успеть пожить» [Семенов, 1993: 26].

В 1970-х – начале 1980-х гг. особо остро ощущалось нарастающее технологическое отставание СССР от передовых стран Запада. Научные и инженерно-технические работники ясно видели, что научно-техническая революция, на которую возлагались огромные надежды, в стране фактически не состоялась. Исключение составлял лишь военно-промышленный комплекс. Многие представители научного и управленческого сообществ высказывали озабоченность по поводу требующих решения проблем. Ясно осознавалось, что необходимы реформы. Но тогда речь шла в основном еще об отдельных проблемах и локальных реформах. Казалось, что развитие социалистического общества в целом, отдельных его сфер и институтов возможно за счет совершенствования, без радикального изменения принципов организации их жизнедеятельности.

С середины 1980-х гг. характер обсуждения проблем развития общества коренным образом изменился – стали говорить о необходимости комплексной реформы как глубокого системного преобразования. Конструктивных идей, впрочем, было немного, вместо конструктивности предлагалась радикальность. Разум целенаправленной системной реформы уже отступал под напором безумия радикальной революции.

Реформа по своей сути – это созидательное, а не разрушительное действие; изменение системы в направлении ее развития, а не деградации; изменение целостное, а не фрагментарное и хаотичное. Но с 1987 г. даже руководство правящей партии в лице М.С. Горбачева заговорило о перестройке не как о реформе, а как о «революционном» преобразовании социалистического общества. В книге М.С. Горбачева «Перестройка для нашей страны и для всего мира» утверждалось: «Очень важно не “засидеться” на старте, преодолеть отставание, вырваться из трясины консерватизма, сломать инерцию застоя. Это невозможно сделать эволюционно, с помощью робкой, ползучей реформы» [Горбачев, 1987: 48]. Сам ее автор, возможно, считал, что набор использованных им клише является системой реальных мер, позволяющих осуществить преобразование общества. Значительная часть общества в то время уже думала глубже и видела дальше.

Во второй половине 1980-х гг. в интеллектуальной среде страны бурно обсуждалась идея глубокого преобразования общества и выстраивания его на основе принципов рынка и демократии. Идеологема рынка и демократии была сутью реформаторской идеологии, выработанной советской интеллигенцией в соавторстве с частью партийной номенклатуры. Рынок и демократия были при этом скорее символами и метафорами, чем конструктивными целями, а «само требование перехода к рынку носило в своих истоках моральный, а не экономический характер» [Яременко, 1998: 36]. В обществе доминировало представление, согласно которому рынок и демократия либо в условиях *обновленного социализма* (коммунисты), либо *вместо социализма* (оппозиционная интеллигенция) позволят стране преодолеть остро ощущавшееся критически опасное отставание от развитых стран Запада.

Огромное отставание страны в технологическом развитии признавалось даже официальной идеологией. Так, в 1989 г. М.С. Горбачев в одной из своих статей писал, что в годы «застоя» и «упущенных возможностей» в СССР «недооценили значения совершившегося переворота в науке и технике и не сделали практических шагов в этом направлении, хотя и много говорилось о необходимости соединения достижений НТР – причем новейшего его этапа – с преимуществами социализма. В результате в общецивилизационном плане в ряде важных сфер и направлений мы остались как бы в прошлой технологической эпохе, а страны Запада перешли в другую – эпоху высоких технологий, принципиально новых взаимосвязей науки и производства, новых форм жизнеобеспечения людей, вплоть до быта» [Горбачев, 1989: 10].

Корни отставания при этом виделись (в зависимости от идеологической платформы наблюдателя) либо в технологическом базисе общества, низком научно-техническом

уровне производства, пропущенной научно-технической революции, либо в экономическом и политическом строе, в социализме и коммунистической идеологии. Сторонники идей рынка и демократии были чрезвычайно неоднородны по составу, а их временное идеологическое единство – крайне неустойчивым, ситуативным и даже иллюзорным. Своего рода манифестом этой неустойчивой эклектической идеологии рыночно-демократической реформы советского общества был сборник статей «Иного не дано» [1988].

Уже в начале 1989 г. на первом Съезде народных депутатов СССР это единство разрушилось и ясно обозначились две стратегии рыночно-демократических реформ. Одна рассматривала рынок и демократию как способ системного *преобразования социализма*, другая считала их *альтернативой социализму*, способом избавления от него. Борьба этих стратегий закончилась в 1991 г. крахом СССР и социализма. В отличие от КНР, в России возобладавала вторая стратегия.

Перестройка как механизм саморазрушения. Перестройка оказалась не реформой существующей системы, а механизмом ее саморазрушения, способом суицида. Это относится и к социуму в целом, и к отдельным его сферам, в частности к науке, на примере которой хорошо видно, что в годы перестройки реформа науки не состоялась (впрочем, не состоялась она и в постсоветский период [Семенов, 2021]). Доминировали не те действия и шаги, которые могли бы конструктивно трансформировать малоэффективный, но все еще дееспособный национальный научно-технологический комплекс и обеспечить его управляемый переход в новое состояние, а действия в духе «демонтажа» и «слома», лишь повреждающие и расшатывающие прежнюю, пусть устаревшую, но целостную конструкцию. Такой же была и перестройка всего социума в целом.

Разумеется, встает вопрос: почему все так произошло? По мнению преобладающего большинства исследователей, перестройка произвольно, почти случайно, запустила процесс дезорганизации и саморазрушения общества. «Сама перестройка, – по словам экономиста Ю.В. Яременко, – поначалу ничего неожиданного не предвещала, она была очередной идеологической кампанией. Но эта кампания повлекла за собой некоторые политические сдвиги, которые сделали ситуацию неуправляемой. Они показали, до какой степени все прогнило» [Яременко, 1998: 116].

Соглашаясь с оценкой утраты управляемости как ключевого фактора процесса разрушения общества, не поддерживаю мнения о первоначально чисто идеологическом характере перестройки. Думаю, что исходно это был процесс демонтажа политической системы. В 1990–1991 гг. автор имел возможность общаться с рядом людей из окружения руководства страны. По одному из свидетельств, «в своем кругу» руководители (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Медведев) говорили, что «главная задача – это ликвидация самодержавия КПСС». Именно успешное решение этой задачи в 1990 г. привело к разрушению политической системы и утрате управляемости, а в конечном итоге – к обрушению всей структуры социума и разрушению страны в 1991 г.

Номенклатура. Отметив нарастающее технологическое и экономическое отставание страны от наиболее развитых стран мира, а также массовое разочарование советских людей в существующих порядках и массовую психологическую капитуляцию перед Западом, особо выделяю роль советской бюрократии в крахе страны. Известный экономист Ю.В. Яременко, член ЦК КПСС (1990–1991) и экономический советник М.С. Горбачева (1991), предложил, полагаю, наиболее верное объяснение, из чего возникла перестройка и что предопределило ее закономерный итог. Сделано это им было в последние годы жизни, уже после гибели СССР, в основном не в публикациях, а в выступлениях и частных беседах (в том числе с автором этих строк). К счастью, замечательные записи своих бесед с Ю.В. Яременко сделал и опубликовал его коллега С.А. Белановский [Яременко, 1998].

По мнению Ю.В. Яременко, причины саморазрушения коренятся в особом пирамидальном устройстве советского общества и в той роли, которую в нем играла бюрократия. К сталинскому периоду он относит формирование «социальных страт с разным уровнем привилегий», в результате чего сложилось общество, которое «было сословным, причем

каждое вышестоящее сословие обладало определенными привилегиями». Это была «иерархия социальных сред», «иерархически построенная система социальных гарантий» [Яременко, 1998: 111]. Такая система обеспечивала «высокую мотивацию продвижения по социальной лестнице» [там же: 30]. Аналогичным образом выстраивалась «технологическая структура экономики». Она имела «пирамидальное строение», иерархию «технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов» [там же: 102]. Технологическую и социальную пирамиды объединял лежащий в их основе принцип распределения ресурсов: «Вся социальная структура нашего общества в какой-то степени была подстроена под структуру распределения ресурсов, коррелировала с ней» [там же: 110].

Советское общество рассматривалось Ю.В. Яременко как пирамида, состоящая из четырех ступеней. Первую из них заполняли массы самых пораженных в своих правах граждан – заключенные (зэки), вторую – беспаспортное крестьянство, третью – рабочие и другие рядовые горожане, четвертую – номенклатура. Учитывая урбанизацию, сокращение доли сельского населения и доли нижней страты, пирамида все больше приобретала форму бочки. Такое общественное устройство, говорил он, побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень. Только номенклатуре некуда было расти внутри системы, и она ориентировалась на «заграницу» – устраивала детей в соответствующие вузы и на последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п.

Именно номенклатура оказалась актором перестройки, а ее коррумпированная часть – главным бенефициаром краха общественной системы и страны. Номенклатурная верхушка, прежде всего ее коррумпированная часть, разрушила всю пирамиду в процессе перестройки. Именно разрушила, а не реформировала, не модернизировала или каким-то другим образом трансформировала в новое состояние. Общество в целом было плохо готово к другому варианту развития, к реформе, что и было «экспериментально установлено» в ходе реформы начала 1990-х гг.

Эта история поучительна и исключительно важна для современной России, поскольку в стране в целом воспроизвелись и номенклатура, и административно-командная система управления, хотя и не тождественные прежним советским прототипам периода «развитого социализма», но относящиеся к тому же историческому типу. По характеристике О.И. Ожерельева, произошел лишь переход от «бюрократо-социализма» к «бюрократо-феодальному капитализму» [Ожерельев, 2016: 94-117]. И вновь, как в годы перестройки, оценки роли номенклатуры в современной жизни России и в решении ее будущей исторической судьбы резко расходятся (показательна в этом отношении дискуссия между Ю.А. Нисневичем [2018] и А.В. Новокрещеновым [2020]).

Разгосударствление. Еще в годы перестройки ее главный идеолог А.Н. Яковлев писал о необходимости разгосударствления собственности в целях ликвидации экономического базиса монопольной власти бюрократии. «Механизм застоя», по его словам, основывался на экономическом базисе государственной собственности: «В сфере базиса такой причиной стала практическая абсолютизация государственной собственности. Приравнение ее к высшей форме собственности – общенародной, что на деле обернулось приматом администрирования, расширением пространства для бюрократизма... Отсюда стремление "огосударствить" все и вся, связывая любые успехи, достижения с административными методами управления» [Яковлев, 1987: 12–13].

После краха СССР формирование нового правящего класса осуществлялось главным образом за счет разгосударствления. Как уже отмечалось [Семенов, 2021], интересы новой власти были связаны с форсированным разгосударствлением и скорейшим формированием «класса собственников». Скорость преобразований в 1990-е ставилась выше качества и эффективности. Кому пришлось в то время взаимодействовать с министерствами и правительством, хорошо знают, что в тех кругах открыто говорилось: не важно, в какие руки сейчас перейдет собственность, первоначальный состав класса

собственников не может быть качественным и эффективным, зато потом «пена сойдет» и рынок все расставит по своим местам.

Характерно, что и через четверть века главным результатом реформы Е.Т. Гайдара ее бенефициары считают именно и только появление в стране частной собственности, оставляя без внимания вопросы способов ее формирования, качества возникшего класса собственников и цены, заплаченной страной за «первоначальное накопление». Так, в связи с 25-летием реформ Гайдара О.В. Вьюгин говорил, что «если одним словом назвать суть реформ 90-х годов, то это – частная собственность... Все остальное – это то, что должно было последовать за частной собственностью» [Российская экономика..., 2016: 6]. По его мнению, главное, что «все-таки произошло юридическое оформление прав собственности на советское наследие... Наследие было очень богатое, и произошло юридическое оформление частной собственности на средства производства» [Российская экономика..., 2016: 7]. Полемизируя с этой точкой зрения, академик В.М. Полтерович заметил, что, по подсчетам А. Маркевича и М. Харрисона [2013], «относительные потери ВВП в 90-е годы в России были выше, чем суммарные потери за годы террора и годы Второй мировой войны. При оценке реформ мы должны абстрагироваться от этих потерь или все-таки их тоже учесть?» [Российская экономика..., 2016].

Способ формирования класса собственников самым существенным образом сказался на его качестве и на качестве самого института частной собственности. К. Рогов замечает по этому поводу, что «большинству постсоветских стран удалось создать рыночную экономику, основанную на свободном ценообразовании, относительной свободе предпринимательства и свободе распоряжения прибылью, но не удалось воспроизвести или утвердить институт собственности в том виде, какой он приобрел на Западе» [Рогов, 2021: 42].

Новый правящий класс. Разгосударствление было не единственным, но важнейшим механизмом формирования нового правящего класса. Еще в 1993 г. нами уже было предложено видение происходящего со страной: «Подлинный исторический смысл происходящего в России и с Россией состоит в смене классовой элиты, в формировании нового правящего класса, подминающего под себя общество и обустроивающегося в нем. Именно этим, вкупе с глобальным геополитическим противоборством стран и их группировок на становящейся все более тесной планете, объясняется то, что уже произошло с Союзом и теперь происходит с экономикой и государственностью России. Внутренний процесс ломки общества нарождающимся и обустроивающимся новым правящим классом сомкнулся с мощнейшим внешним давлением на страну. Холодная война закончилась хладнокровным добиванием капитулировавшего и раздираемого внутренними противоречиями побежденного» [Семенов, 1993: 26].

Катастрофа страны в 1991 г. открыла путь масштабному имущественному расслоению общества. Практически одновременно в 1992 г. разрыв в доходах между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных вырос с 3,5 раза до 16 раз, что превысило уровень неравенства в Западной Европе и США в тот период. Прежний средний класс, в который входили инженерно-технические и научные работники, профессорско-преподавательский и офицерский корпус, квалифицированные рабочие, другие группы, перестал существовать. Новый средний класс, о чем постоянно говорилось в начале 1990-х гг., долго не формировался. Реально шел процесс стремительной поляризации общества по уровню доходов. И этот процесс был результатом сознательной политики группы радикалов, захватившей власть в стране и выражавшей интересы бенефициаров разгосударствления собственности.

Существуют совершенно откровенные высказывания Е.Т. Гайдара и других представителей руководства государства того времени о сознательном форсировании масштабного расслоения. Так, Е.Т. Гайдар писал: «Шанс на спасение [России. – Прим. Е.С.] был единственный – скинуться на стартовый капитал для реформы всем миром», что было,

по его мнению, необходимо для форсированного создания «социальной базы реформ»². Стремительно осуществленное мощное расслоение общества было запланированным результатом государственной политики, а не ее *побочным* продуктом. Ограбленное население страны, оказывается, «скинулось» на стартовый капитал для реформы, т.е. на миллиардные состояния небольшого числа кланов, связанных с «семьей» Б.Н. Ельцина.

Для характеристики способа формирования нового правящего класса важно учитывать не только то, что он создавался за счет форсированного масштабного перераспределения собственности, но и то, что это перераспределение происходило на основе значительного падения производства. Гигантский перераспределительный процесс подавил производство и научно-технологическое развитие, закон и государство, культуру и нравственность. Страна была принесена в жертву новой классовой «элите».

В межвидовой борьбе «элит» новые хозяева жизни одолели прежнюю расслабленную номенклатуру. Но является ли это благом для страны? Прежняя номенклатура была неэффективно хозяйствовавшим, но и относительно дешевым классом. Это обычная картина для бедных обществ. Новый класс дорого стоит обществу, хотя его деловые и гражданские качества более чем сомнительны. Будь мы – граждане – тогда менее экзальтированы и более разборчивы в своем отношении к назревшим, но трудным переменам, наш выбор оказался бы ответственнее, а последствия его – не так плачевны.

Второй раз за XX в. – после «революции» в начале века и «реформы» в его конце – в стране родился правящий класс, способом экономического утверждения которого было не созидание, а насильственное перераспределение в свою пользу чужой собственности. И вновь первыми непосредственными результатами его деятельности оказались деградация экономики и распад государственности.

Геополитический смысл. До 1991 г. в мире «совражествовали» две самодостаточные системы – капиталистическая и социалистическая. Более полувека казалось, что социалистическая система теснит капиталистическую. Но в последней четверти века все полностью перевернулось: от социалистической системы отпал и прилепился к капиталистической системе коммунистический Китай, затем разрушился весь социалистический лагерь в Центральной и Восточной Европе и, наконец, обрушился Советский Союз.

В чем исторический смысл этого процесса? Полагаем, что выигравшая историческое соревнование мировая капиталистическая система занялась разборкой проигравшей системы на запчасти и их утилизацией. Такой осколок СССР, как Россия, не монтируется в доминирующую мировую капиталистическую систему. Поэтому-то для западного мира стоит вопрос о продолжении дробления остатков побежденной системы, т.е. России. Но в данном случае Запад столкнулся с более крепкой целостностью, чем СССР или, тем более, социалистический лагерь. И сейчас либо распадом России продолжится 1991 год, либо глобальный процесс в силу устойчивости России каким-то образом изменит направленность.

Говоря о прошедшем после краха коммунистической системы 30-летию, болгарский исследователь И. Крастев называет его эпохой подражания или эпохой имитации. По его словам, «именно 1989 год ознаменовал начало» этой эпохи. Но «после первоначального увлечения идеей копирования западной модели в разных частях мира, лишенного политических и идеологических альтернатив, поднимается все более явное отвращение к политике подражания. Именно это отсутствие альтернатив, а не гравитационное притяжение авторитарного прошлого или исторически укоренившаяся враждебность к либерализму лучше всего объясняет антизападные настроения, преимущественно доминирующие сегодня в посткоммунистических обществах» [Крастев, 2021: 48]. Псевдокапитализм периферии развитого капиталистического мира – возможное будущее России, если правящий класс страны продолжит выпрашивать себе место в его прихожей и если российское общество не найдет в себе сил освободиться от господства компрадорских кланов.

²Гайдар Е. В год Петуха должен наступить рассвет // Комсомольская правда. 1993. № 5.

Изучение краха СССР в 1991 г. имеет принципиальное практическое значение для современной России, потому что в стране вновь сформировались номенклатура и административно-командное управление, и потому, что победившая мировая капиталистическая система приступила к непосредственному поглощению России, как последнего крупного осколка поверженной системы. От способности России выстоять в этой геополитической борьбе принципиально зависит направление дальнейшего глобального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбачев М.С. Перестройка для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.
- Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Коммунист. 1989. № 18. С. 3–20. Иного не дано / Под ред. Ю.А. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
- Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Историография Распада СССР // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259> (дата обращения: 28.05.2021).
- Крастев И. Тернии «нормальности»: конец эпохи имитации // Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя. Кол. моногр. / Под ред. К. Рогова. М.: НЛО, 2021. С. 46–65.
- Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.
- Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 143–151. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
- Новокрещенов А.В. Номенклатура как кадровая технология и механизм государственного управления (по поводу статьи Ю.А. Нисневича) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 132–137. DOI: 10.31857/S013216250008331-7.
- Ожерельев О.И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М.: Худ. лит-ра, 2016.
- Рогов К. Введение: драма ожиданий/драма пониманий: тридцать лет транзита и споров о нем // Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя. Кол. моногр. / Под ред. К. Рогова. М.: НЛО, 2021. С. 8–45.
- Российская экономика: обособленность и устойчивость: К 25-летию рыночных реформ. Вып. 83 / Под ред. Н.М. Румянцевой. М.: Никитский клуб, 2016.
- Семенов Е.В. Несостоявшаяся реформа науки // ЭКО. 2021. № 3. С. 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139.
- Семенов Е.В. Смысл происходящего, контуры грядущего // Alma mater. 1993. № 5. Вып. 2: Лики России. С. 26–30.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Яковлев А.Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 12–13.
- Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: ЦИС, 1998.

Статья поступила: 31.05.21. Принята к публикации: 30.06.21.

A LONG ECHO OF 1991: SOCIAL MEANING OF COUNTRY'S DISASTER

SEMENOV E.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Evgeny V. SEMENOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (eugen.semenov@inbox.ru).

Abstract. The article deals with social meaning of the collapse of the USSR (seen as a result of the actions of the Soviet Nomenklatura) in context of the struggle between socialist and capitalist world-systems. The social structure of Soviet society, according to the theory of Yu.V. Yaremenko, had a pyramidal structure and consisted of four strata-estates. The bureaucratic nomenclature that made up the ruling class, unlike other strata, did not have opportunities for internal vertical growth and was focused on integration into Western society. This ruling class, despite sluggish resistance of other social groups, destroyed society and the state altogether. A new ruling class took shape mainly due to the denationalization of property and through large-scale redistribution of social wealth,

complemented with drop in production and consumption, rather than their growth. In a geopolitical sense, the collapse of the global socialist system (1989) and subsequent collapse of the Soviet Union (1991) meant complete victory of the world capitalist system at a particular historical moment. From that moment on, the continuing absorption of the fragments of the defeated system by the winning system began. Collapse of the USSR in 1991 is of fundamental practical importance for contemporary Russia. First, because the nomenclature and the administrative-command system have re-formed in the country, and, second, because victorious global capitalist system has begun to directly absorb Russia, as the last remaining large fragment of the defeated system. Such absorption became possible either due to the fragmentation of the country, or due to its transformation into the periphery of the developed capitalist world. This, in turn, presupposes an isolation of the country and keeping it in a state of technological and economic backwardness. The direction of further global development fundamentally depends on Russia's ability to withstand this geopolitical struggle.

Keywords: collapse of the USSR, putsch of 1991, contemporary Russia, perestroika, Gaidar's reforms, ruling class, nomenclature.

REFERENCES

- Afanasiev Yu.A. (ed.) (1988) *Nothing Else is Given*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1987) *Perestroika for our Country and for the Whole World*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1989) The Socialist Idea and Revolutionary Perestroika. *Kommunist* [Communist]. No. 18: 3–20. (In Russ.)
- Korshunov M.M., Kochetkova M.V. (2014) Historiography of the Soviet Collapse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches]. No. 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259> (accessed 28.05.2021). (In Russ.)
- Krastev I. (2021) Thorns of "Normality": The End of the Era of Imitation. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 46–65. (In Russ.)
- Markevich A., Harrison M. (2013) *World War I, Civil War, and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. (2018) Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum in the post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 143–151. DOI: 10.31857/S013216250000769-8. (In Russ.)
- Novokreshchenov A.V. (2020) Nomenclature as Personnel Technology and a Mechanism of State Administration (regarding Yu.A. Nisnevich's article). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 132–137. DOI: 10.31857/S013216250008331-7. (In Russ.)
- Ozheryev O.I. (2016) *Ideals and Crimes. Recent History of Russia: Dialectics of Events*. Moscow: Hud. lit-ra. (In Russ.)
- Rogov K. (2021) Introduction: Drama of Expectation/Drama of an Understanding: Thirty Years of a Transit and Disputes About it. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 8–45. (In Russ.)
- Rumyantseva N.M. (ed.) (2016) *Russian Economy: Isolation and Stability. On the 25th Anniversary of Market Reforms*. Iss. 83. Moscow: Nikitskiy Klub. (In Russ.)
- Semenov E.V. (2021) A Failed Reform of Science. *EKO* [ECO]. No. 3: 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139. (In Russ.)
- Semenov E.V. (1993) Meaning of Things Happening, Contours of Things Coming. *Alma mater*. No. 5. Iss. 2: Faces of Russia: 26–30. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) *Phantoms of a Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Yakovlev A.N. (1987) Achieving a Qualitatively New State of Soviet Society and Social Sciences. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 12–13. (In Russ.)
- Yaremenko Yu.V. (1998) *Economic Conversations*. Recorded by S.A. Belanovsky. Moscow: TsIS. (In Russ.)

Received: 31.05.21. Accepted: 30.06.21.

Н.Е. ТИХОНОВА

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЕЦ 1980-х – КОНЕЦ 2010-х гг.

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (netichon@rambler.ru).

Аннотация. Охарактеризованы специфика социальной структуры советского общества, трех этапов ее трансформации в период с конца 1980-х до конца 2010-х гг. и модели стратификации современного российского общества. Зафиксировано, что ключевые основания социальной дифференциации позднесоветского общества (сращенность власти и собственности, роль немонетарных привилегий и т.д.) сохраняли свое значение весь этот период, хотя в 1990-х гг. исчезла значимость для стратификации доступа к «дефициту», а с конца 2000-х начала сокращаться и значимость наличия высшего образования. При этом уже в 1990-е гг. резко выросла роль таких факторов социальной дифференциации, как накопленное богатство, текущие доходы, устойчивость занятости и ресурс социальных сетей, а с 2000-х гг. – наличие в занятости признаков прекарности, а также социальное происхождение человека. Продемонстрировано, что социальная структура России состоит сейчас из четырех основных макрогрупп: «верхушки» общества, сосредоточившей основной объем власти и собственности (верхние 5%), и трех противостоящих ей страт, объединяющих представителей массовых слоев населения. В числе последних – привилегированная на фоне остальных россиян страта, составляющая чуть менее 20%; медианная страта, включающая около половины всего населения и задающая типичный для современной России стандарт жизни; нижняя страта, объединяющая около четверти россиян, в жизни которых доминируют нетипичные для среднего россиянина депривации и риски. При определении места в стратификационной иерархии двух первых из этих макрогрупп решающую роль играют объем и характер ресурсов, определяющие их место на разного рода рынках (в том числе на рынке труда), что позволяет рассматривать их как базу формирования высшего и среднего классов. Однако для попадания в состав медианной или нижней страт решающую роль играют неравенства неклассового типа (возраст, здоровье, состав семьи и т.п.).

Ключевые слова: социальная структура • социальная стратификация • страты • социальные неравенства • российское общество

DOI: 10.31857/S013216250014308-1

Последние три десятилетия привели к серьезным переменам не только в экономической, но и в социальной жизни страны, резко изменили структуру российского общества. Как она выглядела в начале этих преобразований и как изменилась за это время? Под влиянием каких факторов произошли эти изменения? И, главное, как выглядит эта структура сегодня?

Основные этапы эволюции социальной структуры России. Советское общество характеризовалось слиянием властных отношений с отношениями собственности. Реальную основу социальной структуры составляло в нем, прежде всего, место в системе властных отношений, в том числе контроля над распределением всех видов ресурсов. Соответственно, общество разделялось на две основные группы: 1) «управляющие», выполнявшие распорядительные и распределительные функции, и 2) «управляемые», т.е. рядовые работники, различия между которыми были весьма относительны. При определении статуса «управляющих» решающую роль имели объем и характер властных полномочий, которыми они располагали. Для определения статуса «управляемых» (рядового населения) решающее значение имели должность и работа в приоритетных отраслях,

куда направлялось значительно больше ресурсов, чем в обычные отрасли. И то, и другое в значительной степени зависело от образования человека. Большое значение в определении статуса имели также регион и тип населенного пункта, в которых он проживал.

Все эти объективные факторы влияли на положение представителей массовых слоев населения в структуре общества, определяя не только степень их благополучия и особенности занятости, но и престиж положения. Отражением особенностей положения рядовых россиян в стратификационной системе¹ выступало тогда, прежде всего, наличие имевшихся у них привилегий (престижной работы, хороших условий труда, лучшего медицинского обслуживания и т.д.). Привилегии эти были очень разными по своему характеру, но именно они отражали наиболее важные формы существовавшего в обществе социального неравенства в труде и потреблении.

Социальная структура советского общества включала десятки групп, но укрупненно состояла из четырех:

1) рабочих, колхозников и массовой интеллигенции, составлявших гомогенное большинство общества, чей стандарт жизни воспринимался как «типичный» для общества в целом. Именно по отношению к ним на шкале социальных статусов и начинался отсчет вверх или вниз. Наиболее бедная их часть хотя и имела (как правило, в силу специфики семейного положения) доходы ниже остальных, все же была в состоянии вести почти общепринятый образ жизни, и в этом смысле не составляла особой социальной группы;

2) расположенных выше них в социальной иерархии сравнительно немногочисленных (от 13 до 20–30% населения страны по разным оценкам [Стариков, 1990; Наумова, 1990]) привилегированных слоев, включавших руководителей небольших предприятий, среднее звено руководителей крупных предприятий, высококвалифицированных специалистов, а также тех, чья основная деятельность предполагала возможности неформального перераспределения благ;

3) расположенных в этой иерархии ниже основной массы населения немногочисленных люмпенов (социального дна);

4) противостоявших всем им «управляющих»². В конце 1980-х гг., когда появились представители малого бизнеса, они вошли в основном в состав второй из этих групп.

Ключевой особенностью социальной структуры, с которой Россия вступила в полосу резких трансформаций, выступала, впрочем, не только роль власти и привилегий как ключевых оснований, определяющих место человека в социальной иерархии, но и то, что монетарные формы неравенства играли в ней для определения статусной позиции человека относительно небольшую роль. Во многом это обуславливалось тем, что глубина самих этих неравенств была невелика. Так, даже в 1992 г., в момент начала масштабных экономических реформ, децильный коэффициент фондов, демонстрирующий глубину разрыва в доходах верхних и нижних 10% населения, достигал всего 8 раз.

Ситуация полностью изменилась с началом рыночных реформ. В 1990-х гг. в России одновременно развернулись сразу несколько процессов, влиявших на формирование как новых оснований, так и новых элементов ее социальной структуры. В числе этих процессов были, во-первых, возникновение свободного рынка товаров и услуг и постепенное его насыщение с одновременной утратой связи многих немонетарных форм неравенства с местом работы. Во-вторых, становление частного сектора, снизившее защищенность прав работников и усилившее их дифференциацию по этому признаку. В-третьих, для наиболее квалифицированных специалистов в частном секторе в 1990-е гг. заметно повысилась

¹ Термин «стратификационная система» используется в статье как синоним «социальной стратификации» и «статусной иерархии». Все они описывают вертикально организованную модель социальной структуры, характерную и для современной России.

² Деление населения страны при анализе социальной структуры общества на «управляющих» и «управляемых» утвердилось в отечественной науке с конца 1980-х гг. и неоднократно использовалось впоследствии, став уже устоявшимся. Подробнее о социальной структуре позднесоветской эпохи см.: [Заславская, 1996; Радаев, Шкаратан, 1996; Тихонова, 1999; Шкаратан, 2012].

роль образования и квалификации, экономическая отдача от которых возросла. В-четвертых, усилилось разнообразие социальных структур крупных территориальных общностей. В-пятых, произошло колоссальное углубление социальной дифференциации и резкое увеличение численности «социальных низов»: доля населения со среднедушевыми доходами менее одного прожиточного минимума возросла, судя по данным ФГГС РФ, с 2,8% в 1989 г. до 28,4% к 1999 г., когда она достигла своих «пиковых» значений [СССР..., 1990: 79]. В-шестых, активно шедшая в 1990-х гг. структурная перестройка экономики вызвала «проседание», в том числе и с точки зрения престижности занятости в них, одних отраслей (например, ВПК) и бурный рост других (например, финансовой сферы). В-седьмых, «существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если в стратификации советского общества доминировал административно-должностной критерий, то к середине 1990-х годов решающую роль приобрел критерий собственности и доходов» [Заславская, 1996: 18].

Завершение первого этапа трансформации социальной структуры российского общества ознаменовалось кризисом 1998–1999 гг. и сменой руководства страны. Пришедшийся на 2000-е гг. второй этап этой трансформации характеризовался прежде всего завершением структурной перестройки российской экономики и активизацией реализуемой государством социальной политики. Под влиянием этих факторов произошел своего рода разворот ряда тенденций. На фоне стабилизации всех показателей распределения доходов значительно (до 13,0% даже в кризисном 2009 г.) сократилась бедность и заметно выросло текущее потребление всех слоев населения. Таким образом, именно в этот период одновременно с ростом доходов подавляющего большинства населения сложились устойчивые пропорции распределения общего «пирога» этих доходов между массовыми группами населения и модель доходной стратификации российского общества в целом [Модель..., 2018].

Одновременно с развитием позитивных тенденций получили развитие и негативные процессы, также не характерные для предшествующего этапа. Произошло сокращение числа предпринимателей, остановился рост отдач на образование работников [Лукиянова, 2010], начала расти для восходящей социальной мобильности роль ресурса социальных сетей [Тихонова, 2014]. Кроме того, хотя кризисные явления в области занятости в этот период не имели столь массового характера, как в 1990-е гг., однако сформировался сегмент занятости, которую можно охарактеризовать по ее типу уже не как ситуационно-кризисную, а как устойчиво прекарную [Тощенко, 2018]. Нарушение базовых трудовых прав работников стало новой нормой, а не антикризисной мерой. Стабильность основных показателей модели доходной стратификации сопровождалась углублением неравенства по накопленному богатству, а также усилением связи власти и собственности. И хотя все сформировавшиеся на этом этапе негативные тенденции смягчались общим ростом благосостояния, но в институциональном отношении «коридор возможностей» для восходящей мобильности россиян или защиты ими своих интересов на рынке труда в данный период резко сузился.

Проблемы эти властью частично осознавались, свидетельством чему стало выдвижение лозунгов о необходимости создания 25 млн высокотехнологичных рабочих мест с высокой оплатой труда, а также о необходимости формирования в стране массового среднего класса. Однако обе эти задачи так и не были решены. В результате социальная структура российского общества приобрела к концу 2000-х гг. следующий вид: верхние 5% в социальной иерархии составляли «управляющие», которым противостояла основная масса населения, из которых верхняя треть обладала различного рода ресурсами, приносящими, впрочем, разную отдачу. В итоге как хорошо обеспеченных можно было характеризовать чуть менее половины этой трети, а остальные являлись среднеобеспеченными. Около 60% составляли низкоресурсные и безресурсные слои населения. По уровню и качеству жизни в зависимости от места проживания и семейной ситуации (наличия в семье детей, лиц с плохим здоровьем и т.п.) они делились на, во-первых, объединявшие примерно десятую часть россиян «бедствующие низы», во-вторых, еще 15–20% россиян, чье

положение не было столь драматичным, но все же характеризовалось доминированием нетипичных для населения в целом признаков депривации, и, в-третьих, треть населения, которая имела «нормальные» с точки зрения большинства россиян стандарты повседневной жизни, присущие также упоминавшейся выше относительно менее благополучной половине ресурсообеспеченной части населения.

В 2010-е гг. внешние условия для социально-экономического развития России резко ухудшились из-за череды экономических кризисов и санкций. В результате на третьем этапе эволюции социальной структуры российского общества действие части сформировавшихся ранее негативных тенденций усилилось и появились новые. Так, рост реальных денежных доходов массовых слоев населения не только прекратился, но в 2020 г. по отношению к началу 2010-х гг. они даже сократились. Доля бедных уже более не характеризовалась устойчивой тенденцией к сокращению, а, колеблясь в зависимости от экономической ситуации, устойчиво находилась в диапазоне 10,7–13,4%, причем ее стабильность обеспечивалась за счет развития уравнилельных тенденций и «подтягивания» групп с наименьшими доходами к медианным слоям [Модель..., 2018]. Ситуация с соблюдением базовых трудовых прав работников в ходе каждого нового кризиса все больше ухудшалась [Тихонова, 2017], а прекаризация занятости нарастала [Тощенко, 2018]. Роль социального происхождения для занятия наиболее привлекательных по их монетарным и немонетарным характеристикам рабочих мест в рамках любых профессиональных групп продолжила свой рост [Тихонова, 2014; 2021]. Это происходило на фоне начавшейся еще в 2000-х гг. стабилизации (а для некоторых профессиональных групп – и сокращения) отдач на образование [Тихонова, Каравай, 2018]. Продолжилось усиление связи власти и собственности и т.д.

В целом, по итогам тридцатилетней трансформации, к числу наиболее ярких изменений социальной структуры российского общества относятся: 1) резкое «растягивание по вертикали» шкалы социальных статусов с колоссальным углублением социальной дифференциации и отрывом «верхушки» общества от его подавляющего большинства; 2) появление отсутствовавших ранее социальных групп (бизнес-элиты, мелкие и средние предприниматели и т.п.); 3) значительный рост численности и изменение состава «низов» общества; 4) увеличение значимости факторов стратификации, связанных с социальным происхождением, предопределяющее все более закрытый характер социального воспроизводства; 5) рост роли характера занятости в определении места человека в стратификационной системе в связи с умножением многообразия форм трудовых отношений, ослаблением позиций на рынке труда у большинства работников и широким распространением прекарной занятости.

Наряду с этим сохранилось огромное влияние на место в системе стратификации таких факторов, как регион проживания, тип поселения, отрасль занятости и т.д. Число попавших на вновь образовавшиеся позиции «социальных низов» оказалось в 10 раз больше, чем число тех, кто получил возможность попасть на появившиеся на самом верху «социальной лестницы» новые структурные позиции [Тихонова, 2014]. При этом две ключевые особенности, определявшие в советское время модель его социальной структуры (сращенность власти и собственности, а также привилегированность положения в системе монетарных и немонетарных неравенств), сохранялись на протяжении всего этого периода даже несмотря на огромный рост значимости для социальной дифференциации неравенства доходов и богатства.

Особенности социальной структуры современной России. Сохранение значимости двух традиционных для России оснований стратификации означает, что при анализе социальной структуры, сложившейся сегодня в России, необходимо выделять два самостоятельных объекта, внутреннюю структуру которых следует анализировать по-разному. Один из них – «управляющие», хотя это уже существенно иная по своим функциям в обществе и составу группа, чем в советский период. Основания для структурирования ее членов связаны, прежде всего, с властью – политической, административной, экономической, символической и т.д., а также располагаемым богатством. Второй – это массовые

слои населения, которые и объективно, и субъективно противостоят этой «верхушке». Они также определенным образом структурированы внутри себя. Основания для определения места их представителей в социальной иерархии связаны, прежде всего, с привилегированностью их положения в различных областях жизни, концентрацией у них экономических, политических, квалификационных и административных ресурсов.

Причем «управляющие» – это не верхний дециль по доходам. Нижняя половина верхнего дециля получает мало отличающиеся от предшествующего дециля доходы и имеет практически тот же профессиональный, образовательный, возрастной и т.д. состав. Отрыв этого дециля от остального населения обеспечивает сейчас в России верхняя его половина, особенно верхний один процент. Доля приходящихся на него доходов составляла в России во второй половине 2010-х гг. примерно половину всех доходов этого дециля, что даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в КНР и посткоммунистических странах Восточной Европы [Novokmet et al., 2017]. Еще ярче тенденция все большего отрыва «верхов» от подавляющего большинства населения страны проявляется в отношении неравенств в распределении богатства. По состоянию на 2018 г. Россия находилась на 8-м месте среди 174-х стран, упорядоченных по убыванию этого неравенства [Credit, 2018: 114–117]. При этом по доле богатства, находящегося в собственности верхних 5 и 1% (74 и 57% соответственно), Россия находилась к концу 2010-х гг. на 2-м месте в мире, уступая только Таиланду [Credit, 2018: 157]. Если 3/4 богатств находятся в собственности 5% населения, то уже одно это говорит об их контроле над «правилами игры», существующими в обществе, а следовательно, оправданности характеристики их как «управляющих».

«Управляющие» являются в основном выходцами из групп, которые относились к числу высокоресурсных и в советской России [Тихонова, 2014]. В условиях перехода к рыночной экономике эти ресурсы были конвертированы ими в экономический капитал или использованы для наращивания других его видов, поскольку процесс первоначального накопления капитала протекал в условиях российской трансформации в форме бурной конвертации различных видов ресурсов друг в друга с формированием нового правящего класса. Одной из форм накопления первоначального капитала стала также легализация преступным путем нажитых в 1990-е гг. состояний. В итоге концентрирующая в настоящее время различные виды капитала группа «управляющих» является очень пестрой как по происхождению своих состояний, так и по составу, включая не только предпринимателей, но и «высшие эшелоны» госслужащих, представителей творческой элиты и даже бывших «братков».

Однако далеко не все выходцы из высокоресурсных групп советского общества оказались по итогам глобальной трансформации последнего тридцатилетия в составе «верхушки» российского общества [Тихонова, 2014]. Большая часть их, оставшаяся в основном на должностях профессионалов и руководителей, вошла в состав массовых слоев. То, что эта часть российского общества охватывается обычно репрезентативными общероссийскими социологическими опросами, значительно облегчает изучение ее внутренней дифференциации с точки зрения эмпирических данных. Однако методологически анализ внутренней структуры массовых слоев населения вообще и этой их подгруппы в частности является сложной задачей и может проводиться с точки зрения разных теоретических подходов. Одним из них является подход, при котором группы населения выделяются на основе специфики возможностей и жизненных шансов их представителей, с одной стороны, и испытываемых ими деприваций и рисков – с другой. Этот идущий в русле неовеберианской традиции подход исходит из того, что место индивидов в системе социальных неравенств отражается в привилегированности их позиций по отношению к некой существующей «норме» в различных сферах жизни, или наличию «избыточных» по отношению к ней видов депривации и/или рисков, т.е. того, что М. Вебер называл «негативной» привилегированностью [Weber, 1978]. При таком подходе к анализу социальной структуры общества неизбежно выделяется минимум три основные страты: 1) характеризующаяся

привилегированностью своих позиций по отношению к средней «норме»³, 2) характеризующаяся распространенностью нехарактерных для этой нормы рисков и деприваций, 3) промежуточная между ними и наиболее многочисленная по своему составу страта, от которой и ведется отсчет при анализе статусной иерархии⁴.

При эмпирическом⁵ применении этого подхода к условиям современной России оказывается, что привилегированная страта в составе массовых слоев населения (т.е. без учета «управляющих») в конце 2010-х гг. насчитывала менее 20% россиян⁶. Представители ее в массе своей (табл.) имеют высшее образование и являются выходцами из семей, где родители также имели высшее образование. Подавляющее большинство в ней составляют работающие, в основном это профессионалы и руководители. Особенности их рабочих мест говорят об их относительно более благополучном положении в системе производственных отношений, но даже около трети ее представителей имеют признаки прекарной занятости (не полностью «белую» зарплату, неполную оплату отпуска и т.п.), хотя на фоне основной массы россиян ее положение все же вполне благополучно. Благополучие ее проявляется и в том, что ее представители в большинстве своем оценивают свой статус в обществе как хороший и считают, что их жизнь в целом складывается хорошо.

Нижняя страта в составе массовых слоев российского общества, включающая около 1/4 массовых слоев⁷, характеризуется невозможностью поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни, и в этом отношении соответствует «депривационному» пониманию бедности. По специфике испытываемых ее представителями рисков и лишений нижняя страта похожа на наиболее массовую⁸ медианную страту, хотя концентрация их в ней выше. К числу основных особенностей ее состава относятся большая доля лиц пожилого возраста и сельских жителей, относительно худшее в среднем здоровье ее представителей, наличие в составе домохозяйств многих из них инвалидов, а не место ее представителей на рынке труда.

Три основные страты, составляющие массовые слои населения российского общества, имеют также отличительные особенности идентичностей, установок и нормативно-ценностных систем. Медианная и нижняя страты и в этом отношении ближе между собой, чем медианная и верхняя страты [Тихонова, 2020].

³Применительно к современному российскому обществу, как уже отмечалось выше, можно выделить минимум две группы с позитивной привилегированностью.

⁴Этот подход был разработан рабочей группой в составе Н.Е. Тихоновой (рук.), В.А. Аникина, А.В. Каравай, Ю.П. Лежниной, С.В. Мареевой и Е.Д. Слободенюк. В качестве основных «осей социальных координат» многомерного пространства возможностей и рисков, характеризующих сегодня жизнь населения России, в нем были выделены четыре сферы жизни: экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения человеческого капитала, сфера потребления и досуга. Для каждой из этих сфер на основе 3 индикаторов позитивной и 3 индикаторов негативной привилегированности рассчитывались соответствующие показатели. Теоретико-методологические и методические основания этого подхода к социальной стратификации, а также описание полученных с его использованием страт российского общества см.: [Каравай, 2019; Лежнина, 2019; Мареева, 2020; Слободенюк, 2019; Тихонова, 2018; 2020] и др.

⁵Эмпирической базой исследования выступили данные 3-й и 8-й волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН за октябрь 2015 г. и апрель 2018 г. ($N = 4000$), репрезентирующих население страны от 18 лет и старше по регионам проживания, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения. Контроль полученных результатов проводился на данных 24-й (октябрь 2015 – январь 2016 г., $N = 10209$) и 28-й (октябрь 2018 – январь 2019 г., $N = 9857$) волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ).

⁶В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 19,6% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 19,2%.

⁷В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 29,4% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 23,8%.

⁸В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 50,9% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 57,0%.

Таблица

Некоторые особенности представителей разных страт (в %)

Показатели	Нижняя страта	Медианная страта	Верхняя страта	Разрыв между полярными стратами (раз)
<i>Занятость (в % от работающих)</i>				
Самооценка как хорошей ситуации у себя на работе	9,6	24,3	58,5	6,1
Профессионалы и руководители	10,8	29,9	65,5	6,1
Рабочие и рядовые работники торговли и б/о	74,7	48,1	18,1	4,1
Наличие хотя бы одного признака автономности труда	32,6	49,1	67,4	3,6
Соблюдаются все базовые трудовые права (официальное оформление, «белая» зарплата, оплата больничного и отпуска, своевременная выплата зарплаты)	20,4	51,6	72,1	3,5
<i>Экономическое положение</i>				
Самооценка как хороших возможностей проведения досуга	8,6	27,4	57,6	6,7
Самооценка как хороших своих жилищных условий	14,3	31,7	62,2	4,3
Среднедушевой доход более 1,25 страновой медианы доходного распределения	18,4	36,0	66,1	3,6
Имеют сбережения	15,2	30,2	54,1	3,6
<i>Социально-психологическое самочувствие</i>				
Считают, что жизнь в целом складывается хорошо	8,3	24,6	60,1	7,2
Оценивают свой статус в обществе как хороший	8,4	25,8	55,0	6,5
Находятся в состоянии безразличия, апатии или ощущают тревогу, раздражение, озлобленность, агрессию	58,2	38,1	15,6	3,7
<i>Прочие характеристики</i>				
Высшее образование хотя бы у одного из родителей	15,6	30,4	51,9	3,3
Жизнь по сравнению с периодом до кризиса 2014–2016 гг. по самооценке ухудшилась	78,1	55,7	34,7	2,3
Справочно: доля неработающих, в том числе:	33,7	28,0	15,5	2,2
безработные	7,8	2,0	1,0	7,8
студенты	1,7	7,6	9,8	5,8
пенсионеры	24,2	18,4	4,7	5,1

Примечание. Серым выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%, т.е. типичны для соответствующей страты.

Источник: 8-я волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2018 г.

Характерная для большинства только в верхней страте привычка планировать свою жизнь и брать ответственность за нее на себя существенно расширяет жизненные возможности ее представителей, как и типичное только для них обладание высокой квалификацией и высокопотенциальными социальными связями [Каравай, 2020]. Накопление ресурсов, в том числе и в межпоколенческом разрезе, приводит у членов данной страты к более широкому спектру поведенческих стратегий, направленных на сохранение и повышение уровня и качества жизни, росту возможностей использовать наиболее

эффективные из них. В этом отношении представители медианной страты также ближе к нижней, чем к верхней страте [Каравай, 2019].

Особенно ярко все перечисленные выше различия прослеживаются между ядрами разных страт, из года в год сохраняющих свою принадлежность к ним. Вероятность перейти за счет собственных усилий в другую страту для россиян относительно невелика, хотя такие возможности все же существуют⁹. В наименьшей степени обновляется состав неблагополучной нижней страты, в то время как верхняя страта характеризуется высокой нестабильностью состава. Это значит, что поведенческие стратегии россиян не способны сейчас отменить эффект «липкого пола», в то время как эффект «липкого потолка» для массовых слоев работает гораздо слабее [Слободенюк, 2019].

Выводы. Социальное неравенство в современной России – логическое следствие того, что на момент начала реформ 1990-х гг. у разных групп населения имелся неодинаковый объем ресурсов, во многом – накапливавшийся на протяжении поколений. В эпоху плановой экономики, когда эти ресурсы не могли работать как капитал, имевшиеся различия в ресурсообеспеченности сказывались на уровне жизни различных групп, но не могли привести к серьезной социальной дифференциации. В период же перехода к рыночной экономике они были конвертированы в экономический капитал или использованы для наращивания других его видов, что обеспечило группам с исходными преимуществами сохранение привилегированного положения и в современном российском обществе. При этом к ним добавились и выходцы из других слоев (в том числе криминалитета), также использовавшие 1990-е гг. для накопления первоначального капитала.

Если некоторые выходцы из высокоресурсных групп советского общества оказались по итогам трансформации «наверху» социальной иерархии и в новой России, то другие сформировали костяк привилегированной части массовых слоев (верхнюю их страту). Совокупная численность двух этих групп примерно соответствует доле привилегированного населения и в позднесоветский период, хотя их внутренняя дифференциация стала неспопоставимо глубже.

Эти две группы соседствуют в социальной структуре российского общества с составляющими большинство населения медианной и нижней стратами, различия между которыми объясняются в основном особенностями иждивенческой нагрузки, здоровья, возраста и места жительства их представителей. Таким образом, большинство населения, занимавшее в советском обществе относительно однородные статусные позиции и формировавшее типичный для СССР в целом стандарт жизни, в условиях резкого углубления социальной дифференциации разделилось на две страты с качественно различным положением. При этом около половины населения составляет медианную группу, задающую стандарт жизни массовых слоев, но примерно каждый десятый россиянин находится в положении, массового аналога которому в СССР просто не было, и еще 15–20% балансируют на грани этого состояния.

Если же говорить о базовых характеристиках самой модели стратификации современного российского общества, а не только о составляющих ее элементах, то нужно отметить, что, во-первых, список оснований, определяющих статус индивидов в стратификационной иерархии, существенно расширился. В нем стали играть гораздо большую роль неравенства доходов и богатства, специфика социального происхождения и т.д. Во-вторых, сложившаяся в России модель социальной структуры характеризуется огромной растянутостью статусной иерархии по вертикали, причем «верхушка» общества в ней не просто оторвана от остальных россиян, но и противостоит им. В-третьих, массовые слои российского общества все больше тяготеют к «выравниванию по среднему». Эта уравнивательная тенденция под влиянием последних экономических кризисов усилилась, что противоречит тенденциям эволюции социальной структуры в развитых странах, для которых

⁹ Так, по данным РМЭЗ, в 2013–2018 гг. 23,6% россиян перешли в более высокую страту [Слободенюк, 2019: 61].

характерна, наоборот, все бо́льшая поляризация массовых слоев общества. В-четвертых, модель социальной структуры в России характеризуется средней степенью статусной согласованности (консистентности статусов). Если властный и экономический ресурсы в основном сосредоточены в привилегированных группах, то с социальным и квалификационным ресурсами ситуация далеко не так однозначна. Наконец, в-пятых, большую роль для определения места в социальной иерархии играет сейчас в России специфика рыночных позиций индивидов, в том числе на рынке труда. Однако высокая роль этих типичных для структур классового типа факторов характерна прежде всего для привилегированных групп. Для основной же массы населения они в значительной степени нивелируются их семейной ситуацией и диспропорциями в развитии различных отраслей, регионов и типов поселений, унаследованных от СССР и отражающих все еще очень значимую роль социальных неравенств неклассового типа в современном российском обществе.

Эта модель структуры российского общества довольно устойчива, но с точки зрения будущего России чревата скорее дополнительными проблемами, чем какими-либо конкурентными преимуществами. Высокие риски нарастания социальной напряженности в условиях явно избыточной глубины разрывов между «верхушкой» общества и его массовыми слоями, снижение стимулов к «росту над собой» в условиях роста роли социального ресурса при низких отдачах на образование, угроза дестабилизации ситуации за счет сокращения численности относительно благополучной части массовых слоев преимущественно в крупнейших городах во второй половине 2010-х гг. и другие негативные по своим последствиям особенности сложившейся в России модели стратификации требуют незамедлительных действий не только в сфере борьбы с бедностью, но и в области сокращения нелегитимных неравенств и расширения системы «социальных лифтов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39–67. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03.
- Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 11–21.
- Каравай А.В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Каравай А.В. Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095.
- Лежнина Ю.П. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222.
- Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326–348.
- Мареева С.В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Наумова Ф.М. Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 3–14.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Слободенюк Е.Д. Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3–4(129). С. 57–68.
- СССР в цифрах в 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990.
- Старилов Е.Н. «Угрожает» ли нам появление «среднего класса»? // Знамя. 1990. № 10. С. 192–196.
- Тихонова Н.Е. Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78.

- Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053.
- Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства: Теория и реальность. М.: ВШЭ, 2012.
- Credit Suisse. Global Wealth Databook 2018. Credit Suisse group AG. Switzerland, 2018.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of Economic Research. Working Paper 201709. DOI: 10.3386/w23712.
- Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

Статья поступила: 24.03.21. Финальная версия: 10.05.21. Принята к публикации: 15.05.21.

TRANSFORMATIONS OF THE SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN LATE 1980s – LATE 2010s

TIKHONOVA N.E.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow (netichon@rambler.ru).

Abstract. The article describes specifics of the social structure of Soviet society, three stages of its transformation in the late 1980s – late 2010s, and stratification models of modern Russian society. It is shown that the key foundations of the social differentiation in late Soviet society (merging of power and property, role of non-monetary privileges, etc.) retained their significance throughout this period, although in the 1990s the effect of access to the ‘deficit’ has disappeared, and since the end of the 2000s importance of higher education has also started to decline. Moreover, the role of such factors of social differentiation as accumulated wealth, current income, employment stability and the resource of social networks has sharply increased in the 1990s, and the role of attributes of precariousness in employment and the social origin has increased in the 2000s. It is shown that the social structure of Russian society currently consists of four main macro-groups: the “top” of society where most power and property is concentrated (top 5%), and three opposing strata of the mass population. Among the latter – a stratum privileged against the background of other Russians, accounting for slightly less than 20% of population; the median stratum, which includes about half of the total population and sets the typical standard of life for modern Russia; the lower stratum, uniting about a quarter of population, whose lives are dominated by the deprivations and risks that are atypical for average Russian. In the determination of the place in the stratification hierarchy in the first two of these macro-groups, the volume and type of resources that determine the position in various markets (including labor market) play a decisive role, which allows us to view them as a basis for the formation of the upper and middle classes. However, the inequalities of the non-class type (age, health, family composition, etc.) play a decisive role in falling into the median or lower strata.

Keywords: social structure, social stratification, strata, social inequalities.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2018) Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 39–67. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03. (In Russ.)
- Credit Suisse. (2018) *Global Wealth Databook 2018*. Credit Suisse group AG. Switzerland.
- Karavay A.V. (2019) Basic Models of Socio-economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3: 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2020) Factors of Inequality of Russians' Life Chances (Empirical Analysis). *Sociologicheskaya Nauka i Social'naya Praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 8. No. 1: 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095. (In Russ.)
- Lezhnina Y. (2019) The Risks and Capabilities of Russians as a Base for Social Dynamics. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 2: 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Returns to Education in Russia: Evidence from Meta-Analysis. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. Vol. 14. No. 3: 326–348. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2019) Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18. (In Russ.)
- Naumova F.M. (1990) Transition Period: World Experience and Our Problems. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 3–14. (In Russ.)
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 201709. DOI: 10.3386/w23712.
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Social Stratification*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of Inequality: Theory and Reality*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Slobodenyk S. (2019) Stratification of the Russian Society by Life Chances and Risks: The Dynamics of the Structure and Mobility of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4(129): 57–68. (In Russ.)
- Starikov Ye.N. (1990) Does the Emergence of a Middle Class “Threaten” Us? *Znanya* [Banner]. No. 10: 192–196. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (1999) *Factors of Social Stratification in the Context of Transition to a Market Economy*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2018) *Income Stratification Model of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics]. No. 2: 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: Novyi khronograf; IS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No 1: 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2018) Dynamics of Some Indicators of Russians' General Human Capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017) The Impact of the 2014–2016 Economic Crisis on the Employment of Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to a New Class*. Moscow: Nauka.
- USSR in Figures in 1989. (1990) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Weber M. (1978) *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press.
- Zaslavskaya T.I. (1996) Transformation of the Social Structure of Russian Society. In: *Where is Russia Heading? Social Transformation of the post-Soviet Space*. Iss. 3. Moscow: Aspect Press: 11–21.

Б.Н. МИРОНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (mironov1942@yandex.ru).

Аннотация. Дезинтеграция СССР стала закономерным следствием советской национальной политики, направленной на коренизацию управления, ускоренную модернизацию союзных республик и на выравнивание уровней их развития. Запустив процесс коренизации управленческих кадров, Москва способствовала становлению современной национальной элиты на местах. Реализация проекта национально-государственного строительства привела к огосударствлению этнических и межнациональных отношений и суверенизации союзных республик, ставшей одним из принципиальных факторов распада СССР.

Ключевые слова: распад Советского Союза • национальная политика • коренизация • этническая структура государственного аппарата • этническая дискриминация • дерусификация органов власти

DOI: 10.31857/S013216250014306-9

Уже 30 лет исследователи с неослабевающим интересом изучают обстоятельства и причины распада СССР. По оценке, на начало сентября 2020 г., в РФ написано более 3 тыс. статей, 300 книг и 20 диссертаций. Объяснения дезинтеграции можно разделить на две группы. В первой она рассматривается как закономерное следствие долго развивавшихся процессов, во второй – результат стечения случайных обстоятельств, ошибок руководства и внешних факторов. Первые часто называют дезинтеграцию распадом, имея в виду закономерность процесса и результата, вторые – развалом, подразумевая случайность явления и итогов [Миронов, 2021].

Дезинтеграция СССР оценивается как геополитическая катастрофа мирового масштаба. Чтобы понять ее причины, необходимо анализировать в междисциплинарном формате множество факторов, опираясь, прежде всего, на статистические источники. Такое исследование может выполнить научный коллектив. Отдельному исследователю под силу решение частных вопросов. В статье предпринята попытка рассмотреть дезинтеграцию Советского Союза в ракурсе дискриминации этносов, особенно титульных этносов республик, обладавших по конституциям 1924 и 1936 гг. ограниченным, потенциальным, государственным суверенитетом, а по конституциям 1977 и 1990 гг. – полным суверенитетом (титульным этносом называется народ, именем которого названа союзная республика; с 1956 г. их насчитывалось пятнадцать). Подобный ракурс определяется, с одной стороны, важностью проблемы – в перестроечный период политическое неравенство заняло заметное место в программах национальных партий и движений, в объяснениях дезинтеграции в этнополитических исследованиях. С другой – наличием массовых статистических источников, дающих возможность измерить динамику этнополитического неравенства в советский период по степени присутствия этносов в государственном управлении, в парламенте, органах правопорядка и суда, а также в армии с 1897 г. до 1989 г.

Российские этносоциологи давно изучают проблему этнического конфликта на почве неравенства этносоциального и этнополитического статусов народов России [Арутюнян, Дробижева, 2016: 29–38]. Вехой на этом пути стали исследования коллектива социологов в рамках больших международных проектов под руководством Л.М. Дробижевой [Асимметричная федерация..., 1998; Демократизация..., 1996; Конфликтная этничность..., 1995; Социальная и культурная дистанции..., 2002; Социальное неравенство..., 2002; Суверенитет..., 1995; Ценности и символы..., 1994; и др.]¹. Этносоциологи пришли к выводам, объясняя межэтнические конфликты в советской и постсоветской России. В частности, они считают политическую сферу главным пространством, где русские и нерусские ощущают неравенство. Дискриминация в доступе к власти является важнейшей причиной возникновения межнациональных противоречий. Этноты рассматривают возможность и действительное участие в управлении как критерий оценки своего положения в обществе и индикатор дискриминации. Утверждение демократии в формировании органов власти решает одни, порождая другие проблемы. Противоречивы результаты модернизации. Образование, личная свобода, статусная профессия, достаток, наличие свободного времени, доступность всех благ порождают у этнических групп (в особенности у отстающих в экономическом и культурном отношении) новые потребности, которые ранее отсутствовали. Возможности общества и государства их удовлетворить отстают от их роста; существующие принципы распределения благ не кажутся всем справедливыми. Возникает относительная депривация, провоцирующая недовольство. Когда государственная машина ослабевает, а власть воспринимается как нелегитимная, недовольство трансформируется в конфликт и неповиновение, как произошло в России конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Предметом нашей работы является политическое неравенство народов Советского Союза как причина его распада, объектом – аппарат работников управления и силовых структур союзных республик и СССР в целом. Конкретных задач две: 1) измерение уровня дискриминации при формировании властных структур; 2) оценка участия титульных этносов в управлении страной и союзными республиками.

Роль различных народов этноса в государственном управлении определяется не только числом его представителей во властных и силовых структурах. Важно другое – какие командные позиции они занимают, насколько эффективно их используют, какими статусом, престижем и влиянием располагают. Участие в управлении имеет первостепенное значение, о чем говорит механизм (как правило, неформального) паритетного и пропорционального квотирования по этническому признаку в системе органов власти, который применялся в полиэтничных союзных и автономных республиках в СССР, а в настоящее время – в автономиях РФ. Использование этой технологии объясняется тем, что демократический принцип комплектования органов власти не всегда обеспечивает пропорциональное представительство этнических групп, что кажется последним несправедливым, хотя этническое квотирование не гарантирует ни профессионализма управленцев, ни ответственности, добросовестности и нравственности, нередко порождая nepoтизм. Особенно важен механизм квотирования в среднеазиатских, кавказских и северокавказских союзных и автономных республиках, сохранивших пережитки родовых отношений, общинных порядков и традиций, родственные и земляческие отношения [Неформальное этническое квотирование..., 2017: 1–53; Федорченко, 2010: 692–705].

Этническая структура советского и партийного аппарата давно привлекает внимание исследователей. В советское время этим вопросом занимались историки партии, в постсоветской историографии – историки, социологи и политологи, правда в контексте культурного, социального и демографического профиля советских и партийных работников. Выявлено много сведений. Однако данные хронологически и территориально отрывочны, не позволяя получить общей картины этнического состава органов управления за годы

¹ Почти во всех этих монографиях теоретические введения написаны Л.М. Дробижевой (см., напр.: [Социальное неравенство..., 2002: 3–13]).

советской власти. В моем исследовании такая задача решается, насколько мне известно, впервые в историографии на основе данных переписей населения, которые хотя привлекались предшественниками, но отрывочно (см., например: [Динамика..., 2002; Социальное неравенство..., 2002]). Сведения об этнической занятости по переписи 1926 г. опубликованы, но не суммированы по СССР и РСФСР [Всесоюзная перепись..., 1928–1930], данные последующих переписей хранятся в архиве [Всесоюзная перепись..., 1959; Всесоюзная перепись..., 1979; Всесоюзная перепись..., 1989]. Перепись 1897 г. [Общий свод..., 1905] зафиксировала чиновников, находившихся на коронной и общественной службе без разделения по рангам, классам и сферам занятости. Советские переписи в сфере государственного управления учитывали только руководство органов исполнительной и законодательной власти, партийных и общественных организаций, а в сфере суда и правопорядка всех профессиональных работников. Сопоставление данных сведений статистики ЦСУ и переписей обнаружило: руководящие работники в общем числе управленцев составляли в 1926 г. 31%, 1959 г. и 1970 г. – 21% и в 1979 г. – 26%, т.е. один руководитель приходился на 3–4 рядовых сотрудника. Данные о численности лиц, занятых в управлении, по советским переписям несопоставимы со сведениями 1897 г. Но они сравнимы между собой, так как критерии отнесения людей к категории управленцев были тождественными – к занятым в государственном управлении относили руководителей партийной, исполнительной и законодательной власти. Рядовые чиновники отдельно не выделялись, растворяясь в общей массе служащих, и идентифицировать их в материалах переписи невозможно.

Для оценки степени равенства при комплектовании структур управления используется индекс этнополитической репрезентативности (далее ИЭПР) – соотношения процента представителей этноса среди чиновников-управленцев и среди всего самостоятельного населения [Миронов 2017: 197–210; Русские..., 1992]. В литературе этот операционный показатель также называется индексом этнической дискриминации, индексом участия, в англоязычных исследованиях – индексом репрезентативности (ethnic representation proportionality index). Он позволяет оценить степень политического неравенства и ранжировать этносы по этому показателю. Если индекс больше или меньше 1, то этнос избыточно либо недостаточно представлен во властных структурах. Если равен 1, права этого этноса при формировании органов управления адекватно учтены. Участие этносов в управлении измеряет другой операционный показатель – процент их выдвиженцев в советских и партийных, правоохранительных и судебных структурах.

Оценим динамику этнополитической репрезентативности по стране в целом. Рамки статьи позволяют привести относительные сведения и суммарную информацию о русских и нерусских (табл. 1).

В 1897 г. нерусские народы участвовали в комплектовании властных структур ниже демократической нормы в 1,6 раза ($1,00 : 0,61 = 1,6$) и меньше, чем русские, в 2,3 раза ($1,43 : 0,61 = 2,3$). Этнополитическое неравенство не подлежит сомнению. Вместе с тем нерусские граждане имели представителей в органах власти. В 1926 г. ИЭПР нерусских повысился во всех структурах власти с 0,61 до 0,79, их представительство стало в 1,3 раза ниже демократической нормы. В последующем повышательная тенденция набирала силу, к 1989 г. неравенство минимизировалось: ИЭПР нерусских равнялся 0,93, русских – 1,06. Русские утратили привилегии. В разных сферах управления этническое неравенство изживалось разными темпами. В госаппарате равенство стало фактом в 1959 г. В аппарате общественных и партийных организаций 1989 г. ИЭПР русских немного превышал демократическую норму (1,05). В органах правопорядка и суда до и после 1917 г. нерусские представлены хуже русских, но неравенство уменьшалось. В судебных учреждениях у нерусских в 1926 г. ИЭПР равнялся 0,78, в 1989 г. – 0,91, у русских соответственно – 1,17 и 1,08. В милиции в 1926 г. ИЭПР нерусских – 0,74, русских – 1,21, в 1989 г. соответственно – 0,90 и 1,09. В вооруженных силах ИЭПР нерусских составил в 1897 г. 0,77, русских – 1,25, в 1926 г. – соответственно 0,67 и 2,79. В дальнейшем информация об этническом составе армии стала закрытой. Можно предположить по отрывочным сведениям, что впоследствии доля русских в армии оставалась выше их доли в населении.

Таблица 1

**Представительность нерусских и русских в органах власти Российской империи*
и СССР в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг.**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Госаппарат</i>					
Нерусские	–	0,81 ^а	1,00	0,99	1,00
Русские	–	1,15 ^а	1,00	1,01	1,00
15 титульных этносов	–	1,02 ^а	0,99	1,00	1,00
<i>Партаппарат</i>					
Нерусские	0,62 ^б	0,81	0,79	0,91	0,94
Русские	1,42 ^б	1,15	1,18	1,07	1,05
15 титульных этносов	1,10 ^б	1,02	1,03	1,02	1,01
<i>Судебные учреждения</i>					
Нерусские	–	0,78	0,94	0,89	0,91
Русские	–	1,17	1,05	1,09	1,08
15 титульных этносов	–	1,01	0,93	0,99	1,01
<i>Органы правопорядка</i>					
Нерусские	–	0,74	0,74	0,84	0,90
Русские	–	1,21	1,22	1,13	1,09
15 титульных этносов	–	1,06	1,05	1,01	1,01
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
Нерусские	0,61	0,79	0,84	0,91	0,93
Русские	1,43	1,17	1,14	1,07	1,06
15 титульных этносов	1,09	1,03	1,02	1,01	1,01
<i>Армия</i>					
Нерусские	0,77	0,67 ^в	0,89 ^г	–	–
Русские	1,25	2,79 ^в	1,09 ^г	–	–
15 титульных этносов	1,04	0,80 ^в	1,04 ^г	–	–

Примечания. *Здесь и далее в сведениях по Российской империи не учитывается Финляндия.
^аВ 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе. ^бСлужители культа. ^вПо выборочным данным. ^гВ графе 1959 г. сведения за 1942–1943 гг.

Источники для этой и всех последующих таблиц в статье: [Общий свод..., 1905: 226–255; Всесоюзная перепись населения 1926 года; Всесоюзная перепись населения 1959 года; Всесоюзная перепись населения 1979 года; Всесоюзная перепись населения 1989 года; Труд в СССР, 1988: 16–25, 118, 125–127].

В эшелонах власти степень репрезентативности нерусских и русских различна. В 1926 г. русские имели предпочтение при формировании госаппарата всех уровней, но в большей степени на высшем: ИЭПР русских в низшем эшелоне 1,14, в среднем – 1,15, в высшем – 1,27, а нерусских соответственно – 0,83, 0,81 и 0,66. К 1959 г. в государственном аппарате этническое неравенство существенно уменьшилось. На среднем и низшем уровнях управления она исчезло (табл. 2).

В партийных органах, по данным за 1959 г. (на другие даты сведений нет), ситуация другая – русские имели преимущество на всех уровнях: их ИЭПР в низшем звене 1,27, в высшем эшелоне – 1,17, у нерусских – 0,69 и 0,80. К концу советского периода этническое неравенство при формировании органов управления значительно уменьшилось, в госаппарате исчезло. Но в партаппарате, высшем звене исполнительной власти и силовых структурах представительство русских было немного выше их доли в населении.

Таблица 2

**Представительность нерусских и русских в разных сферах управления СССР
в 1926, 1959, 1989 гг.**

Уровень управления	Русские			Нерусские		
	1926	1959	1989	1926	1959	1989
Госаппарат	1,15*	1,00	1,00	0,81	1,00	1,00
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,14	–	0,66	0,84	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,06	–	0,81	1,04	–
руководители первичных организаций	1,14	1,00	–	0,83	1,00	–
Партаппарат	1,15*	1,18	1,05	–	0,79	0,94
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,17	–	–	0,80	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,11	–	–	0,88	–
первичных организаций	1,14	1,27	–	–	0,69	–
Гос- и партаппарат, суд, милиция	1,17	1,07	1,06	0,79	0,84	0,93

Примечание. *В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе.

Рассмотрим сведения об участии отдельных этносов в управлении. Процент нерусских во властных структурах увеличивался. В 1897 г. он равнялся 32,2, в 1926 г. – 35,2, в 1989 г. – 43,8. В 1987 г. в структурах власти в целом русские численно были представлены чуть выше своей доли в населении страны (табл. 3).

С 1959 г. по 1979 г. госаппарат увеличился в 1,1 раза, партаппарат – в 2,5 раза, соответственно процент занятых в нем вырос с 37 до 56. Партийное руководство стало преобладать над советским степенью власти и количественно. Эта тенденция сохранилась в годы перестройки: партийный аппарат уменьшился на 17,5%, советский аппарат – на 86,3%, перекося в пользу первого увеличился [Народное хозяйство..., 1990: 50].

Таблица 3

**Этнический состав органов управления и занятого населения Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (в %)**

Сфера управления	Нерусские	Русские	15 титульных этносов
1897			
Население	52,7	47,3	78,1
Управление, суд, полиция	32,2	67,8	85,3
1926			
Население	44,5	55,5	80,5
Управление, суд, полиция	35,2	64,8	82,9
1959			
Население	46,4	53,6	88,4
Управление, суд, полиция	38,8	61,2	90,1
1979			
Население	44,9	55,1	89,5
Управление, суд, полиция	40,9	59,1	90,3
1989			
Население	46,9	53,1	90,1
Управление, суд, полиция	43,8	56,2	91,0

Оценим участие этносов в структурах власти (табл. 4).

Таблица 4

**Национальный состав органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979, 1989 гг. (в %)**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Милиция</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	92,4	90,5	91,5
Нерусские	–	33,0	34,6	37,9	42,0
Русские	–	67,0	65,4	62,1	58,0
<i>Судебные учреждения</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	82,0	89,1	90,6
Нерусские	–	34,9	43,6	40,1	42,8
Русские	–	65,1	56,4	59,9	57,2
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
15 титульных этносов	85,3	82,9	90,1	90,3	91,0
Нерусские	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
Русские	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
<i>Армия</i>					
15 титульных этносов	80,7	68,0*	92,3**	–	–
Нерусские	40,7	27,0*	36,9**	–	–
Русские	59,3	73,0*	63,1**	–	–

Примечания. *В 1926 г. на основе выборочных данных. **В 1959 г. сведения о составе действующей армии в 1943 г.

Источники: [Артемьев, 1975: 58] (данные о составе двухсот стрелковых дивизий численностью свыше миллиона военнослужащих в 1943 г.), а также источники, указанные в примечании к табл. 1.

В 1897 г. нерусские участвовали в управлении, хотя их доля была в 2 раза меньше доли русских – 32,2 против 67,8%. К 1926 г. во всех органах власти процент нерусских повысилась до 35,2, в 1959 г. – до 38,8, в 1989 г. – до 43,8. Участие нерусских росло и в силовых структурах, но до конца советского режима они были недопредставлены.

В национальной политике Российской империи Центр опирался на местные элиты [Миронов, 2017: 378], но не ставил цель огосударствить межэтнические отношения, наделить государственным суверенитетом народы «национальных окраин», прекрасно сознавая опасность такой политики для единства страны. Советская Москва стала последовательно утверждать демократический принцип формирования органов управления кадрами коренных этносов. Доля нерусских в управлении в целом по стране росла, как правило, оставаясь ниже 50, потому что вплоть до 1991 г. процент русских в населении страны был выше половины (в 1989 г. составлял 50,8% во всем населении и 53,1% в занятом населении). Это давало русским небольшое численное превосходство в эшелонах власти. Подчеркнем, этнополитический статус повышался у всех нерусских этносов, не только у титульных. Доля нерусских в органах управления составляла в 1897 г. – 32,2%, в занятом населении – 52,7%, ИЭПР – 0,68; в 1926 г. – 36,5, т.е. 47,9 и 0,76 соответственно; в 1959 г. – 38,7, т.е. 46,4 и 0,83 соответственно; в 1979 г. – 41,2, т.е. 47,6 и 0,87 соответственно и в 1989 г. – 48,7, т.е. 49,2 и 0,99 соответственно. К 1989 г. нерусские представлены в органах управления близко к демократической норме и занимали около половины руководящих должностей (табл. 1).

Повышение политического статуса касалось *всех нерусских народов* (табл. 5). Большинство из них участвовали в управлении «тюрьмой народов», как называют Российскую империю

Таблица 5

**Национальный состав занятого населения и органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1959, 1979 и 1989 гг. (в % по столбцу)**

Этнос	1897	1959	1979	1989	1897	1959	1979	1989
	управление				население			
Азербайджанцы	–	1,0	1,7	2,1	–	1,1	1,6	2,0
Армяне	0,8	1,0	1,7	1,5	1,6	1,1	1,5	1,4
Башкиры	0,1	0,3	0,5	–	0,5	0,4	0,5	–
Белорусы	2,3	3,4	3,2	3,7	3,6	4,2	3,8	3,8
Грузины	0,9	1,2	1,1	2,0	1,4	1,2	1,3	1,4
Евреи	0,8	1,6	0,8	–	0,7	1,0	0,6	–
Казахи	1,3	1,6	2,6	3,1	2,5	1,2	1,8	2,4
Киргизы	–	0,3	0,5	0,6	0,7	0,4	0,5	0,7
Латыши	1,1	0,6	0,6	0,6	0,5	0,7	0,5	0,5
Литовцы	0,8	0,9	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	1,1
Молдаване	0,3	0,3	0,6	0,8	1,1	1,2	1,1	1,2
Немцы	1,7	–	–	–	0,7	0,8	0,7	–
Русские	67,8	61,2	59,1	56,2	47,3	53,6	55,1	53,1
Таджики	0,0	0,4	0,7	0,7	1,1	0,5	0,8	1,0
Татары	1,4	2,2	2,3	–	2,4	2,4	2,5	–
Туркмены	0,0	0,3	0,4	0,6	0,8	0,3	0,5	0,7
Узбеки	0,0	1,6	2,5	2,7	4,8	2,3	3,4	4,4
Украинцы	9,3	15,4	14,1	15,0	16,2	19,1	16,4	16,0
Эстонцы	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4
Якуты	–	0,2	0,3	–	0,1	0,1	0,1	–
Нерусские	32,2	38,8	40,9	43,8	52,7	46,4	44,9	49,9

историки бывших союзных и некоторых автономных республик [Миронов, 2017: 121–139]. Из 118 народов, учтенных переписью 1897 г., 97 имели в органах управления хотя бы одного представителя. Среди них были алеуты, гиляки, камчадалы, тунгусы, цыгане, эскимосы, якуты и другие. Более 10 представителей имели 79 народов, более 100 – 55 народов и более 1000 – 22 народа. В органах власти участвовали 2587 евреев, в том числе 7% за пределами черты оседлости [Общий свод..., 1905: 335]. Среди чиновников процент нерусских (в основном в структурах местного управления) был 32,2. В «национальных окраинах» (в регионах Советского Союза без Российской Федерации) в управлении численно преобладали нерусские – 56,5% чиновников. Это доказывает: в «национальных окраинах» центральное правительство опиралось на местные элиты. В советскую эпоху их присутствие в органах управления возросло, к 1979 г. их репрезентативность приблизилась к демократической норме. Выдвиженцы нерусских этносов трудились во всех эшелонах власти (сведения об этом имеются в переписях 1926 и 1959 гг.) (табл. 6).

В 1959 г. доля евреев в государственном и партийном аппарате составляла 1,72% (в том числе в высшем эшелоне – 5,31%), в населении – 1,04%. Они были представлены в гос- и партаппарате в 1,65 раза выше, в высшем эшелоне – в 5 раз выше демократической нормы (их ИЭПР 1,65 и 5,09 соответственно).

В 1897–1989 гг. по Союзу в целом участие нерусских в органах власти повышалось с ускорением, русских, наоборот, снижалось. В 1897–1926 гг., за 29 лет, доля русских упала на 3 процентных пункта, в 1926–1959 гг., за 33 года, – на 3,6, в 1959–1989 гг., за 30 лет, – на 8,1 пункта. Ошибочно думать, что в 1897–1926 гг. прирост доли нерусских в органах управления произошел в послереволюционное десятилетие. Привлечение в органы власти местных элит всегда являлось принципом национальной политики правительства

Таблица 6

**Национальный состав государственного и партийного аппарата СССР
в 1926 и 1959 гг. на разных уровнях**

Этнос	Индекс репрезентативности				Процент в аппарате (%)			
	I*	II*	III*	всего	I*	II*	III*	всего
1926								
Русские	1,25	1,11	1,12	1,13	69,30	61,70	62,20	62,60
Нерусские	0,69	0,86	0,85	0,84	30,70	38,30	37,80	37,40
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00
1959								
Азербайджане	0,74	1,05	1,24	1,07	0,81	1,16	1,36	1,17
Армяне	1,36	0,97	0,96	1,04	1,43	1,02	1,01	1,10
Башкиры	0,40	0,92	1,53	1,07	0,15	0,33	0,56	0,39
Белорусы	0,72	0,81	0,77	0,77	3,01	3,39	3,25	3,25
Грузины	1,01	0,97	1,04	1,01	1,23	1,18	1,25	1,22
Евреи	5,09	1,19	0,45	1,65	5,31	1,24	0,47	1,72
Казахи	1,16	1,61	2,23	1,78	1,36	1,87	2,61	2,08
Киргизы	1,04	1,25	1,39	1,27	0,39	0,47	0,53	0,48
Латыши	0,99	1,07	1,27	1,13	0,69	0,75	0,89	0,79
Литовцы	0,68	1,24	1,35	1,18	0,76	1,39	1,51	1,32
Молдаване	0,12	0,18	0,61	0,35	0,14	0,21	0,71	0,41
Русские	1,15	1,09	1,01	1,07	61,72	58,33	53,92	57,17
Таджики	0,88	1,14	0,76	0,93	0,43	0,56	0,37	0,45
Татары	0,59	0,94	1,01	0,90	1,30	2,07	2,23	1,98
Туркмены	1,37	1,58	1,11	1,35	0,47	0,54	0,38	0,46
Узбеки	0,57	0,82	0,66	0,71	1,32	1,89	1,53	1,63
Украинцы	0,65	0,84	1,01	0,88	12,44	16,08	19,37	16,73
Эстонцы	1,65	1,71	1,09	1,44	0,76	0,79	0,51	0,67
Якуты	1,62	4,12	4,04	3,60	0,15	0,39	0,38	0,34
Другие	0,78	0,80	0,91	0,84	6,12	6,35	7,17	6,64
Нерусские	0,83	0,90	0,99	0,92	38,28	41,67	46,08	42,83
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Примечание. *I – общесоюзные, республиканские, областные органы; II – районные и городские органы; III – руководители первичных организаций.

Российской империи [Миронов, 2017: 152–163]. Политика коренизация (создание автономий, выдвижение в руководство представителей местных элит, внедрение национальных языков в делопроизводство и образование, развитие средств массовой информации на коренных языках) [Мартин, 2011], начатая в 1920-е гг., не просто продолжила политику С.-Петербурга, но подняла ее на уровень суверенизации, поставив цель создать из союзных республик суверенные по сути государства. Политика коренизации в некоторых аспектах закончилась в 1930-е гг., но в основном – в суверенизации республик – продолжалась до последних дней советского режима. В 1897–1989 гг. повышение роли нерусских в органах власти шло за счет повышения их этнополитического статуса (ИЭПР вырос с 0,61 до 0,93), доля нерусских в населении страны уменьшилась на 6,5 п.п. В 1979–1989 гг. падение процента русских в управлении ускорилось под воздействием рождаемости у нерусских народов: доля русских в населении упала на 1,6 п.п., а нерусских выросла на 1,6 пункта. К 1999 г., через 10 лет после распада, при сохранении СССР и темпов динамики русских и нерусских, нерусские превратились бы в большинство, дерусификация набирала бы силу.

После дезинтеграции Советского Союза в постсоветских республиках так и произошло. В 1989 г. в СССР проживало 286 млн, из которых 145 млн, или 51%, были русскими. В 2018 г. на постсоветском пространстве насчитывалось около 295 млн человек, из них 125 млн, или 42%, русских². Всего через 29 лет после распада численность населения бывших 15 союзных республик возросла примерно на 9 млн, русских сократилась на 20 млн, их доля упала на 9%. Русские стали меньшинством. При сохранении СССР депопуляция русских привела бы к падению их участия в органах власти. Произошли бы другие перемены в национальном составе чиновников, поскольку динамика населения в ряде республик была иной. С 1989 по 2019 г. в 6 республиках – Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Казахстан и Азербайджан, население увеличилось на 26,5 млн, в республиках РСФСР, Эстонии, Украине, Молдавии, Литве, Латвии, Белоруссии, Грузии и Армении сократилось на 16,5 млн³ [Как изменилась численность..., 2020].

Еще один факт: нерусские народы обрели государственность после 1917 г. и увеличили участие в управлении в большей степени, чем нерусские народы, не имевшие государственности. За 1897–1989 гг. в «национальных окраинах» процент представителей 14 титульных народов (без русских) среди управленцев увеличился на 39,6 пункта (с 35,0 до 74,6), а нерусских этносов в целом – на 20,0 пунктов (с 59,5 до 79,5). В союзных республиках, включая Российскую Федерацию, наблюдалось вытеснение русских из органов управления с разной интенсивностью (табл. 7).

В наименьшей степени была дерусифицирована Россия. В ней в 1897–1979 гг. процент титульного народа (русских) среди чиновников понизился с 89,3 до 82,4 (к 1989 г. до 81,6), а в населении РСФСР повысился с 80,5 до 82,4. Доля нерусских в управлении поднялась с 10,7 до 17,6% (к 1989 г. до 18,4%), вследствие повышения их представительности – ИЭПР вырос с 0,55 до 1,00. Не после 1959 г. они представлены в структурах власти пропорционально численности.

Вытеснение русских из органов власти в «национальных окраинах» происходило интенсивнее. На территории 14 союзных республик при советской власти в 1897 г. процент русских среди чиновников равнялся 40,5. После 1927 г. он к 1989 г. упал до 20,5. Роль местных кадров в органах власти выросла, их доля среди чиновников поднялась с 59,5 до 79,5%. С 1897 по 1989 г. индекс репрезентативности русских рухнул в 2,8 раза (с 2,89 до 1,02), нерусских вырос в 1,4 раза – с 0,69 до 0,99. В результате к 1989 г. в целом по 14 союзным республикам (СССР без РСФСР) русские и нерусские были представлены во властных структурах близко к демократической норме: ИЭПР русских равнялся 1,02, нерусских – 0,99. Однако в 5 из 14 союзных республик (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Эстония) русские были недопредставлены, титульные этносы преобладали во властных структурах в абсолютном и в процентном отношениях, контролировали управление в 12 из 14 союзных республик. Лишь в Казахстане и Латвии они не располагали большинством. В Казахстане в силу малочисленности (в 1989 г. доля казахов равнялась 28,6%), в Латвии в силу недопредставленности латышей в управлении (табл. 7). Однако и в КазССР и ЛатССР русские в органах власти находились в меньшинстве.

К 1989 г. представители титульного этноса заняли господствующие позиции среди руководителей высшего звена в производственных отраслях хозяйства страны (табл. 8). Это происходило по мере роста численности национальных кадров. В 1926 г., кроме русских, два этноса, армяне и грузины, преобладали среди хозяйственных управленцев титульных республик. В 1959 г. их число возросло до 7, в 1979 г. – до 9. В 1989 г. только казахи не были в большинстве. Но их процент в населении республики составлял 39,7%.

²Численность русских. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Численность_русских (дата обращения: 06.11.2020).

³Как изменилась численность населения бывших Советских республик за последние 30 лет? URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/kak-izmenilas-chislennost-naseleniia-byvshih-sovetskikh-respublik-za-poslednie-30-let-5dab00208600e100b133a238?utm_source=serp (дата обращения: 06.11.2020).

Таблица 7

Дерусификация управления в союзных республиках в 1917–1989 гг.

Союзная республика, этнос	Индекс репрезентативности					Доля этноса в управлении (в %)				
	1897	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
РСФСР: русские	1,11	1,10	1,00	1,00	1,01	89,3	81,8	82,5	82,4	81,6
нерусские	0,55	0,70	1,02	1,00	0,97	10,7	18,2	17,5	17,6	18,4
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	–	0,84	0,94	1,04	1,03	–	49,0	56,1	77,9	83,3
русские	3,35	1,43	1,18	0,86	0,79	84,3	17,5	17,2	8,4	5,3
Армянская ССР: армяне	0,83	1,14	1,06	1,05	1,03	39,3	94,5	92,4	94,4	97,0
русские	3,52	0,50	0,72	0,49	0,75	23,4	1,2	2,7	1,4	1,3
Белорусская ССР: белорусы	0,70	0,69	0,85	0,93	–	30,7	57,5	69,5	72,5	–
русские	4,50	2,18	3,10	1,50	–	42,0	16,6	20,7	19,0	–
Грузинская ССР: грузины	0,67	1,08	1,11	1,11	1,11	50,2	69,5	72,0	76,5	79,2
русские	5,24	1,91	0,70	0,66	0,66	32,5	8,0	7,5	5,2	4,3
Казахская ССР: казахи	0,23	0,42	1,57	1,45	–	16,2	24,7	38,3	41,5	–
русские	3,46	2,74	0,96	0,90	–	77,8	51,2	43,6	40,7	–
Киргизская ССР: киргизы	0,15	0,35	1,00	1,17	–	11,7	24,1	38,5	47,4	51,0*
русские	6,82	4,38	1,14	1,05	–	78,1	45,9	36,9	33,4	–
Латвийская ССР: латыши	0,36	–	0,78	1,04	0,95	15,9	–	48,5	51,9	46,8
русские	4,17	–	1,48	1,00	1,06	29,6	–	37,9	34,6	36,5
Литовская ССР: литовцы	0,40	–	0,87	1,00	0,98	11,9	–	69,5	77,3	75,9
русские	5,09	–	2,53	1,28	1,33	48,4	–	19,9	13,0	13,3
Молдавская ССР: молдаване	0,25	–	0,56	0,81	–	10,2	–	37,7	50,4	–
русские	2,33	–	3,60	1,71	–	76,0	–	30,9	22,5	–
Таджикская ССР: таджики	0,87	0,55	1,00	1,07	–	23,8	40,4	50,3	56,7	–
русские	11,83	13,00	1,48	1,25	–	49,7	35,0	23,3	18,3	–
Туркменская ССР: туркмены	0,20	0,36	0,85	1,01	–	10,6	25,7	47,9	62,8	–
русские	4,09	6,35	1,32	1,16	–	69,6	46,2	28,9	19,9	–
Узбекская ССР: узбеки	0,28	0,60	0,83	0,96	0,96	15,8	40,6	49,5	61,1	64,6
русские	11,83	6,19	1,47	1,20	1,25	49,7	49,2	23,4	17,3	13,6
Украинская ССР: украинцы	0,73	0,66	0,87	0,97	–	53,3	55,0	68,1	70,0	–
русские	3,23	2,75	1,62	1,14	–	38,9	23,0	25,2	25,1	–
Эстонская ССР: эстонцы	0,62	–	0,89	1,12	1,00	52,4	–	66,1	66,9	58,5
русские	3,72	–	1,37	0,81	0,98	28,3	–	26,4	25,1	31,2
СССР: русские	1,43	1,22	1,14	1,07	1,06	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
нерусские	0,61	0,76	0,84	0,91	0,93	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
15 титульных этносов	1,06	0,96	0,97	1,00	1,01	85,3	82,9	90,1	90,3	90,1
СССР без РСФСР: русские	2,89	1,67	1,65	1,11	1,02	40,5	27,9	25,0	23,7	20,5
нерусские	0,69	0,87	0,88	0,97	0,99	59,5	72,1	75,0	76,3	79,5
14 титульных этносов	0,63	0,93	0,89	0,99	1,02	35,0	82,2	61,8	69,9	74,9

Примечание. *Оценка.

В Молдавии на долю титульного народа приходилось около половины управленцев, вместе с представителями других нерусских народов более 70%. Динамика роста хозяйственной элиты была позитивной: в среднем у 14 народов доля титульных управленцев повысилась на 35 п.п. Наибольший прирост наблюдался у народов с низкой стартовой позицией – азербайджанцы (76 п.п.) и туркмены (61,9 п.п.), а наименьший у народов с высокой

Таблица 8

**Представители титульного этноса среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства, 1926–1989 гг. (в %)**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР: русские	82,6	81,0	83,4	77,3	–5,3
нерусские	17,4	19,0	16,6	22,7	+5,3
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	17,8	49,0	73,5	93,8	+76,0
Армянская ССР: армяне	93,1	92,4	94,4	99,4	+6,3
Белорусская ССР: белорусы	40,6	59,3	71,6	77,7	+37,1
Грузинская ССР: грузины	58,2	72,7	83,2	89,3	+31,1
Казахская ССР: казахи	10,6	19,3	25,4	39,5	+28,9
Киргизская ССР: киргизы	6,9	20,3	29,6	55,1	+48,2
Латвийская ССР: латыши	–	50,1	51,3	63,1	+13,0*
Литовская ССР: литовцы	–	71,4	81,8	91,5	+20,1*
Молдавская ССР: молдаване	–	21,9	43,7	50,0	+27,9*
Таджикская ССР: таджики	22,9	30,1	38,8	66,3	+43,4
Туркменская ССР: туркмены	9,9	32,0	53,2	71,8	+61,9
Узбекская ССР: узбеки	19,8	34,4	42,8	67,6	+47,8
Украинская ССР: украинцы	40,4	57,9	66,7	79,0	+38,6
Эстонская ССР: эстонцы	–	74,4	71,1	82,2	+7,8*

Примечание. *В этой и последующей таблице звездой отмечено изменение в 1959–1989 гг.

начальной точкой – армян (6,3 п.п.) и эстонцев (7,8 п.п.). В РСФСР процент титульных русских управленцев понизился на 5,3 пункта. Произошло выравнивание этнических статусов, что видно по данным об этнической представительности народов в хозяйственной элите (табл. 9). Национальная элита развилась или сформировалась в непроизводственных

Таблица 9

**Индекс этнополитической репрезентативности среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР, русские	1,08	0,98	1,01	0,95	–0,13
нерусские	0,73	1,11	0,95	1,23	0,49
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	0,31	0,82	0,98	1,13	0,83
Армянская ССР: армяне	1,12	1,06	1,05	1,07	–0,06
Белорусская ССР: белорусы	0,48	0,72	0,92	1,00	0,51
Грузинская ССР: грузины	0,90	1,12	1,20	1,27	0,37
Казахская ССР: казахи	0,18	0,79	0,88	0,99	0,81
Киргизская ССР: киргизы	0,10	0,53	0,73	1,05	0,95
Латвийская ССР: латыши	–	0,80	1,03	1,21	0,41*
Литовская ССР: литовцы	–	0,90	1,06	1,15	0,25*
Молдавская ССР: молдаване	–	0,32	0,70	0,77	0,45*
Таджикская ССР: таджики	0,31	0,60	0,73	1,06	0,75
Туркменская ССР: туркмены	0,14	0,57	0,82	1,00	0,86
Узбекская ССР: узбеки	0,26	0,58	0,82	0,95	0,69
Украинская ССР: украинцы	0,97	0,74	0,92	1,09	0,12
Эстонская ССР: эстонцы	–	1,00	1,19	1,34	0,34*

сферах народного хозяйства (финансы, торговля и др.), в культуре и науке, образовании и медицине и т.д. [Народное образование..., 1989: 16, 202, 237, 256].

Исследование позволяет сделать следующие выводы. Нерусские этносы были представлены в органах власти задолго до революции 1917 г. ниже демократической пропорции. Но их недопредставленность, исключая евреев, обуславливалась преимущественно дефицитом национальных кадров и плохим знанием русского языка, а не правовыми ограничениями, т.е. ее некорректно считать политической дискриминацией [Миронов, 2010: 148–152]. Коренизация, или национализация, управления проходила до последних дней советской власти. Украинизация, белорусизация, башкиризация, туркменизация, узбекизация, татаризация, якутизация и др. поддерживались Центром и на всех уровнях власти как демократические и прогрессивные процессы. Русификация, или русизация, рассматривалась как проявление великодержавного шовинизма. В 1897–1990 гг. в целом в стране роль нерусских этносов в органах власти повышалась, а русских снижалась. Обратной стороной коренизации являлась дерусификация управления по Советскому Союзу и во всех союзных и автономных республиках. Меньше всего дерусификация затронула Российскую Федерацию. С наибольшей интенсивностью проходила она в «национальных окраинах». К 1979 г. в органах власти союзных республик нерусские и русские были представлены близко к демократической норме. Благодаря большой численности титульные этносы преобладали во властных структурах абсолютно и относительно. В 1989 г. в 9 из 15 союзных республик коренные народы располагали квалифицированным большинством, согласно республиканским конституциям имели возможность принять любые законы и провести любые реформы. В Киргизии, Молдавии, Таджикистане и Эстонии титульные народы имели простое большинство; в Казахстане (в силу малочисленности) и в Латвии (ввиду недопредставленности латышей в управлении) они не располагали большинством. Однако и в этих двух республиках русские во властных структурах находились в меньшинстве, а по доле среди управленцев уступали титульным этносам.

Распад Советского Союза имел объективные предпосылки, сложившиеся под влиянием национальной политики Центра, ставившей целью укоренить управление и выровнять уровни развития союзных республик, обеспечив их ускоренное развитие, в том числе за счет развитых и богатых ресурсами республик, прежде всего РСФСР. Всесторонний прогресс республик способствовал возникновению и развитию образованных и квалифицированных национальных кадров. Коренизируя, национализируя управление, Москва стимулировала формирование в республиках национальных элит. Национальная элита, госаппарат и управляющий класс считаются атрибутами национального государства. При наличии территории (с признанными границами и населением), государственной символики и конституции (в 1924 г. наделившей союзные республики суверенитетом и правом на самоуправление вплоть до отделения) они к 1979 г. стали обладать всеми атрибутами реального государства, а титульные этносы превратились в нации. При желании или необходимости они могли отделиться от СССР и существовать независимо. После этого судьба Советского Союза оказалась во власти местных элит и зависела от конъюнктуры. Решающим стал вопрос о реальных и воображаемых выгодах (в широком смысле) и привлекательности отделения. Республики развивались в рамках единого государства в период созревания, стабильности и процветания Советского Союза. В условиях кризиса советской системы в 1980-е гг. у национальных элит появились как реальная возможность, так и соблазн отделиться, найти свой выход из кризиса и свой путь к благосостоянию. Взрыв национализма, подтолкнувший республики к отделению, произошел в результате политической мобилизации этносов, проведенной национальными элитами. «СССР распался не столько в результате действия неких исторических законов и стремления народов к национальному самоопределению, – поставил диагноз в начале 1990-х гг. В.А. Тишков, – а в результате глубокого раскола советской элиты, отдельные группы которой прежде всего и самоопределились» [Тишков, 1996: 37]. Следует согласиться: советская национальная политика по сути в рамке мультикультуральной модели объективно способствовала

возникновению и развитию национальных государств, которые в случае необходимости могли отделиться [Тишков, 1994: 9; Тишков, Шабаетов, 2011: 154–155; Буровский, 2004: 214–215; Мартин, 2011: 32; Hirsch, 2005; Lane, 1996; Slezkine, 1994: 414–452; Walker, 2003: 193–202]. Центр своими руками создал предпосылки и возможность распада страны. Мотивация в разные периоды была различной [Аманжолова, Красовицкая, 2020: 96–172]. Отказ от идеи единой нации, основанной на общем гражданстве, в пользу национальных государств стимулировал развитие национализма в республиках, создал национальную колею, сойти с которой в будущем представляло огромные трудности.

Отсюда сомнения в состоятельности советского проекта национально-государственного строительства, ставившего целью, как поется в гимне СССР, создание «единого, могучего, нерушимого Союза» из «республик свободных». Задача по созданию свободных республик была выполнена. Но руководство страны не нашло механизма согласования интересов свободных республик в едином многонациональном государстве в долгосрочной перспективе [Тощенко, 2003: 53, 121], хотя и имело успехи в кратко- и среднесрочной перспективе. Огосударствление межнациональных отношений привело к суверенизации союзных республик, ставшей ключевым, но не единственным фактором распада СССР. Дезинтеграция Советского Союза была не случайностью, а процессом, не развалом, вызванным главным образом ошибками перестроечного времени, советской национальной политикой, имманентным стремлением национальных элит к суверенитету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2020.
- Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975.
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 29–38.
- Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИС РАН, 1998.
- Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. М.: АСТ, 2004.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. Т. 18–34. М., 1928–1930.
- Всесоюзная перепись населения 1959 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 «Центральное статистическое управление СССР». Оп. 336. Д. 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- Всесоюзная перепись населения 1979 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.
- Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: Мысль, 1996.
- Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ЦОЦ, 2003.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 10 т. Т. 8: Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. 1. М.: Б.и., 1973.
- Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М.: ИЭИА, 1995.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
- Народное образование и культура в СССР: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Народное хозяйство СССР в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990.
- Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа: Аналитический доклад. Махачкала, 2017.

- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1905.
- Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.
- Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 1998.
- Социальное неравенство этнических групп: Представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.
- Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Исторический аспект // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Мат. междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Московск. ун-т, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Труд в СССР (статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1988.
- Федорченко С.Н. Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: мат. Всерос. науч. конф. 4 декабря 2009. М.: Научный эксперт, 2010. С. 692–705.
- Ценности и символы этнического самосознания / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Lane D. The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 1. P. 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- Walker E.W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press, 2003.

Статья поступила: 17.03.21. Принята к публикации: 21.06.21.

FORMATION OF NATIONAL ELITES AS A FACTOR OF THE USSR DISINTEGRATION

MIRONOV B.N.

St. Petersburg State University, Russia

Boris N. MIRONOV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RFBR grant, project No. 20-09-00353 “The Disintegration of the Soviet Union in the Human Dimension: An Interdisciplinary Study”.

Abstract. The disintegration of the USSR was a natural consequence of the Soviet national policy aimed at accelerating the modernization of the Union republics and equalizing their levels of development. By launching the process of the de-Russification ('korenizatsiya') managerial personnel, Moscow has contributed to the formation of modern national elites on the ground. The implementation of the national-state construction project led to the nationalization of ethnic and interethnic relations and the sovereignization of the Union republics, a key factor in the collapse of the USSR.

Keywords: disintegration of the Soviet Union, national policy, 'korenization' policy, ethnic structure of the state apparatus, ethnic discrimination, de-Russification of the government bodies.

REFERENCES

- All-Union Population Census of 1926*: in 56 vols. (1928–1930) Vols 18–34. Moscow. (In Russ.)
- All-Union Population Census of 1959*. Russian State Archive of Economics (RSAE). Archive 1562 "Central Statistical Office of the USSR". List of files 336. Documents 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- All-Union Population Census of 1979*. RSAE. Archive 1562. List of files 336. Documents 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- All-Union Population Census of 1989*. RSAE. Archive 1562. List of files 69. Documents 2570–2578.
- Amanzholova D.A., Krasovitskaya T.Yu. (2020) *Cultural Complexity of Soviet Russia: Ideology and Management Practices, 1917–1941*. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Artemyev A.P. (1975) *Fraternal Combat Union of the Peoples of the USSR in the Great Patriotic War*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (ed.) (1992) *Russian: Ethnosociological Essays*. Moscow: Nauka.
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2016) Passed Paths and Some Problems of Modern Russian Ethnosociology. In: Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (eds) *Ethnosociology Yesterday and Today*. Moscow: IEA RAN: 29–38. (In Russ.)
- Beissinger M.R. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brubaker R. (1994) Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. *Theory and Society*. Vol. 23. No. 1: 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Burovskii A. M. (2004) *The Collapse of the Empire: The Course of Unknown History*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1995) *A Conflict Ethnicity and Ethnic Conflicts*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Asymmetric Federation: Looking from the Center, Republics and Regions*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in 90s*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Social and Cultural Distances: The Experience of Multinational Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Representations and Reality*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: TsOTs. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1994) *Values and Symbols of Ethnic Self-Awareness*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Guzenkova T.S. (eds) (1995) *Sovereignty and Ethnic Self-Consciousness: Ideology and Practice*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Fedorchenko S.N. (2010) The Problem of Quotas in the Russian State Personnel Policy. In: *National Security: The Scientific and State Management Content: Proceedings of the all-Russian Scientific Conference*. December 4, 2009. Moscow: Nauchnyi Ekspert: 692–705. (In Russ.)
- General Summary across the Empire of the Results of the Compilation of Data of the First General Population Census, Carried out on January 28, 1897*: in 2 vols. (1905) Vol. 2. St. Petersburg: Tip. N.L. Nyrkina. (In Russ.)
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Informal Ethnic Quotas in the Multi-Ethnic Republics of the North Caucasus: Analytical Report*. (2017) Makhachkala. (In Russ.)
- Lane D. (1996) The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration. *Political Studies*. Vol. 44. No. 1: 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2017) *Management of Ethnic Diversity in the Russian Empire*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2021) Disintegration of the USSR in Historiography: Collapse or Dissolution. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. Vol. 66. Iss. 1: 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2018) *The Russian Empire: From Tradition to Modernity*: in 3 vols. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1989*. (1990) Moscow: Finansy i Statistika. (In Russ.)
- Public Education and Culture in the USSR: Statistics Digest*. (1989) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Results of the all-Union Population Census of 1970*: in 10 vols. (1973) Vol. 8. Part 1. Moscow. (In Russ.)

- Slezkine Y. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2: 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- The Labor in the USSR (statistics digest)*. (1988) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1996) *Conceptual Evolution of National Policy in Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1994) Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space: Historical Aspect. In: Tishkov V.A. (ed.) *Ethnicity and Power in Multi-Ethnic States: Proceedings of the International Conference [January, 25–27], 1993*. Moscow: Nauka: 9–34. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (2011) *Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity*. Moscow: Moskovsk. un-t. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Walker E.W. (2003) *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press.

Received: 17.03.21. Accepted: 21.06.21.

ОПЫТ 1990-х гг. И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В статье обсуждаются уроки, которые государство и общество могли вынести из институциональных противоречий и насильственных конфликтов, пережитых Россией в 1990-е гг. Анализируются процессы этнической мобилизации в национальных республиках и пути выхода из конфликтных ситуаций. На конкретных материалах показано, что важнейшим уроком стало умение находить компромиссные, диалоговые способы снятия противоречий в сфере языка, экологии, запросов на участие в использовании местных природных ресурсов, повышении самостоятельности в экономике, развитии культуры.

Большинство противоречий последнего десятилетия XX в. ограничивалось институциональной сферой, нарушением Конституции и федеральных законов. При этом этнический национализм элит в российских республиках был разным. Анализируя дискурс и законодательные практики Башкортостана, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Саха (Якутии) и Тувы, автор показывает, что о разделенном суверенитете (не сецессии) речь тогда шла лишь в Татарстане, причем в нем, как в Якутии и Башкирии, преобладал экономический и культурный национализм, в Северной Осетии – Алании – защитный, в Туве – культурный. Компромиссные решения, принятые в 1990-е гг., оказались временными. По мере усиления легитимной власти в Центре они переставали действовать. Признание законной монополии силы со стороны государства является условием недопущения эскалации насильственных конфликтов. Защита общества основывается на верховенстве закона, но за соблюдением закона необходим контроль и со стороны государства, и со стороны общества.

В заключительной части статьи обсуждается опыт управления культурным многообразием при регулировании межэтнических отношений в России 2010-х гг. Опираясь на результаты общероссийских и республиканских исследований, автор показывает, что этническая идентичность россиян остается очень устойчивой, причем у большинства населения она не конфликтует с общероссийской идентичностью, а совмещается с ней. Это позволяет сделать вывод: представление о народе как согражданстве, направленное на консолидацию социальных, пространственных и этнокультурных сообществ, реализующих свои интересы в экономике, политике и культуре, способствует обеспечению солидарности в стране.

Ключевые слова: этническая мобилизация • институциональные и насильственные конфликты • этнический национализм • управление культурным многообразием • гражданский национализм

DOI: 10.31857/S013216250015254-2

Введение. 1990-е гг. в полиэтнической России, характеризующиеся насильственными конфликтами, распространением новых представлений о федерализме и напряжениями в межэтнических отношениях в национальных республиках, по-разному оцениваются исследователями и общественными деятелями. Согласно Ж.Т. Тощенко, то был период утверждения этнократии, и в его определении кроется боль за распавшийся Союз,

Это последняя статья Л.М. Дробичевой в нашем журнале. Редакция оставила авторский текст без изменений.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

выстроенный на принципах интернационализма¹, и ушедшее в прошлое управление на основе социалистического централизма. Другие называли это время этническим возрождением, прежде всего в республиках, где люди стали без стеснения говорить на родном языке в общественных местах – на улице, в трамваях и магазинах. Историки и литераторы начали вспоминать о репрессированных или уехавших за границу культурных деятелях, на собраниях и митингах зазвучали национальные народные песни. Подобные мобилизующие моменты переживали не только башкиры, татары, чуваша, якуты, карелы, но и русские, радовавшиеся, например, что Шаляпин вновь открыто признавался их уважаемым певцом, а не эмигрантом, о котором говорили чаще дома, но дипломную работу в МГУ о котором написать было нельзя. Русская культура, получившая мировую известность, снова стала достоянием российских граждан.

С позиций междисциплинарных научных подходов и этносоциологической точки зрения 1990-е гг. можно назвать эпохой этнической мобилизации и этнического национализма. Анализируя типы этнической активности в республиках (в первую очередь в российских, но и опыт бывших союзных тоже учитывается), мы попытаемся сформулировать вынесенные из пережитого опыта уроки, значимые для управления культурным многообразием в разные периоды жизни страны. В своем исследовании мы учитывали теоретическое осмысление событий 1990-х гг. учеными, принимавшими тогда реальное участие в работе властных институтов и регулировании конфликтных ситуаций [Тишков, 1997; Паин, 2004], видение происходивших трансформаций представителями власти [Абдулатипов, Михайлов, 2016] и, конечно, работы отечественных этносоциологов, конфликтологов и этнопсихологов – Ю.В. Арутюняна, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслова, М.Н. Губогло, Г.У. Солдатовой, И.М. Лебедевой и др., а также наших коллег из республик.

Эмпирической основой анализа послужили результаты этносоциологических исследований, организованных Институтом этнологии и антропологии РАН в Татарстане, Башкортостане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии – Алании в 1994, 1996–1997 и 1998–1999 гг.² Помимо массовых опросов, было проведено 230 глубинных интервью с лидерами и специалистами³, имена которых определялись в ходе опросов населения посредством ответа на вопрос «Кто выражает интересы вашего народа?» Кроме того, изучались также выступления политиков и идеологов. Сравнение результатов исследований за разные годы позволяют проследить динамику отношения политических акторов и жителей регионов к суверенитету республик, идеям сепаратизма, национализма, самоопределения и федерализма.

Естественно, в рамках статьи нет возможности осветить протекание всех упомянутых выше сложных процессов. По этой причине мы решили сфокусироваться на следующих трех проблемах: 1) что может составить основу этнической мобилизации; 2) как трансформировался национализм 1990-х гг. в ходе укрепления федеративного государства; 3) что позволяет эффективно сдерживать эскалацию конфликтов и противоречий.

Основой этнической мобилизации и в союзных республиках, и в российских автономиях стало в 1990-х гг. требование, провозглашенное национальными (этническими) активистами, – *сохранить родной язык*. Язык – наиболее чувствительный этнический интегратор, ощущаемый людьми как ценность. Более того, языковые требования тогда имели и социальную основу, отражали социальные и политические интересы местных национальных элит. Знание национального (этнического) языка становилось преимуществом при занятии властных постов. Вводилось обязательное условие для главы республики, например, владеть национальным языком, что, следовательно, лишало представителей других национальностей, не знающих языка республики, в том числе русских, доступа к

¹ Интернационализм тогда понимался как приоритет пролетарских, затем общественных интересов и равноправные дружественные отношения между людьми разных национальностей.

² В каждой из указанных республик выборка составляла 1000 чел. (случайная погрешность колебалась в пределах 4–5%). В число опрошенных входили как русские, так и национальности, дававшие названия республикам. Рук. Л.М. Дробижева.

³ 110 из них опубликованы в: [Дробижева, 1996].

высшим эшелонам власти в регионе. Нередко знать национальный язык должны были не только сотрудники администрации, но и работники сферы обслуживания.

Отвечая на вопрос «Что вас роднит с людьми вашей национальности?», 82% городских и 85% сельских осетин, 77% городских и 83% сельских татар, 72% городских и 83% сельских саха, 78% тувинцев в городах и 84% в селах утверждали – язык. Около 70% русских в национальных республиках хотели тогда, чтобы их дети знали язык так называемых титульных наций. Республиканские газеты в середине 1990-х гг. уделяли языковой тематике самое пристальное внимание. Идеологический прессинг ощущался довольно явно: «...татарский язык серьезно болен»⁴, «если он умрет, то мы погибнем как нация» [Хакимов, 1993]. В то же время, отвечая на вопрос «Какие условия сейчас необходимы для возрождения вашего народа?», поддержку языка называли не многим более 40% [Дробижева и др., 1996: 265–266], при этом 80% татар, более 90% осетин, до 90% якутов и 79% тувинцев хотели, чтобы их дети знали русский язык.

Языковые требования – самые чувствительные, и регулирование интересов в данной сфере – один из барометров умения власти находить диалоговые способы решения проблем. В девяностых таким решением стало принятие закона о языке народа, давшего название республике, и признание его вторым государственным языком в соответствующем регионе. При этом руководству республики предстояло убедить население: интересы «титульной нации» реализовываются, но не в ущерб другим народам. Например, в обращениях президента Татарстана М.Ш. Шаймиева звучали слова «татары и русские», «русские и татары», что указывает на учет интересов обоих контактирующих народов.

Находить компромиссные, диалоговые решения в сфере языка, экологии, использования природных ресурсов – важный урок 1990-х. К сожалению, в истории современной России имеются также случаи, когда противоречия решались насильственным путем – осетино-ингушский вооруженный конфликт из-за спорных территорий и чеченский конфликт. Последний был во многом обусловлен гедонистическими стремлениями круга лиц, претендующих на власть, которых поддерживала часть элиты, зависящей в своей деятельности от власти, и значительная часть простых чеченцев, солидаризировавшихся с элитой вследствие ущемленности в прошлом. О роли элит в эскалации конфликтов писали в свое время Т.Р. Гарр [Gurr, 1993] и Ч. Тилли [Tilly et al., 1975], у нас эту идею во властный дискурс внес В.А. Тишков [1997].

Одним из основных уроков, вынесенных Россией из опыта насильственных конфликтов, стало признание того, что исключительно за государством может признаваться законная монополия силы. Защита общества основывается на верховенстве закона, однако за его соблюдением необходим контроль не только со стороны государства, но и со стороны общества – в мировой практике это называется демократическим участием [Зенгхаас, 2007: 40]. Таким образом, *законная монополия силы, верховенство закона и соблюдение Конституции составляют основу регулирования насильственных конфликтов.*

Уроки институциональных конфликтов. На постсоветском пространстве произошло более сотни невооруженных конфликтов. Большинство из них носили институциональный, конституционный характер, т.е. противоречия в них сводились к законодательным нормам, отражающим идеологии и интересы противоборствующих сторон. В такого рода противостояниях этнокультурные различия не сами по себе очерчивают межгрупповые границы (в понимании Ф. Барта), за ними стоят экономические, политические и некие ситуационные обстоятельства. Идеологии и действия конфронтировавших с Центром республиканских элит были связаны с четко выраженным в 1990-е гг. этнонационализмом.

В советской идеологии, литературе и повседневной практике понятие «национализм» имело явно негативный смысл. Его трактовали как отрицание равенства людей разных национальностей, приоритет какой-то одной нации или расы над остальными. Напротив, в пространстве европейских языков данный феномен был лишен подобной оценочной

⁴См.: Татарские края. 1995. Октябрь. № 38.

нагрузки, его обсуждали, анализировали и критически осмысливали многие авторитетные исследователи. Несовпадение деклараций элит и реальной практики разоблачал Э. Кедури [Kedourie, 1971], осуждал Э. Хобсбаум [1998: 305], порой высмеивал Э. Геллнер [1991: 319]. Однако чужой опыт без изучения собственного не позволял с ходу урегулировать возникшие противоречия и усвоить урок.

В 1960-е гг. Г. Кон предложил различать два вида национализма: *гражданский*, или *западный*, национализм, основанный на свободном самоопределении личности, и *восточный*, основанный на представлениях о приоритете этнических интересов, опирающихся на историю и культуру [Kohn, 1967: 329–333]. Идеи и требования, выдвигавшиеся идеологами в российских республиках, были ближе именно ко второму.

Национализм, согласно большинству специалистов, предполагает наличие общности – нации, имеющей свои особые качества, ее интересы и ценности приоритетны перед другими интересами и ценностями, и главное – нация должна стремиться к достижению политического суверенитета, хотя бы некоторого [Breuilly, 1983]. Национализм, наблюдавшийся в российских республиках, вполне соответствует данному описанию, однако он не был одинаковым на всем российском пространстве. Анализ требований региональных элит и законодательная практика в республиках дают основание утверждать, что *национализм в России был разным*. В этом и заключается один из основных уроков, усвоенных учеными и властью из пережитого опыта невооруженных институциональных конфликтов.

Стремление к полному отделению имело место только в Чеченской Республике, элита которой ратовала за суверенитет. В Татарстане, хотя он и именовался в республиканской Конституции суверенным демократическим государством, выражающим «волю и интересы всего многонационального народа республики», идеологи при власти осознали опасность националистических идей исключительности и нетерпимости, а потому специально подчеркивали: «защита культуры этнических общностей, обучение на родном языке» и «получение самоуправления вплоть до суверенитета не противоречит принципу уважения прав человека» [Исхаков, 1995: 53], т.е. высказывались в духе гражданского национализма. Данный принцип поддерживался и представителями русскоязычной части населения региона. В 1990-е гг. в Татарстане открыто действовали не только Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), Комитет по защите и реализации суверенитета Татарстана «Суверенитет» и Татарская партия национальной независимости «Иттифак», но также и Союз офицеров Татарстана, пророссийская организация открытой оппозиции суверенитету Татарстана «Народовластие», политический блок «Гражданский союз», пророссийская организация реформистской направленности «Согласие», коммунистическая организация «Народный фронт Татарстана».

В Северной Осетии насчитывалось более 20 партий, однако они являлись формально созданными и неэффективными [Гостиева, Дзadzиев, 1995: 219, 229]. В Туве было зарегистрировано шесть партий, но состояли в них исключительно тувинцы. В Саха (Якутии) идею суверенитета активно поддерживали общественные объединения «Саха Кэскил» и «Саха Окум». В то же время там действовали реформаторская демократическая партия Якутии, весьма многочисленная коммунистическая партия Саха. Была в республике и русская общественная организация.

В Татарстане на официальном уровне проводилась идея разделенного суверенитета, зафиксированная в доктринальных документах. «Для нас, – пояснял М.Ш. Шаймиев, – суверенитет означает возможность самим добровольно определять ту долю полномочий, которую мы оставляем себе, и ту долю полномочий, которую делегируем России»⁵. Помимо заявки на разделенный суверенитет, власти республики стремились сами регулировать отношения собственности, формы хозяйствования, нормативы социальной, налоговой, ценовой и инвестиционной политики, при этом, однако, большинство предприятий они оставили в государственной собственности. К подобному типу федерализма Центр,

⁵ Известия Татарстана. 1995. 15 февраля. С. 1.

естественно, был не готов, да и сам президент Татарстана отдавал себе отчет в том, что «мы забежали далеко вперед, и когда в Центре власть окрепнет, мы должны будем определить наши отношения в соответствии с федеральными законами»⁶.

Президент Саха (Якутии) М. Николаев понимал национализм в его советском значении, и в интервью нам он говорил, что это слово завезли приезжающие в республику иностранцы и журналисты. Тем не менее на праздновании пятилетия провозглашения суверенитета республики он заявил: «Мы выдвинули экономическую самостоятельность республики на первый план»⁷. Идеологи якутского национализма высказывались преимущественно за право «коренных народов на природные ресурсы, право на землю, на самоуправление с учетом обычного права»⁸. В несколько меньшей степени они фокусировались на обсуждении этнокультурных проблем языка и «возрождения традиций».

В Северной Осетии – Алании суть суверенитета сводилась главным образом к защите территории, что было обусловлено столкновением с Ингушетией и Южноосетинским конфликтом. Интервью и с президентом республики А.Х. Галазовым, и с этническими активистами буквально пронизаны этой идеей.

Выходом из конфликтных отношений с Центром в середине 1990-х гг. стали договоры, заключавшиеся между правительствами Российской Федерации и республик. Поскольку ситуации и национализмы в республиках имели свои особенности, каждый такой договор отличался своеобразием. Либералы критиковали заключение договоров с республиками, усматривая в этом установление патрон-клиентских отношений (Н. Петров, А. Мельвиль). Тем не менее в тех условиях договоры сыграли положительную роль⁹, став способом снятия конфликтных отношений: «Правовое развитие – не роскошь, а предпосылка мирного разрешения конфликтов» [Зенгхаас, 2007]. Окончательную точку в урегулирование конституционных конфликтов поставило решение Конституционного суда РФ 2000 г., отменившее суверенитет республик. Это оказалось возможным, когда Центр стал сильным.

Провозглашение суверенитета не означало сецессии территории. «Куда же мы выйдем, – говорили нам тогда в интервью представители администрации Татарстана. – Дело не только в геоположении республики». И в Центре, и на местах понимали: в 24 часа Центробанк может перекрыть поступление финансов, без которых функционирование экономической и социальной сфер региона невозможно. Да и на уровне федерации в целом мобилизация вокруг этого требования не обеспечивала достаточный уровень политического капитала. Уже с середины 1990-х гг. политические партии перестали использовать его для мобилизации, понимая, что нерусское население республик составляет менее 1/5 всего электората, а к концу десятилетия в них начали приобретать популярность ценности объединения на основе принципов согражданства и общей заинтересованности в стабилизации ситуации. Не случайно «Наш дом Россия» лидировал в Татарстане, Туве и Северной Осетии. И в то же время идеи суверенитета в виде требований большего участия в распоряжении природными ресурсами и принятии экономических решений поддерживали тогда более 60% населения республик (57% – в Северной Осетии, 64% – в Татарстане, 68% – в Саха (Якутии) и Туве), в том числе более 40% русских.

Властная элита республик, именуемая в Центре этнократией, в 1990-х гг. имела возможность использовать для мобилизации не только этнокультурные ценности – язык и традиции, но также экологические интересы и идеи демократии, которая трактовалась тогда как уважение к правам меньшинства. Практикой урегулирования конфликтных ситуаций стало предоставление возможности проявить этническую идентичность на публичной арене при сохранении равновесия между интересами различных общественных сил, что обеспечивало компромисс, социально-культурную лояльность и культурные

⁶ Запись выступления М.Ш. Шаймиева на конференции по федерализму в 1995 г. в Академии наук.

⁷ Обращение М.Н. Николаева // Республика Саха. 1995. 14 февраля.

⁸ Винокурова У. День коренных народов // Республика Саха. 1995. 9 августа.

⁹ Опросы 1994 г. в Татарстане показали, например, что 60% татар и 70% русских поддерживали подписание такого договора [Дробижева и др., 1996: 78].

укоренившиеся связи. Конституционные противоречия возникали и требовали решения не только на уровне Центр – субъекты федерации, но и на уровне межэтнических отношений внутри республик. Признание еще чьих-то интересов, кроме собственных, становилось сложной проблемой для региональных элит. Этнократия, о которой писал Ж.Т. Тощенко, была реальностью, и правительствам в субъектах федерации, если они желали оставаться легитимными, приходилось проявлять способность к диалогу¹⁰. Вместе с тем, как показывали результаты опросов, равенство возможностей в республиках не всегда соблюдалось. Не только русские, но и представители национальностей, давших название республикам, признавали, что этническая принадлежность человека имела значение при доступе к власти. В 1999 г. 26% русских и 18% татар Башкортостана считали, что у башкир больше возможностей получить хорошо оплачиваемую работу в республике, а 44–49% татар и русских – что у башкир больше возможностей занять высокий пост в органах власти. Среди башкир с этим соглашались лишь 13–29%. Примечательно, что и в 2013 г. мнения в тренде оставались прежними и изменились к лучшему не более чем на 10% по каждому показателю. Какой урок из этого можно извлечь? Опыт 1990-х гг. подсказывает: *и на федеральном уровне, и на уровне субъектов федерации государство обязано не допускать социальной дискриминации, в том числе по этническому признаку, и стремиться обеспечивать равенство возможностей в трудовой, социальной и политической сферах.*

В 1990-е гг. элиты играли преимущественную роль в формировании массовых настроений. Идеи политической, научной, художественной элит транслировались СМИ и работниками сферы образования, а в традиционных обществах также старейшинами и «авторитетными людьми». В массовых опросах мы фиксировали распространение устойчивого мнения о напряжениях, активно обсуждавшихся средствами информации. В то же время участники глубинных интервью говорили об информационной войне.

Если последствия ненасильственных конфликтов сводились к фрустрации, ксенофобии и миграции, то насильственные сопровождались жертвами и потоками беженцев. Число беженцев и переселенцев из Северной Осетии – Алании, например, оценивалось примерно в 100 тыс. человек, 600 человек погибло. Из Чечни только с конца 1994 г. по апрель 1995 г. уехало 302,8 тыс. человек¹¹.

Факторы и причины насильственных и ненасильственных конфликтов обсуждались и в 1990-х, и в 2000-х гг., и у нас в стране, и за рубежом. Существуют разные подходы к их объяснению, но главное, что необходимо вынести из этого печального опыта, – *этнические вызовы и радикальные формы их реализации имели место быть при слабой власти Центра*. На каком-то историческом отрезке времени происходят изменения в потенциале этнических групп (структурно-функциональная модель Т. Парсонса), элиты которых претендуют на престижные места, прежде всего во власти. Так было не только у нас в 1990-х. Аналогичные процессы наблюдались в 1970-х гг. в Бельгии и Канаде. После озвучивания претензий на изменения текущая ситуация может сохраняться довольно долго, пока центральная власть сильна. Но если она теряет легитимность, как было в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., появляется шанс на реализацию претензий, а дальше эскалация или купирование конфликтных ситуаций в решающей мере зависит от состояния центральной власти. Собственно, это мы и наблюдали в России. За легитимацией центральной власти в конце 1990-х – начале 2000-х гг. последовало законодательное устранение отклонений в Конституциях субъектов федерации, противоречащих федеральным законам.

Совершенствовать управление полиэтническим обществом – и в этом заключалась особенность новой России 2000-х гг. – приходилось, учитывая, что российские народы имели опыт советского периода, когда, пусть и декларативно, у них была своя государственность, и опыт 1990-х, когда попытки демократической элиты Центра построить федерализм без этничности (устранить республики) встретили сопротивление в регионах,

¹⁰ Правительство Татарстана, например, еще в 1990-х сняло 15%-ную надбавку за знание языка и сократило число факультетов в вузах, где преподавание велось на татарском языке.

¹¹ Желудков А. Бедствия России – беженцы. Бедствия беженцев – нищета // Известия. 1995. 19 апреля.

заставившее искать компромиссные решения. Кроме того, существовали различия в понимании демократии. Среди политиков и части ученых сохранялось представление о демократическом федерализме как неэтническом федерализме гражданского равноправия. В отличие от них республиканские идеологи связывали демократию с возможностью учета этнокультурной сложности в конституционно-правовом пространстве страны.

Управление культурным многообразием. В отечественной литературе политика государства в сфере межэтнических отношений называется нациестроительством. Такая политика проводится во всех странах, которые должны совмещать разнообразие языков, религий, этничностей, рас с универсальностью соблюдения общих законов и общей гражданской идентичностью. В настоящей статье вместо термина «нациестроительство» будет использоваться словосочетание «управление культурным многообразием», поскольку оно, на наш взгляд, точнее описывает российскую политику, уходящую от мультикультурализма, но сохраняющую признание культурного разнообразия и языков народов при гарантиях гражданам свободы культурного выбора (каждый вправе сам определять свою этническую принадлежность) и одновременно направляющую усилия государства на межкультурное взаимодействие, развитие диалога и доверия между народами и государством. К соблюдению ряда норм России обязывает также ратификация ею религиозной конвенции о защите национальных меньшинств в 1998 г.

Управление культурным многообразием на государственном уровне возможно, если, вопреки концепциям неолиберализма и постмодерна, принять нацию-государство в качестве сохраняющейся нормы современных государств. Не вступая в дискуссию о негативных последствиях этатизма для формирования политической нации (превалирование неформальных правил, низкое межличностное и институциональное доверие), мы полагаем, что государство и формирование единой политической нации остается в современных условиях необходимой формой общественной коалиции.

Основополагающим документом при управлении культурным многообразием является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где впервые в доктринальном пространстве управления появилось понятие «российская нация». В современном мире существуют два понимания нации: гражданская политическая нация и этническая этнокультурная нация. История знает примеры трансформации одной в другую, элементы той и другой могут присутствовать в каждой из них, тем не менее существуют и те, и другие. Во многих современных многокультурных государствах есть свои внутренние нации, что объясняет существование понятия «нация наций» [Тишков, 2008].

Управление культурным многообразием направлено на укрепление общероссийской нации как интегрирующей общество, стимулирующей межкультурные взаимодействия и развитие гражданской солидарности. Для этого управляющий аппарат обеспечивает включение указанной тематики в образовательный процесс, пространство СМИ и Интернета и содействует практикам общественной саморегуляции (например, стихийно рождающимся формам взаимопомощи, особенно актуальными в условиях пандемии). Успешность укрепления национальной (общероссийской) идентичности в поликультурной стране во многом зависит от учета растущей этнической идентичности как русских, так и других народов, ее направленности в конструктивное, а не дезинтегрирующее русло. Опыт нашей страны показывает: на конкретных исторических этапах и в определенных условиях у разных народов этническая идентичность могла вызывать и позитивные солидаризирующие, и разрушительные последствия.

Управление этнокультурным развитием в России предполагает учет всего разнообразия нашего сложного государства, где есть и национальные автономии, и коренные малочисленные народы, и такие народы, как цыгане и айсоры, и дисперсно расселенные люди разных национальностей, и диаспорные группы, и, наконец, привлекающие особое внимание ведомств и экспертов мигранты, внешние и внутренние. Люди каждой идентичности различаются по уровню развития их гражданской культуры и сохранности традиционных отношений, соответственно, и интеграционные процессы у них протекают с разной скоростью и обладают своеобразием.

В рамках статьи сложно подробно рассмотреть весь комплекс вопросов, касающихся этничности в связи с социальным, экономическим, политическим, историко-культурным контекстами в регионах. Поэтому остановимся на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к сохранению единства страны. Обсудим их на примере республик, выполняющих роль барометра состояния межэтнических отношений в стране, – Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия).

Татарстан – регион с высокой этнической солидарностью: 68% татар и 54% русских считают, что «человеку важно чувствовать себя частью своей национальности»¹², 84% татар и 78% русских ощущают связь с людьми своей национальности. Однако при такой высокой значимости этничности в республике поддерживаются достаточно благоприятные межэтнические отношения: 77% татарстанцев посчитали их «благоприятными и спокойными». С недоверием и неприязнью из-за этнической принадлежности сталкивались за последний год только 12%. Данное значение оказалось одинаковым и у русских, и у татар и совпало с общероссийским показателем.

Поддержание благоприятных межэтнических отношений – результат высокой заинтересованности населения в сохранении спокойствия и грамотной политики органов управления в непростых условиях. Со времен 1990-х гг. в республике продолжает действовать Всероссийский Татарский общественный центр, борющийся за сохранение татарского языка¹³. Кроме него, в Татарстане функционируют официально поддерживаемая организация татар – Всемирный конгресс татар, «Русское национально-культурное движение Республики Татарстан», Ассамблея народов Татарстана, куда входят организации чувашей и других национальностей, Казанский правозащитный центр и иные общественные объединения, в том числе религиозные. Естественно, принципиальное значение имеют позиция руководства республики и его отношения с федеральным центром. Во главе Татарстана стоит авторитетный среди и татар, и русских лидер. При сильной власти межэтнические противоречия сдерживаются и в известной мере нивелируются другими событиями общероссийского и экономического плана. «Сегодня Татарстан – передовой и экономически успешный регион, который последовательно поддерживает курс на строительство сильной России», – заявил во время празднования 100-летнего юбилея республики в 2020 г. Р.Н. Минниханов, а в сохранении межнационального согласия он отметил поддержку федерального центра «и прежде всего нашего национального лидера Владимира Путина»¹⁴. Вместе с тем слова главы республики не означают, что управления межнациональными отношениями в регионе не требуется. В Татарстане очень остро воспринимается проблема сохранения родного языка¹⁵, причем не только активистами, но и 59% татар, при этом 49% татар считают родным и русский язык.

Сложность управления межэтническими отношениями в соседнем Башкортостане заключается в том, что это республика с самым высоким уровнем межэтнических контактов, где народ, давший название республике, не составляет большинства. При высоком уровне этнической идентичности (79% башкортостанцев уверенно идентифицируют себя по этничности, особенно башкиры и татары) в республике удерживаются достаточно

¹² Здесь и далее приводятся данные опросов 2020 г., проведенных Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с РОО «Центр по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан».

¹³ Правда, на последнем съезде писателей Татарстана эту организацию назвали «маргинальной структурой, где ностальгируют пожилые активисты, ...но чтоб он стал интеллектуальным центром, надеяться не приходится». См.: «Оставшийся с советского периода колхоз»: есть ли шанс на перезагрузку союза писателей РТ? // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/500731> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁴ Рустам Минниханов: Предмет нашей гордости и уверенности в будущем // Республика Татарстан. 2020. 25 мая. Вып. № 74(28843). URL: <http://rt-online.ru/predmet-nashej-gordosti-i-uverennosti-v-budushhem/> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁵ Сейчас актуализировалась проблема всероссийской переписи, в связи с которой обсуждается вопрос о возможности записать не одну этническую принадлежность и дать ответ о двух родных языках.

благоприятные отношения (так их оценивали 74–77% населения). Вместе с тем башкиры обеспокоены вопросами сохранения родного языка и экологическими проблемами, которые приобретают социально-политическое звучание (достаточно вспомнить протесты, связанные с сохранением Куштау).

Проблемы экологии и природных ресурсов актуальны и для жителей Саха (Якутии). Требование участия в использовании природных ресурсов озвучивается экспертами здесь с 1990-х гг. Во время опросов 2020 г. 89% (92% саха и 86% русских) назвали «важным для республики участие якутян в использовании ресурсов на ее территории»¹⁶. В то же время языковые проблемы стоят в Якутии не столь остро, как в Татарстане и Башкортостане. На обязательном изучении языка саха всеми школьниками в 2020 г. настаивали 35%, почти половина саха высказались за добровольное изучение его в школе. Межэтнические отношения в регионе 75% оценивали как благоприятные. По заверениям главы республики А. Николаева, «Якутия всегда была и остается оплотом российской государственности на бескрайних просторах северо-восточной части страны»¹⁷. Тем не менее значимость этничности здесь высокая: 96% саха и 88% русских ощущают близость с людьми своей национальности, и ее актуализация выше, чем в случае с другими коллективными идентичностями (поколенческой, по вероисповеданию, локальной).

В российских национальных республиках разрабатываются стратегии развития народов, в связи с чем там идут дискуссии именно с этническим акцентом, которые показывают, что в новых социально-политических условиях, как и в 1990-е гг., национализмы в республиках различаются. В Татарстане акцент делается на этнокультурной устойчивости через маркеры языка и традиций. В Башкортостане озвучиваются те же идеи, однако понятие «башкир» в предложенной стратегии трактуется широко: «Если он (человек) не говорит на башкирском языке, но при этом чувствует себя частью этого великого народа, гордится своей принадлежностью, то он – башкир. Любой, кто живет в Башкортостане, дорожит республикой и трудится на ее благо – имеет право считать себя башкиром»¹⁸. По сути, в республике делается попытка включить в идеологию элементы гражданского национализма. Хотя не вся башкирская элита с этим согласна, инновация уже внесена, и она не случайна. Среди идеологов в России на протяжении нескольких лет обсуждается вопрос гражданского национализма как идеологии и практики государства и управления культурно сложными общностями («нациями наций») современности. И не один год на страницах журнала «Россия в глобальной политике» идет обсуждение легитимности государства в современном мире. В частности, высказывается идея, что для этого необходим основательный источник, «коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности» [Ливен, 2020: 26]; «...государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее чувством национального самосознания, когда каждое поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству» [Тишков, 2021].

В основе национализма лежат представления о народе как согражданстве, и он направлен на консолидацию гражданской нации¹⁹. Реализуясь в экономике, политике, культуре, национализм обеспечивает солидарность народа, особенно в условиях внутренних напряжений или конфликтов, и мобилизацию на отстаивание интересов Отечества. Когда В.В. Путин называет себя националистом, он имеет в виду именно такой национализм.

¹⁶ Результаты совместного исследования 2020 г. Центра стратегических исследований при главе Республики Саха (Якутия) и Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

¹⁷ Выступление А. Николаева на Дне государственного флага в 2020 г.

¹⁸ Выступление Р. Хабирова на V Всемирном курултае башкир 2019 г. См.: «Копировать опыт Татарстана – серьезный шаг назад»: Курултай башкир принял свою стратегию // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498335> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁹ Такой национализм тоже бывает разным и порой допускает дискриминацию меньшинств и экспансию [Ливен, 2015].

«Самый большой националист в России – это я, – заявил он на Валдайском форуме 2014 г. – Но самый большой, самый правильный национализм – это выстраивание действий и политики таким образом, чтобы это пошло на благо народу. А если под национализмом будет пониматься нетерпимость к другим людям, шовинизм, это будет разрушать нашу страну, которая изначально складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство»²⁰. В 2018 г. он пояснял свою позицию: «...я хочу, чтобы Россия сохранилась, в том числе и в интересах русского народа. И в этом смысле я и сказал, что самым правильным, самым настоящим националистом и самым эффективным являюсь я. Но это не пещерный национализм, ...который ведет к развалу нашего государства. Вот в чем разница»²¹.

В стране в целом, в каждом субъекте федерации и в массовом сознании присутствуют элементы разных национализмов. Признавая это, легче находить понимание и выстраивать взаимоприемлемое общежитие людей с разной культурой и религией. Управление культурным многообразием как раз и направлено на то, чтобы, учитывая реальную этносоциальную и этнополитическую практику, соединить гражданскую солидарность всех россиян с прогрессивными элементами этнического самосознания и патриотизма.

Некоторые выводы. В сложных многосоставных обществах нельзя решать вопросы сохранения согласия без участия государства. Последнее выражается не только в функционировании специального учреждения, призванного регулировать межэтнические отношения (у нас это Федеральное агентство по делам национальностей), но и в создании социальных коалиций, обеспечивающих правовые нормы общежития, деятельность по хозяйственно-организационному жизнеобеспечению, поддержание системы социальных институтов, в том числе просвещения, безопасности, предотвращения насилия.

В современных обществах, декларирующих принципы демократии, важная роль отводится участию граждан в регулировании социальных и этнических противоречий. В России существует Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, экспертные советы в Совете Федерации, Государственной думе, ФАДН и административных органах субъектов федерации. В стране насчитывается свыше девятисот федеральных, региональных и муниципальных национальных автономий, однако, как показывали опросы, знают о них не более 4–9% наших граждан, а принимают участие в их деятельности еще меньше. Очевидно, что гражданское участие в регулировании межэтнических противоречий, будь то потребности в образовании на языках народов, поддержание или элиминирование каких-то традиций (не соответствующих законам), конфликтные ситуации с мигрантами, недопущение дискриминации по этническому, религиозному принципам и т.д., должно быть более широким. Это могут быть общественные обсуждения готовящихся законодательных и правовых актов, волонтерские движения в поддержку общественного порядка в городе, муниципальном округе, дворах, участие общественных инициативных организаций в учебных заведениях с целью поддержания или элиминирования культурных различий в ходе совместных действий.

Чувство солидарности, сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за настоящее и будущее того, что мы называем общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием, – для многонациональной России это имеет принципиальное, решающее значение. Как специально отметил президент РФ на последнем заседании Совета по межнациональным отношениям, этническая идентичность может иметь не только конкурентную, но и позитивную, конструктивную направленность, и с такой идентичностью общероссийская гражданская идентичность вполне совместима²². При реализации современных государственных проектов учет опыта регулирования противоречий и конфликтов 1990-х гг. может стать полезным ориентиром, помогающим найти способы укрепления межнационального согласия и сбережения этнокультурного и религиозного разнообразия страны.

²⁰ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2014. 24 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 03.04.2021).

²¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2018. 18 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 03.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.
- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гостиева Л.К., Дзadzиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Развивающийся электорат России. Т. 2. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. С. 214–241.
- Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Л. Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Мысль, 1996.
- Зенгхаас Д. К цивилизационной форме конфликта: конструктивный пацифизм как ведущее понятие в трансформации конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергховского центра. М.: Наука, 2007. С. 37–50.
- Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. 1995. № 1. С. 46–58.
- Ливен А. Анатомия американского национализма / Пер. с англ. А. Мовчан. М.: Эксмо, 2015.
- Ливен А. Прогрессивный национализм: Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5(105). С. 25–42.
- Паин Э.А. Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). С. 42–62.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Россия – это нация наций (в связи с новой концепцией национальной политики) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78. С. 10–15.
- Хакимов Р.С. Смерки империи (К вопросу о нации и государстве). Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильев. СПб.: Алетейя, 1998.
- Breuilly J. Nationalism and the State. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: U.S. Institute of Peace Press, 1993.
- Kedourie E. Nationalism in Asia and Africa. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.
- Kohn H. The Idea of Nationalism. New York: Collier-Macmillan, 1967.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century 1830–1930. Cambridge: Harvard University Press, 1975.

Статья поступила: 13.04.21. Принята к публикации: 04.07.21.

²² Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. 2021. 30 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 03.04.2021).

1990s' EXPERIENCE AND CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT

DROBIZHEVA L.M.

*Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia**Leokadiya M. DROBIZHEVA, Dr. Sci. (His.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.*

Acknowledgements. This article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00241.

Abstract. The article analyses the lessons that the state and society could learn from the institutional contradictions and violent conflicts that were overcome in Russia in the 1990s. Ethnic mobilization and ways of getting out of conflict situations are analysed. Based on specific materials, it is shown that the most important lesson was the ability to find compromise, dialogue ways to remove contradictions in the field of language, ecology, requests for participation in the use of local natural resources, increasing independence in the economy, and developing culture.

Most of the controversy was related to the institutional sphere, violation of the constitution and federal laws. The author shows that the regulation of such conflicts in multi-component federations is facilitated by the understanding that the ethnic nationalism of elites in the republics is different. On the example of the analysis of the discourse and legislative practice of Bashkortostan, North Ossetia–Alania, Tatarstan and Tuva, it is shown that divided sovereignty (not secession) was discussed in Tatarstan, but in it, as in Sakha and Bashkortostan, economic and cultural nationalism, defensive in North Ossetia–Alania, mainly cultural in Tuva. Accordingly, the agreements between the government of the Russian Federation and the government of the republics differed. Compromise solutions were temporary and as soon as a strong legitimate government was formed in the Centre, they ceased to operate, this is also one of the lessons of the 1990s.

Interethnic contradictions within the republics were also achieved by compromise solutions. However, the problem of ensuring equal opportunities in the labour and political spheres still remains.

The lesson in preventing the escalation of power conflicts was the recognition of the legitimate monopoly of power on the part of the state. The protection of society is based on the rule of law, but compliance with the law needs control from both the state and society.

The final part of the article is devoted to the regulation of interethnic relations in the second decade of the 2000s. The author supports the idea of calling this process the management of cultural diversity, since the term nation-building used earlier contains a double understanding of the nation, both ethnocultural and civil.

The cited research results in the country and the republics show that ethnic identity remains very stable. But nowhere does it appear as a confrontational all-Russian identity, but is combined with it among the majority of the population. It can be assumed that the idea of the people as co-citizenship, aimed at consolidating social, spatial and ethnocultural communities, realizing their interests in the economy, politics, culture, contributes to the provision of solidarity in the country.

Keywords: ethnic mobilization, institutional and violent conflicts, ethnic nationalism, cultural diversity management, civil nationalism.

REFERENCES

- Abdulatipov R.G., Mihailov V.A. (2016) *Russia in the 21st Century: National Answer on the National Question*. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatelskiy tsentr "Ethnosocium". (In Russ.)
- Breuilly J. (1993) *Nationalism and the State*. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press.
- Drobizheva L.M. (1996) *The Elite of the Republics of the Russian Federation Says: L. Drobizheva's 110 Interviews with Politicians, Businessmen, Scientists, Cultural and Religious Figures, Leaders of the Opposition Movements*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 90s*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism*. Ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gostiyeva L.K., Dzadziev A.B. (1995) *Ethnopolitical Situation in North Ossetia*. In: *Developing Electorate of Russia*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS: 214–241. (In Russ.)
- Gurr T.R. (1993) *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: U.S. Institute of Peace Press.

- Iskhakov D. (1996) *Model of Tatarstan: pro et contra*. Panorama-Forum. No. 1: 46–58. (In Russ.)
- Kedourie E. (1971) *Nationalism in Asia and Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Khakimov R.S. (1993) *Twilight of the Empire (On the Nation and the State)*. Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russ.)
- Khobsbaum E. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Kohn H. (1967) *The Idea of Nationalism*. New York: Collier-Macmillan.
- Lieven A. (2015) *Anatomy of American Nationalism*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Lieven A. (2020) Progressive Nationalism. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 18. No. 5(105): 25–42. (In Russ.)
- Pain E.A. (2004) *Ethnopolitical Pendulum: Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in post-Soviet Russia*. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)
- Senghaas D. (2007) The Civilization of Conflict: Constructive Pacifism as a Guiding Notion for Conflict Transformation. In: Austin A., Fischer M., Ropers N. (eds) *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Moscow: Nauka: 35–50. (In Russ.)
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. (1975) *The Rebellious Century 1830–1930*. Cambridge, Harvard University Press.
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) Nation, Nationalism and Nation-building. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 19. No. 2(108): 42–62. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) Russia is a Nation of Nations (In Connection with the New Concept of National Policy). *Byulleten seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Bulletin of Ethnological Monitoring and Conflict Early Preventing Network]. No. 78: 10–15. (In Russ.)

Received: 13.04.21. Accepted: 04.07.21.

КАК МОЖНО БЫЛО СОХРАНИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (БАЛТИЙСКИЙ РАКУРС)

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. В декабре 1991 г. произошел распад Советского Союза – событие, обрушившее устойчивое равновесие сложившегося после Второй мировой войны биполярного мира и вызвавшее процесс формирования новой конфигурации миро-системы, сопровождаемый ростом рискогенности и региональными конфликтами. В причинах этого события много составляющих, далеко не все из которых подвергнуты анализу, в том числе – субъективный фактор, значение которого возрастает с развитием общества. В статье на основе широкого фактологического и библиографического материала показана динамика общественного сознания в СССР второй половины 1980-х гг. в ожидании реформ, направленных на обновление страны. Автором доказывается, что действия руководителя страны М.С. Горбачёва, его упорное сопротивление проведению реформ, привели СССР к глубокому системному кризису и к последующей катастрофе.

Ключевые слова: системный кризис • общественные настроения • объективные и субъективные факторы общественного развития

DOI: 10.31857/5013216250014595-7

Потенциал для социально-экономического развития СССР. К 1980-м гг. возможности экстенсивного развития народного хозяйства СССР были полностью исчерпаны. Советская экономика вступила в период затяжного кризиса, а в 1983 г. впервые за послевоенный период даже по официальным данным роста ВВП не было [Народное хозяйство..., 1984: 43]. Модель централизованного директивно-распределительного управления себя изжила. Порочность сложившейся системы управления народным хозяйством стала очевидной практически для всех слоев населения. Советский Союз нуждался в коренной модернизации, для проведения которой имелись необходимые ресурсы.

Во-первых, СССР обладал богатым человеческим капиталом. Сегодня никто не оспаривает, что главное богатство государства, основное условие и источник модернизации, – это его человеческий капитал. СССР к началу перестройки обладал им в полной мере. Советская система образования считалась одной из лучших в мире, а ее высокое качество даже сегодня, много лет спустя, никем в мире не оспаривается. СССР располагал целым рядом научных школ, в том числе одной из лучших в мире – математической¹. Ведущие советские вузы готовили кадры высококласных специалистов, многие из которых также ныне работают в западных научных центрах². Население СССР было одним из

¹ Многие ее представители работают теперь за рубежом: М. Громов, лауреат Абелевской премии, которая считается в математике эквивалентом Нобелевской; В. Воеводский, лауреат премии Джона Филдса, высшей премии Международного конгресса математиков; Д. Каждан, лауреат премии Кампе де Ферье, через год после эмиграции из России избранный членом Национальной академии наук США, и многие другие. За рубежом работают и ведущие советские физики, в том числе ставшие там нобелевскими лауреатами К. Новосёлов и А. Гейм.

² После развала СССР американская Силиконовая долина заговорила по-русски, так как туда устремились выпускники советских вузов. В США они считаются лучшими программистами и разработчиками вычислительной техники. Только в Калифорнии работают около 60 тыс. выходцев из СССР –

наиболее образованных в мире; страна, по оценкам зарубежных социологических служб, считалась «самой читающей».

Во-вторых, несмотря на наметившееся отставание от передовых стран, к середине 1980-х гг. СССР обладал развитой производственно-технической базой: из 45-ти макро-технологий, обеспечивающих мировое производство наукоемкой продукции, в 23-х он занимал первые места (космическая и авиационная техника, атомная энергетика, приборостроение, биохимия и др.) или входил в число лидеров [Петраков, 2005: 188]. В вычислительной технике СССР опережал европейцев и американцев по целому ряду направлений³. «Закрытые» города, где осуществлялись научные исследования и производилась наукоемкая продукция, густой сетью опоясывали Москву, Ленинград, Свердловск, Горький, Саратов, Новосибирск, Томск, Красноярск. Еще одним показателем высокого технического уровня страны является наличие собственного станкостроения: только 18 стран обладали собственным производством станков, среди них наша страна всегда занимала 2–3-е место. Производство военной продукции – еще один показатель высокой научно-технической базы страны: СССР по экспорту вооружений занимал 2-е место в мире.

В-третьих, СССР располагал уникальными природными богатствами – самая большая в мире зона черноземов и около 30% разведанных мировых запасов минералов (практически вся таблица Менделеева) и энергоресурсов при 3,2% мирового населения. Не существовало в мире государств, которые имели бы столь значительные сокровища недр.

В-четвертых, это – энергетика населения, духовный подъем, охвативший практически всех жителей страны. Готовность привыкшего к испытаниям народа к новым трудностям ради превращения страны в современное благополучное государство была всеобщей. Уместно вспомнить ленинский тезис, что «идея, овладевшая массами, становится материальной силой».

К этому следует добавить благоприятные международные условия. Мировая (прежде всего европейская) общественность после окончания холодной войны смотрела на СССР с надеждой на его возвращение в лоно развитых демократических стран. Какие еще дополнительные условия нужны были для модернизационного прорыва? Тем более что опыт внедрения рыночных методов в социалистическую экономику тоже уже был.

В марте 1985 г., когда Горбачёв стал генеральным секретарем ЦК КПСС, в коммунистическом Китае успешное внедрение рыночных механизмов в плановую экономику шло уже в течение 7 лет. И это при том, что основная масса населения СССР – не полуграмотные крестьяне с рисовых полей, а образованные люди. Это подчеркивало преимущество Горбачёва перед Дэн Сяопином, одним из самых успешных реформаторов современности, который начал проводить реформы в несопоставимо более тяжелых условиях⁴, когда во многих провинциях Китая свирепствовал голод. Однако уже через 2 года (!) после внедрения хозрасчетных отношений в сельском хозяйстве Китай стал экспортировать

математики, физики, химики, биологи, биофизики, семиотики, лингвисты, инженеры, программисты. По оценке одного из ведущих советских бактериологов К. Алибекова, уехавшего в США в 2004 г., к началу 2012 г. в различных странах мира работали около 800 тыс. советских ученых, в том числе более 70 тыс. из оборонных отраслей (Аргументы и факты. 2012. № 21. С. 9).

³Первенство советского компьютера не оспаривают и американцы. В статье «Русские идут» К. Дифендорф, разработчик одного из первых западных суперкалярных процессоров, признал, что русские создали такие компьютеры на 15 лет раньше, чем их западные коллеги [Diefendorff, 1999: 36].

⁴Китай конца 1970-х гг. после 15 лет «Большого скачка» и «Великой культурной революции» находился в глубокой социально-экономической депрессии. Хозяйственная разруха дополнялась образовательной и интеллектуальной: в течение 10 лет высшие учебные заведения в Китае были закрыты, десятки тысяч специалистов репрессированы, инженерно-технические и научные кадры физически истреблены или сосланы в деревни. По данным голландского историка Ф. Дикоттера, автора книги «Большой голод Мао», только «Большой скачок» унес жизни не менее 45 млн человек [Dikötter, 2013: 74]. Сам Дэн Сяопин был дважды репрессирован. Кстати, в середине 1920-х гг., в период НЭПа, Дэн Сяопин учился в Москве в Университете трудящихся Востока и увлекался «рыночными» идеями Н. Бухарина, книгу которого «Экономика переходного периода» он часто цитировал.

в СССР излишки продовольствия. На этом фоне успехи предстоящих реформ в СССР не вызывали сомнений.

Помимо Китая был и другой пример наших соседей – северные страны Европы, социал-демократическим правительствам которых удалось найти баланс между базовыми ценностями общественного устройства – свободой и справедливостью. Именно в этом регионе еще в 1930-е гг. первым в Европе появился общественно-политический феномен – «социальное государство» (в советском обиходе – «шведский социализм»). Речь идет о системе отношений, которая в наибольшей мере соответствует самой человеческой природе – стремлению к свободе и личному успеху (в условиях рыночной экономики – к богатству).

Появившийся в 1980-х гг. доступ к познанию форм организации социальной жизни в странах Западной Европы сыграл роль мощного импульса к проведению общественных преобразований. СССР располагал регионом, где эти формы действовали еще сравнительно недавно (всего 40–45 лет назад), – прибалтийские республики. Стремление к кардинальным переменам было общим для населения всех союзных республик, но в Прибалтике оно не только проявлялось острее, чем в других регионах страны, но и отличалось конструктивностью. На модернизационный настрой населения прибалтийских республик обращали внимание многие аналитики. Английский историк А. Браун писал: «Когда жители Прибалтики сравнивают свой уровень жизни с соседями, они заглядывают не на соседствующие с республиками Кавказа и Средней Азии государства “третьего мира”, а на процветающих финнов и скандинавов, представляя себя на их месте» [Браун, 1989: 27].

В республиках Прибалтики, прежде всего в Эстонии и Латвии, хозяйственную жизнь традиционно определяла протестантская трудовая этика и близкая к ней трудовая этика русских старообрядцев, составлявших с конца XVII в. значительную долю населения Прибалтики. Роль этого фактора в экономике проявилась в период развития капитализма в России в конце XIX – начале XX в.: Рига была третьим после Москвы и Петербурга центром промышленности и науки, здесь располагались заводы по производству первых российских электромоторов, автомобилей, аэропланов. В Советском Союзе товары и услуги, произведенные в Прибалтике, всегда пользовались повышенным спросом.

В СССР Эстония являлась единственной республикой, население которой могло ежедневно видеть «мир капитализма». С 1965 г. здесь можно было смотреть финские телепрограммы, что было интересно как эстонцам, так и русским⁵: «Словно окно в мир открылось, – писал зав. идеологическим отделом ЦК КПЭ М. Титма. – Мы увидели, как он не похож на тот, в котором мы живем» [Титма, 1989: 33]. А ведь Финляндия по европейским меркам тогда была небогатой страной.

Составляющие СССР регионы отличались чрезвычайным разнообразием: природным, экономическим, социальным, демографическим, историко-культурным, в том числе степенью готовности к общественной модернизации [Симонян, 2002: 31]. В составе населения Прибалтики (как Москвы и Ленинграда) была самая высокая доля интеллигенции (в Эстонии – 32,7%) [Народное хозяйство..., 1990: 609], – социальной группы, обладающей повышенной рефлексией и особенно остро реагирующей на происходящее.

Руководители СССР умело использовали преимущества Прибалтики, которая с 1960-х гг. была бесценным полигоном проведения целого ряда экономических экспериментов, технических и организационных нововведений, опробования новых методов управления хозяйственным механизмом. Прибалтийский опыт внедрения хозрасчета в управление строительством, местной и пищевой промышленностью, бытовыми услугами, начатый в 1986 г. в Эстонии, уже показал высокий экономический эффект [Хозяйственный..., 1988]. Поэтому неудивительно, что этот регион, наряду с Москвой и Ленинградом, оказался лидером перестроечных процессов в СССР. Это подтверждает, например, четырехдневный визит

⁵ По переписи 1989 г., эстонцы составляли 61,5% населения республики, Таллинна – 47,2%.

Горбачёва в феврале 1987 г. в Латвию и Эстонию⁶, насыщенный встречами с трудовыми коллективами предприятий и научно-исследовательских институтов.

1988 год – пик надежд на перестройку. Ситуация в экономике к началу перестройки была настолько очевидной, что серьезно критиковать сверхцентрализованное управление экономикой уже не имело смысла. Никаких «профессиональных экономических секторов» для широкой общественности давно уже не было: в стране огромные ресурсы используются крайне неэффективно, а порой просто преступно. Энергия перемен ощущалась в общественной атмосфере. «Тысячи возбужденных людей ходили по Москве, Ленинграду, Свердловску и другим большим и малым городам, они жаждали решительных действий по реформированию страны» [Любарский, 1988: 31]. Энтузиазм, охвативший население, был наиболее заметен на западе страны: «Начавшиеся в СССР политические преобразования, особенно в 1988 г., вихрем охватили Эстонию, Латвию и Литву» [Вейдеман, 2008: 77]. При этом этнический фактор не был первостепенным: русскоязычные (русские, украинцы, белорусы, евреи и др.) составляли большинство во многих городах Прибалтики, не говоря уже о трудовых коллективах крупных промышленных предприятий, руководители которых были преимущественно представителями нетитульных этносов.

То, что для вывода страны из экономического тупика стоял «под парами» прибалтийский локомотив, было несомненным козырем инициаторов перестройки. «Однако время шло, – свидетельствует советник Горбачёва А. Грачёв, – а провозглашенные с трибуны съезда и обещанные обществу перемены не происходили» [Грачёв, 2001: 156]. Помощник Горбачёва А. Черняев потом напишет о подмене реальных действий потоками слов: «С каждым годом Горбачёв все больше и больше мечется, придавая особое значение словам: убеждает, стыдит, призывает, закликает, увещевает, агитирует, грозит – и все впустую. Все слова... слова... слова» [Черняев, 1997: 59].

Русская поговорка гласит: «Обещанного три года ждут». Для реформ три года ожидания – это 1988 г., в котором они должны были, наконец, начаться и по более весомой причине – экономической. В стране был окончательно разрушен потребительский рынок, снабжение населения товарами первой необходимости переведено на карточную систему. Член Президентского совета О. Лацис, описывая политическую атмосферу 1988 г., акцентирует внимание на «разочаровании в перестройке, в ходе которой активность Горбачёва в реальных свершениях все больше уступала его активности в произнесении поучительных речей» [Лацис, 2001: 224]. Мыслящие люди в стране задавались вопросом: что еще предпринять, чтобы побудить Центр к активным действиям?

Понимая необходимость какого-то решительного шага, Горбачёв объявил о созыве Всесоюзной партийной конференции. Это решение воодушевило общественность страны. В Прибалтике общее настроение можно было выразить словами: «Москва начинает реформы». В те дни в редакционной статье журнал АН СССР «Экономические науки» писал: «Наши общие усилия – и Центра, и мест – должны быть направлены на слом косной, забюрократизированной системы. Тут нужны усилия республик, скоординированные совместные действия на обеспечение подлинного хозрасчета» (1988, № 4. С. 4).

Концепции республиканского хозрасчета, предложенные прибалтийскими республиками, не были чем-то принципиально новым. Они находились в русле теоретических разработок, подготовленных советскими экономистами-рыночниками, начиная еще с «косыгинских» реформ и, прежде всего, трудов их идеолога Е. Либермана. В 1980-х гг. хозрасчет становится доминирующей темой в научном и экономическом дискурсе. Как первый шаг к внедрению рыночных механизмов в социалистическую экономику, он должен был занять одно из центральных мест в решениях открывшейся 28 июня 1988 г. XIX партконференции. Надежды советских людей на перемены подогревались тем, что впервые партийное событие такого уровня транслировалось по общесоюзному телевидению.

⁶После посещения Н. Хрущёвым Риги в июне 1959 г. это был первый приезд руководителя СССР в Прибалтику.

Наличие «прибалтийского локомотива» подтвердила эстонская делегация – единственная, приехавшая в Москву с конкретной программой действий. Ничего выходящего за рамки задач перестройки в программе, поддержанной всеми низовыми организациями коммунистов республики, не содержалось. В ней были изложены не только неотложные задачи выхода из системного кризиса, но и методы их решения: региональный хозрасчет, новый закон о выборах, развитие самоуправления, разработка Союзного договора, создание Конституционного суда, механизм распределения прав и полномочий и система взаимодействия между Центром и республиками.

Содержание программы эстонской делегации могло быть, по меньшей мере, добротной основой для обсуждения комплекса мероприятий по переходу от плановой экономики к рыночной, которые уже начали осуществляться в Польше, Венгрии, Чехословакии. Однако тогдашнее руководство СССР не понимало реального положения дел в стране, поэтому программа КПЭ была отклонена как слишком революционная и преждевременная. Раздел о региональном хозрасчете появился в резолюции только после настойчивых требований делегата конференции, заслуженного изобретателя СССР Б. Миронова, представлявшего таллиннский завод им. Калинина.

В том, что в этой программе ЦК КПСС почувствовал угрозу своему положению, вина не коммунистов Эстонии, а беда руководителей СССР, не понимавших тогда, что им предложили реальный шанс спасения зашедшего в политический и экономический тупик государства. Открывая конференцию КПСС, ее генеральный секретарь сначала высказывает глубокое сожаление о том, что «за три года перестройки партия не добилась революционных преобразований», а затем отклоняет программу эстонских коммунистов как «слишком революционную» [Материалы..., 1988: 17, 129]. В этом когнитивном диссонансе руководителя – драма великого государства. Центр продемонстрировал, что, несмотря на свои претензии, он уже не определяет события, а все более отстает от их развития.

Советские люди наблюдали, как сверхцентрализованная экономика все глубже и глубже входила в коматозное состояние. Не только наблюдали, но и выдвигали инициативы оформляя их в мощные движения в поддержку реформ. Сила этих «низовых» инициатив была в том, что они шли от имени не только общественных, но и ведущих научных организаций. «Сейчас уже в определенной степени забыты предложения, которые, будучи приняты, вряд ли привели к распаду СССР, – о них не любят вспоминать как “горбачёвцы”, так и по известным причинам их инициаторы. Имеются в виду концепции экономического суверенитета, республиканского хозрасчета, выдвинутых в Эстонии и поддержанных в других прибалтийских республиках. К сожалению, эти предложения были категорически отвергнуты... В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя» [Тощенко, 2003: 17–18].

Два года спустя такой же оказалась и судьба более радикальной программы перехода к рыночным отношениям, где хозрасчет как первый шаг уже утратил свою актуальность, – «500 дней», подготовленной группой авторитетных экономистов-рыночников (С. Шаталин, Г. Явлинский, Н. Петраков, О. Богомолов и др.). В соответствии с этой программой предполагалось нейтрализовать рублевый навес, освободить цены и поставить страну на рельсы рыночной экономики, коммерциализовать хозяйственную жизнь. Ядром программы была приватизация: поскольку у государства была вся собственность, а у народа – деньги, предусматривался обмен одного на другое. Причем приватизация должна была начинаться с малых активов – магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания и т.п. с постепенным переходом к промышленным предприятиям, как это было уже сделано в социалистических странах Европы⁷.

Программа «500 дней» была принята Верховным Советом РСФСР. Горбачёв, энергично ее поддержавший и даже широко оповестивший мировую общественность, затем

⁷ Венгрия, Чехословакия, Польша, Словения уже приступали ко второму этапу приватизации, а СССР застрял на обсуждении вопросов хозрасчетных отношений предприятий и регионов.

отступил под напором военно-промышленного лобби, которое в ней увидело угрозу своим интересам. «Казалось, что решительный шаг в экономике будет, наконец, сделан. Ведь Президент не мог не видеть: разрыв между политическими и экономическими преобразованиями становится для страны крайне опасным. И вот в самый драматический момент выбора, когда от Президента зависело буквально все, гражданское мужество одного человека спасло бы на Верховном Совете СССР программу “500 дней”, именно этого мужества мы не увидели» [Собчак, 1991: 267].

Замена действий декларациями привела к тому, что Горбачёв и его перестройка зажили отдельной жизнью. При этом скорости были разные: Горбачёв двигался не спеша, ведя комбинации по нейтрализации консерваторов, выпуская убедительные документы о необходимости реформ, а перестройка двигалась быстро, с тем самым «ускорением», с лозунгом которого началось его руководство страной. Любой исторический момент, а уж тем более переломный, имманентен различными сценариями развития. «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека, – писал академик Д. Лихачёв. – Поэтому такие вопросы, как “что нас ждет в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути в истории, нет» [Лихачёв, 2007: 3]. В новейшей истории решающую роль приобретает субъективный фактор – воля политического лидера. Есть много примеров, когда из-за слабого лидера упускались назревшие реформы, есть и противоположные, когда наличие сильной личности компенсировало недостаток объективных условий для революционных изменений⁸. «Даже если усилия социальных акторов исторического процесса приводят к неожиданным последствиям, они не перестают быть продуктом их действий» [Ядов, 2001: 14].

В начавшемся в 1980-х гг. экономическом кризисе в СССР многое зависело от личных качеств главы государства: «Насколько Горбачёв и высший партийный актив были теоретически слепы и оторваны от реальности, показало впервые проведенное в ЦК КПСС в июле 1989 г. совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик и обкомов партии» [Оников, 1996: 84]. Многонациональность страны требовала от ее руководителя если не понимания, то хотя бы уважительного отношения к этой сфере общества. «Казалось, Горбачёв должен был многое видеть и о многом задуматься – ведь он сам происходил с Северного Кавказа. Но последующие события показали, что в национальных отношениях он разбирался хуже всего и в этой сфере совершил самые грубые ошибки» [Лацис, 2001: 206]. Его некомпетентность в понимании и оценке происходящих в стране процессов отражали социологические исследования. В августе 1989 г. ВЦИОМ провел по всесоюзной выборке опрос населения СССР по национальным отношениям. Ответы респондентов на вопрос «Что угрожает добрым отношениям между народами?» показали, что даже среди русскоязычных жителей Прибалтики большинство опрошенных (53,2%) главную опасность связывали напрямую с политикой Центра [Левада, 1990: 182].

Попытки побудить Горбачёва к реформам. Из-за стремительно ухудшающейся ситуации и отсутствия у Центра реальных усилий по ее улучшению партийное руководство союзных республик оказалось в сложном положении, так как в условиях углубляющегося экономического кризиса активизировались националисты. Руководители республик понимали, что политически обречены, если не сумеют подтвердить свой национальный характер. Специфическая роль компартий республик Прибалтики в тот период состояла в том, чтобы сохранить себя в качестве той политической силы, которая могла отстаивать интересы республик в диалоге с Центром. Но Горбачёв как будто специально задался целью помешать им удерживать власть, его действия и риторика только усиливали позиции

⁸ Один из главных организаторов октябрьского переворота Л. Троцкий в своей книге задается вопросом «Если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года?» (что было, по его мнению, весьма вероятно) и, отвечая на него, делает категорический вывод: «Не будь Ленина, не было бы и Октября» [Троцкий, 1990: 332].

националистов. «Характерным было обсуждение в ЦК КПСС. Эстонцы молили: сделайте какую-нибудь уступку нам, хотя бы шаг навстречу, чтобы мы могли показать своему народу, что с нами считаются... Но Горбачёв говорил с ними в приказном тоне, только что не стуча кулаком по столу» [Брутенц, 2005: 394].

Положение между молотом и наковальней заставило В. Вяляса, первого секретаря Коммунистической партии Эстонии, взять на себя инициативу. Было решено созвать 16 ноября 1988 г. внеочередную сессию Верховного Совета ЭССР для рассмотрения поступивших после XIX партконференции предложений, лейтмотивом которых было принятие нового Союзного договора. За резолюцию «О союзном договоре» проголосовали 262 из 280 депутатов, против не голосовал никто. Декларация о суверенитете республики, принятая большинством в 258 голосов, устанавливала: «Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов управления принадлежит высшая власть на своей территории. В соответствии с этим, статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором».

Результативность эстонского демарша была отражена в выступлении Горбачёва 29 ноября 1988 г. на сессии Верховного Совета СССР, где он согласился с правомочностью назревших вопросов, с которыми столкнулась Эстония, и необходимостью их решения: «Следующий этап политических преобразований будет связан с гармонизацией отношений между Союзом ССР и входящими в его состав республиками. На этом этапе будут рассмотрены вопросы статуса республик, расширение их прав в политической, социально-экономической и культурной жизни»⁹.

Акция Эстонии подействовала. Хотя Президиум Верховного Совета СССР и отменил декларацию о суверенитете ЭССР, но Центр оперативно отреагировал: была создана Комиссия Верховного Совета СССР по разграничению полномочий между Центром и союзными республиками («комиссия Таразевича»¹⁰), которая работала с декабря 1988 по май 1989 г. В ее рамках была сформирована рабочая группа по подготовке материалов для Политбюро ЦК КПСС по обновлению Союза и развитию федеративных отношений. В нее помимо депутатов и работников аппарата Верховного Совета были включены 17 ученых, в основном правоведы-цивилисты, три экономиста и два социолога, специалисты по Прибалтике (вместе с автором в состав группы входил зам. директора Института социологии АН СССР В. Мансуров).

На заседаниях в основном речь шла о новом Союзном договоре, где должны быть зафиксированы компетенции Центра и республик. Депутаты прибалтийских республик¹¹ обосновывали целесообразность в союзном управлении тех полномочий, которые не могли быть реализованы на уровне республик: финансовая система, энергетика, воздушный, морской и железнодорожный транспорт, государственная безопасность, охрана границ, вооруженные силы, оборонная промышленность, внешняя политика. Остальные сферы – экономика, строительство, сельское хозяйство, здравоохранение, культуру, бытовые услуги – предлагалось передать в ведение союзных республик. Это была та самая децентрализация, которую в СССР неоднократно пытались осуществить. Конечно же, эта инициатива должна была исходить из Москвы. Тем более что возрастал поток писем в ЦК КПСС с предложениями по разделению полномочий между Центром и республиками [Симонян, 2011]. Общественность прибалтийских республик в тот момент еще надеялась, что их разумные предложения по реформации экономики и федерализма заинтересуют Центр.

⁹ См.: Известия. 1988. 30 ноября. С. 2.

¹⁰ Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР Г. Таразевич – тогда Председатель Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета СССР.

¹¹ Академик Р. Кукайне, директор Рижского института микробиологии, министр культуры Литвы Л. Шепетис, заведующая Тартуским гороно С. Райк – все они коммунисты, депутаты Верховных Советов своих республик.

Шесть лет спустя Горбачёв публично признает правоту этих предложений в своих мемуарах в разделе, посвященном Прибалтике: «...запоздалые разъяснения..., партия проморгала..., хроническое запаздывание..., сильно отстали..., потеряли драгоценное время...» и т.п. [Горбачёв, 1995: 512, 513, 514, 517, 518].

В силу своей профессиональной деятельности социологи, проводившие исследования в республиках, значительно лучше других обществоведов ориентировались в происходящих в стране дезинтеграционных процессах. Это позволяло приводить убедительные аргументы для принятия в заключительном документе комиссии рекомендации руководству СССР подписать новый Союзный договор. Главными оппонентами этой позиции были сотрудники юридического отдела Президиума Верховного Совета СССР, которые отстаивали тезис: «Есть Конституция СССР и никакого нового договора не надо». Особую неприязнь доводы социологов вызывали у заместителя заведующего отделом П.И. Седугина, усилиями которого содержание заключительного документа оказалось выхолащенным и практически бесполезным.

Через три года я встретил П.И. Седугина в Государственной думе, не смог удержаться и спросил: «Петр Иванович, теперь-то Вы убедились, что в 1989 г. следовало подписать предлагаемый тогда прибалтами новый Союзный договор?» На это он ответил, что «не так важно, как тогда считал я или члены нашей рабочей группы, важно, как тогда считал Горбачёв, и поэтому какие бы мы не приняли рекомендации, это не могло изменить его позиции». То есть до последнего момента сохранялась аппаратная традиция давать руководству только те предложения, которые в полной мере соответствуют его ожиданиям. Этот эпизод точно характеризует сознание и психологические установки партийно-государственной номенклатуры того периода. «Весной 1989 г. еще совсем не было ясно, какое будущее ждет Эстонию и Советский Союз, – напишет в 2000 г. министр культуры Эстонии Я. Аллик. – Хотя Москва выбрала своим представителем на Съезде народных депутатов Ельцина, но власть в Эстонии была еще довольно прочно в руках Вяляса, а в Кремле – в руках Горбачёва» [Аллик, 2000: 145]. Описывая события накануне распада СССР американский советолог Р. Гартхофф, встречавшийся почти со всеми ведущими как центральными, так и республиканскими деятелями перестроечных лет, тоже подчеркивает, что в 1989 г. «только очень малая часть политиков даже в балтийских республиках призывала к независимости. И вопрос о компромиссных решениях был все еще открыт» [Garthoff, 1993: 395].

Для нашей страны ситуация конца 1980-х гг. – это типичная историческая развилка. И одна из самых реальных возможностей воспрепятствовать центробежным тенденциям заключалась в подписании нового Союзного договора. Какие же очевидные выгоды вытекали из него?

Во-первых, поставив свою подпись под этим документом, руководители Латвии, Литвы и Эстонии тем самым легитимировали бы свое нахождение в составе СССР. Это автоматически повлекло бы за собой изменение позиций Запада, никогда не признававшего законным включение их в состав СССР в 1940 г. Тем самым был бы закрыт самый болевой, самый уязвимый вопрос государственного устройства Советского Союза¹².

Во-вторых, это была инициатива республик Прибалтики, что, несомненно, было и для тогдашнего политического руководства прибалтийских республик, и тем более для Центра выигрышным и тактическим, и стратегическим моментом.

¹² Необходимо отметить родовую черту прибалтов, отличающую их от восточных соседей, – обязательность, уважение к документу. Для современного российского менталитета – это категории, чаще всего, не слишком почитаемые. Хотя для людей, многие поколения которых прожили в условиях постоянного обмана со стороны государства, такое, наверное, простительно. Поэтому иногда о прибалтийских государствах можно слышать что-то вроде «все равно бы ушли». Это характерное суждение я вспоминаю всегда, когда встречаюсь с открытой враждебностью и даже агрессией, высказываемыми современными молодыми политиками прибалтийских республик к тем, кто составлял советскую политическую элиту этих стран конца 1980-х – начала 1990-х гг.: «Ведь они хотели подписать новый Союзный договор. Если бы они этого добились, то мы сейчас были бы не в ЕС, а в СССР». Такое, понятно, не прощается.

В-третьих, подписав такой документ и передав вопросы хозяйственной сферы, культуры и образования в ведение республик (на чем и настаивали их представители в «комиссии Таразевича»), союзное руководство сняло бы напряжение внутри этих республик, выбило бы козыри из рук местных национал-радикалов и сепаратистов.

В-четвертых, появилась бы реальная возможность оправдать ожидания населения и начать, наконец, практически, а не на словах, осуществление хозяйственных реформ, причем в наиболее подготовленном для этой цели регионе страны.

Таким образом, в тот момент в СССР сложилась необычайно благоприятная социально-политическая ситуация и для перехода к рынку, и для развития государственного федерализма¹³. Однако отказ от подписания нового Союзного договора в 1989 г. ставил точку и на реформации, и на сохранении СССР. Далее – агония великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллик Я. Памяти духовного отца // Таллинн. 2000. № 19–20. С. 132–154.
- Браун А. Радужные цвета перестройки: Рига // Атмода. 1989. № 3. С. 15–27.
- Брутенц К. Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.
- Вейдеман Р. Четверть века нашей новейшей истории (1982–2007) // Вышгород. 2008. № 1. С. 68–83.
- Горбачёв М. Жизнь и реформы. М.: Новости, 2005.
- Грачёв А. Горбачёв: Человек, который хотел, как лучше. М.: Вагриус, 2001.
- Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Левада Ю. Есть мнение: Итоги социологического опроса. М.: Прогресс, 1990.
- Лихачёв Д. Совесть – гарантия свободы // Время жить вместе. 2007. № 1. С. 3–5.
- Любарский К. В ожидании перемен // Новое время. 1988. № 24. С. 29–31.
- Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988.
- Народное хозяйство СССР в 1983 году: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1984.
- Оников Л. КПСС: анатомия распада. М.: Республика, 1996.
- Петраков Н. Инновационный путь развития для новой России. М.: Наука, 2005.
- Симонян Р. Страны Балтии и распад СССР (О некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27–39.
- Симонян Р. Субъективное в историческом процессе // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 12–23.
- Собчак А. Хождение во власть: Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991.
- Титма М. Эстония: Что у нас происходит? Таллинн: Периодика, 1989.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Троцкий Л. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.
- Хозяйственный механизм в сфере бытового обслуживания: опыт Эстонской ССР. М.: Экономика, 1988.
- Черняев А. 1991 г.: Дневники помощника президента. М.: Терра, 1997.
- Ядов В.А. А все ж умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Diefendorff K. Russians are Coming // Microprocessor Report. 1999. No. 2. P. 28–39.
- Dikötter F. Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. Hong Kong: Open Edition, 2013.
- Garthoff R.L. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1993.

Статья поступила: 07.04.21. Финальная версия: 13.06.21. Принята к публикации: 15.06.21.

¹³ После того как в декабре 1991 г. Горбачёв сложил функции президента СССР, газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью своего политического обозревателя Дж. Шелла «Важнейший вопрос столетия». Она начиналась так: «Распад СССР задал загадку людям, мыслящим и любящим обсуждать происходящие события. Это было самым важным событием второй половины XX века, однако никто его не предсказывал» (The New York Times. 1991. December 27).

HOW THE SOVIET UNION COULD BE PRESERVED (BALTIC ANGLE)

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chef Researcher, Center for European Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Abstract. The historical experience of the world's first socialist state and the reasons for its collapse is a fundamental problem not only in Russian, but also in foreign social studies. In the context of the globalization of the economy and the emergence of regional forms of association of states, one of which is the EU, the experience of the USSR is in demand: the integration of states that differ in socio-cultural characteristics, common patterns are inherent. The EU is solving the same systemic problems and experiencing the same difficulties as the USSR. This is due to the diversity of the countries that make up the unions, and the uneven development of their countries. The article substantiates the role of the subjective factor, including the ability of managers to use the experience of the most developed countries, the understanding of which is the basis for overall development. In the USSR, these are the Baltic republics, the population of which most acutely felt the need for radical reforms. The article examines the proposals prepared in this region for the country's recovery from the crisis and the attempts made to encourage the leadership of the USSR to reform, the rejection of which led to the collapse of the country.

Keywords: crisis of centralization, the largest catastrophe of the twentieth century, the subjective factor of the historical process.

REFERENCES

- Allik Y. (2000) In memory of the Spiritual Father. *Tallinn*. 2000. No. 19–20: 132–154. (In Russ.)
- Brown A. (1989) Rainbow Colors of Perestroika. *Riga. Atmoda*. No. 3: 15–27. (In Russ.)
- Brutenz K. (2005) *Unfulfilled: Not Indifferent Notes on Perestroika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Chernyaev A. (1997) *Diaries of the Assistant to the President*. Moscow: Terra. (In Russ.)
- Diefendorff K. (1999) Russians are Coming. *Microprocessor Report*. No. 2: 28–39.
- Dikötter F. (2013) *Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962*. Hong Kong: Open Edition.
- Economic Mechanism in the Sphere of Consumer Services: The Experience of the Estonian SSR*. (1988) Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Garthoff R.L. (1993) *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Wachington, DC: Brookings Institution Press.
- Gorbachev M. (1995) *Life and Reforms*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Grachev A. (2001) *Gorbachev: The Man Who Wanted What was Best...* Moscow: Vagrius. (In Russ.)
- Latsis O. (2001) *Carefully Planned Suicide*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.)
- Levada Yu. (1990) *There is an Opinion: The Results of the Sociological Survey*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Likhachev D. (2007) Conscience is a Guarantee of Freedom. *Vremya zhit' vmeste* [Time to Live Together]. No. 1: 3–5. (In Russ.)
- Lyubarsky K. (1988) Waiting for a Change. *Novoe vremya* [New Time]. No. 24: 29–31. (In Russ.)
- Materials of the 19th All-Union Conference of the CPSU*. (1988) Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1983: Statistical Yearbook*. (1984) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Onikov L. (1996) *CPSU: Anatomy of Disintegration*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Petrakov N. (2005) *Innovative Way of Development for the New Russia*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Simonyan R. (2002) The Baltic Countries and the Collapse of the USSR (On Some Myths and Stereotypes of Mass Consciousness). *Voprosy istorii*. No. 12: 28–39. (In Russ.)
- Simonyan R. (2011) The Subjective in the Historical Process. *Voprosy filosofii*. No. 3: 12–23. (In Russ.)
- Sobchak A. (1991) *Walking into Power: The Story of Parliament's Birth*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Titma M. (1989) *Estonia: What's going on here?* Tallinn: Periodika. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Trotsky L. (1990) *On the History of the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Weidemann R. (2008) A Quarter of a Century of Our Modern History (1982–2007). *Vyshgorod*. No. 1–2: 68–83. (In Russ.)
- Yadov V. (2001) And yet the Mind Can Understand Russia. In: *Russia: Transforming Society*. Moscow: KANON-Press-Ts. (In Russ.)

А.В. ЯКОВЕНКО

СССР КАК ЗЕРКАЛО НЕРЕАЛИЗОВАННОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина (bdaoav@rambler.ru).

Аннотация. Обращается внимание на сохранение существенного демографического потенциала поколения, «рожденного в СССР», а также материальной и социальной атрибутики советского прошлого. Охарактеризованы факторы, порождающие воспроизводство острой общественной полемики о достоинствах и недостатках Советского Союза даже спустя 30 лет после его исчезновения. Особое значение для понимания социальной атмосферы на постсоветском пространстве отводится «клятвоотступничеству» как органической составляющей социальной травмы, инициированной развалом советского государства. Автор обосновывает позицию, согласно которой роспуск СССР целесообразно считать отказом ключевых финансово-экономических групп от взаимодоговорного развития в русле построения выверенной гуманистически ориентированной перспективы становления глобального социума, что во многом предопределяет неопределенность будущего и общий рефрен катастрофизма.

Ключевые слова: гибель СССР • советское поколение • социальная травма • гуманность

DOI: 10.31857/S013216250015534-0

В научных публикациях, посвященных Советскому Союзу, у авторов, кто помнит его существование, в обязательном порядке будет ощущаться личностное отношение к советскому прошлому. Никакой аналитической нейтральности, непредвзятости, отстраненности применительно к данному «объекту исследования», тем более годовщине его разрушения, ожидать не приходится. Сформировавшаяся 30-летняя дистанция, отделяющая нас сегодняшних от событий 1991 г., не снижает обостренности переживаний. Только в них теперь включен опыт, ощущения и эмоции прошедших трех десятилетий вне пространства, которое для многих определялось (и ныне может определяться) содержательным понятием «Родина». В целом отношение к СССР до сих пор выступает мощнейшим индикатором при политическом позиционировании и ценностном самоопределении.

Однако и без субъективных оценочных суждений крах Советского Союза в декабре 1991 г. – бесспорно один из стержневых факторов острейшей и чаще всего достаточно поляризованной полемики, где на одном полюсе находится представление об СССР как о так называемой «империи зла», а на ином – как едва ли не о «земном рае». Многое продолжает вращаться в коловороте нескольких вопросов: «Неизбежно ли было произошедшее?», «Каковы внутренние и внешние причины распада СССР?» и, естественно, «Кто и в какой степени виноват?» Многократно разобранные, описанные и продискутированные, они по-прежнему беспокоят сознание как интеллектуалов современной эпохи, так и обычных граждан, когда-то в одночасье оказавшихся в «новой геополитической реальности».

Формат статьи позволяет затронуть лишь несколько тем, связанных с анализом «советских протуберанцев», оказывающих влияние на настоящее и будущее. Поэтому далее основное внимание будет уделено поколенческому потенциалу исторической памяти о Советском Союзе, проблеме общественного и индивидуального «пределательства» в контексте социальной травмы (П. Штомпка, Ж. Тощенко), а также фатальности уроков распада СССР как показателя неспособности человечества создать гуманистически ориентированный общественный уклад.

«Рожденные в СССР». В рассуждениях о соотношении «советского» и «постсоветского» можно взять в качестве шаблонного основания статистические данные численности населения. Самый простой и относительно нейтральный показатель – процент в общей численности населения граждан, получивших свидетельство о рождении в СССР. Каким бы ни было отношение нынешних тридцатилетних к Советскому Союзу, в их сознании сложно исключить представление о том, что они были рождены «еще» в советском государстве. Так, если верить статистическим показателям, представленным в прошлом году (данные на 1 января 2020 г.) по двум наиболее крупным в демографическом плане экс-союзным республикам (бывшим РСФСР и УССР)¹, то официальная численность граждан от 30 и старше составляет 66,1% по Российской Федерации и 68,7% по Украине. Следовательно, до сих пор число «рожденных в СССР» превалирует над теми, кто родился в независимых государствах. Соотношение 50% на 50% между условно «советскими» и «постсоветскими» начинает складываться примерно с возрастного параметра «40 лет и старше». Представителей данных возрастных категорий, по нашим подсчетам, оказалось 49,3% по РФ и 52,1% по Украине. Процент тех, кто может относить себя к заставшим, как сейчас говорят, «счастливое советское детство», целесообразно отсчитывать от возрастной категории в возрасте 45 и старше: это – 42,1% по РФ и 44,7% по Украине. Таким образом, физическим носителем памяти о Советском Союзе остается почти половина населения. Молодежь, которая считается внесоветской, постсоветской или даже анти-советской, все еще живет «внутри» или рядом с памятью родителей и тем более бабушек и дедушек, периодически «возвращающих» посредством воспоминаний детей и внуков во времена своего детства и молодости. Независимо от отношения современных юношей и девушек к данным воспоминаниям, равно как и к их носителям, происходят полемика и обсуждение советского наследия. Закономерно, что спустя 30 лет «советское» проявляется по всем пластам общественных связей, опираясь и на вполне ощутимый материальный базис. Пройдемся еще раз по известным срезам, помимо упомянутого демографического ресурса носителей памяти об СССР.

Инфраструктурный пласт. Продолжается эксплуатация значительного числа промышленных сооружений, объектов образовательной и культурно-бытовой сферы, построенных еще в Советском Союзе. Жилые кварталы многих городов и поселков городского типа представляют собой преимущественно совокупность «хрущевок» и девятиэтажек брежневской эпохи, если речь не идет о крупных столичных мегаполисах.

Технологическое наследие. До сих пор космические достижения СССР являются показателем и критерием сверхуспеха советской науки, а испытательный полет беспилотного многоразового космического корабля «Буран» – одной из вершин советской космотехники. Даже в наиболее модной и прорывной сегодня сфере компьютерных технологий постоянно наличествуют отсылки к достижениям, например, команды академика Глушкова, упущенным возможностям по производству собственного «харда» и «софта», не говоря уже об отечественных системах беспроводной связи. Как представляется, современные прорывные российские разработки в области вооружений лишь совсем недавно стали опираться на собственно «российский» отрезок инженерной мысли, впрочем, продолжая базироваться на идеях, опыте, подходах, достижениях и культуре советской школы организации работы оборонного комплекса.

Культурные стандарты. Сегодня творческий уровень многих знаковых советских, как их называли, «мастеров культуры» воспринимается едва ли не как эталонный. Даже сфера массовой культуры периода существования СССР (с ее рок-, поп- и иными авторитетами) считается практически классикой, не породив в постсоветский период достойных и сопоставимых по масштабу последователей.

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.06.2021); Населення України за 2019 рік: Демографічний щорічник. Київ: Державна служба статистики України, 2020. URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/ukr/publ_new1/2020/zb_nas_2019.pdf (дата обращения: 01.06.2021).

Фразеологическая канва. По-прежнему в коммуникации активно представлен широкий ряд популярных фраз, включающий в себя как термины, определения и цитаты из классиков марксизма-ленинизма и советской литературы, так и слова и обороты из советских кинофильмов, мультфильмов, телепередач.

И, наконец, *эмоциональный фон.* Имеет место высокий уровень эмоциональности оценок, так или иначе связанных с фактами, событиями, позитивными и негативными сторонами советской действительности. Большинство исторических параллелей, сравнений и аналогий касаются именно СССР. Причем его противники традиционно апеллируют преимущественно к трагическим событиям революционного периода, Гражданской войны и тридцатых годов, а их оппоненты – к героике побед в Великой Отечественной войне, промышленным успехам, космическим достижениям и социальной стабильности послевоенных десятилетий. В любом случае фактаж и аргументация плюсов и минусов нынешней финансово-экономической, социально-политической и военно-стратегической ситуации вращаются вокруг сопоставления с достоинствами и недостатками жизни в Советском Союзе.

Как сторонники, так и противники советского государства признают, что перешедший в разряд исторического фантома Советский Союз продолжает оказывать существенное влияние на настоящее, равно как и на будущее. И если в первые годы после роспуска СССР не полагалось вообще упоминать о положительных сторонах его устройства, имеющих хоть какое-то отношение к «светлому будущему капитализма», то сегодня, спустя 30 лет, проблематика, посвященная возможностям учета опыта организации деятельности, как минимум, отдельных социальных институтов, выглядит не ретроградной, а в ряде случаев даже более чем продуктивной. Один из последних примеров – организация санэпидемиологической службы и советское наследие научной вирусологии, остаток традиций которой способствовали более плавному прохождению Россией «коронавирусной» ситуации.

Прошедший период характеризуется еще одной интересной социально-исторической особенностью. При оценках периода с момента распада Советского Союза до нынешней точки исторической эволюции сложно избежать параллелей и ассоциаций с радикальным переходом от Российской империи к СССР. У многих невольно напрашивается сравнение с тем же 30-летним интервалом с момента исчезновения в марте 1917 г. даже более объемного по площади геополитического субъекта, чем Советский Союз. Простая арифметика демонстрирует, что к 1947 г. новое государственное образование, пришедшее на смену Российской империи, успело пережить колоссальный упадок в результате Гражданской войны, гигантский индустриальный подъем, самую страшную войну, первоначально лишившую ее весомой части европейской территории, одержать историческую победу над фашистской Германией, безоговорочно утвердиться в качестве одного из двух столпов международной политики и начать тяжело, но планомерно отстраивать мирную жизнь, отменив едва ли ни первой из послевоенных стран карточную систему. Аналогичный временной отрезок для всего постсоветского пространства, свидетелями и участниками которого мы являемся, не представляется настолько же драматично-успешным.

Постоянное использование термина «постсоветский» означает признание за «советскостью» особого качества, фундаментализма, отличительности его как культурно-исторического феномена. Данная уникальность до сих пор существует в качестве попыток ее «преодоления». Невозможность создать собственное автономное целостное и различимое качество социальных отношений вне ограниченной приставки «пост-» скорее характеризует размытость, слабость настоящего. В свое время «советское», опять-таки менее чем за 30 лет, смогло утвердить себя в иной, автономной и отчетливо различной ткани общественного бытия глобального порядка, мало сопоставимой с реалиями монархической России. Нынешнее же состояние за три прошедших десятилетия так и не обрело особенного, устоявшегося и мало-мальски общепризнанного определения.

«Клятвоотступничество» как органическая составляющая социальной травмы. Учет соотношения успевших сознательно пожить в СССР и наших более молодых сограждан важен для понимания проблемы прямого или латентного клятвоотступничества,

которая, как представляется, требует более существенного внимания исследователей. В очередной раз уместно напомнить, что уход в небытие Советского Союза означал попадание в категорию клятвоотступников гигантского числа людей. Это – не только постоянно фигурирующие в политической полемике 19 млн членов КПСС, не выступивших на защиту партии и государства. Речь идет также и о членах ВЛКСМ и даже пионерской организации, в уставных документах которых содержались положения о борьбе за коммунизм и верности Советскому Союзу. Главными же «клятвоотступниками» оказались миллионы молодых, не очень молодых и совсем немолодых людей, приведенных к военной присяге на верность СССР. Речь идет о значительном числе граждан, некогда поклявшихся защищать с оружием в руках государство, исчезнувшее в конце 1991 г. с политической карты мира. Независимо от обстоятельств разрушения Советского Союза множество людей были поставлены в условия, при которых они совершили, как минимум, бесчестный поступок. И это не считая тех, кто после распада СССР продолжал служить в вооруженных силах и силовых структурах бывших союзных республик, а значит, был вынужден «переприсягать» независимым государствам, чтобы сохранить свой статус, стаж, право на льготы, иметь перспективу карьерного роста и иные преференции.

Здесь напрашивается еще одно сопоставление: к декабрю 1991 г. советская власть существовала почти 74 года, а Советский Союз – без малого 69 лет. В социально-поколенческом измерении это означало, что в границах политической истории собственно СССР, уже без привязки к Российской империи как государственному образованию, выросло и воспиталось подавляющее большинство его жителей. На момент исчезновения СССР с политической карты мира людям, родившимся не в Советском Союзе (с 1922 г.), было строго хронологически более 68 лет, а родившимся в Российской империи – более 75 лет. Таким образом, к моменту роспуска СССР огромное количество его граждан были органично вплетены в советский общественно-политический строй, не обладая непосредственной личной исторической памятью о Российской империи. Подавляющее число проживавших на территории бывшего Советского Союза к декабрю 1991 г. – это социально-исторически советские люди.

Соответственно, абсолютное большинство бывших советских граждан вольно или невольно по факту разрушения СССР согласились отказаться от вчерашних клятв и присяг, смирились, а то и стали рьяно приветствовать собственное, по сути, самопредательство. Бесследно для сознания такие маневры и переходы вряд ли проходят. Подобного рода трансформации лишь на первый взгляд кажутся малозначимыми. Именно они создают ту самую драматичную общественную атмосферу, которую сегодня в социологии принято называть «социальной травмой» [Тощенко, 2020; Штомпка, 2001]. Органической составляющей социальной травмы, как представляется, выступает острое или притупленное ощущение некой измены, предательства, клятвоотступничества в силу резкой смены идейных приоритетов или отказа от приоритетов как таковых. Естественно в первую очередь речь идет о наиболее совестливых – порядочных – людях.

Любое социально-политическое потрясение, результатом которого выступает кардинальное изменение форм правления, идеологических принципов (светских и/или религиозных), фундаментальный передел собственности, безусловно, значительно трансформируют отношение, не только к внешним обстоятельствам, но и к самовосприятию. Привычные идеалы, праздники, кумиры и ценности утрачивают общественную значимость, объявляются ретроградными или вовсе преступными, заставляя тем самым изменять прошлому во имя благополучия в настоящем и обещаний прекрасных перспектив в будущем. В любом обществе на такую переполучковку вначале готов небольшой процент граждан. Большинство же занимает выжидательную позицию, обосновывая свою инертность необходимостью решения задач обыденной жизни. Радикально и принципиально противостоящих изменениям также оказывается ограниченное число членов социума. Известные разработки Р. Мертон о социальном конформизме большинства кажутся вполне обоснованными [Мертон, 2006]. Уместно вспомнить и дюркгеймовскую аномию [Дюркгейм, 2006].

Вновь обратимся к сопоставлению трагического и революционного во всех отношениях «фазового перехода» 1917 г. с итогом 1991 г. Сторонникам Российской империи, помнившим клятву, которую они давали «государю и отечеству», спустя 30 лет после ее распада, по результатам победы СССР во Второй мировой войне, можно было успокаивать себя тем, что речь шла лишь о модификации прежней Родины. Советский Союз в 1945 г. фактически «переутвердил» Российскую империю на очередном историческом витке. Сегодня же у тех, кто ностальгирует о Советском Союзе, особенно в национальных республиках, куда меньше уверенности в преемственности. Напротив, в целом ряде случаев имеют место попытки «переподчинения» национальных территорий иным зонам глобального и локального политико-экономического влияния (Вашингтону, Брюсселю, Пекину, Анкаре и т.д.).

СССР как исчезнувший образ гуманистической перспективы развития человечества. Неоднократно приходилось отмечать, что распад Советского Союза означал не абстрактное исчезновение относительно устойчивых правил игры. Он инициировал формирование общей атмосферы турбулентности, временщичества в отношении существования политических систем и государств в рамках новой эпохи. Мало того, он давал основание для ощущения какой-то простоты и обыденности разрушения основ жизнедеятельности сотен миллионов людей.

Никто и не оспаривает тезис, что гибель Советского Союза была точкой отсчета для «новой эпохи». Развал СССР, та легкость, с которой наиболее влиятельные финансово-экономические группы (внутренние и внешние) по совокупности интересов согласились на такой радикальный шаг и последовавший за этим социально-экономический и духовно-нравственный кризис, выступили очередными показателями неспособности совокупного человечества конструктивно справиться с ситуацией созревания цивилизации к переходу на более гуманный пласт взаимоотношений. Вновь проявилась тупиковость вопроса, что делать с огромным числом относительно грамотных людей, которым становятся тесными рамки устоявшихся, говоря марксовской терминологией, «производственных отношений». Гораздо легче оказалось продолжить практику рейдерского захвата обширных социально-экономических пространств не для их дальнейшего развития, а с целью банкротства, продажи и перепродажи «производственных мощностей» по демпинговым ценам, параллельно наращивая влияние инфраструктуры развлечений, решающей задачи по «спасению» миллионов людей от бессмысленности существования.

Давно констатировалось (одними с сожалением, иными с издевкой), что вместе с СССР рухнул проект советского человека. Таким образом, оказалась похороненной (или же в лучшем случае существенно отсроченной) идея о потенциальной возможности выкристаллизации личности духовной, образованной, пылливой, чуждой религиозной, расовой и национальной нетерпимости, переживающей о судьбе всего человечества и одновременно болеющей за развитие своей страны, а также стремящейся к социально справедливому мироустройству. Множество раз отмечалось, что СССР был попыткой формирования социально-ориентированного государства. Даже в горячо обсуждаемом сегодня с легкой руки основателя Давосского форума Клауса Шваба предложении перейти к модели так называемого «стейкхолдеровского капитализма» содержатся отголоски идей, зарождавшихся именно в период острого соперничества «развитого капитализма» с «развитым социализмом» [Schwab, Vanham, 2021].

Уместно напомнить, что в названии нашей прежней Родины «Союз Советских Социалистических Республик» отсутствует этнонациональная привязка. Только фабула политического, кстати, именно демократического устройства («советы») и идеологическая платформа, указывающая ключевой приоритет – «социализм». Налицо презентация сочетания универсального, открытого и повсеместного народовластия с социальной направленностью общественного мироустройства. С учетом сегодняшних фразеологических канонов это была попытка «снятия» противоречия между локальным и глобальным, национальным и наднациональным. В данном ключе можно утверждать, что один из образов идеального будущего – это именно улучшенный, действительно доросший до всемирности СССР.

Однако геополитическая конъюнктура и всеобщая конкуренция перевесили значимость решения задач общецивилизационного характера. Оказалось удобнее в очередной раз в истории заставлять миллионы людей возвращаться в точку нищеты и идейной ограниченности для придания им утилитарных смыслов. Идеологический, политический, организационный и финансовый Центр, некогда активно продуцировавший мирные инициативы, спонсирующий движения за разрядку и разоружение, был радикально нивелирован. Уничтожив СССР, человечество вновь расписалось в неготовности к развитию через синтез и гармонизацию интересов, выбрав очаговое саморазрушение с многократно апробированной стратегией наживы на разграблении и на восстановлении после рецидивов грабежа. Это запустило привычную волну гражданских войн, обеспечивающую отток капиталов, социально-экономический и моральный упадок, привычные сценарии поиска покровителей, финансовых средств для решения задач как военного, так и восстановительного характера. Если выйти за рамки идеологической конъюнктуры вокруг запретов на той же Украине термина «гражданская война» применительно к событиям в Донбассе, следует еще раз констатировать: все военные конфликты, происходившие и продолжающие кровоточить на территории государств, некогда входивших в состав СССР, – это по сути одна большая гражданская война, длящаяся уже более 30 лет, отнимающая жизни, калечащая души и высасывающая средства у всех государств бывшего Советского Союза. В результате общий героизм совместной победы советского народа в Великой Отечественной войне постепенно, но настойчиво подменяется вереницей войн, малых и масштабных конфликтов, на территории некогда единого государства.

Прошедшие три десятилетия продемонстрировали: разрушение Советского Союза – общемировая трагедия, характеризующая неспособность глобального управленческого слоя организовывать мировой порядок иначе, нежели через поощрение распадов отдельных относительно самостоятельных его составляющих. Речь не только об СССР, но также и об СФРЮ и ЧССР, а позже о Ливии (Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия), Республике Ирак, Сирийской Арабской Республике, которые, как много раз отмечалось, на уровне официальной идеологии были светскими государствами, во многом ориентировавшимися на социалистические ценности.

Вперед – неопределенность. Последние 30 лет привели к тому, что ощущение нахождения в преддверии какого-то глобального катаклизма почти не оспаривается. Всеобщность информационного пространства, посредством которого тиражируются апокалипсические прогнозы, приносит дополнительные импульсы тревожности. Как справедливо заметил Н. Романовский: «Хотелось бы, чтобы отечественное сообщество социологов сейчас видело и предвидело возможные варианты будущего. Ставки слишком велики» [Романовский, 2015: 20].

Сегодня именно наш поколенческий срез переживает интеллектуально, визуально и физически погружение в реальность кризиса вселенского масштаба. Очевидная спрессованность народов и континентов придает процессу уникальность, поскольку никому не позволяет ощущать свою дистанцированность от эпицентра событий, которого по сути нет, поскольку эпицентром выступает практически все значимое для жизнедеятельности пространство земного шара. Даже популярная и отточенно проанализированная З. Бауманом ретротопия уже не спасает [Бауман, 2019]. Прошлое отодвигается в основных социальных формах все стремительнее, утрачивая даже призрачную почву реальности.

Исчезновение СССР заставило вновь актуализировать ряд привычно неразрешимых задач: 1) возможность организации общественной жизнедеятельности глобального социума вне доминирования принципов и интересов, зиждущихся на прибыли; 2) отказ от фундаментальной практики тотального противоборства, в рамках которой государства рассматриваются, прежде всего, как ресурсные единицы; 3) выход за пределы устойчивой поляризации форм социального устройства «мобилизационная модель – общество потребления»; 4) преодоление противоречия между соблазном выстраивания миропорядка на платформе «элитарности» и тяготением к «эгалитарности». Вкратце охарактеризуем каждую из них.

Итак, по-прежнему отчетливо дает о себе знать экономико-финансовая подоплека всех осуществляющихся тактических действий и стратегических планов. Именно на них до сих пор зиждутся нормированность, ритмика и комплексность желаний большинства жителей планеты. Попытки СССР, некогда также плотно вплетенного в логику товарно-денежных отношений, найти какой-то автономный инструментальный и базис существования оказались тщетными. В настоящее время у человечества нет даже минимально приемлемых проектов всеобъемлющей альтернативы общественного устройства, построенного вне интересов извлечения прибыли. Все планетарное сообщество включено в стоимостной миропорядок, задаваемый его условностями и привычными соблазнами. Отсутствуют масштабные позитивные нерыночные и неприбыльно ориентированные эталоны и образцы организации социальной жизнедеятельности. Зато сформировано обоснованное подозрение, что под любыми новыми идеями мироустройства вновь будут просматриваться отнюдь не подлинно общечеловеческие интересы, а известные финансово-экономические расчеты. Например, на поверку оказывается, что и «зеленая» экономика может быть не менее спекулятивной (а следовательно, фиктивной именно по высшим критериям человечности), нежели нынешняя «не-зеленая».

Мы продолжаем являться свидетелями того, как параллельно с прекраснодушными помыслами искренних гуманистов идет оценка мобилизационного ресурса стран, зрелости, гибкости и оперативности деятельности их институтов в осуществляемом и перспективном противоборстве. Эти хорошо знакомые по прежним «цивилизованным» временам замеры потенциала прочности государств производятся, исходя из известных (скрытых, а порой и откровенно артикулируемых) целей, сутью которых выступает очередная модификация угнетения.

Большинство аналитиков напоминают, что в отличие от знаковой матрицы Второй мировой войны в настоящий момент нет делений, подобных противопоставлению «стран оси» и «антигитлеровской коалиции». Навязываемая очередная идеологическая дуальность – «авторитаризм-демократия» – не конституировалась. При этом тотальная война обостряется – экономическая, социально-психологическая, информационная, институциональная (в политике, медицине, образовании и т.д.). По всем данным показателям она ведется на выносливость и устойчивость весьма разнопланово и изощренно. Но ведь хорошо известно: военная обстановка – экстремальное состояние социума. Такое сопоставление означает, что целью, единственной сверхзадачей, выступает выживание ценой жертвенности. Однако различные модификации мобилизационных мероприятий пока не приносят подлинных революционных изменений в содержание социальных отношений, продолжая воспроизводить героизм (например, честных врачей, правоохранителей, волонтеров) на одном полюсе наряду с мародерством и стяжательством на ином.

В очередной раз заметим: вряд ли голодные и обездоленные, тем более обозленные свалившейся на них нищетой, люди способны к социальному созиданию по критериям добра и справедливости. И здесь, кстати, кроется историческая трагичность периодического идейного доминирования левых партий и движений, обусловленная, как правило, надвигающимися или разворачивающимися кризисами. Ведь до сих пор их политический успех зачастую оказывался обусловлен рамками привычной логики, охарактеризованной П. Сорокиным в его работе «Голод как фактор» [Сорокин, 2021]: снижение материального достатка как триггер к росту привлекательности идеологии социальной справедливости. Пока мало предпосылок для организационно-политического доминирования идейных концептов, базирующихся на осознании необходимости поиска нового солидарного социального неэгоистичного пути развития с опорой на материальную обеспеченность.

Как представляется, самосознание справедливой жизни должно (опять-таки пока лишь в идеале) не опираться на страх перед обездоленностью, не выступать реакцией на личностную и/или общесоциальную катастрофу, а базироваться на целом комплексе внешних благоприятствующих факторов и внутренних убеждений в здравости, полезности искренней жизнедеятельности на платформе гуманного совершенствования. Отход от

«общества потребления» вряд ли способен опираться на принципы нищенского существования и насильственного ограничения. Вновь приходится вспоминать о так и не реализовавшихся в Советском Союзе попытках создания идейного и действенно практического базиса по культивированию разумных потребностей [Донченко и др., 1984].

На проверку продолжает иметь место вечное колебание между мобилизационными практиками и абсолютизацией вещизма. Впрочем, в периоды мобилизации многие не перестают вполне обоснованно мечтать о том, чтобы как можно скорее дожидаться времен раздолья потребительства. В категоричной форме можно утверждать, что в истории человечества не было содержательного «общества потребления». Имело место или «общество недопотребления», или «общество перепотребления» (для определенной части социума). Сколь-нибудь многолетний период доминирования сознательной умеренности не было. Иначе тот же советский человек не купился бы на внешний соблазн «изобилия» западного образца, в результате которого Советский Союз был развращен и уничтожен низкопробными потребительскими цунами. Эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране в агрессивно-потребительском окружении оказался провальным. Гибель СССР, напомним в который раз, отчетливо продемонстрировала бесспорную истину: никоим образом в нашем взаимосвязанном мире не может сложиться гармоничное локальное общество.

Сегодня, пусть и с оговорками, уместно утверждать: хорошо известная формула «каждый по способностям, каждому – по потребностям» имеет потенциал к реализации. Только уровень потребностей оказывается несколько иным, чем тот, о котором мечтали и продолжают мечтать последователи гуманизма. Ведь марксистами подразумевался едва ли не эталонный спектр потребностей у всего творчески и морально ориентированного человечества. У современной объединенно-разведенной глобальной цивилизации достаточно ресурсов для безбедного существования миллиардов. Однако эта давно установленная банальщина не отменяет устоявшейся сконфигурированности общества на принципах жесткой иерархической зависимости, эксплуатации и социальной несправедливости. Равно как и создана колоссальная по распространенности и оснащенности технологическая платформа для общества открытости. Но способна ли она инициировать переход от официальной и неофициальной «просвечиваемости» каждого к искренности всех субъектов, особенно представителей верхних эшелонов политической и экономической структур, – вопрос более чем риторический.

Вновь выпятилась дилемма, которая сопровождает всю социальную историю человечества. Сквозь обоснованную активизацию полемики о чипировании, биолaborаториях, «электронном концлагере» и т.д. в осаде все сводится к давно известному жесткому самоопределению каждого вовлеченного в политическую, научно-образовательную и экспертную сферы деятельности. Речь идет о главном ориентире и, соответственно, логике действий/бездействий. Либо этот ориентир направляется на удержание в модифицированном виде иерархического принципа организации общества, либо же, напротив, во главу угла ставится убежденность в необходимости всестороннего и всеобщего реального просвещения, создания базиса для сознательного социума образованных и социально ответственных личностей. Нынешняя ситуация в острой форме рисует извечные две траектории – элитарность и эгалитарность. Стоит напомнить в контексте исторических событий, связанных со Второй мировой войной и с ролью в ней СССР, что в макромасштабе в середине прошлого века схлестнулись те же две версии мировоззрения: «элитарность» германской нации, стоящей, как казалось ее представителям, на вершине иерархии народов, и эгалитарность, антисловность коммунистической идеологии Советского Союза (пусть даже и с привязкой к возрожденческому военно-историческому символизму Российской империи). Именно победа советского народа над фашизмом не только похоронила популярный глобальный расово-элитный проект, но и обеспечила импульс для снятия расовых предрассудков во всем мире, включая и США.

Во многом благодаря полемике о борьбе с коронавирусом посредством применения технологий повсеместного слежения за приватной стороной жизнедеятельности граждан в публичном пространстве вновь актуализировался стародавний вопрос: знания должны быть направлены на всеобщее просвещение или ограничиваться грамотностью только «избранных», которым на этом основании позволено манипулировать малообразованным населением? Новый технологический виток пытаются, как и ранее, использовать для удержания незыблемости глобальной иерархии, сохраняя высокий уровень, с одной стороны, образованности и компетентности для «достойных» и, с другой стороны, неразвитости, ограниченности и примитивности под маской первичной грамотности для большинства. И в этом ключе фантомные боли Советского Союза с его официальной ориентированностью на массовость, престижность и качество образования не дают покоя нашим современникам.

Выводы. При любых оценках Советского Союза, даже спустя 30 лет после его разрушения, невозможно обойтись без столь нелюбимой профессиональными социологами-теоретиками политизированной составляющей анализа. До сих пор явно или подспудно осуществляется замер «уровня апологетики» авторов по отношению к СССР, моментально формируя соответствующую стигматизацию по всему спектру симпатий и антипатий. Советский Союз продолжает быть противоречивым ориентиром из недавнего столетия, реперной точкой, как минимум, для постсоветских стран, включая и страны бывшего Варшавского договора. Он воспроизводит постоянный спор прошлого и настоящего с нереализовавшимся будущим, порождая известные, хотя и малопродуктивные, вопросы о возможном развитии событий в случае сохранения СССР.

Будущее потому и представляется неопределенно тревожным, поскольку опыт Советского Союза по созиданию творческого, гуманистически ориентированного человека оказался нивелирован, если не сказать опошлен и осмеян. Без преувеличения можно констатировать: в настоящий момент вся мощь прогностических государственных и международных институций оказывается тщедушной, мало- или вовсе неэффективной. Ведущие политики, ученые и аналитики или честно признаются в бессилии просчитать последствия происходящего, или дают оценки, которые вряд ли могут претендовать на основательность. И в этом сказывается существенное влияние событий тридцатилетней давности, когда политэтнический, внерелигиозный, прогрессистски глобально ориентированный проект общественного устройства был свернут и предан остракизму.

Явно или подспудно ностальгия по советскому прошлому зиждется именно на чем-то несбывшемся хорошем, пусть даже и весьма сказочном. Целенаправленно (специально не употребляется категория «заставить») миллионы людей жить гуманно-содержательно оказалось не под силу. Фатальная судьба СССР – это судьба совершенных идей, столкнувшихся с невозможностью их массового и добровольного воплощения. Возможно, 30 лет назад человечество упустило шанс на мирное переустройство в гуманном русле своего развития...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Донченко Е.А., Сохань Л.В., Тихонович В.А. Формирование разумных потребностей. К.: Политиздат, 1984.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
- Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.; СПб.; Сыктывкар: ЦГИ, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Schwab K., Vanham P. Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Hoboken, NJ: Wiley, 2021.

Статья поступила: 08.06.21. Финальная версия: 13.06.21. Принята к публикации: 14.06.21.

USSR AS A MIRROR OF AN UNREALIZED HUMANISTIC PERSPECTIVE

YAKOVENKO A.V.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Ukraine

Andrei V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Ukraine (6daoav@rambler.ru).

Abstract. Based on statistical data on the population in the two largest republics of the former Soviet Union, it is concluded that a significant demographic resource of citizens born in the USSR has been preserved. Examples are given of social sections that act as carriers of the memory of the Soviet Union. In particular, considered are: infrastructure layer; technological heritage; cultural standards; phraseological canvas. Particular attention is paid to the phenomenon of “oath-apostasy”, initiated by an abrupt change in the political system and the disappearance of the state. “Oath-apostasy” is analyzed in line with the well-known theory of “social trauma”. The author defends a position according to which, with the destruction of the USSR, another attempt to create a collective community, alien to narrowly focused and primitivized needs, was leveled. The usual strategies in the “destruction-restoration” logic were implemented. The collapse of the Soviet Union again exacerbated a number of habitually insoluble problems: the possibility of organizing social life of a global society outside the dominance of principles and interests based on profit; rejection of the practice of total confrontation; going beyond the limits of stable polarization of forms of social structure (“mobilization model – consumer society”); overcoming the contradiction between the temptation to build the world order on the platform of “elitism” and the gravitation towards “egalitarianism”. It is emphasized that the desire to destroy competitors has led to absolute uncertainty in the parameters of the near and distant future, with the prevalence of skeptical and even apocalyptic forecasts regarding the prospects for human development.

Keywords: USSR, generation, Soviet, social trauma, humanity.

REFERENCES

- Bauman Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Donchenko E.A., Sohan L.V., Tihonovich V.A. (1984) *Formation of Reasonable Needs*. Kiev: Politizdat. (In Russ.)
- Durkheim E. (1994) *Suicide: A Study in Sociology*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST: AST MOSCOW: KHRANITEL. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2015) Future as a Problem of Contemporary Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Schwab K., Vanham P. (2021) *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Hoboken, NJ: Wiley.
- Sorokin P.A. (2021) *Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on People's Behavior, Social Organization and Social Life*. Moscow; St. Petersburg; Syktyvkar: TsGI. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Cultural Trauma in post-Communist Society (article two). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social Change as Trauma (article one). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Received: 08.06.21. Final version: 13.06.21. Accepted: 14.06.21.

Социальная политика. Социальная структура

© 2021 г.

А.Л. АНДРЕЕВ, И.А. АНДРЕЕВ

РОССИЯ-2021: ПЕРЕЖИВАНИЕ НАСТОЯЩЕГО И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник; профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Национального исследовательского университета «МЭИ» (sympathy_06@mail.ru); АНДРЕЕВ Иван Андреевич – аспирант (v-andreev_07@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В статье излагаются результаты эмпирического исследования, проведенного ФНИСЦ РАН с целью анализа духовного состояния современного российского общества и его представлений о самом себе, которые должны рассматриваться как особый нематериальный фактор его развития. Исследование проводилось в марте – апреле 2021 г. и стало очередным в серии аналогичных работ, направленных на создание «социологического портрета» современного российского общества. Авторы статьи сосредоточили внимание на одной из его сторон, а именно – на мнениях россиян по поводу путей развития страны, оценках их исторической продуктивности и видении личных перспектив, а также на том, какой бы они хотели видеть Россию в будущем. Освещены особенности восприятия стрелы времени в российской ментальности, дается характеристика эмоциональной тональности размышлений россиян о будущем, анализируется динамика запроса на перемены, а также представления населения страны о стоящих перед российским обществом приоритетных задачах и объединяющих россиян идеях. Особое внимание уделено мнениям по поводу отношений России с Западом и Востоком. В заключение рассматриваются некоторые особенности политической сегментации российского социума. Предлагается объяснение выявленному в ходе исследования факту: несмотря на то что в российском обществе существует запрос на перемены, большинство граждан склонны поддерживать нынешнюю власть и при всех ее недостатках не хотели бы сейчас менять на другую.

Ключевые слова: российское общество • российская цивилизация • социологический портрет • образ будущего • модель развития • социальные изменения • политический процесс

DOI: 10.31857/5013216250015258-6

«Социологический портрет» как цель исследования. Одна из характерологических, можно сказать, «фирменных», черт российской научной культуры – особый интерес к проведению исследований в жанре «портретной» социологии, специфической задачей которой является интегральное описание различных социальных миров и конкретных обществ [Андреев, 2017]. Такие работы стали ответом российского социологического сообщества на настоятельный общественный запрос – заново разобраться в том, кто мы такие,

к чему стремимся и как исходя из этого выстроить новую стратегию развития страны, не противоречащую, с одной стороны, ментальности и исторической памяти россиян, а с другой – в полной мере соответствующую вызовам XXI в.

Методологические заделы для «портретной» социологии нарабатывались еще в советское время, начиная по крайней мере с проводившегося под руководством Б.А. Грушина развернутого исследования информационной и социокультурной среды типичного советского промышленного города [Массовая информация..., 1980]. В дальнейшем традиция таких социологических описаний была расширена и обогащена в работах М.К. Горшкова, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко, М.Ф. Черныша, В.К. Левашова, В.И. Федотовой, В.В. Козловского, Н.Е. Тихоновой, Ф.Э. Шереги и других российских ученых. Ведущую роль в развитии этого направления продолжает играть Институт социологии РАН, а также другие научные учреждения, которые в 2017 г. вошли в состав ФНИСЦ РАН.

В настоящей статье представлены результаты очередного такого исследования. Социологический опрос, сформировавший его эмпирическую базу, проводился в марте 2021 г. методом анкетирования по стандартной для подобных исследований схеме: выборка квотная, репрезентативная относительно социально-демографической структуры населения страны; объем выборочной совокупности – 2000 респондентов. Опрос охватил 22 субъекта федерации, представляющие 11 из 12 территориально-экономических районов страны (кроме Калининградской обл.). Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся их личной ситуации и положения в стране, а также охарактеризовать собственную общественно-политическую активность и действия, которые они предпринимают или собираются осуществить для защиты своих интересов. Ценностные предпочтения зондировались посредством вопросов, предполагающих выбор между двумя альтернативными суждениями. Например: «Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества» или «Главное – это все же личные интересы»; «Свобода – это возможность быть самому себе хозяином» или «Свобода человека реализуется в его политических правах». Стратификация выборки осуществлялась по стандартным социально-демографическим параметрам (пол, возраст, уровень образования, тип поселения, в котором живет данный респондент, уровень материальной обеспеченности, религиозная принадлежность, род занятий), но к ним были добавлены некоторые дополнительные конкретизирующие характеристики социокультурного плана, такие как образование родителей и активность данного респондента в Интернете и социальных сетях (ежедневно, 2–3 раза в неделю, раз в месяц, каждый месяц).

Не претендуя на исчерпывающее освещение ответов респондентов, мы бы хотели сосредоточиться здесь только на том, что думают россияне о путях развития России, какой они хотели бы видеть ее в будущем и как они воспринимают личные и общенациональные перспективы.

В мыслях о будущем. Как выяснилось в ходе предыдущих исследований, в российской ментальности понятие «будущее» окутано облаком позитивных ассоциаций в большей степени, чем «настоящее». В этом плане Россия выделяется на фоне других европейских стран, где «эмоциональные акценты» в переживании стрелы времени расставлены несколько иначе [Андреев, 2014: 59]. Таким образом, в, казалось бы, избитой фразе «Россия устремлена в будущее» не следует видеть лишь затертую метафору, потому что такая устремленность действительно является характерной чертой нашей национальной психологии.

В рамках опроса почти 2/3 респондентов (около 63%) сообщили, что регулярно размышляют о своем будущем, почти четверть такие мысли посещают по крайней мере время от времени, а чуть больше 5% думают об этом редко. Полную беззаботность по поводу грядущего проявляют только 6%. В принципе такое распределение показателей выглядит более или менее естественным. Но надо разбираться, чем все эти мысли навеяны и как они отражаются на внутреннем самочувствии личности. Когда будущее воспринимается преимущественно как пугающая неопределенность, или тем более как беспросветная безнадежность, или переживается как шанс, психологический эффект

будет совершенно разным. В связи с этим надо обратить внимание на эмоциональную тональность размышлений россиян об открывающихся перед ними личных перспективах. Как и следовало ожидать, в спектре переживаемых при этом эмоций представлены разные оттенки – от очень светлых до крайне мрачных. Но гнетущие чувства, например страх и отчаяние, в данном случае не слишком распространены: ими охвачено до 8,5% наших сограждан, тогда как уверенность в благоприятных перспективах, спокойствие и надежду испытывают в совокупности почти 60%. Распространенное среди россиян беспокойство само по себе не является какой-то аномалией или признаком психологического неблагополучия, поскольку треволения вообще присущи активной жизни, избежать их можно только при полной апатии ко всему происходящему.

Россияне задумываются не только о личных перспективах, но и о коллективной судьбе нации, хотя и реже, чем о собственной судьбе. Совсем не интересуется такими вопросами лишь один человек из семи (табл. 1). При этом, однако, обращает на себя внимание, что грядущее Родины наши сограждане воспринимают в гораздо более тревожном свете, чем свое собственное будущее.

Таблица 1

Приходится ли вам задумываться о своем личном будущем и будущем своей страны?
(в % от числа опрошенных, ответ давался по каждому столбцу)

Частота	Приходилось задумываться	
	о своем будущем	о будущем страны
Регулярно	63	27
Иногда	24	35
Редко	5	19
Не задумывались об этом	6	15
Затруднились ответить	2	4

Скажем, страх и отчаяние по поводу нашего общего завтрашнего дня проявили примерно 17% участников нашего опроса, а в отношении собственного будущего – почти в два раза меньше. С другой стороны, спокойствие и твердую уверенность относительно грядущего России испытывают примерно 18% – это всего на один процентный пункт больше, чем доля разуверившихся и отчаявшихся.

Заметна некоторая усталость россиян от накопившихся проблем, молодежь в особенности не до конца понимает стратегию развития страны. Очевидно, существующая система информирования с задачей разъяснения этой стратегии справляется неудовлетворительно, что вызвало возрастание запроса на перемены. Количество граждан, считающих, что нам нужны новые реформы, практически сравнялось с числом тех, кто предпочел бы переменам стабильность (47% против без малого 50%). Отметим, что доля граждан, высказывающихся за коренные перемены в российском обществе, заметно меньше, чем во Франции (68%) или США (65%), хотя и выше, чем в Германии, где она не превышает порог в 39% [Wike et al., 2021]. Около 10–12 лет назад разрыв между индикаторами «за перемены» и «за стабильность» был значительно больше: первый из них у нас был примерно на уровне сегодняшней Германии (около 40%), второй же достигал почти половины опрошенных (данные 2008 г.). Чаще всего высказываются за немедленные перемены люди, причисляющие себя к сторонникам коммунизма, а также различных версий социализма: 59 и 45% соответственно. В либеральной среде доля удовлетворенных нынешним состоянием вещей поднимается до 2/3, а среди приверженцев самостоятельного русского пути развития – до 70%.

Какой хотели бы россияне видеть Россию будущего? Отвечая на этот вопрос, наши респонденты, как и в прошлые годы, отдали первое место обеспечению социальной справедливости, которая, если обратиться к истории, испокон веков была главной

«русской идеей». Этот вариант ответа поддержали свыше половины опрошенных (точная цифра – 51%). На втором месте идет классический набор демократических прав: обеспечение прав личности, свобода самовыражения (41%). Вслед за ними респонденты с почти одинаковым результатом (около трети полученных ответов) назвали сохранение национальных традиций, проверенных временем моральных и религиозных ценностей, а также сильную государственную власть. Примерно четверть россиян хотели бы также видеть свою страну великой державой – объединительницей народов. Что касается таких стандартных элементов либеральной социально-политической модели, как сотрудничество с Западом, частная собственность и свободный рынок, минимизация государственного вмешательства в экономику и т.п., то они, судя по полученным нами данным, привлекают не более 15–16% наших сограждан. Еще меньшей популярностью пользуется узконационалистический идеал превращения России в «государство русских», его поддержала только восьмая часть наших респондентов (рис. 1).

Рис. 1. Какой россияне хотят видеть Россию будущего (в %)

Среди самых настоятельных задач, которые необходимо решать в процессе дальнейшего развития российского общества, общественное мнение долгое время выдвигало на первое место реальное обеспечение равенства граждан перед законом. Такой результат мы неизменно наблюдали во всех опросах последних двух десятилетий. Согласно данным, полученным весной 2021 г., наибольшее число голосов (без малого 40%) было отдано в пользу жесткой борьбы с коррупцией. Равенство перед законом осталось в числе приоритетов, но, получив поддержку около 31% опрошенных, отодвинулось на четвертое место, пропустив вперед смягчение социального неравенства (точка зрения 37% участников опроса) и увеличение бюджетных ассигнований на социальную сферу – медицину, образование и др. (правда, при этом надо учитывать мнение россиян и по другим аспектам укрепления законности, в частности по вопросу о соблюдении гарантированных Конституцией прав, который сочли нужным отметить в своих ответах в качестве приоритетной позиции без малого четверть наших респондентов). Видимо, остроту проблемы обеспечения законности несколько смягчили громкие аресты попавшихся на взятках губернаторов, министров и генералов. Но это не отменяет того, что население действительно не удовлетворяет организация и финансирование здравоохранения, а качество управления образованием и наукой вызывает в обществе большую тревогу.

Важными задачами на пути в будущее наши сограждане признают также формирование высокотехнологичной экономики, основанной на достижениях современной науки, и укрепление международного авторитета нашей страны, обеспечение ее эффективного суверенитета. Эти пункты отметили в своих ответах соответственно 28 и 25,5% опрошенных. А вот либеральная повестка – развитие институтов демократии, расширение гражданских прав и свобод, создание новых возможностей для предпринимательства, обеспечение принципа конкурентности – в контексте приоритетных задач страны получила довольно ограниченную поддержку (в пределах 10–13%). Поддержание национальных традиций и ценностей также не попало в число первоочередных задач, возможно, потому что в настоящее время данная позиция не является проблемной; этому вопросу уже уделяется достаточное внимание (рис. 2).

Рис. 2. Первоочередные задачи, которые должна решить Россия (в %)

Желаемый образ России будущего в представлении ее граждан содержит в себе ряд элементов, присущих современным обществам западного типа. При этом он отличается и рядом особенных черт, а многие активно пропагандируемые «установочные» ценности современного Запада россияне вообще не разделяют. Надо сказать, что наши респонденты вполне осознают эти различия. В большинстве своем они считают, что России не надо следовать каким-то готовым моделям развития и ориентироваться на заданные извне критерии – она должна опираться на собственный социально-исторический опыт. Это следует из ответов на вопросы, предполагающие выбор из двух альтернативных ценностных суждений по поводу путей социально-исторического развития. В одинаковой или сопоставимой редакции такие вопросы неоднократно включались в программу проводившихся в разные годы исследований, что дает нам возможность рассматривать взгляды и настроения российского общества в исторической динамике. Так, на протяжении двух десятилетий мы периодически предлагаем респондентам решить, следует ли рассматривать Россию как часть Европы, которая должна придерживаться тех же правил, что и современные западные государства, или же наша страна представляет собой особую

цивилизацию и западный образ жизни в ней никогда не привьется. В тот год, когда В.В. Путин первый раз был избран президентом страны, соотношение сторонников этих альтернативных точек зрения составляло 2 : 1 в пользу проевропейской [Россия на рубеже..., 2000: 406]. Больше половины опрошенных выразили мнение, что Россия должна как можно скорее вступить в ЕС. Иными словами, общественные настроения были во многом сопоставимы с тем, что мы видим, к примеру, в Грузии, где примерно 63% населения уповают на поддержку США и ЕС [Future of Georgia..., 2021: 24]. Однако по мере того, как российское руководство пыталось преодолеть асимметричность отношений между Россией и Западом, а Запад, игнорируя озабоченности Москвы и ее законные интересы, отвечал на это стратегией сдерживания и высокомерными поучениями, вектор внешнеполитической ориентации россиян стал меняться на противоположный. В 2007 г. был зафиксирован примерный паритет двух противоположных точек зрения на судьбы России: примерно 35% опрошенных солидаризировались с утверждением, что Россия – часть Европы, такое же число присоединилось к противоположному тезису – Россия не является в полной мере европейской страной, это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток. Показательно, однако, что по сравнению с предшествующими опросами сильно возросло число колеблющихся и неопределившихся, почти достигшее в этот раз отметки 30%. В 2010-е гг. наметившаяся тенденция продолжилась, и пропорция вновь выглядит как 1 : 2, вот только стороны поменялись местами: в 2011 г. тезис о европейской сущности России поддержали уже только 36% респондентов, а за то, что она является не европейской, а евразийской страной, высказались около 64%.

В 2021 г. в набор раскрывающих тему цивилизационной суверенности России и своеобразие русского пути развития были внесены одно уточняющее дополнение – российская/евразийская идентичность сопоставлялась уже не только с западной/европейской, но и с восточной: нашим респондентам дополнительно предлагался выбор между суждениями: «Россия евразийская держава и должна активнее сотрудничать со странами Востока (Китай, Индия и пр.), чем со странами Запада» и «Восток – особый мир, и с ним надо быть очень осторожным, проще ориентироваться на более тесно связанный с нами своей культурой Запад». В таком контексте индикатор поддержки евразийского выбора несколько снизился – примерно до 53%, в то время как более 47% наших респондентов солидаризировались с тем, что взаимодействовать с Европой нам проще и легче. Чувствуется, что поворот России на Восток, о котором много говорится в последние годы, воспринимается несколько настороженно.

Тем не менее, убирая «восточный контекст» и «оставляя Россию наедине с Западом», мы опять получаем все то же соотношение 1 : 2. Так, по результатам выбора между двумя альтернативами: «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны» и «Россия – особая цивилизация, западный образ жизни в ней никогда не привьется», – первую поддержали чуть более трети опрошенных (более точно – 35%), а вторую – почти вдвое больше (65%). Из этой суммарной картины выпадает только молодежь до 25 лет: среди попадающих в данную группу респондентов прозападных взглядов придерживается трое из каждых пяти входящих в нее респондентов. Но уже в следующей возрастной когорте (26–35 лет) двукратное преобладание сторонников российской самобытности практически восстанавливается, а после 55 лет оно становится по крайней мере трехкратным. Кстати, ориентация на западный образ жизни и западную модель развития в глазах молодежи еще не означает «дружбы» или даже активного партнерства с Западом, а тем более каких-либо геополитических обязательств перед ним, включая содействие укреплению так называемого «общеевропейского дома». Против такой постановки вопроса высказались свыше 76% наших самых молодых респондентов (до 26 лет). Эта цифра, конечно, меньше, чем в старших возрастных группах, где значение данного индикатора превысило отметку 85% (в возрастной когорте 45–55 лет) и даже 90% (респонденты старше 55 лет), но все же и она достаточно красноречива. К слову, разграничение между симпатиями к западному строю жизни и геополитическими интересами

России принципиально отличает настроения сегодняшней молодежи от экзальтированного западничества, характерного для средних городских слоев российского общества конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Российское понимание демократии. В тесной связи с цивилизационным выбором россиян возникает острый вопрос о демократии, который в последние годы стал едва ли не главным пунктом западной критики в отношении России. Хотя, как уже отмечено, россияне в большинстве своем отказываются принять западную модель развития за непреложный образец, из этого не следует, что они отвергают идею демократии как таковую. Более того, из тех элементов и черт общественного устройства, которые считаются характерными для западных обществ и которые россияне считают подходящими также и для себя, практически все как раз и являются различными характеристиками демократии. Около 2/3 наших респондентов высказались за то, что Россия должна быть демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека и свобода самовыражения личности. Считающие, что у нас демократия не приживется и нам нужна сильная единоличная власть, способная обеспечить порядок и единство страны, оказались в меньшинстве (хотя их число статистически значимо).

Рассмотрим другой вопрос, который касается политических свобод, выборности властей и честных выборов, права на выражение своего мнения, в том числе посредством проведения митингов и демонстраций. С тем, что все это должно быть и в России, согласны без малого 3/4 наших респондентов, и лишь чуть больше четверти считают, что в целях обеспечения стабильности и порядка эти права следует ограничивать.

В то же время характеризую представления россиян о том, какой должна быть Россия, подчеркнем, что в нашем обществе сформировалось собственное видение демократии, отличающееся от ее нормативного понимания на Западе. Например, большинство наших сограждан не склонны связывать свободу с политическими правами. Свобода в российской ее трактовке несколько аполитична – это, скорее, отсутствие ограничений или, по крайней мере, их минимизация – то, что у нас называют волей (неслучайно более половины наших респондентов высказались против мониторинга перемещения людей внутри страны, если этого потребует обострение ситуации с коронавирусом). Еще один показательный пример: граждане России в большинстве своем признают законность и необходимость существования политической оппозиции (нормативный элемент демократии, которому придается большое значение на Западе), однако не склонны рассматривать ее в контексте характерной для западных демократий модели «политического маятника» (регулярная смена политических лидеров и политических партий у власти). Гендерное равенство, которое на Западе в последнее время признано важнейшим критерием демократии, в России также пользуется ощутимо меньшей поддержкой: 54% против 90–96% в США, Канаде, Великобритании, Швеции, Австралии или хотя бы 62–70% в Польше, Чехии, Словакии, Израиле [Pew..., 2021]. Вообще для россиян характерно стремление сочетать демократические идеалы с историческим опытом политической организации евразийского пространства, подсказывающим необходимость сильного централизованного государства. Приверженность такой модели государственности или, напротив, поощряемой в Европе децентрализации и делегирования все большего объема полномочий на места делит современное российское общество практически пополам: в ходе проведенного нами опроса в пользу первой альтернативы высказалось 52% опрошенных, а в пользу второй – 48%.

Идеи, способные объединять россиян. Но если государство – это не столько механизм согласования интересов, сколько своего рода интегратор национальной воли, то сразу же встает вопрос об объединяющей идее (или идеях), под знаком которой будет строиться Россия будущего. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют и этот вопрос рассматривать в динамике. Главные идеи, которые, как считают россияне, могут объединять российское общество, определились уже давно. Это единение народов нашей страны в целях ее возрождения как великой державы, укрепление России как

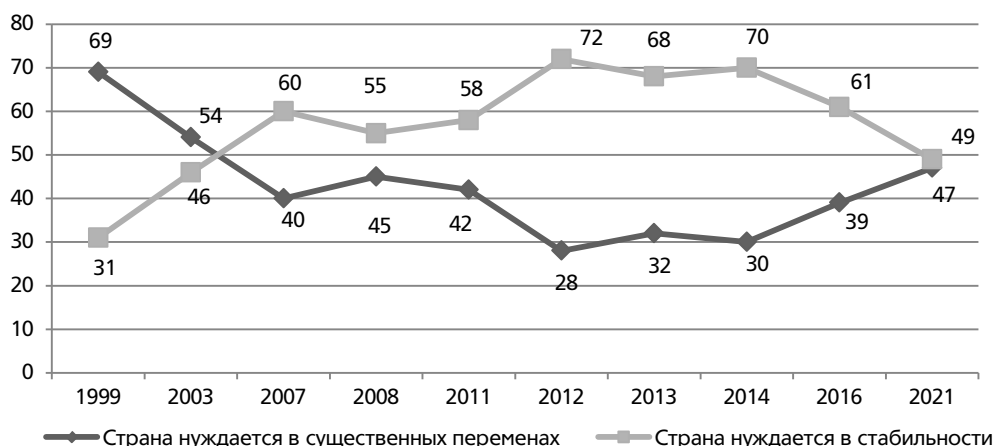
демократического и правового государства и объединение народов во имя решения глобальных проблем человечества. С тех пор, как этот вопрос был впервые предложен нашим респондентам (1995), состав этой тройки идей-лозунгов и их распределение по уровню значимости (он определялся количеством респондентов, назвавших ту или иную идею) оставались практически постоянными. В 1995 г. идею возрождения России как великой державы выбрали в качестве приоритетной 41,4% опрошенных, в 2001 г. – 48%, в 2011 г. – 42%, в 2021 г. – 40%. За идею укрепления Российской Федерации как демократического и правового государства в 1995 г. «проголосовали» 30%, в 2001 г. – 48%, в 2011 г. – 38%, в 2021 г. – опять 30%. В пользу объединения народов ради решения глобальных проблем человечества в те же годы высказались соответственно 23,5, 24, 26 и 25%. Как видим, на протяжении вот уже четверти века эти цифры варьируются очень незначительно. Более значительные изменения происходили в середине и нижней части списка, где перечислены менее популярные, но все же имеющие распространение в обществе варианты национальной идеи. Например, возвращение к социалистическим ценностям в 1995 г. поддерживали всего 10% опрошенных, в 2011 г. – вдвое больше, в 2021 г. – свыше 22%. Вряд ли надо специально объяснять, какие сдвиги общественных настроений скрываются за этой динамикой. Аналогично усиливалась идея противостояния Западу: в 1995 г. она импонировала всего 2% опрошенных, а к 2021 г. эта доля возросла более чем в 4 раза. Практически столько же (около 10%) в составе нашей выборки оказалось и респондентов, занимающих противоположную позицию и выступающих за сближение с Западом и вхождение в общеевропейский дом (в 1995 г. их было более 12%, и это число превосходило количество сторонников сближения с Западом почти в 6 раз). Несколько выросло за четверть века количество россиян, полагающих, что наше общество могла бы объединить вера в особую историческую миссию русского народа. В 1995 г. они составляли 7% нашей выборки, в 2011 г. – 9%, а в 2021 г. – около 11%. Зато, судя по полученным нами данным, несколько снизился «социальный вес» установки на очищение общества через православную веру: если в 1990-е гг. она набирала 5–6% голосов, то сегодня лишь 4%. Среди возможных вариантов национальной идеи предлагались и такие, как объединение славянских народов, широкая автономия регионов в рамках Российской Федерации, приоритет интересов личности над интересами государства. Некоторые из них сами по себе находят определенный отклик среди россиян, но в качестве объединяющей, сплачивающей их идеи не рассматриваются даже большинством своих сторонников. Так, в противоположность ценностным установкам советского времени большая часть населения сегодня ставит личные интересы выше общественных и государственных, их доля доходит до 2/3. Тем не менее сторонников низведения государственных и общественных интересов с идеологического пьедестала как идейной основы для консолидации российского общества многократно меньше. В 2011 г. их было примерно 8%; к настоящему времени это число несколько возросло – до 12%, что, однако, мало меняет общую картину. Идеология индивидуализма, при всей ее распространенности, все же не приобрела у нас массового признания. Под рубрикой «Другая идея» некоторые наши респонденты вписали отставку В.В. Путина с поста президента РФ. Таковых в составе нашей выборки обнаружилось 0,4%.

Оценка нынешнего пути развития страны. На вопрос о том, правильным ли путем идет Россия сегодня и приведет ли он к положительным результатам, более половины опрошенных (55%), несмотря на все испытываемые в последнее время трудности (западные санкции, COVID-19, высокий уровень коррупции и др.), ответили утвердительно. В то же время обращает на себя внимание, что значение этого индикатора, которое после 2000 г. долгое время стабильно повышалось, за последние 5–6 лет снизилось более чем на 20 п.п. (табл. 2). Тем не менее 55% – это на 8 п.п. больше, чем приведенное выше значение индикатора, характеризующего интенсивность формирующегося в обществе запроса на перемены (47%). Отсюда хотя бы предположительно можно сделать вывод, что потребность в переменах по крайней мере частично уже удовлетворяется, а это в свою очередь приводит россиян к мысли о том, что нынешняя власть при всех ее недостатках в основном справляется с задачами развития страны (рис. 3).

Таблица 2

Мнения по поводу пути развития России, 2001–2021 гг. (в % от числа опрошенных)

Суждение	2001	2011	2014	2016	2021
Путь, по которому идет Россия, в перспективе даст положительные результаты	59	60	76	65	55
Путь, по которому идет Россия, ведет в тупик	39	39	24	35	45

Рис. 3. Динамика оценок населением России необходимых перемен (в %)

Запрос на перемены и идейно-политическое сегментирование общества. Все описанное здесь нами многообразие мнений по различным аспектам дальнейшего развития России интегрируется в четыре сложившихся в современном российском обществе консолидированных идеологических течения, которые можно охарактеризовать как право- и леволиберальное, социал-традиционалистское (левые разного толка, включая как ортодоксальных, так и неортодоксальных коммунистов), а также консервативно-государственническое (его ядро составляют сторонники самостоятельного российского пути развития, ориентированные на тот или иной вариант «национального» госкапитализма). Впрочем, процесс идеологической самоидентификации и партийного сегментирования российского социума в известной степени затруднен: на вопрос о принадлежности к какому-либо идейному течению только треть наших респондентов смогли ответить вполне определенно. Около 7% отнесли себя к либералам, сторонникам рыночной экономики, примерно 18% – к левым (из них почти 11% – к коммунистам), а без малого 7% – к сторонникам самостоятельного национального пути развития. Большинство опрошенных не смогли ответить на вопрос о своем идеологическом выборе определенно – практически каждый второй заявил, что не относится ни к какому течению, и еще около 18% ответили, что стоят за сочетание разных идей, избегая при этом крайностей. В сумме этот «сектор неопределенности» составляет более 2/3 от численности нашей выборки.

В ситуации «идеологической чересполосицы» гражданам трудно выбрать ту партию, которая бы в достаточной степени отвечала их представлениям о том, как следует вести дела страны. Значительная часть российского электората испытывает неуверенность в выборе, который предстоит сделать, и не может вполне определиться вплоть до самого момента голосования. В частности, весной 2021 г., за 5 месяцев до выборов лишь 44% наших респондентов признались, что не будут голосовать ни за какую партию, не пойдут на выборы или не могут пока решить, кого следует на этот раз поддержать.

В связи с этим было бы естественно поставить вопрос о продолжительности жизненного цикла и «сроках износа» различных политических проектов. Ведь даже в современном «клиповом» мышлении рано или поздно возникает проблема верификации. В специфической психологической атмосфере постмодерна та или иная партия или движение может, конечно, одновременно раздавать авансы и либералам, и сторонникам «сильного» государства, и социалистам, равно как и энтузиастам модернизации, и традиционалистам. Но ведь авансы всегда сопряжены с ожиданиями, которые должны когда-нибудь сбываться – по крайней мере частично. А в политике это «когда-нибудь» обычно укладывается в довольно близкие временные горизонты и может даже означать что-нибудь вроде «в следующем избирательном цикле».

Мы не можем здесь далее углубляться в эту достаточно специальную и непростую тему. Однако не можем не сказать о некоторых специфических симптомах, предвещающих возникновение подобных проблем в будущем. Возьмем для сравнения динамику сегментирования электората «Единой России» по его политическим предпочтениям в преддверии предыдущих и предстоящих в сентябре с. г. парламентских выборов. В первом случае прогнозные оценки, основанные на данных социологического мониторинга электорального поля, уже за полгода до выборов (март–апрель 2016) оказались весьма близкими к фактическим итогам голосования. Например, по ЕР апрельский прогноз ВЦИОМ составлял 47–48% голосов, а реальный результат – чуть более 54% по общедоверительному округу и примерно 48% в одномандатных округах. Близкими к реальным итогам выборов оказались и прогнозные оценки по другим участвовавшим в выборах партиям. А вот в 2021 г. картина выглядит иначе. Проведенный нами опрос дал ЕР лишь чуть больше 17% уже определившихся избирателей. Прогноз апрельского опроса ВЦИОМ более оптимистичен – примерно 29% [Рейтинги доверия политикам..., 2021]. Однако и он далек от тех 47–48%, который социологи обещали правительственной партии за полгода до выборов 2016 г. Прогнозы по другим политическим силам по-прежнему близки к тем результатам, которые они обычно получают на выборах. Однако надо обратить внимание на то, что усиление колебаний в отношении *правительственной партии* не сопровождается пропорциональным ростом влияния какой-либо другой политической силы, как это обычно бывает в рамках «маятниковой» модели электоральной демократии. И это, на наш взгляд, можно рассматривать как симптом усиления неопределенности и возросших колебаниях россиян вообще. Речь может идти и о кризисе института политических партий как выразителей интересов населения. В самом деле, у партий – самый низкий рейтинг доверия из всех политических и общественных институтов страны: судя по данным социологических опросов, им доверяет лишь один человек из каждых пяти граждан страны.

Тем не менее значительное большинство населения (свыше 63%) считает, что, при всех недостатках нынешней власти, она все-таки заслуживает поддержки. Это заметно больше тех 47%, которые предпочли стабильность переменам. Другой вопрос, что власть в массовом сознании отождествляется не столько с какими-то формальными «институтами власти», сколько со сложной системой многоуровневых отношений государственных институтов, общественных формирований, «мозговых центров» и генераторов информационных потоков, объединяющим центром которой является фигура президента страны. Простой подсчет показывает, что «за власть» голосует по крайней мере около трети наших респондентов, которые поддерживают мысль о необходимости перемен. Вероятно, это надо понимать так, что в их осуществлении большинство населения полагается на нынешнее руководство страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Россияне и европейцы: культурно-психологические особенности людей и обществ // Россия и Европа. Т. 1: История, традиции и современность. М.: Вече, 2014. С. 50–100.
- Массовая информация в советском промышленном городе. М.: Политиздат, 1980.
- Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 2021. 9 апреля. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10747> (дата обращения: 02.05.2021).

Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН, 2000.

Future of Georgia: Survey Report // CRRC Georgia. 2021. URL: https://crrc.ge/uploads/tiny_mce/documents/Future%20of%20Georgia/Final%20FoG_Eng_08_04_2021.pdf (дата обращения: 02.05.2021).

Wike R., Silver L., Schumacher S. Many in US, Western Europe Say their Political System Needs Major Reform // Pew Research Centre. 2021. March 31. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/03/31/many-in-us-western-europe-say-their-political-system-needs-major-reform/> (дата обращения: 02.05.2021).

Статья поступила: 11.05.21. Финальная версия: 27.06.21. Принята к публикации: 02.07.21.

RUSSIA-2021: EXPERIENCING THE PRESENT AND LOOKING INTO THE FUTURE

ANDREEV A.L.*, ANDREEV I.A.*

*Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Andrey L. ANDREEV, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher; Prof., National Research Nuclear University MEPhI; National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (sympathy_06@mail.ru); Ivan A. ANDREEV, Graduate Student (v-andreev_07@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements. Supported by RNF, project No. 20-18-00505.

Abstract. The article presents results of an empirical study by FCTAS RAS in order to analyze the spiritual state of modern Russian society and its ideas about itself, which should be considered as a special non-material factor for its development. The study was conducted in March – April 2021 in a series of studies aimed at creating a kind of "sociological portrait" of modern Russian society, viewed through the prism of its self-esteem and self-image. In this article, the authors focus on a facet of this sociological portraying, i.e. on the opinions of Russians about the ways of their country's development, assessments of the historical productivity of this path and, in this regard, their personal prospects, as well as on what they would like to see their country to be in the future. The authors analyze peculiarities of the perception of the arrow of time in the Russian mentality, characterize emotional tone of Russians' thinking about the future, characterize dynamics of the gradually increasing demand for change in Russian society, and examine in detail the views of the population of the country about what tasks currently facing Russian society are priorities and what ideas could unite Russians on the way to the future. Special attention is paid to the opinion of the Russian population about its relations to the West and the East. Basing on the results of empirical research, the authors state that Russian citizens perceive their country as an independently developing civilization and in this context reject mechanical following of Western models and recipes. In conclusion, the article examines the features of the political segmentation of the Russian society. An explanation is offered for the idea that, despite the fact that there is a demand for change in Russian society, a majority of citizens tend to support the current government and, despite all its shortcomings, would not want to change it by another one, at least now.

Keywords: Russian society, Russian civilization, sociological portrait, image of the future, development model, social changes, political process.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2014) Russians and Europeans: Cultural and Psychological Characteristics of People and Societies. In: *Russia and Europe*. Vol. 1: History, Traditions and Modernity. Moscow: Veche: 50–100. (In Russ.)
- Confidence Rating of Politicians, Assessments of the Work of the President and the Government, Support for Political Parties. (2021) WCIOM. April 9. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10747> (accessed 02.05.2021). (In Russ.)
- Future of Georgia: Survey Report. (2021) CRRC Georgia. URL: https://crrc.ge/uploads/tiny_mce/documents/Future%20of%20Georgia/Final%20FoG_Eng_08_04_2021.pdf (accessed 02.05.2021).
- Mass Information in the Soviet Industrial City. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Russia at the Turn of the Century. (2000) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Wike R., Silver L., Schumacher S. (2021) Many in US, Western Europe Say Their Western Europe Say Their Political System Needs Major Reform. Pew Research Centre. March 31. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/03/31/many-in-us-western-europe-say-their-political-system-needs-major-reform/> (accessed 02.05.2021).

Received: 11.05.21. Final version: 27.06.21. Accepted: 02.07.21.

И.М. КУЗНЕЦОВ

ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЯН: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ОБНОВЛЕНИЕ

КУЗНЕЦОВ Игорь Михайлович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ingvar31@yandex.ru).

Аннотация. В статье излагаются первые результаты анализа консолидирующего потенциала ценностных ориентиров россиян. Эмпирической базой анализа служат результаты общероссийского опроса россиян (2020), проведенного в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения». Для сравнения привлекаются данные социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011). По результатам анализа сделаны следующие выводы. Подавляющее большинство россиян (70%) придерживается традиционалистского представления о необходимости укреплять собственные исторические традиции, моральные и религиозные ценности. Сравнение с аналогичными данными 2011 г. показало, что уровень поддержки рассматриваемого ценностного ориентира практически не меняется уже на протяжении 20 лет. В то же время за указанный период произошло существенное изменение смысла ценностных ориентиров гражданского самосознания. Россияне в подавляющем большинстве поддерживают суждения, соответствующие новым социально-политическим реалиям России, что свидетельствует о практически массовом отходе от идеологических императивов советского периода.

Ключевые слова: ценностные ориентиры • ценностные смыслы • терминальные ценности • традиционалистские ценности • модернистские ценности

DOI: 10.31857/S013216250014161-0

Рабочая концепция исследования. Особенность анализа ценностей с точки зрения их консолидирующего потенциала в том, что в условиях большого разнообразия этнических культур, характерного для России, необходим такой подход к исследованию ценностного многообразия, который позволял бы оценить меру общности россиян, придерживающихся разных этнокультурных стандартов, в их видении, восприятии и оценке текущих и исторических событий. В ходе исследований 2014–2018 гг. такой подход был выработан [Межнациональное согласие..., 2018: 217–244; Российское общество..., 2016: 86–104]. Суть его состоит в том, что список ценностей, их иерархия в том или ином культурно-историческом сообществе признается относительно постоянной во времени. Иначе говоря, если мы будем выстраивать ранжированные по приоритету списки ценностей, мы будем всякий раз получать какой-то «вечный» набор: семья, достаток, работа, здоровье. Но при анализе такого набора мы не сможем увидеть, чем ценность, скажем, семьи для советских людей середины 1980-х отличается от той же ценности сегодняшних россиян, чем эта ценность для жителей северокавказского села отличается от ценности семьи для обитателей московского мегаполиса. На этот вопрос можно ответить только посредством анализа содержательного наполнения тех или иных понятий из данного списка ценностей. Временная динамика изменений, различие или сходство ценностей разных этнокультурных сообществ проявляется (и может быть измерено) на уровне содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности, т.е. на уровне ценностных смыслов. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами, которые, вслед за Р. Инглхартом [Инглхарт, Вельцель, 2011], условно можно обозначить как *традиционалистский* и *модернистский* (или

секулярно-рациональный) полюса истолкования ценностных понятий. Такой подход может служить дополнением к подходам, основанным, например, на выделении определенных типов ценностей – традиционных, общечеловеческих, современных [Глобализация и социальные..., 2010: 27] – и последующем анализе сочетания этих типов в разное время и в разных культурных контекстах. В нашем подходе, если мы хотим фиксировать текущее состояние данной системы ценностей или сопоставить разные системы, мы должны определить положение рассматриваемых систем ценностей на шкале «традиционализм – модернизм».

Здесь необходимо признать, что выбор термина «традиционализм» может быть и не совсем удачен для обозначения одного из полюсов, поскольку имеет множество обыденных, политизированных, оценочных истолкований. В популистском дискурсе, например, традиционализм часто ассоциируется с какой-то «дремучей» архаикой или с тем, что условно можно назвать «колеей», т.е. каким-то социальным конформизмом. Традиционализм, в нашем понимании, это взгляды на жизнь, системы оценки, практики поведения и т.п., составляющие социальное и культурное наследие данного сообщества, которое передается из поколения в поколение [Традиции и инновации..., 2008: 18] и при этом постоянно обновляется. Процесс интеграции инноваций в традиционную систему мы можем обозначить как *традиционализацию инноваций*, что обеспечивает *легитимацию* инноваций в традиционном сознании [Аксенова, 2016]. Одновременно с традиционализацией инноваций происходит процесс *модернизации традиций*, что обеспечивает их устойчивость во времени. Так, в рамках концепции «рефлексивной модернизации» одно из направлений модернизации традиции состоит в том, что «традиции сохраняются только в той мере, в какой они оказываются доступны для дискурсивного обоснования и открытого диалога не только с другими традициями, но и с альтернативными способами деятельности» [Giddens, 1994: 105]. В нашем исследовательском контексте сопоставления внешне различающихся ценностных структур важно обозначить то общее, что характерно и для архаических систем, где традиция воспринимается как данность, как наследие, и для находящихся в процессе рефлексивной модернизации, где традиция также присутствует, но уже как отрефлексированная и рационально обоснованная. На наш взгляд, общим основанием, интенцией традиционалистского полюса интерпретации ценностных смыслов является обеспечение сохранности и преемственности во времени данного сообщества, воспринимаемого, образно говоря, как единственная среда обитания и воспроизводства человека (в тех его социально-культурных определениях, которые характерны для данного сообщества).

Альтернативный аналитический полюс шкалы вариативности ценностных смыслов мы обозначаем как модернистский, или секулярно рациональный. Доминирование модернистских ценностных смыслов характерно для постмодернистских сообществ с их отношением к членам общества как к индивидуумам [Бауман, 2008: 37]. При этом «"индивидуализация" состоит в преобразовании человеческой "идентичности" из "дано" в "найти" и возложении на отдельных людей ответственности за выполнение этой задачи и за последствия (а также побочные эффекты) их действий» [Бауман, 2008: 39]. На наш взгляд, интенцию модернистского полюса ценностных смыслов можно охарактеризовать как обеспечение самоопределения и самореализации в рамках этого самоопределения отдельных индивидов.

Так, возвращаясь к примеру о вариативности смыслов ценности «семья», можно сказать, что эта ценность может занимать одинаково высокое место в иерархии ценностей как традиционалистского, так и модернистского типа. Однако в первом случае латентный смысл этой ценности – воспроизводство достойных членов этого сообщества (и, как следствие, признание семьи «базовой ячейкой», обеспечивающей сохранность сообщества), а во втором – семья может осмысляться как одна из площадок личностной самореализации (и, соответственно, рассматриваться как одна из множества форм самоорганизации индивидов, равно значимая с другими такими же формами самоорганизации).

Наконец, вслед за другими исследователями, мы полагаем, что ценностные системы имеют многоуровневую иерархическую структуру от ценностных императивов

абстрактного идеологического уровня (в традиции, идущей от М. Рокича [Rokeach, 1973], их можно обозначить как «терминальные ценности») до разветвленного набора принципов повседневного поведения («инструментальных ценностей», по Рокичу).

По итогам исследований указанного периода сделан вывод о том, что традиционализм россиян наиболее рельефно обнаруживается в широкой поддержке традиционалистского истолкования терминальных ценностей, а процесс модернизации современного российского общественного сознания наиболее отчетливо проявляется в пересмотре или отказе от традиционалистского истолкования инструментальных ценностей. В частности, комплекс инструментальных ценностных смыслов экономической (трудовой) деятельности, ставший традиционным за время господства советской распределительной экономической модели и тотальной коллективистской идеологии, активно заменяется инструментальными смыслами, более соответствующими условиям деятельности в глобальной рыночной экономике с ее ценностями достижительности и индивидуализма.

Дополнительно сделан вывод о том, что модернизация ценностных смыслов на инструментальном уровне приводит к тому, что ценностные императивы обобщенного уровня постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров, отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство. Ориентация на эти маркеры-ценности обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. Зафиксированный в исследовании традиционализм в осмыслении маркеров российского культурно-исторического пространства означает ориентацию на поддержание устойчивости и преемственности во времени этого пространства [Кузнецов, 2017].

В настоящей статье представлены первые результаты следующего этапа исследования ценностных смыслов россиян, задача которого – в рамках изложенного выше подхода проследить динамику изменения и определить значимые взаимосвязи наиболее поддерживаемых терминальных ценностных смыслов с рядом инструментальных социально-политических диспозиций россиян, что в итоге позволит определить меру их консолидационного потенциала.

Эмпирическая база и инструментарий исследования. Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения РФ, проведенного в ходе реализации первого этапа исследовательского проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения»¹. Опрос проведен в сентябре 2020 г. по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объем выборочной совокупности – две тыс. респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам возраста, пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания.

Для оценки консолидационного потенциала терминальных ценностных ориентиров предпринято измерение отношения респондентов к двум альтернативным суждениям, характеризующим место России в глобальном мире вообще и на европейском континенте в частности. Респондентам предлагалось сделать выбор между суждениями «Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей» и «В России необходимо активнее внедрять нормы и ценности образа жизни, принятого в экономически развитых государствах». Согласие с первым или вторым суждением фиксировалось по четырехбалльной шкале: 1 – согласны с первым суждением, 2 – скорее согласны с первым суждением, 3 – скорее согласны со вторым суждением, 4 – согласны со вторым суждением. Здесь первое суждение интерпретируется как отражающее традиционалистское, имеющее достаточно глубокие исторические корни, представление об «особенном пути» России, особой ментальности россиян. Это отражено,

¹ Программа научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (поручение президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

например, в русской классической литературе XIX в. (Н. Гоголь, Ф. Достоевский). Такое представление уже на уровне официальной идеологии характерно, по мнению Ю. Левады и его коллег, и для советского периода российской истории: «Первая из фундаментальных характеристик “человека советского” – внушенное и воспринятое им представление о собственной исключительности, особости, принципиальном отличии от типичного человека иных времен и социальных систем» [Советский простой..., 1993: 13]. Другое суждение отражает альтернативное первому представлению о России как составной части европейского ментального и культурного пространства. Это представление также имеет глубокие исторические корни, но особенную актуальность и востребованность приобрело в постсоветский период российской истории.

В качестве альтернативных ценностных ориентиров, отражающих разные измерения гражданского самосознания, выбраны три пары суждений. Причем в качестве условно традиционалистского полюса выступают суждения, отражающие идеологический коллективизм, характерный для советского периода российской истории. Первая пара суждений касается выбора между традицией и инновацией в повседневной жизни: «Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций» или «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве». Вторая пара касается выбора между «приспособленчеством» и активной гражданской позицией: «Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней» и «Нужно активно бороться за свои интересы и права». Наконец, третья пара касается выбора в качестве приоритета общественных или личных интересов: «Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов общества и страны» и «Обеспечение личных интересов – это главное». Согласие или несогласие с каким-либо из пары суждений также оценивалось по четырехбалльной шкале.

Консолидирующий потенциал традиционализма. Данные об оценке респондентами описанных выше альтернатив места России в глобальном мире (табл. 1).

Таблица 1

Мнение респондентов о месте России в глобальном мире (в % от числа ответивших)

Первое суждение: «Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей» Второе суждение: «В России необходимо активнее внедрять нормы и ценности образа жизни, принятого в экономически развитых государствах»	Доля
Безусловно согласен с первым суждением	37,7
Скорее согласен с первым суждением	32,4
Скорее согласен со вторым суждением	22,7
Безусловно согласен со вторым суждением	7,2

В сумме 70% россиян придерживаются традиционалистского представления о необходимости укреплять собственные исторические традиции, моральные и религиозные ценности. Важно отметить, что по результатам многолетних измерений этого (или аналогичного) показателя уровень поддержки рассматриваемого ценностного ориентира практически не меняется на протяжении 20 лет. Так, в 2001 г. доля поддержки этого представления о России составила 68%, а в 2011 – 67%. Именно тогда, в 2011 г., высказано мнение о том, что «с середины 1990-х гг. в российском обществе происходит укрепление собственной идентичности, когда самобытность России воспринимается не как историческое проклятие, а как ценность» [Горшков и др., 2011: 156–157].

Для того, чтобы установить, насколько этот ценностный ориентир является консолидирующим для россиян, необходимо рассмотреть прежде всего распространенность представления о цивилизационной самобытности России в разных социально-демографических группах. Как показывают наши расчеты, не обнаружено значимых различий в

поддержке этого ориентира у респондентов, проживающих в разных типах поселений, имеющих разный уровень образования, разный социально-профессиональный статус, относящих себя к разным национальностям и к разным группам по уровню материальной обеспеченности. Значимые различия в поддержке указанного ориентира наблюдаются только в разных возрастных группах (табл. 2).

Таблица 2

Мнение о месте России в глобальном мире у респондентов разного возраста
(в %, доля согласных и скорее согласных с суждением)

Варианты ответа	Возрастная группа (лет)				
	18–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Россия нуждается в укреплении собственных исторических традиций, моральных и религиозных ценностей	60,6	64,3	72,8	76,3	78,3
В России необходимо активнее внедрять нормы и ценности образа жизни, принятого в экономически развитых государствах	39,4	35,7	27,2	23,7	21,7

Примечание. Значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.

С возрастом поддержка традиционалистского ценностного ориентира повышается, а наибольшее различие в мере поддержки наблюдается в крайних возрастных группах (18–30 лет и более 61 года). Если учесть то, что и в 2001, и в 2011 г. зафиксирована та же закономерность [Горшков и др., 2011: 156], то есть основания утверждать, что различия в поддержке мнения о цивилизационной самобытности России в разных возрастных группах определяются скорее ментальными особенностями возраста респондентов, нежели представляют собой межпоколенческие различия. В противном случае, т.е. если бы различия носили межпоколенческий характер, то в динамике мы бы наблюдали снижение поддержки этого полюса у респондентов одного и того же возраста в разные годы. Иначе говоря, если бы низкая поддержка мнения о цивилизационной самобытности России у респондентов, которым в 2001 г. было, скажем, 20 лет, определялась тем, что это люди другого («постсоветского») поколения, то мы бы фиксировали столь же низкую поддержку этого мнения у людей, которым в 2021 г. исполнилось 40 лет (т.е. прежним двадцатилетним). Однако этого не происходит. И таким образом можно утверждать, что возрастные различия в поддержке рассматриваемого ценностного ориентира носят преходящий характер и мнение о месте России в глобальном мире с возрастом меняется в сторону традиционалистского полюса.

Несмотря на отмеченные выше различия, даже на минимуме уровень поддержки мнения о цивилизационной самобытности России составляет более 60%, что позволяет сделать вывод о высоком консолидационном потенциале этого ценностного ориентира.

Консолидационный потенциал обновления ценностных ориентиров гражданского самосознания. Как уже было отмечено выше, широкая поддержка традиционалистских ценностных ориентиров на терминальном уровне отнюдь не препятствует активным процессам модернизации системы ценностей на инструментальном уровне, в частности в сфере экономической деятельности, что соответствует новым экономическим реалиям [Межнациональное согласие..., 2018: 231]. В рамках текущего проекта проведена проверка того, насколько этот вывод может быть распространен и на инструментальные ценностные ориентиры, отражающие реалии современного социально-политического устройства России. Полученные нами данные свидетельствуют об активной модернизации российского гражданского сознания (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка респондентами альтернативных смыслов
общественно-политических ценностных ориентиров (в % от числа ответивших)**

Общественно-политические ценностные ориентиры	Доля
<i>Первое суждение: «Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций»</i>	
<i>Второе суждение: «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве»</i>	
Безусловно согласен с первым суждением	10,5
Скорее согласен с первым суждением	23,4
Скорее согласен со вторым суждением	33,9
Безусловно согласен со вторым суждением	32,2
<i>Первое суждение: «Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней»</i>	
<i>Второе суждение: «Нужно активно бороться за свои интересы и права»</i>	
Безусловно согласен с первым суждением	6,1
Скорее согласен с первым суждением	25,7
Скорее согласен со вторым суждением	33,7
Безусловно согласен со вторым суждением	34,5
<i>Первое суждение: «Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов общества и страны»</i>	
<i>Второе суждение: «Обеспечение личных интересов – это главное»</i>	
Безусловно согласен с первым суждением	6,2
Скорее согласен с первым суждением	31,6
Скорее согласен со вторым суждением	34,7
Безусловно согласен со вторым суждением	27,5

Между тем, несмотря на столь широкую поддержку современных смыслов социально-политических ценностных ориентиров на уровне всего массива, уровень этой поддержки может значимо различаться у разных социально-демографических групп россиян, что отражает разную скорость модернизации социально-политического сознания у разных слоев российского общества.

Расхождения в оценках по наибольшему количеству социально-демографических срезов зафиксированы по ценностному ориентиру «традиции» vs «инновации». Так, наблюдаются значимые различия в уровне поддержки традиционного полюса этого ориентира у респондентов, проживающих в разных типах поселений. Причем наименьшая поддержка этого полюса фиксируется отнюдь не в мегаполисах и крупных городах, как этого логично было бы ожидать, а в малых и средних городах районного подчинения. Если в мегаполисах и областных (краевых) центрах традиционный полюс поддерживается на уровне примерно 33%, то в малых и средних городах – 28% (значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,05$). Возможно, это является отражением конфликта между потребностью населения этих городов (особенно местной молодежи) практиковать новые (усвоенные, например, через глобальную информационную сеть) модели повседневного поведения и достаточно сохранными на сегодняшний день в этих городах (но уже практически разрушенными в крупных городах) традиционными системами внешнего социального контроля за поведением.

Еще более значимы различия в поддержке традиционного полюса ценностного ориентира «традиции» vs «инновации» у респондентов, причисляющих себя к группам высоко- и среднеобеспеченных, и респондентов, считающих себя малообеспеченными. Среди первых модернизация смыслов рассматриваемого ценностного ориентира проходит более быстрыми темпами, нежели среди вторых (табл. 4).

Противоположную картину мы наблюдаем, сопоставляя оценки представителей крупных традиционных конфессий России (православных и мусульман) и атеистов. Процессы

Таблица 4

**Оценка альтернативы «традиция» vs «инновации» респондентами
разного уровня материальной обеспеченности (в % от числа ответивших)**

Варианты ответа	Слой общества		
	высокообес- печенные	средне- обеспеченные	малообес- печенные
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	14,3	29,4	39,3
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового...	85,7	70,6	60,7

Примечание. Значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.

модернизации среди атеистов идут быстрее, чем среди верующих указанных конфессий (для сравнения: традиционный полюс здесь поддерживают 44% мусульман, 36% православных и 23% атеистов). Наблюдается также тенденция к относительно более быстрой модернизации русских по сравнению с другими национальными группами России.

На наш взгляд, показанные выше различия в поддержке традиционного полюса именно этого ценностного ориентира у представителей разных слоев россиян вполне объяснимы тем, что здесь речь идет не столько о преодолении советского наследия, сколько о переосмыслении императива, имеющего в российской социально-культурной матрице очень глубокие исторические корни. Можно с осторожностью предположить, как гипотезу для более детального исследования, что в данном случае мы имеем дело не столько с отказом, сколько с процессом постепенного обновления, переосмысления традиционного императива «жить как все» применительно к новым для исторической России условиям. Возможно, постепенно, с приходом в активную жизнь новых поколений, поменяются критерии и образцы этого «как все», но сам принцип останется.

Уже несколько меньше различий мы наблюдаем в поддержке условно традиционалистского полюса ценностного ориентира «гражданская пассивность» vs. «гражданская активность». Здесь так же, как в предыдущем случае, в меньшей степени поддержка гражданской пассивности характерна для респондентов малых и средних городов районного подчинения и в большей – для жителей мегаполисов. Традиционалистский смысл, т.е. суждение «Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней» поддерживают 39% жителей мегаполисов и 26% жителей малых и средних городов. Большой поддержкой гражданской пассивности отличаются и респонденты, причисляющие себя к малообеспеченным. Но, в отличие от предыдущего случая, не фиксируются различия у верующих респондентов и атеистов, а также у представителей разных национальных групп России. И, наконец, практически никаких значимых различий по социально-демографическим параметрам (за исключением возрастных) не наблюдается в уровне поддержки традиционалистского полюса ценностного ориентира «интересы общества» vs «интересы личности». Наиболее показательны характерные для всех рассмотренных выше ориентиров гражданского самосознания возрастные различия в поддержке того или иного полюса (табл. 5).

Среди молодежи процесс обновления смыслов социально-политических ориентиров происходит более активно, чем в старших возрастных группах, что вполне логично, учитывая возрастные особенности. И здесь один из центральных вопросов состоит в том, связан ли этот процесс только с возрастом или мы все-таки имеем дело с относительно массовой сменой смыслов общественно-политических ориентиров. Для ответа на этот вопрос уместно сравнить данные по возрастным различиям в оценке одного и того же показателя за разные годы (табл. 6).

Таблица 5

Оценка респондентами разного возраста альтернативных смыслов общественно-политических ценностных ориентиров (в % от числа ответивших)

Варианты ответа	Возрастная группа (лет)				
	18–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
<i>«Традиции» vs «инновации»</i>					
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	20,4	28,8	31,4	39,1	51,0
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового...	79,6	71,2	68,6	60,9	49,0
<i>«Гражданская пассивность» vs «гражданская активность»</i>					
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	23,0	32,3	30,3	31,7	41,1
Нужно активно бороться за свои интересы и права	77,0	67,7	69,7	68,3	58,9
<i>«Интересы общества» vs «интересы личности»</i>					
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов общества и страны	29,4	36,8	37,9	36,9	47,8
Обеспечение личных интересов – это главное	70,6	63,2	62,1	63,1	52,2

Примечание. Значимость χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.

Таблица 6

Оценка респондентами разных возрастов альтернативы «традиция» vs «инновации», 2011* и 2020 гг. (в %, доля согласных и скорее согласных с суждением)

Суждение	Возрастная группа (лет)					В среднем по выборке
	18–30	31–40	41–50	51–60	старше 61	
2011						
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	45,2	52,1	61,4	63,5	68,3	57,3
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового...	54,8	47,9	38,6	36,5	31,7	42,7
2020						
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	20,4	28,8	31,4	39,1	51,0	33,8
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового...	79,6	71,2	68,6	60,9	49,0	66,2

Примечание. *Рассчитано по базе данных опроса в рамках общероссийского социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», опрос проведен в апреле 2011 г., выборка 1750 чел. от 18 лет и старше [Горшков и др., 2011].

Если сравнить для начала данные в среднем по массиву (табл. 4), полученные в 2011 и 2020 гг., то видно, что за прошедшее десятилетие в общественном мнении россиян прочно укрепилась ценность обновления, активного подхода к жизни, соответствующего современным российским социально-политическим реалиям. Это касается даже людей самой консервативной возрастной группы (старше 61 года). Отношение представителей этой группы к традиции и инновациям в повседневной жизни и работе в 2020 г. примерно схоже с оценками рассматриваемых полюсов у молодежи 18–30 лет в 2011 г. Это позволяет нам сделать вывод о том, что зафиксированные в 2020 г. различия в оценке альтернатив социально-политических ценностных ориентиров связаны скорее не с преходящими возрастными особенностями респондентов, а с устойчивыми межпоколенческими

изменениями, т.е. отражают смену социально-политических ориентиров россиян, их практически массовый отход от идеологических императивов советского периода.

В своих оценках всего комплекса социально-политических ценностных ориентиров россияне в подавляющем большинстве поддерживают суждения, соответствующие новым социально-политическим реалиям России. Исключение составляет лишь группа респондентов старше 61 года, т.е. тех, у кого основные этапы социально-политической социализации прошли в советское время. Но и представители этой возрастной группы, хотя и с совсем небольшим перевесом, поддерживают суждения, отражающие современные социально-политические реалии. Таким образом, можно утверждать, что процесс обновления смысла социально-политических ценностных ориентиров россиян носит массовый характер.

Основные выводы. Уровень поддержки мнения о цивилизационной самобытности России составляет более 70%, что позволяет сделать вывод о высоком консолидационном потенциале этого ценностного ориентира. Одним из проявлений такой консолидации является то, что убеждение в цивилизационной самобытности России является для большинства россиян маркером идентичности, отграничивающим российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство. Ориентация на этот ценностный маркер обеспечивает культурное тождество современных россиян (в том числе и самых молодых) с россиянами иных исторических эпох.

Россияне в подавляющем большинстве, т.е. консолидированно, поддерживают суждения, отражающие новые социально-политические реалии России. При этом процесс обновления ценностных ориентиров гражданского самосознания характерен не только для молодежи (что вполне логично), но и для старших возрастных групп, в том числе и для тех респондентов, чье гражданское самосознание формировалось в советскую эпоху. Можно сказать, что феномен «советского простого человека», детально описанный Ю.А. Левадой и его коллегами [Советский простой..., 1993], уходит в прошлое. Также это означает, что применительно к нынешней ситуации было бы не совсем корректно говорить о большинстве общественного мнения как о «молчаливом» или «покорном» большинство.

Наконец, необходимо дополнительно отметить, что факт поддержки традиционалистского полюса ценностных смыслов на терминальном уровне вполне совместим с поддержкой модернизированных смыслов инструментальных ценностей. Эти последние, будучи по своей функции *инструментом*, могут отвечать задачам поддержания как традиционалистских, так и модернистских ценностных ориентиров терминального уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова О.В. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. 2016. Т. 24. № 9. С. 31–36.
- Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
- Глобализация и социальные институты: социологический подход / Под ред. И.Ф. Девятко, В.Н. Фоминой. М.: Наука, 2010.
- Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В., Бызов Л.Г. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Кузнецов И.М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян // Вестник Института социологии. 2017. Вып. 22. С. 12–31. DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466.
- Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении: Социокультурный и религиозный контексты: моногр. / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016.
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под общ. ред. Ю.А. Левады. М.: Мир, Океан, 1993.

Традиции и инновации в современной России: Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008.

Giddens A. Living in a post-Traditional Society // *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order* / Ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 56–109.

Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973.

Статья поступила: 23.02.21. Финальная версия: 27.05.21. Принята к публикации: 02.07.21.

FOUNDATIONS OF RUSSIANS' VALUE CONSOLIDATION: TRADITIONALISM AND RENEWAL

KUZNETSOV I.M.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Igor M. KUZNETSOV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ingvar31@yandex.ru).

Abstract. The article presents first results of an analysis of the consolidating potential of Russians' value orientations. The empirical basis of the study is a survey of 2000 Russian citizens in September 2020. Following conclusions were drawn in analyzing the survey data. The level of support for the idea of civilizational originality of Russia is over 70% allowing us to conclude that this value benchmark has a high consolidation potential. This idea is for a majority of Russians a marker of their identity delimiting the Russian cultural, historical and even civilizational space. Orientation towards this value marker ensures cultural identity of contemporary Russians (including the youngest) with Russians of other historical eras. At the same time, an overwhelming majority of Russians is focused on a liberal understanding of the values of civic consciousness, which indicates an almost massive rejection of the ideological imperatives of the Soviet period. The process of renewal of the value orientations in civic consciousness is characteristic not only for young people, but also for older age groups, including those respondents whose civic consciousness has been formed in the Soviet era.

Keywords: value orientations, value semantics, terminal values, traditionalist values, liberal values.

REFERENCES

- Aksenova O.V. (2016) Modernization or Development: Traditional Basis of the Progress in Russia. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 24. No. 9: 31–36. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Devyatko I.F., Fomina V.N. (eds) (2010) *Globalization and Social Institutions: Sociological Approach*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2018) *Interethnic Accord in all-Russian and Regional Dimension: Socio-cultural and Religious Contexts*: monogr. Moscow: FNISts RAN. (In Russ.)
- Giddens A. (1994) Living in a post-Traditional Society. In: Beck U., Giddens A., Lash S. (eds) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press: 56–109.
- Goffman A.B. (ed.) (2008) *Traditions and Innovations in Contemporary Russia: Sociological Analysis of Interaction and Dynamics*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V., Byzov L.G. (2011) *Twenty Years of Reforms through the Eyes of Russians: The Experience of Many Years of Sociological Measurements*. Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds) (2016) *Russian Society and Current Challenges*. (2016) Book 4. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)
- Kuznetsov I.M. (2017) The Value Markers of Russians' Cultural and Historical Identity. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 8. No. 3: 12–31. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466.
- Levada Yu.A. (ed.) (1993) *Soviet Common Man: Experience of a Social Portrait at the Turn of the 90s*. Moscow: Mir, Okean. (In Russ.)
- Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.

Received: 23.02.21. Final version: 27.05.21. Accepted: 02.07.21.

© 2021 г.

М.А. ШАБАНОВА

РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР БЫТОВЫХ ОТХОДОВ КАК ДОБРОВОЛЬНАЯ ПРАКТИКА РОССИЯН: ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ, ПОТЕНЦИАЛ

ШАБАНОВА Марина Андриановна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (mshabanova@hse.ru).

Аннотация. В статье по результатам трех всероссийских репрезентативных исследований (2014, 2017, 2020 гг.) представлены данные о динамике уровней, факторов и условий добровольного включения населения в практику раздельного сбора бытовых отходов (РСБО). Установлено, что основная (и все возрастающая) часть россиян уже сегодня не отказывается от участия в РСБО, но выдвигает встречные запросы на наличие доступной и удобной инфраструктуры, а также информирование в этой сфере. Продвижения в развитии способствующей среды в 2019–2020 гг. сказались на скачкообразном росте числа реальных участников РСБО, увеличении потенциальных и резком снижении индифферентных, отчасти сгладив обострение мусорной проблемы в связи с пандемией. Показано, что, несмотря на сохранение ключевых мотивов и факторов участия в РСБО, в их структуре в 2020 г. произошли значимые изменения, связанные как с мусорной реформой и изменением качественного состава участников, так и с вызовами со стороны пандемии. На основе новой волны исследования делается вывод о потенциале и мерах по дальнейшему расширению участия россиян в РСБО.

Ключевые слова: мусорная проблема • гражданское общество • раздельный сбор бытовых отходов • экологическая ответственность потребителей • проэкологическое поведение • этическое потребление • пандемия COVID-19

DOI: 10.31857/S013216250015256-4

Постановка проблемы. Острота мусорной проблемы в России набирает обороты. Среди ее проявлений – переполненность ныне действующих полигонов, воспроизводство несанкционированных свалок, увеличение объемов и появление новых видов мусора в условиях пандемии, недовольство и «антисвалочные протесты» населения и пр. Опыт стран, сделавших за последние два-три десятилетия кардинальные продвижения в решении мусорной проблемы, свидетельствует о том, что переработка с предварительной сортировкой отходов на разные фракции – самый эффективный и безопасный способ борьбы с мусором [Hoornweg, Bhada-Tata, 2012: 27]. В России раздельный сбор бытовых отходов

Статья подготовлена на основе результатов исследования, проведенного автором в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

(РСБО) пока остается сугубо добровольной практикой гражданского общества (ГО): он продвигается преимущественно проэкологическими и просоциальными мотивами, сопряжен с дополнительными усилиями и затратами времени со стороны участников, но при этом не сопровождается какими-либо поощрениями или санкциями. Границы этой сферы ГО постоянно меняются и зависят от действий других ключевых заинтересованных сторон, а также от событий-триггеров. Специфика 2020 г. – в одновременном воздействии на участие россиян в РСБО двух разнонаправленных процессов: активного продвижения властью и бизнесом условий для РСБО и осложнившей это продвижение пандемии COVID-19.

В условиях пандемии осложнились условия участия в реформировании этой сферы всех акторов: во-первых, увеличились объемы мусора в жилом секторе (по данным региональных операторов, в среднем на треть)¹, появились новые виды мусора (маски, перчатки); а во-вторых, изменились предпочтения потребителей. В их числе: нежелание относить бытовые отходы в разделенные контейнеры из-за опасения заражений в лифте; возросшее потребление антибактериальных влажных салфеток и средств, одноразовых пакетов; стремительный рост онлайн-покупок, а соответственно, и упаковочных материалов и пр. Кроме того, пандемия приостановила работу компаний и благотворительных организаций, которые забирают (принимают в дар) ненужные предметы/вещи, бесплатную передачу или peer-to-peer продажи подержанных вещей или других предметов. Объемы выбрасываемого мусора возросли и в связи с генеральными уборками и ремонтами квартир/домов, к которым подтолкнула вынужденная изоляция. В некоторых странах исследователи фиксируют рост спроса на новые товары из-за того, что магазины бывших в употреблении товаров закрыты и обычно не присутствуют в Интернете [Ikiz et al., 2021]. Эксперты прогнозируют сохранение ряда новых потребительских привычек и после пандемии [Giudice et al., 2020; Hobbs, 2020].

Как эти изменения, осложнившие реализацию мусорной реформы в России, накладываются на предпринятые (с начала 2019 г.) властью и бизнесом шаги в развитии способствующей среды для РСБО? Какой из эффектов оказался сильнее? Случились или нет к концу 2020 г. продвижения во включении россиян в РСБО в сравнении с допандемийным периодом, когда ситуация практически не менялась? Как изменились социальный потенциал, мотивы, факторы и условия включения в РСБО? Без ответа на эти вопросы нельзя понять ни перспективы развития РСБО в российской институциональной и культурной среде, ни степень соприкосновения практики с ГО, без знания которой невозможно во всей полноте оценивать экономическое значение последнего. *Цель работы* – выявить динамику (2014, 2017, 2020) уровней, факторов и условий реального и потенциального включения россиян в РСБО как добровольную практику ГО, а также обосновать на этой основе меры по дальнейшему расширению РСБО.

Теоретико-методологические основания и результаты исследований. В России РСБО, оставаясь добровольной практикой ГО, по сути своей, отражает то, что М. Мичелетти называет *индивидуализированным коллективным действием* (*individualized collective action*) [Micheletti, 2003]. Индивиды из разных социальных групп, вне членства в каких бы то ни было гражданских ассоциациях или партиях, по своей инициативе берут на себя ответственность за проблему, которую считают общественно важной. Они уделяют больше времени и прилагают больше усилий, в одиночку или вместе с другими продвигая решение неотложной, в их понимании, проблемы. Такой вид активности позволяет самореализовываться, сочетая личный интерес и общее благо [ibid: 25–26]. Этот *повседневный активизм* (*everyday activism*), базирующийся не на заданных (структурных), а на гибких, встроенных в конкретные ситуации (контекстуальных) идентичностях, происходит в самых разных сферах. Этичное потребление, включая этичное обращение с бытовыми отходами, – одна из них.

¹ Операторы по вывозу мусора в регионах столкнулись с ростом отходов // ТАСС. 2020. 6 апреля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8170091> (дата обращения: 17.06.2021).

Для осмысления *реальных* закономерностей становления добровольных проэкологических/просоциальных практик в изменяющейся (вследствие как деятельности других акторов, так и неожиданных событий-триггеров) внешней среде целесообразно интегрировать *идеальный* (оторванный от структур) конструкт Мичелетти в концепции, рассматривающие разные аспекты связей между уровнями социальной реальности – субъектами/действиями и структурами. Это позволяет дополнить теоретическое представление о предмете исследования следующими основными положениями.

Два уровня социальной реальности (структуры и субъекты) находятся в тесной связи друг с другом и в то же время сохраняют определенную степень автономности. При анализе социальных сдвигов каждый уровень рассматривается в двух ипостасях – в потенциальной возможности и в действительности, а вектору изменений придается вероятностный характер [Штомпка, 1996; Заславская, 2004]. Уровень развития РСБО как добровольной практики ГО, а также степень (темпы) ее перехода из потенциальной ипостаси в реальную в каждый момент времени отражают как степень озабоченности ГО проблемой, так и соотношение сил между основными заинтересованными сторонами (властью, бизнесом, НКО, населением и пр.), их интересами и ресурсами. До определенного момента инициативы и запросы населения и НКО могут не находить отклика у власти, как, впрочем, и продвижения последней в мусорной реформе – не быть заметными массовым группам населения. Снижение сбоев в информационных сигналах – поле активности всех заинтересованных сторон (НКО, СМИ, власти и др.), дабы не доводить ситуацию до «мусорных бунтов», «антисвалочных протестов», на которые власть вынуждена реагировать оперативно, но запоздало.

Исследования факторов включения населения в РСБО в разных странах (подробнее см.: [Шабанова, 2019]) свидетельствуют о важности как проэкологических/просоциальных установок индивидов, их морально-культурных стремлений, так и уровня развития способствующей среды: доступной и удобной инфраструктуры, просвещения и информирования, материальных стимулов и санкций, социального давления и подталкивания и пр. (см., напр.: [Miafodzyeva, Brandt, 2013; Kirakozian, 2016; Iyer, Kashyap, 2007; Robinson, Read, 2005; Shaw, Maynard, 2008; Owusu et al., 2013; Czajkowski et al., 2017] и др.). Все эти факторы сказываются на соотношении между издержками и выгодами включения в РСБО, равно как и на величине разрыва между намерениями и реальными действиями, – словом, на параметрах индивидуализированных коллективных действий по поводу мусорной проблемы.

Вслед за Этzioni мы исходим из того, что индивидам одновременно присущи два вида стремлений – эгоистические и морально-культурные, – которые могут находиться в конфликте друг с другом. Это приводит к разного рода неблагоприятным последствиям (чувство вины, стыда и пр.) [Etzioni, 2003], в конечном счете снижающим уровень субъективного благополучия индивидов. Иными словами, мы строго не противопоставляем альтруистическое и эгоистическое включение индивидов в РСБО, а исходим из того, что их реальные действия в каждый момент времени отражают некий компромисс между двумя видами стремлений. Есть основания полагать, что он сильно различается у представителей разных волн участников РСБО: энтузиасты-первопроходцы склонны идти на большие жертвы, чем представители последующих волн. Не случайно наши исследования показали, что запросы на условия вхождения в РСБО у *потенциальных* участников выше, чем у *реальных* [Шабанова, 2019].

Пандемия внесла коррективы в факторы включения населения в РСБО и другие «около-мусорные» практики. Первые исследования, проведенные в разных странах, фиксируют рост объема мусора в домохозяйствах [Hantoko et al., 2021], связанный с внезапным изменением повседневного образа жизни, страхами и опасениями за здоровье, активным переходом на онлайн-покупки и пр. Как следствие – рост пластиковых и медицинских отходов. Так, по данным международного исследования, 45–48% респондентов указали на рост потребления упакованных товаров, свежих продуктов и доставки еды; на 45% возросла пластиковая упаковка [Filho et al., 2021]. Относительно объемов *пищевых* отходов

результаты противоречивы, но большинство констатируют либо их сохранение на прежнем уровне, либо сокращение в условиях пандемии [UNSCN, 2020; Principato et al., 2020; Rappalardo et al., 2020] и, как следствие, изменение структуры мусора. Внезапные сдвиги в объеме и структуре мусора стали серьезным вызовом для системы обращения с отходами во всех странах, но особо в странах с низким и средним доходом, где слабо развиты практики этичного потребления, а РСБО делает первые шаги или вообще отсутствует. В России активные шаги по продвижению мусорной реформы пришлось на ковидный год, что в случае положительного отклика со стороны ГО могло хотя бы отчасти сглаживать обострившуюся в условиях пандемии мусорную проблему. Но как отреагировало население? Стало ли более заметным индивидуализированное коллективное действие, направленное на решение этой проблемы?

Гипотезы и данные. С учетом накопленного научного знания и результатов наших исследований в предыдущие годы будем исходить из того, что сделанные в 2019–2020 гг. продвижения в развитии способствующей среды для РСБО, несмотря на пандемию, нашли отклик у населения и сказались как на уровне, так и на структуре факторов включения в практику. На данном этапе тестировались следующие гипотезы.

H1: Оценки уровня развития способствующей среды в настоящее время играют более важную роль во включении в РСБО, чем все компоненты «зеленого морального индекса» (проэкологические/просоциальные мотивы и установки, отражающие стремления индивидов вносить вклад в общее благо, нести личную ответственность за состояние окружающей среды).

H2: С вероятностью *реального* включения в РСБО в большей степени ассоциированы проэкологические/просоциальные мотивы, чем мотивы *личной* выгоды – экономической и неэкономической (особое удовлетворение от причастности, создание у людей впечатления о себе как об ответственном человеке), хотя роль последних, скорее, повышается.

H3: Факторы попадания в группы с разной позицией в отношении РСБО имеют специфику. Если среди *реальных* участников с ростом оценок уровня развития способствующей среды вероятность попадания в группу существенно повышается, то среди *потенциальных* участников это, скорее, не так. *Потенциальные* участники в отличие от *реальных* предъявляют более высокие запросы на «одномоментное», комплексное развитие способствующей среды как условие «входа» в РСБО, снижающее издержки и повышающее эффективность их участия (ненаправленность прилагаемых усилий).

H4: Уровень озабоченности остротой мусорной проблемы в России положительно связан с вероятностью попадания в группы как *реальных*, так и *потенциальных* участников. Подобная зависимость характерна и для позиции в отношении РСБО как способа ослабления мусорной проблемы, хотя связь с вероятностью включения в РСБО, скорее, не столь сильная.

H5: Поскольку РСБО в России в настоящее время сугубо добровольная практика, то включение в другие добровольные социально-экономические активности, характеризующие степень «социального отклика» (денежные пожертвования, добровольческий труд, передача вещей), положительно ассоциированы с вероятностью участия в РСБО.

Данные и методы. Исследование базируется на данных трех опросов (2014, 2017, 2020 гг. по 2 тыс. чел.), репрезентирующих население России по полу, возрасту и уровню образования². Не имея данных об уровне включения россиян в РСБО в 2019 г., для осмысления влияния двух разнонаправленных процессов в 2020 г. (скачка в развитии инфраструктуры и осложнившей реализацию мусорной реформы пандемии) будем руководствоваться следующими соображениями. Вялое изменение уровня развития инфраструктуры практически не сказывалось на уровне включения в РСБО: 11 и 13% соответственно в 2014 и 2017 гг. Поскольку до 2019 г. кардинальных шагов в изменении среды не было, будем исходить из сохранения тенденции и примерной оценки в 15–16% в 2019 г., т.е. накануне пандемии.

²Выборка многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная. Метод опроса – формализованное интервью.

Наряду с дескриптивным анализом, направленным на выявление динамики состава групп с разным отношением к РСБО, для оценки связей между разными факторами и попаданием индивидов в эти группы использовался аппарат мультиномиальной логит-регрессии (данные 2020 г., ноябрь). Зависимая переменная принимала три возможных значения: 1 – реальный участник РСБО, 2 – потенциальный участник, 3 – индифферентный к данной практике индивид (базовая группа для сравнения).

Динамика, мотивы и условия участия населения в РСБО. Поскольку в двух первых волнах мониторинга (2014, 2017 гг.) доля участников РСБО практически не менялась (табл. 1), было ясно, что потенциал энтузиастов-первопроходцев практически исчерпан, и без создания удобной и эффективной инфраструктуры практика развиваться не будет [Шабанова, 2019]. В то же время уже тогда коэффициенты стабильности и замещения сигнализировали о хорошей (и расширяющейся) социальной базе для развития РСБО, о высоких шансах увеличения числа участников в случае развития способствующей среды. Обнаруженный в конце 2020 г. скачок в росте доли участников РСБО (табл. 1) отражает реакцию населения на положительные сдвиги в развитии инфраструктуры: в первую очередь на активную установку раздельных контейнеров для вторсырья во дворах с 2019 г. Резкое расширение числа реальных участников за счет потенциальных, которые, как мы установили ранее, предъявляют более высокие запросы на условия вхождения в РСБО, сказалось и на росте доли разочаровавшихся (6% в 2020 г. по сравнению с 2,5% в 2017 г.). Этот откат может быть связан как с недостаточным качеством ставшей доступной инфраструктуры РСБО, так и с эффектом пандемии, отбросившей тревогу по поводу мусорной проблемы на более дальний план.

Таблица 1

Участие и намерения включиться/продолжить участвовать в РСБО в ближайшие год-два (в %)

Показатель	2014	2017	2020
Участвуют на регулярной основе в настоящее время	11	13	34 (27)*
Намерены включиться или продолжить участвовать в ближайшие год-два	23	29	54 (47)**
Коэффициент стабильности***	73	81	82
Коэффициент замещения****	5,1	7,8	4,63
Распределение по типам:			
участвуют и будут участвовать	8	10	28
не участвуют, но собираются	15	19	26
участвуют, но намерены бросить	3	2,5	6
не участвуют и не собираются	74	68	40
Итого	100	100	100

Примечания. */**С учетом как относящих (намеренных относить) отходы в раздельные контейнеры вблизи дома, так и сдающих (намеренных сдавать) их отдельные виды (макулатуру, пластик, стекло, металл и пр.) в специальные пункты (в скобках – только первая группа). ***Коэффициент стабильности – отношение числа намеренных продолжать участие в раздельном сборе мусора в ближайшие год-два к общему числу включенных в эту практику в настоящее время ($\times 100\%$). ****Коэффициент замещения – отношение числа намеренных включиться в данную практику к числу намеренных отказаться от нее в ближайшие год-два.

В результате в настоящее время доля реальных участников РСБО достигает 34%: 27% сортируют и относят бытовые отходы в специально установленные раздельные контейнеры вблизи дома, 12% – сортируют и сдают отдельные виды отходов (макулатуру, пластик, стекло, металл и пр.) в специальные пункты приема, в том числе 5% включены в обе практики. Доля *потенциальных* участников (к ним мы отнесли тех, кто в настоящее время не включен в РСБО, но собирается сделать это в ближайшие год-два) – 26%, а доля *индифферентных* (не участвующих сейчас и не намеренных это делать в ближайшие

год-два) – 40%. Последняя группа все еще многочисленна, однако она намного меньше, чем в 2014 и 2017 гг. (табл. 1).

Группы с разной позицией в отношении РСБО неодинаково озабочены мусорной проблемой и по-разному относятся к необходимости РСБО для ее ослабления (табл. 2). Реальных и потенциальных участников мусорная проблема тревожит гораздо сильнее, и они чаще связывают ее ослабление с РСБО. Среди же индифферентных, напротив, выше доля «не озабоченных» или вообще не задумывающихся о мусорной проблеме, а также считающих, что россияне пока не готовы к РСБО. В то же время во всех трех группах весьма заметная часть (21–25%), признавая важность проблемы, не верит в успешность ее решения, ибо все предшествующие попытки не дали результата. Однако реальные и потенциальные участники, разделяя эту позицию, вероятно, сохраняют надежду на то, что нынешняя кампания по введению РСБО увенчается успехом.

Таблица 2

Озабоченность мусорной проблемой и отношение к введению РСБО разных групп (в %)

Позиция	Реальные	Потенциальные	Индифферентные	Всего
<i>Личная озабоченность мусорной проблемой в России*</i>				
Сильно тревожит	46	44	28	38
Скорее тревожит	40	39	35	38
Скорее не тревожит	8	8	17	12
Совсем не тревожит	2	4	12	6
Не задумывались об этом	4	5	7	6
<i>Необходимость введения РСБО в России: суждения</i>				
«Это актуальная задача, нужно скорее создавать условия для ее решения»	60	49	30	45
«Признаю важность, но не верю в успешность этой затеи. Все предшествующие попытки не дали результата»	21	23	25	23
«Проблема важная, но наш народ пока не готов разделять бытовые отходы»	16	23	30	23
«России вообще не нужен отдельный сбор мусора»	3	2	8	5
Другое/затруднились ответить	0	3	7	4

Примечание. *Вопрос звучал так: «Сейчас много говорится о проблеме с мусором в России. Одни считают ее важной из-за огромных мусорных свалок, отравляющих почву и воздух. Других она мало волнует из-за отсутствия свалок вблизи их населенного пункта. Третьи говорят об отсутствии этой проблемы, ссылаясь на большую территорию нашей страны. Насколько проблема с мусором в России тревожит лично вас?»

Среди мотивов участия или готовности начать участие в РСБО устойчиво и с большим отрывом лидируют проэкологические/просоциальные, объединяемые в ряде исследований [Berglund, 2006] в «зеленый моральный индекс»: хотя бы один его элемент назвали 88% (2017 г.) и 84% (2020 г.) респондентов (табл. 3). Структура индекса в 2020 г. претерпела изменения: на фоне снижения доли желающих вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений (в группе реальных участников), а также считающих, что это экономически выгодно для общества (во всех группах), повсеместно возросла доля тех, кто просто старается делать то, что, по их мнению, должны делать все. Заметно снизился «зеленый моральный индекс» у «индифферентных», тем не менее сегодня половина из их числа назвали хотя бы один проэкологический/просоциальный мотив своего возможного участия в РСБО. Поэтому по мере развития способствующей среды можно

по-прежнему рассчитывать на включение в практику заметной части этой группы. Роль соображений личной выгоды (экономической и особенно неэкономической) повысилась (как у реальных, так и у потенциальных участников), но она, как и раньше, второстепенная (табл. 3).

Тревожный факт – снижение доли тех, кто включается или готов включиться в РСБО, так как верит, что их усилия не напрасны и они могут влиять на решение важной проблемы. Среди потенциальных участников эта доля снизилась почти в 2 раза (табл. 3). Поскольку уверенность в эффективности своих усилий – значимый фактор, положительно связанный с вероятностью попадания в группу потенциальных участников [Шабанова, 2019], то при прочих равных ее снижение отрицательно сказывается на увеличении этой группы. Вероятно, с этим связано снижение коэффициента замещения в 2020 г. (см. табл. 1).

Таблица 3

Мотивы участия или готовности начать участие в РСБО* (в % по столбцу)

Мотивы	Реальные		Потенциальные		Индифферентные		Всего	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
1. Хочу ощущать себя ответственным человеком за состояние окружающей среды	47	49	35	46,5	21,5	18	27	36
2. Хочу вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений	36	29	29	37	21	20	24	28
3. Считаю, что это экономически выгодно для общества в целом	29	16	31	18	19	9	23	14
4. Стараюсь делать то, что, по моему мнению, должны делать все	37	43	22	45	18	20,5	21	34
Итого: хотя бы один пункт из пп. 1–4	88	84	80	88	60	50	67	72
5. Верю, что мои усилия не напрасны, и я могу влиять на решение важной проблемы	20	15	34	18	17	7	21	13
6. Это экономически выгодно лично для меня (моей семьи)	10	14	9	11	8	8	8	11
7. Хочу создать у людей впечатление о себе как об ответственном человеке	4	15	4	9	4	3	4	8,5
Итого: хотя бы один пункт из пп. 6, 7	14	25	11,5	18	10,5	10	11	17
8. Получаю от этих действий особое удовольствие, мне приятно причастность к этому делу	9	11	8	9	5	4	6	7,4
9. Не участвую и/или не собираюсь участвовать в раздельном сборе мусора	2	5	4,5	3,5	23	28	17	14

Примечание. *Ответ на вопрос «Назовите, пожалуйста, основные причины, по которым вы уже участвуете или готовы начать участвовать в раздельном сборе мусора» (разрешалось выбрать любое число ответов). Адаптированный и дополненный вопрос из: [Berglund, 2006: 564].

На фоне уменьшения группы индифферентных увеличилась доля среди них лиц, настроенных в отношении РСБО весьма категорично: 28% не находят ни альтруистических, ни эгоистических оснований для включения в РСБО («неинтересно это мне») и добровольно не собираются сортировать отходы.

Основной сдерживающий фактор для включения в РСБО – отсутствие доступной и удобной инфраструктуры. Так, в отношении наличия контейнеров для раздельного сбора отходов вблизи дома позицию «совсем нет условий» выбрали 59% потенциальных и 67% индифферентных против 35% реальных. Подобный характер различий воспроизводит

оценка приемлемого времени на доставку отходов в специальные пункты или отдельные контейнеры (табл. 4). Обращает на себя внимание низкая удовлетворенность даже реальных участников уровнем информированности о том, что и как можно сортировать и как это делать правильно. Оценку 1–2 балла по 5-балльной шкале поставили 62% реальных участников, 77% – потенциальных и 81% – индифферентных. По доле получивших самые низкие оценки информированность опережает все другие компоненты способствующей среды, независимо от позиции индивидов в отношении РСБО. По суммарной оценке

Таблица 4

**Оценка разными группами уровня развития условий для РСБО
в их населенном пункте (в % по столбцу)**

Условия	Реальные	Потенциальные	Индифферентные	Всего
<i>Наличие контейнеров для раздельного сбора отходов вблизи дома</i>				
1 – совсем нет условий	35	59	67	54
2 – плохие условия	12	12	11	12
3 – средние условия	21	14	9	14
4 – хорошие условия	14	8	4	9
5 – отличные условия	17	6	7	10
Затруднились ответить	0	1	2	1
<i>Приемлемое время на доставку бытовых отходов в специальные пункты или отдельные контейнеры</i>				
1 – совсем нет условий	32	52	62	49
2 – плохие условия	17	12	12	14
3 – средние условия	20	17	10	16
4 – хорошие условия	12	6	5	7
5 – отличные условия	13	6	4	8
Затруднились ответить	6	7	7	6
<i>Своевременный и правильный вывоз отходов</i>				
1 – совсем нет условий	27	44	56	43
2 – плохие условия	13	14	14	13
3 – средние условия	22	19	11	17
4 – хорошие условия	16	11	6	11
5 – отличные условия	19	8	9	12
Затруднились ответить	3	4	4	4
<i>Информированность населения о том, что и как можно сортировать, как это делать правильно</i>				
1 – совсем нет условий	43	63	69	59
2 – плохие условия	19	14	12	15
3 – средние условия	16	12	8	12
4 – хорошие условия	10	4	3	6
5 – отличные условия	10	5	4	6
Затруднились ответить	2	2	4	2
<i>Итого: уровень развития способствующей среды</i>				
Суммарная оценка условий:				
0–4 балла – совсем нет	18	33	46	33
5–8 баллов – плохие	24	33	30	29
9–12 баллов – средние	29	22	15	22
13–15 баллов – выше средних	15	8	4	9
16–20 баллов – хорошие/отличные	14	4	4	8
Итого	100	100	100	100

четырёх компонент способствующей среды позиции не ниже средних набрали 58% реальных участников РСБО против 34% и 23% среди потенциальных и индифферентных соответственно.

Основная часть россиян если и готова сортировать отходы, то без сопутствующих неудобств (табл. 5). В условиях включения (или продолжения участия), как и прежде, с большим отрывом лидирует установка контейнеров для РСБО вблизи дома (64%). На втором месте – наличие информации о том, что и как можно сортировать; как это делать правильно (30%). Факторы, характеризующие качество инфраструктуры доступности (своевременный вывоз, вторичная переработка и др.) играют заметную, но более скромную, чем раньше, роль. Вероятно, сказываются предпринятые властью и бизнесом шаги по продвижению мусорной реформы, подкрепленные (что немаловажно) контролем и популяризацией его результатов в Интернете со стороны инициативных граждан (например, отслеживание судьбы разделенного и смешанного мусора с помощью помещенных в пакеты GPS-маячков). А вот такой социальный фактор, как участие большинства соседей в РСБО как условие включения туда и респондента, повсеместно увеличил свою роль, особенно в группе *потенциальных* участников. Вероятно, усиливается «эффект участия похожих других», и чем заметнее будет РСБО, тем при прочих равных потенциальные участники активнее будут становиться реальными, и темпы развития практики будут возрастать.

Таблица 5

Условия включения (продолжения участия) в РСБО (в % по столбцу)

Условия	Реальные		Потенциальные		Индифферентные		Всего	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Установка контейнеров для РСБО вблизи дома	79	77	89	79	61	42	69	64
Наличие информации о том, что и как можно сортировать; как это делать правильно	X	35	X	41,5	X	19	X	30
Уверенность в том, что раздельно собранные отходы пройдут вторичную переработку	30	25	32,5	24	24	17	26	21,5
Участие большинства соседей в РСБО	17	22	12	21	12	15	13	19
Приемлемое время на доставку отходов в спец. пункты или раздельные контейнеры	20	23	15	21	17	9	17	17
Введение штрафов или дополнительной платы за отказ от сортировки	13	16	11,5	16	10	10,5	11	14
Наличие информации о том, куда можно отвезти раздельно собранные отходы	15	16	21	15,5	15	9	16	13
Организация своевременного и правильного вывоза отходов	20	13	23	20	17	7	19	12

Итак, констатируем: основная (и все бóльшая) часть россиян уже сегодня не отказывается от участия в РСБО, но выдвигает встречные запросы к власти и бизнесу на создание доступной и удобной инфраструктуры. Продвижения в ее развитии в последние два года сказались на скачкообразном росте числа реальных участников РСБО, увеличении *потенциальных* и резком снижении *индифферентных*. Однако группа индифферентных становится все более «неподдающейся»: она менее восприимчива к положительным сдвигам в развитии способствующей среды и реже называет их в качестве условия своего вхождения в практику. Кроме того, судя по оценкам разными группами отдельных компонент способствующей среды, в перспективе в случае сохранения статус-кво возможен некоторый откат и рост числа разочаровавшихся в РСБО. Среди узких мест не только

практическое отсутствие удобной инфраструктуры, которое фиксирует большинство как потенциальных участников, так и индифферентных, но и слабая информированность всех групп о том, что и как можно сортировать, как это делать правильно, а также каков эффект уже предпринимаемых ими усилий.

Факторы включения в РСБО: регрессионный анализ. Насколько можно судить по коэффициентам МНЛ-регрессии, россияне при прочих равных условиях скорее окажутся реальными участниками РСБО, чем занимающими индифферентную позицию, если они: обеспокоены остротой мусорной проблемы, занимают конструктивную позицию в отношении РСБО как способа ее ослабления, положительно оценивают нынешний уровень способствующей среды для РСБО, хотя бы лично ответственными за состояние окружающей среды (как без оглядки, так и с оглядкой на действия/оценки других людей), в последний год участвовали в какой-либо денежной помощи незнакомым людям. А вот по большинству объективных индивидуальных характеристик (социально-демографических и статусных) реальные участники не отличаются от индифферентных. Исключение – возраст: среди реальных участников чаще встречаются миллениалы и пенсионеры. Похожие отличия от индифферентных свойственны и потенциальным участникам, но есть и специфика. На фоне исчезновения различий в отношении высоких оценок уровня развития способствующей среды значимую роль начинает играть вера во влияние на решение важной проблемы (ненаправленности предпринимаемых усилий).

В связи с тем, что коэффициенты мультиномиальной регрессии β плохо поддаются прямой интерпретации в качестве меры влияния, в табл. 6 приводятся рассчитанные на их основе средние предельные эффекты для каждой позиции в отношении РСБО. Они показывают, на сколько процентных пунктов (п.п.) в среднем меняется вероятность соответствующего исхода при единичном изменении той или иной независимой переменной при условии, что все остальные независимые переменные остаются неизменными.

Таблица 6

Средние предельные эффекты выбора типа участия в РСБО для модели мультиномиальной логистической регрессии

Независимые переменные	Реальные	Потенциальные	Индифферентные
<i>Оценка уровня развития условий для РСБО в населенном пункте (0–4 балла – база)</i>			
Плохие (5–8 баллов)	0,073*** (0,024)	0,000 (0,026)	–0,073*** (0,026)
Средние (9–12 баллов)	0,204*** (0,028)	–0,040 (0,028)	–0,164*** (0,028)
Выше средних (13–15 баллов)	0,296*** (0,040)	–0,054 (0,037)	–0,242*** (0,035)
Хорошие или отличные (16–20 баллов)	0,372*** (0,041)	–0,143*** (0,034)	–0,229*** (0,037)
<i>Ценностные ориентации, установки, мотивы включения (готовности включиться)</i>			
<i>«Зеленый моральный индекс»: 0 – база</i>			
1	0,119*** (0,024)	0,173*** (0,022)	–0,292*** (0,026)
2	0,145*** (0,032)	0,201*** (0,032)	–0,346*** (0,035)
3–4	0,131*** (0,039)	0,260*** (0,041)	–0,391*** (0,041)
Хочу создать у людей впечатление о себе как об ответственном человеке	0,205*** (0,034)	0,053 (0,036)	–0,258*** (0,045)
Это экономически выгодно лично для меня (моей семьи)	0,061** (0,031)	0,011 (0,032)	–0,072** (0,034)
Верю, что мои усилия не напрасны, и я могу влиять на решение важной проблемы	0,004 (0,030)	0,061** (0,028)	–0,065** (0,033)

Окончание табл. 6

Независимые переменные	Реальные	Потенциальные	Индиifferentные
<i>Уровень озабоченности мусорной проблемой в России (база – не тревожит (совсем или скорее) или не задумывались об этом)</i>			
Сильно тревожит	0,099*** (0,028)	0,022 (0,028)	-0,121*** (0,027)
Скорее тревожит	0,068** (0,027)	-0,009 (0,027)	-0,058** (0,026)
<i>Представления о необходимости введения РСБО в России (базовое суждение – «Это актуальная задача, нужно скорее создавать условия для ее решения»)</i>			
«Признаю важность, но не верю в успешность этой затеи. Все предшествующие попытки не дали результата»	-0,088*** (0,025)	0,003 (0,025)	0,085*** (0,025)
«Проблема важная, но наш народ пока не готов разделять бытовые отходы»	-0,139*** (0,025)	0,005 (0,025)	0,134*** (0,026)
«России вообще не нужен раздельный сбор мусора»/не задумывались об этом/все равно	-0,161*** (0,046)	-0,016 (0,046)	0,177*** (0,043)
<i>Социально-демографические и статусные характеристики</i>			
<i>Возраст: 18–30 лет – база</i>			
31–40 лет	0,051* (0,030)	0,030 (0,029)	-0,081*** (0,029)
51–60 лет	-0,007 (0,032)	0,060* (0,032)	-0,053* (0,032)
старше 60 лет	0,051 (0,031)	0,056* (0,031)	-0,107*** (0,030)
<i>Просоциальная активность в других сферах</i>			
Денежные пожертвования за последний год, включая милостыню	0,064*** (0,021)	0,004 (0,021)	-0,067*** (0,020)
Передача ненужных вещей и других предметов другим людям на регулярной основе	-0,090*** (0,021)	0,041** (0,021)	0,048** (0,021)

Примечания. N = 2000. Регионы (8 федеральных округов) контролируются. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$. В скобках приведены робастные стандартные ошибки. Вероятность $> \chi^2 = 0,0000$. Pseudo $R^2 = 0,1899$. В таблице не приведены переменные, которые оказались незначимыми: пол, возраст 41–50 лет, образование, материальный статус семьи, тип населенного пункта, получение лично-го удовольствия от причастности к делу РСБО, участие в добровольческом труде за последний год, членство в НКО и участие в их деятельности.

Самая сильная положительная связь существует между включением в РСБО и оценками уровня развития способствующей среды. Чем выше эта оценка, тем выше вероятность попадания в группу *реальных* участников. Так, по сравнению с теми, кто указал на полное отсутствие условий для РСБО в их населенном пункте/дворе (0–4 балла, табл. 4), вероятность включения тех, кто дал этим условиям среднюю оценку (9–12 баллов), выше на 29,6 п.п., а хорошую или отличную (16–20 баллов) – на 37,2 п.п.

Вторая группа значимых факторов связана с мотивами и установками. Прозэкологические и просоциальные мотивы, объединенные в «зеленый моральный индекс» (табл. 3), тесно ассоциированы с попаданием в группу *реальных* участников (вероятность выше на 12–14 п.п. по сравнению с теми, у кого этот индекс нулевой). Тем не менее роль моральных стремлений меньше, чем уровня развития способствующей среды (гипотеза **H1** не отвергается). Кроме того, отмеченные выше изменения в структуре «зеленого морального индекса» (снижение значимости двух компонент из четырех в 2020 г.) сказались и на характере зависимости между *реальным* включением в РСБО и величиной индекса (табл. 6). Гипотеза **H2** о том, что с вероятностью *реального* включения в большей степени ассоциированы просоциальные и проэкологические мотивы, чем мотивы *личной* выгоды,

не отвергается лишь частично. Действительно, мотив получения личного удовольствия/удовлетворения от причастности к РСБО, как и прежде, незначим, а личной экономической выгоды – мало значим ($p < 0,1$). А вот роль создания у людей впечатления о себе как об ответственном человеке неожиданно «набрала обороты». По сравнению с теми, кто не указал на данный мотив, вероятность включения в РСБО тех, кто указал, в среднем выше на 20,5 п.п., т.е. превосходит отдельные значения «зеленого морального индекса». Вероятно, на реальном участии сегодня сказывается не только просвещение и информирование в этой области, но и участие в РСБО «критической массы» из социального окружения индивидов.

Уровень озабоченности остротой мусорной проблемы в России положительно связан с вероятностью попадания в группу *реальных* участников (чем он выше, тем выше эта вероятность: на 6,8 и 9,9 п.п., табл. 6). Подобная зависимость характерна и для позиции в отношении РСБО как способа ослабления мусорной проблемы, хотя связь с вероятностью включения ослабляется из-за неверия индивидов в успешность этой затеи, уверенности в том, что «наш народ не готов разделять бытовые отходы», как и из-за позиции о ненужности в России РСБО как такового. Таким образом, гипотеза **H4** в этой части не отвергается. А вот в отношении *потенциальных* участников она не подтвердилась. В наибольшей степени с вероятностью попадания в эту группу в настоящее время ассоциированы значения «зеленого морального индекса» (повышая ее на 17–26 п.п.). Мотивы *личной* выгоды (как экономической, так и неэкономической), как и прежде, незначимы. Очевидно, ни поощрений, ни санкций от окружения *потенциальные* участники не ждут. В то же время они, в отличие от *реальных* участников, предъявляют более высокие запросы на условия «вхождения» в РСБО: они придают значимость неаппаратности (эффективности) предпринимаемых усилий и предъявляют более высокие запросы на «одномоментное» развитие способствующей среды, снижающее издержки их участия (гипотеза **H3** в этой части не отвергается). Не случайно все оценки способствующей среды, ниже хороших/отличных, не связаны с вероятностью попадания в группу *потенциальных* участников, а самые высокие оценки, снижая вероятность попадания в группу *потенциальных* (на 14,3 п.п.), «выталкивают» их в группу *реальных* участников.

Примечательно, что попадание в группы с разной позицией в отношении РСБО сейчас значимо не связано ни с полом, ни со статусными (образование, тип населенного пункта, материальный статус семьи) характеристиками индивидов. По сравнению с 2017 г. исчезли различия между мужчинами и женщинами, а также между отдельными типами поселений. Если на первых порах женщины активнее мужчин включались в РСБО, то по мере расширения группы различия по этому признаку нивелировались. К аналогичному эффекту привело заметное продвижение в развитии инфраструктуры РСБО в разных типах населенных пунктов в 2019–2020 гг., включая Москву, которая ранее отставала от других городов-миллионников по этому основанию [Шабанова, 2019: 104].

Устойчиво отсутствие связи между позицией в отношении РСБО и членством/участием в деятельности НКО. Однако гипотеза **H5** о положительной связи между добровольным включением в РСБО и другие добровольные социально-экономические активности (денежные пожертвования, добровольческий труд, передача вещей), как через НКО, так и через неформальные структуры, не отвергается лишь отчасти. У тех, кто делал денежные пожертвования в последний год, вероятность попадания в группу *реальных* участников РСБО выше на 6,3 п.п. по сравнению с теми, кто их в этот период не делал. А вот у тех, кто передавал ставшие ненужными вещи, она, напротив, на 9,1 п.п. ниже по сравнению с теми, кто их передавал. Можно предположить, что эта связь носит временный характер, связанный как непосредственно с пандемией, так и с усугубляемым ею эффектом «морального лицензирования» (*moral licensing*): люди воздерживаются от включения в новые виды поведения по ослаблению конкретной проблемы, если считают, что уже внесли посильный вклад и могут «почивать на лаврах» [Truelove et al., 2014; Thøgersen, Crompton, 2009]. Развитие инфраструктуры для РСБО, пришедшееся на год пандемии, отчасти

ослабило негативные последствия сужения институциональных возможностей для передачи вещей (приостановка работы ряда НКО, благотворительных магазинов, боязнь взаимодействий с незнакомыми людьми и пр.), как и чувство вины от их выбрасывания. А вот связь с участием в добровольческом труде исчезла совсем на фоне резкого снижения доли добровольцев во всех группах в условиях пандемии.

Таким образом, несмотря на сохранение ключевых факторов включения в РСБО, в их структуре произошли значимые изменения, связанные как с продвижением в развитии способствующей среды в 2019–2020 гг., так и с вызовами со стороны пандемии 2020 г.

Выводы и заключительные соображения. Россияне оперативно отреагировали на предпринятые властью и бизнесом продвижения в развитии способствующей среды для РСБО. Группа *реальных* участников в 2020 г. существенно расширилась, что еще раз подтверждает делавшийся нами ранее (по данным 2017 г.) вывод о том, что население не есть слабое звено в социальном механизме становления РСБО [Шабанова, 2019: 107]. Однако группа добровольных участников изменилась не только количественно, но и качественно. К энтузиастам-первопроходцам, часто включавшимся в РСБО не благодаря наличию способствующей среды, а вопреки ее отсутствию, присоединились более прагматично настроенные представители второй волны. Вследствие этого инфраструктурные и институциональные факторы вышли на первый план, опередив проэкологические и просоциальные мотивы и установки, а доля разочаровавшихся в практике возросла.

Что касается *потенциальных* участников, то попадание в их группу в настоящее время сильнее всего связано с проэкологическими/просоциальными мотивами и установками. Эта связь у них стала даже сильнее, чем в группе реальных участников, чего не было в 2017 г. Нечувствительность к уровню развития способствующей среды, оцениваемому ниже хорошего или отличного, косвенно указывает на выжидательную позицию и более высокие запросы потенциальных участников. Об этом же сигнализирует такой отличительный фактор этой группы, сохраняющий устойчивую значимость (2017 и 2020 гг.), как эффективность (ненапрасность) предпринимаемых усилий, вера в способность влиять на решение важной проблемы. Это свидетельствует о том, что дальнейшее увеличение числа участников РСБО сопряжено с более высокой планкой, предполагающей комплексное продвижение в развитии способствующей среды. Речь идет не только об установке контейнеров вблизи домов, но и о приемлемом времени на доставку бытовых отходов в эти контейнеры или в специальные пункты; своевременном и правильном вывозе отходов, а также повышении информированности населения о том, что и как можно сортировать, как это делать правильно. Недостаток этого знания сегодня фиксируют представители всех групп независимо от занимаемой позиции в отношении РСБО.

Продвижение в развитии доступной и удобной инфраструктуры, нашедшее отклик у весьма заметной части россиян, отчасти сгладило обострение мусорной проблемы в связи с пандемией. Поскольку по большинству социально-демографических и статусных характеристик (пол, образование, материальный статус семьи, тип населенного пункта) реальные участники не отличаются от индифферентных (и число этих характеристик в 2020 г. возросло), то добровольное включение в РСБО, по сути, представляет то, что Мичелетти называет индивидуализированным коллективным действием [Micheletti, 2003: 24–32]. Однако сам факт, что эти действия могут возникать вне традиционных структур, еще не означает, что последние на них не влияют: инфраструктурные и институциональные факторы играют значимую роль. Отсутствие связи с членством в НКО также не указывает на пассивную роль последних в формировании подобного рода действий: она проявляется на стадиях как их подготовки, так и реализации (информирование, просвещение, продвижение развития инфраструктуры, в том числе на основе взаимодействий с другими заинтересованными сторонами).

Тем не менее, выступая ареной для самостоятельного конструирования идентичностей, связанных с экологическими или общественными проблемами, которые кажутся индивидам неотложными и попадающими в зону их личной ответственности, новые добровольные

практики потребителей свидетельствуют о том, что сфера потребления все шире становится сферой современного ГО, раздвигает его границы и усиливает социально-экономическую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. [Zaslavskaya T.I. (2004) *Modern Russian Society: Social Transformation Mechanism*. Moscow: Delo. (In Russ.)]
- Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 88–112. [Shabanova M. (2019) *Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement*. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 3: 88–112. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. [Sztompka P. (1996) *The Sociology of Social Change*. Moscow: Aspekt-Press.]
- Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*. Vol. 56. No. 4: 560–569. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2005.03.005.
- Czajkowski M., Hanley N., Nyborg K. (2017) Social Norms, Morals and Self-interest as Determinants of Pro-environment Behaviours: The Case of Household Recycling. *Environmental and Resource Economics*. Vol. 66. No. 4: 647–670. DOI: 10.1007/s10640-015-9964-3.
- Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-economic Paradigm. *Socio-Economic Review*. Vol. 1. No. 1: 105–118. DOI: 10.1093/socsci/1.1.105.
- Filho W., Voronova V., Kloga M., Paço A., Minhas A., Salvia A., Ferreira C., Sivapalan S. (2021) COVID-19 and Waste Production in Households: A Trend Analysis. *Science of the Total Environment*. Vol. 777. Article no. 145997. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2021.145997.
- Giudice F., Caferra R., Morone P. (2020) COVID-19, the Food System and the Circular Economy: Challenges and Opportunities. *Sustainability*. Vol. 12. No. 19. Article no. 7939. DOI: 10.3390/su12197939.
- Hantoko D., Li X., Pariatamby A., Yoshikawa K., Horttanainen M., Yan M. (2021) Challenges and Practices on Waste Management and Disposal during COVID-19 Pandemic. *Journal of Environmental Management*. Vol. 286. Article no. 112140. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.112140.
- Hobbs J.E. (2020) Food Supply Chains during the COVID-19 Pandemic. *Canadian Journal of Agricultural Economics*. Vol. 68. No. 2: 171–176. DOI: 10.1111/cjag.12237.
- Hoornweg D., Bhada-Tata B.P. (2012) What a Waste: A Global Review of Solid Waste Management. *Urban Development Series Knowledge Papers*. No. 15. Washington: The World Bank. URL: <https://www.ccaoalition.org/en/resources/what-waste-global-review-solid-waste-management-urban-development-series-knowledge-papers> (accessed 19.04.2021).
- Ikiz E., Maclaren V.W., Alfred E., Sivanesan S. (2021) Impact of COVID-19 on Household Waste Flows, Diversion and Reuse: The Case of Multi-residential Buildings in Toronto, Canada. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 164. Article no. 105111. DOI: 10.1016/j.resconrec.2020.105111.
- Iyer E.S., Kashyap R.K. (2007) Consumer Recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class. *Journal of Consumer Behaviour*. Vol. 6. No. 1: 32–47. DOI: 10.1002/CB.206.
- Kirakozian A. (2016) The Determinants of Household Recycling: Social Influence, Public Policies and Environmental Preferences. *Applied Economics*. Vol. 48. No. 16: 1481–1503. DOI: 10.1080/00036846.2015.1102843.
- Miafodzyeva S., Brandt N. (2013) Recycling Behaviour among Householders: Synthesizing Determinants via a Meta-analysis. *Waste and Biomass Valorization*. Vol. 4. No. 2: 221–235. DOI: 10.1007/s12649-012-9144-4.
- Micheletti M. (2003) *Political Virtue and Shopping: Individuals, Consumerism, and Collective Action*. New York: Palgrave Macmillan.
- Owusu V., Adjei-Addo E., Sundberg C. (2013) Do Economic Incentives Affect Attitudes to Solid Waste Source Separation? Evidence from Ghana. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 78: 115–123. DOI: 10.1016/J.RESCONREC.2013.07.002.
- Pappalardo G., Cerroni S., Nayga R.M. Jr., Yang W. (2020) Impact of COVID-19 on Household Food Waste: The Case of Italy. *Frontiers in Nutrition*. Vol. 7. Article no. 585090. DOI: 10.3389/fnut.2020.585090.
- Principato P., Secondi L., Cicatiello C., Giovanni M. (2020) Caring More about Food: The Unexpected Positive Effect of the COVID-19 Lockdown on Household Food Management and Waste. *Socio-Economic Planning Sciences*. Article no. 100953. DOI: 10.1016/j.seps.2020.100953. (In press.)

- Robinson G.M., Read A.D. (2005) Recycling Behavior in London Borough: Results from Large-scale Household Surveys. *Resources, Conservation and Recycling*. Vol. 45. No. 1: 70–83. DOI: 10.1016/j.resconrec.2005.02.002.
- Shaw P.J., Maynard S.J. (2008) The Potential of Financial Incentives to Enhance Householders' Curbside Recycling Behavior. *Waste Management*. Vol. 28. No. 10: 1732–1741. DOI: 10.1016/j.wasman.2007.08.008.
- Thøgersen J., Olander F. (2003) Spillover of Environment-friendly Consumer Behavior. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 3: 225–236. DOI: 10.1016/S0272-4944(03)00018-5.
- Truelove H.B., Carrico A.R., Weber E.U., Raimi K.T., Vandenberg M.P. (2014). Positive and Negative Spillover of Pro-environmental Behavior: An Integrative Review and Theoretical Framework. *Global Environmental Change*. Vol. 29: 127–138. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2014.09.004.
- UNSCN. (2020) COVID-19 Pandemic: The Evolving Impact on How People Meet the Food System. URL: <https://www.unscn.org/en/news-events/recent-news?idnews=2065> (accessed 19.04.2021).

Статья поступила: 17.05.21. Принята к публикации: 01.07.21.

SEPARATE WASTE COLLECTION AS RUSSIANS' VOLUNTARY PRACTICE: THE DYNAMICS, FACTORS AND POTENTIAL

SHABANOVA M.A.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Marina A. SHABANOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Leading Researcher, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (mshabanova@hse.ru).

Abstract. The paper presents the data of three all-Russia representative surveys (2014, 2017 and 2020) on the dynamics of the levels, factors and conditions of citizens' engagement in the practice of separate household waste collection (SWC). It has been ascertained that today a major (and increasingly growing) share of Russians do not reject their engagement in SWC but put forward a counter-demand for an available and convenient infrastructure and information in this sphere. The progress in the development of an enabling environment in 2019–2020 had an impact on the sharp increase in the number of actual SWC participants, a growing number of potential participants and a drastic decline of those who are indifferent, which somehow mitigated adverse impact of the waste problem owing to the pandemic. The study provides evidence that despite the persistence of key motivations and factors of engagement in SWC, significant changes occurred in their structure in 2020 resulting from the waste reform, change in the quality structure of participants and the pandemic challenge. Based on the new wave of the survey, the paper makes a conclusion about the potential and measures for further enhancement of Russians' participation in SWC.

Keywords: waste issue, civil society, separate collection of household waste, environmental consumer responsibility, pro-environmental behavior, ethical consumption, COVID-19 pandemic.

Received: 17.05.21. Accepted: 01.07.21.

ЦЗЯН ХАЙБИНЬ, Л.С. ВЕСЕЛОВА, Л.А. ЛЕБЕДИНЦЕВА

ФЕНОМЕН КИТАЙСКОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ: СЛОЖНОСТИ С ТРУДОУСТРОЙСТВОМ ВЫПУСКНИКОВ И «ОСТРЫЙ ДЕФИЦИТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ»

ЦЗЯН ХАЙБИНЬ – доцент Института физики Цзилиньского педагогического университета, Сыпин, КНР (37694350@qq.com); ВЕСЕЛОВА Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПб.) (lveselova@hse.ru); ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна – доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (l.lebedintseva@spbu.ru). Обе – Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается проблема дефицита рабочих кадров в реальном секторе экономики, прежде всего в материальном производстве. Анализ современной тенденции показывает, что китайская молодежь не готова трудиться на низкооплачиваемых работах. Отмечается, что несоответствие между потребностями и социальными притязаниями людей в обществе и относительно отсталым материальным производством, труд на котором считается тяжелым и малооплачиваемым, постепенно созревало, в период начала экономических реформ усилилось, а в современном обществе проявилось в полную силу. Выявляются основные причины сложившейся социально-экономической проблемы, связанные с неразрешенным противоречием между спросом и предложением на рабочую силу в китайской социально-экономической системе. Делается вывод о необходимости дальнейшего сопряжения системы образования и нужд рынка, в частности, о создании системы профессиональной подготовки для срочно требуемых в экономике высококвалифицированных кадров, развитии уже имеющихся талантов в новых отраслях, таких как информационная безопасность, разработка программного обеспечения, сетевая инженерия, коммуникационная инженерия, новые энергетические транспортные средства и т.д.

Ключевые слова: сложности в трудоустройстве • дефицит рабочей силы • китайские выпускники • менеджмент талантов в КНР • средний класс в Китае • система образования КНР

DOI: 10.31857/5013216250009490-2

Введение. В современном мире формируется необычный социальный феномен, а именно сосуществование двух проблем – нехватка рабочей силы и сложности с трудоустройством выпускников вузов. Данная ситуация наблюдается и в России, и в Китае: несмотря на различия в политических системах, образовательная политика обеих стран имеет ряд схожих моментов, поскольку изначально сама модель обучения была заимствована ими у Запада. Обе страны стремятся ускорить свой экономический рост и расширить влияние, для этого необходимы квалифицированные кадры. Многие компании в Китае сталкиваются с проблемой дефицита дешевой рабочей силы, что во многом связано с развитием и популяризацией высшего образования в КНР. В то же время выпускникам китайских вузов довольно сложно найти работу в стране из-за недостаточного количества предложений хорошо оплачиваемых рабочих мест, а также несоответствия образовательных программ реальным потребностям китайского рынка труда. Китайские выпускники не заинтересованы идти на низкооплачиваемые должности и работать в качестве дешевой рабочей силы, они готовы к частой смене работы для того, чтобы найти лучшее предложение.

Цель данной статьи – изучить причины появления данного феномена в Китае и сравнить ситуацию с трудоустройством выпускников в России и Китае. Основные задачи исследования – проанализировать дисбаланс на рынке труда выпускников КНР, противоречия в общественной системе Китая, а также показать, что данная ситуация характерна не только для Китая. Анализ опирается на данные официальной статистики и профильных министерств в КНР и РФ, международных статистических источников и рейтингов: China Statistical Yearbook (2017, 2018, 2019), China University Student Employment Report (2014–2018), Ministry of Human Resources and Social Security of the People's Republic of China (2020), Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства науки и высшего образования РФ (2020), World University Rankings (2020), The UNESCO Institute for Statistics (2020).

Общая ситуация. Несмотря на позитивные сдвиги в процессе развития системы высшего образования, на сегодняшний день в Китае существует ряд серьезных проблем. Вследствие проведения экономических реформ были сняты ограничения на миграцию населения и в период с 1980-х гг. до начала 2010-х гг., согласно данным официальной статистики, количество городской рабочей силы увеличилось более чем в три раза: с 95,1 млн до 293,5 млн человек. Многие рабочие предпочли уйти с государственных предприятий и перешли в частные, таким образом, процент людей, работающих в госсекторе, снизился с 78,3 до 21,9%. Если в 1978 г. большинство населения (69,9%) были задействованы в сельском хозяйстве, то в 2010-х гг. их количество сократилось до 40,8% [Kuruvilla et al., 2011: 1]. Помимо того, что за тридцать лет реформ произошли изменения в структуре рабочей силы и форме занятости, в некоторых районах КНР, а именно в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, появился социальный феномен дефицита рабочей силы, который сложно было предугадать в стране с таким большим количеством трудоспособного населения. Из развитых прибрежных районов это социальное явление переместилось во внутренние районы страны, расширилось и стало затрагивать не только низкоквалифицированных рабочих, но и высококвалифицированных специалистов.

Китай – страна с большим количеством рабочей силы (население составляет более 1,3 млрд человек). Здесь самая большая образовательная система в мире, в 2018 г. в китайских вузах обучалось более 260 млн студентов и работало свыше 15 млн преподавателей [China Statistical Yearbook, 2019]. В последние годы китайские университеты все чаще попадают в списки ведущих университетов мира. Согласно ежегодному рейтингу, который составляет журнал Times Higher Education, в 2020 г. 6 китайских университетов вошли в число 150 лучших университетов мира: университет Цинхуа (23-е место), Пекинский университет (24-е место), Научно-технический университет Китая (80-е место), Чжэцзянский (107-е место), Фуданьский (109-е место) и Нанкинский университет (144-е место)¹. Количество желающих получить высшее образование в КНР постоянно растет, ряды студентов активно пополняются за счет иностранных абитуриентов, которые все чаще выбирают китайскую магистратуру и аспирантуру. Правительство КНР ежегодно увеличивает объем финансирования для развития образования в стране. Если в 2014–2015 гг. он составлял 4,85 млрд долларов, то в 2018–2019 – 6,74 млрд долларов (China Statistical Yearbook, 2019). С 2017 г. в Китае начали реализовывать проект “Double Top University Plan” (双一流大学), направленный на создание университетов мирового уровня.

Основные изменения в системе образования КНР. До периода реформ 1980-х гг. выпускникам китайских вузов, так же как и выпускникам вузов СССР, не было необходимости самостоятельно искать работу: существовала четкая система государственного распределения. Благодаря строгому административному контролю и запрету на миграцию были минимизированы проблемы трудоустройства. Система «железной миски риса», когда государство гарантировало пожизненное трудоустройство, эффективно работала в

¹World University Rankings 2020. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2020/world-ranking#!/page/0/length/25/locations/CN/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (дата обращения: 03.03.2020).

Китае и защищала права рабочих. В сельской местности все рабочие были членами производственных бригад, были заняты в сельском хозяйстве или выполняли какую-то работу в коммуне. В городах люди работали на государственных или коллективных предприятиях, так как частные отсутствовали [Ghose, 2005: 3].

После окончания Культурной революции (1966–1976) в период реформ и открытости правительство Китая для привлечения иностранных инвестиций позволило некоторым местным органам власти сделать упор на гибкость системы труда за счет сокращения рабочих мест в государственных компаниях, редуцирования прав, ухудшения безопасности и здоровья работников. Многие предприятия с иностранными инвестициями, чьи конкурентные преимущества были обусловлены низкими затратами и трудоемким производством, воспользовались ростом числа трудящихся-мигрантов, готовых работать без официальных контрактов за небольшие деньги.

Условной точкой отсчета, с которой начинается восстановление и быстрое развитие системы высшего образования в Китае, можно считать 1982 г. – когда впервые в истории шести китайским ученым были присвоены степени докторов наук. В этот период в стране существовало лишь несколько докторских программ, на которые ежегодно вплоть до 1994 г. принимали менее 10 тыс. чел. В 2000-х гг. ситуация начинает меняться и к 2003 г. количество докторантов увеличилось до 40 тыс. чел., а после 2004 г. в КНР количество студентов докторских программ стало самым большим в мире [Zhao, 2014: 97].

В 1985 г. университетам была предоставлена большая автономия и расширены их права. Университетская система должна была выполнять ряд функций: обучение студентов, проведение исследований, ведение бизнеса и социальная деятельность [Bai, 2006: 130]. Углубление рыночных реформ в 1990-е гг. привело к повышению уровня конкуренции и текучке кадров в университетах. В некоторых из них были открыты интенсивные краткосрочные курсы для быстрой подготовки кадров, с весьма низким качеством образования [Chen Hon Fai, 2018: 36]. Вследствие принятия в 1995 г. «Закона о трудовых отношениях», который предусматривал отказ от системы пожизненного трудоустройства и предполагал переход к контрактной системе трудовых отношений, более 30 млн рабочих государственных предприятий потеряли работу [Kuruvilla et al., 2011: 5].

В 1995 г. в КНР был принят новый «Закон об обязательном образовании», который предусматривал девять лет обязательного образования для каждого гражданина КНР². Для управления обширной территорией и огромным населением Конституция Китая предусматривает три уровня управления, исключая центральное правительство: провинциальный, районный и городской. Ответственность по предоставлению начального и среднего образования и контролю лежит на правительстве районов, в то время как высшее образование подпадает под юрисдикцию провинциальных властей. С 6 до 11 лет ученики посещают начальную школу, с 12 до 14 лет – младшую среднюю, на этом обязательная часть образования заканчивается. Далее, путем сдачи экзаменов ученик может быть зачислен в старшую среднюю школу для получения полного среднего общего образования. Хотя эта ступень уже не считается обязательной и в 2005 г. только 40% учеников продолжили обучение, в 2014 г. показатели выросли, и уже 95% учеников продолжили обучение, чтобы закончить среднее общее образование³. После окончания школы ученики могут поступить в университеты, сдав единый государственный экзамен, который называется «гаокао» (高考). В это же время в условиях реструктуризации многие

² Education Law of the People's Republic of China // Ministry of Education of the People's Republic of China. 2009. May 26. URL: http://en.moe.gov.cn/Resources/Laws_and_Policies/201506/t20150626_191385.html (дата обращения: 25.06.2020). Первый вариант «Закона об обязательном образовании» был принят в 1986 г., он стал основным документом в развитии системы образования. Согласно этому закону, все дети школьного возраста, которые являлись гражданами КНР, имели право получить обязательное школьное образование.

³ OECD. Education in China: A Snapshot. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: <https://www.oecd.org/china/Education-in-China-a-snapshot.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).

государственные предприятия начали увольнять работников, чем также способствовали увеличению количества безработного населения.

В 1998 г. правительство КНР объявило массовое высшее образование целью своей политики. Популяризация высшего образования привела, с одной стороны, к увеличению количества учащихся и, с другой – к снижению качества образования. Университеты начали «задыхаться» от нехватки преподавательских кадров и материальных ресурсов для нормального обеспечения учебного процесса. Большее количество абитуриентов повлекло за собой снижение проходных баллов и качества приема студентов. Кроме того, из-за увеличения количества студентов соотношение числа преподавателей к ученикам стало изменяться в худшую сторону [Cai, 2011: 33]. Если в 2005 г. в среднем по стране на одного преподавателя вуза приходилось 16,85 студентов, то в 2018 г. – 17,56 человек. В некоторых провинциях нагрузка на преподавателей была больше, чем в среднем по стране. Например, по данным на 2019 г., в провинции Сычуань на одного преподавателя вуза приходилось 19,33 студентов, а в провинции Юньнань – 20,44 студентов [China Statistical Yearbook, 2019]. Многие университеты стараются улучшить свое финансовое положение за счет увеличения количества «платных» студентов, что еще более ухудшает ситуацию.

В период 2010–2019 гг. в связи с популяризацией высшего образования в Китае число выпускников китайских университетов ежегодно увеличивалось в среднем на 3,3%, что также привело к серьезной проблеме трудоустройства уже квалифицированных кадров⁴. На сегодняшний день в Китае один из самых низких в мире показателей отсева из вузов, лишь около 1% студентов не могут получить степень, также крайне редко в КНР встречаются случаи дисциплинарного взыскания в отношении студентов [Marioulas, 2017: 28]. В 2018 г. число выпускников китайских вузов достигло рекордного количества в истории КНР и составило 7,53 млн человек [China Statistical Yearbook, 2019]. Все они пополнили ряды выпускников прошлых лет, которые так и не смогли найти работу, таким образом, проблема трудоустройства с каждым годом приобретает все большую остроту.

Избыток рабочих мест и безработных выпускников университетов: потеря баланса.

Распространенная в современном Китае модель высшего образования является устаревшей, университеты не нацелены на развитие инновационных талантов, мышления и необходимых компетенций у студентов. Во многом именно поэтому на сегодняшний момент в Китае не хватает специалистов, связанных с искусством, дизайном и т.д. Согласно Отчету о занятости студентов китайских университетов, в 2018 г. тремя основными отраслями, в которых были задействованы китайские студенты, стали IT-отрасль, а именно разработка программного обеспечения (уровень занятости 96,8%), энергетика и энергетическая инженерия (уровень занятости 96,8%) и инженерное управление (уровень занятости 95,8%)⁵.

Кроме того, развитие страны шло неравномерно в различных регионах Китая, что отразилось на развитии системы образования и несбалансированном распределении ресурсов высшего образования между регионами, а также различными социальными группами. Многие выпускники провинциальных вузов не могли конкурировать с теми, кто окончил ведущие университеты КНР, поэтому были вынуждены выдерживать напряженную конкуренцию, чтобы найти работу и удержаться на ней. Современная тенденция такова, что китайская молодежь не готова трудиться на низкооплачиваемых работах. В Китае всегда остро стоял вопрос неравномерного развития регионов страны, поэтому большинство выпускников стремится в развитые мегаполисы, такие как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь.

Материальные и культурные потребности людей возрастают, чего нельзя сказать о производственной системе Китая, которая была и остается отсталой по своему техническому оснащению. На XIX съезде КПК в 2017 г. председатель Си Цзиньпин заявил, что

⁴ 中国产业研究院 [China Industry Research Institute]. URL: <http://www.chinairr.org/> (дата обращения: 01.03.2020). (In Chin.)

⁵ 麦可思研究所. 中国大学生就业报告2014–2018. 2019. [Mycos Company. China University Student Employment Report: 2014–2018. (2019) (In Chin.)]

основное противоречие в китайском обществе – это противоречие между растущей потребностью людей в лучшей жизни и несбалансированным, неадекватным развитием страны [习近平, 2017]. С ростом уровня жизни люди стали обращать внимание не только на заработную плату и льготы, которые можно получить на работе, но и на такие субъективные факторы, как условия труда, реализация своих творческих способностей, повышение самооценки и т.д. Это и привело к появлению феномена нехватки рабочей силы на низкокачественных рабочих местах, характеризующихся низкой оплатой труда, высокой трудоемкостью, длительным рабочим днем и плохими условиями труда.

В 2018 г. 820 тыс. выпускников университетов были безработными, отношение численности занятого населения к общей численности населения продолжало снижаться, отмечались низкая удовлетворенность работой и нестабильность занятости населения. Трудности с трудоустройством выпускников вузов ограничивают развитие высшего образования в Китае, а также социально-экономическое развитие. Стоит отметить, что нередко дискриминация студентов, которые закончили не самый знаменитый университет: многим отказывают при трудоустройстве только из-за того, что они закончили университеты, не входящие в «Проект 985» или «Проект 211» [Zhao, 2014: 127].

«Дефицит рабочей силы» означает, что экономический спрос на рабочую силу, которая требуется городской экономике, выше, чем количество рабочей силы, которое может обеспечить рынок, что создает ее острую нехватку [崔双杰, 2010: 8–13]. Феномен дефицита рабочей силы в основном проявляется в трудоемкой обрабатывающей промышленности, высокотехнологичном малом и среднем бизнесе и сфере услуг. Согласно рейтингу спроса и рабочих мест, в крупных городах Китая во втором квартале 2020 г. ситуация с вакансиями была достаточно сложной (табл. 1). Спрос на сотрудников в низкооплачиваемых трудоемких сервисных компаниях достаточно высок, а дисбаланс спроса и предложений на вакансии высококвалифицированных инженеров и техников еще больше. Соотношение вакансий и соискателей на некоторых должностях достигает 50 : 1. Появление и усиление феномена дефицита рабочей силы привело к тому, что многие малые и средние предприятия приостановили производство или даже обанкротились, что оказало большое влияние на экономическое развитие Китая.

Подобная ситуация была и в России в 2019–2020 гг., когда заметно больше вакансий поступало от работодателей из крупных российских городов. Спрос на работу студентов увеличился на 24% по отношению к 2019 г. Согласно исследованию «РИА Новости», самыми популярными вакансиями, как и в Китае, стали вакансии, не требующие высшего образования и высокой квалификации: водители такси, укладчики и комплектовщики (Москва); грузчики, уборщицы и укладчики (Санкт-Петербург); укладчики (Нижний Новгород и Саратов)⁶. При этом данные крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента Head Hunter за 2019 г. показывают: по всей стране выше всего поднялся спрос на специалистов из сферы добычи сырья (+28%), госслужбы (+24%), транспортно-логистической (на водителей, +24%)⁷.

Основные причины дефицита рабочей силы. Главной причиной следует признать неразрешенное противоречие между спросом и предложением на рабочую силу. С одной стороны, с реализацией политики правительства Китая в области планирования семьи (политика «одна семья – один ребенок») темпы роста населения Китая продолжают снижаться, а проблема старения становится все более серьезной. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, суммарный коэффициент рождаемости на 1000 чел. населения снизился с 14,5‰ в 1999 г. до 10,9‰ в 2018 г., а естественный прирост населения снизился с 8,1‰ в 1999 г. до 3,8‰ в 2018 г. (рис.). По состоянию на конец 2018 г. общее

⁶ Исследование: число вакансий в России в 2020 г. снизилось на четверть // РИА Новости. 2020. 21 декабря. URL: <https://ria.ru/20201221/rabota-1590145687.html> (дата обращения: 24.06.2021).

⁷ Что происходит на рынке труда: итоги-2019 // Head Hunter. 2020. 20 января. URL: <https://spb.hh.ru/article/26045> (дата обращения: 24.06.2021).

Таблица 1

Рейтинг спроса и рабочих мест в крупных городах Китая, 2-й квартал 2020 г. (в %)

Город	Соотношение вакансий к соискателям	Спрос для вторичного сектора экономики (в %)*	Спрос для третичного сектора экономики (в %)**	Топ-3 вакансий с максимальным разрывом спроса и предложений на рынке труда	Соотношение вакансий к соискателям
Шанхай	0,81	20,9	78,4	Менеджер по продажам Оптик Персонал для работы на оборудовании производства и обработки	2 : 1 65 : 1 2 : 1
Чунцин	1,22	44,9	53,8	Токарь Вспомогательный производственный персонал Охранник Уборщик	2 : 1 2 : 1 7 : 1 8 : 1
Тяньцзинь	1,1	14,9	85,1	Рабочий на производстве конденсаторов Заведующий складом Маркетолог	2 : 1 2 : 1 2 : 1
Нанкин	1,4	35,3	63,1	Инженерно-технические работники, разрабатывающие программное обеспечение Инженерно-технические работники в фармацевтике Маркетолог Упаковщик	3 : 1 3 : 1 2 : 1 2 : 1
Сиань	1,53	24,3	74,8	Курьер Маркетолог Менеджер по продажам	10 : 1 5 : 1 4 : 1
Фучжоу	1,13	55,3	41,0	Курьер Специалист по установке и настройке специального электронного оборудования Рабочий на производстве электронных компонентов	2 : 1 2 : 1 2 : 1
Ухань	1,44	50,0	49,0	Персонал для работы на оборудовании производства и обработки Обслуживающий персонал в организациях питания Электротехнический и технический персонал	2 : 1 3 : 1 2 : 1
Чжэнчжоу	2,58	32,0	64,6	Работник физического труда Руководящий персонал на производстве	3 : 1 2 : 1
Чанша	2,82	27,7	72,3	Слесарь-трубопроводчик Упаковщик Обслуживающий персонал в организациях питания	3 : 1 2 : 1 3 : 1
Ланьчжоу	2,35	13,10	86,9	Сотрудник страхового агентства Маркетолог	3 : 1 2 : 1

Примечания. *Обрабатывающая промышленность и строительство. **Сфера услуг, к которой относят транспорт, связь, торговлю, туризм, здравоохранение и т.п.

Источник: 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Ministry of Human Resources and Social Security of the People's Republic of China]. URL: <http://www.mohrss.gov.cn/> (дата обращения: 23.06.2021).

количество пожилых людей старше 65 лет достигло 166 млн, что составляет 12% от общей численности населения. За 2011–2018 гг. число работающих в возрасте 15–59 лет сократилось почти на 40 млн. В 2018 г. впервые снизилось количество работающих, составив 64,3% от общего количества населения. Все это является доказательством того, что нехватка рабочей силы – это реально существующая проблема современного Китая (рис.).

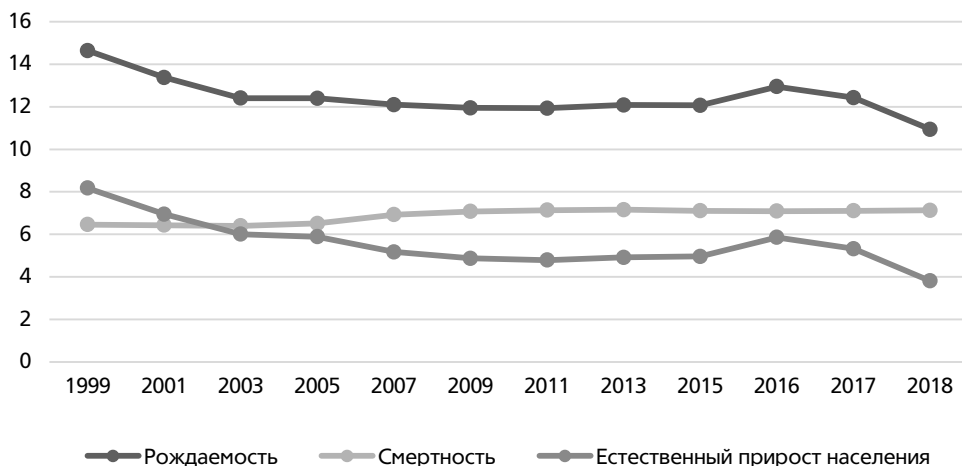

Рис. Коэффициент рождаемости в КНР, 1999–2016 гг.

Источник: [China Statistical Yearbook, 2017].

В целом заметна тенденция некоторого уменьшения количества занятого населения: если в 2013 г. его процент составлял 58,28%, то в 2017 г. – 58,04% [China Statistical Yearbook, 2018]. С другой стороны, после роста в 1999 г. количества абитуриентов, которые имеют право сдавать единый государственный экзамен для поступления в высшие учебные заведения, быстро развивается тенденция роста числа китайских студентов: число зачисленных студентов увеличилось с 1,597 млн в 1999 г. до 7,910 млн в 2018 г., количество принявших участие во вступительных экзаменах – почти в 5 раз. Выросло число выпускников колледжей. Дисбаланс между социальным спросом на выпускников колледжей и их общим числом привел к трудностям в их трудоустройстве. Кроме того, многие китайские университеты не получают субсидии от государства и существуют за свой счет, поэтому зачастую поднимают стоимость обучения, что в большинстве случаев ведет к снижению уровня образования [Bai, 2006: 144].

Профессиональное дублирование. В результате роста количества зачисленных студентов некоторые учебные заведения начали добавлять специализации и расширять свои структуры, но не разработали эффективные планы обучения студентов на основе реальных потребностей общества. Это привело к тому, что ослабла связь между преподаванием и практикой, а качество выпускников не соответствовало социальным потребностям. В какой-то момент количество выпускников популярных специальностей превысило рыночный спрос, а некоторые непопулярные специальности испытали нехватку кадров.

Несоответствие планов профессиональной подготовки вузов требованиям работодателей. Большинство колледжей и университетов сосредоточены на передаче теоретических знаний студентам, в ущерб выработке практических навыков, что не соответствует потребности большинства китайских предприятий в специалистах-практиках, способных работать в реальных условиях.

Нехватка необходимых компетенций. Современные предприятия требуют, чтобы студенты-выпускники обладали не только высокими профессиональными знаниями и

способностями, но и более разнообразными компетенциями. Опубликованный китайской компанией Mucos отчет о занятости студентов китайского университета за 2016 г. показал, что китайские компании ценят независимость, креативность, индивидуальный характер и таланты студентов, а также поддерживают выпускников вузов и выпускников-членов партии, которые имеют опыт работы в качестве госслужащих⁸.

Несоответствие концепции трудоустройства выпускников вузов социальной реальности.

В связи с экономическим развитием многие выпускники вузов предполагают, что их шансы на удачное трудоустройство достаточно велики, однако это не соответствует реальности. Выпускники вузов предъявляют относительно высокие требования к компаниям, областям занятости, режиму занятости, рабочей среде и методам занятости. Многие из них надеются, что смогут работать в государственных учреждениях и на государственных крупных и средних предприятиях в городах первого уровня или в экономически развитых регионах, рассчитывают на низкую трудоемкость и хорошую заработную плату. Реальная ситуация заключается в том, что основными местами работы для выпускников китайских вузов являются мелкие и средние предприятия. Такое противоречие между ожиданиями молодых специалистов и социальной реальностью неизбежно усиливает социальные противоречия в КНР.

Ситуация с нехваткой рабочей силы и одновременной сложностью поиска занятости у выпускников показывает, что экономическая структура Китая испытывает проблемы, связанные с ее нерациональностью, и что трудоемкие предприятия все еще полагаются на дешевую рабочую силу для получения прибыли. Появление этого феномена также является реакцией на общие социально-экономические преобразования и модернизацию Китая в сфере рынка труда.

Россия и Китай: общие тенденции в сфере образования. Сосуществование двух указанных выше феноменов типично не только для Китая, с ней столкнулись многие страны, в том числе Россия. Для того чтобы сравнить ситуацию в двух странах, необходимо понимать общие тенденции в развитии и популяризации высшего образования среди населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнение данных по России и Китаю в сфере образования

	Китай			Россия		
Общее количество населения (чел.)	1,427 млрд			145,734 млн		
Количество населения в возрасте 15–24 лет (чел.; в % от всего населения страны)	173,433 млн (10,21)			13,884 млн (9,53)		
Неграмотное население в возрасте от 15 лет и старше, 2018 г. (чел.; в % от всего населения страны)	37,038 млн (2,6)			322,922 (0,22)		
Совокупная доля учащихся в вузах (в %)						
Год	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
2011	25,6	25,6	26,8	76,18	65,4	87,4
2013	32,4	30,5	34,6	77,85	69,8	86,3
2016	48,0	48,0	52,7	80,63	73,9	87,7
2017	49,1	44,7	54,0	81,91	75,0	89,1

Источник: China. The UNESCO Institute for Statistics (UIS). URL: <http://uis.unesco.org/en/country/cn> (дата обращения: 24.06.2021); Russian Federation. The UNESCO Institute for Statistics (UIS). URL: <http://uis.unesco.org/en/country/ru> (дата обращения: 24.06.2021).

⁸ 麦可思研究所. 中国大学生就业报告2014–2018. 2019. [Mycos Company China University Student Employment Report: 2014–2018. (2019) (In Chin.)]

В России и в Китае на сегодняшний момент в процентном отношении примерно одинаковое количество молодежи, а также тех, кто получил среднее образование. Китай обгоняет Россию по количеству людей, получивших высшее образование. При этом по совокупной доли учащихся в вузах Россия ушла далеко вперед, также процент неграмотного населения в России намного ниже, чем в Китае, что в большей степени связано с меньшим количеством сельского населения РФ. Интересная тенденция наблюдается в распределении уровня образования по гендерному признаку, так как в обеих странах количество женщин, получивших высшее образование, превышает количество мужчин, и их доля постоянно растет, что также не может не влиять на рынок труда и выбор профессий.

Согласно данным, полученным компанией Mynos (My China Occupational Skills)⁹ по оценке качества подготовки выпускников вузов в 2014–2018 гг., в последние годы уровень участия в составе рабочей силы выпускников в Китае продолжает снижаться: с 92,6% в 2014 г. до 91% в 2018 г.¹⁰ В России наблюдается схожая ситуация: по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, наблюдается тенденция постепенного увеличения уровня экономической неактивности выпускников. На 2016 г. в общей численности выпускников (периода 2010–2015 гг.) более 500 тыс. человек не работали и не продолжали обучение в образовательных организациях. За период 2010–2015 гг. это составило 4,6% от выпуска. В России, как и в других странах, увеличивается количество граждан NEET (Not in Education, Employment or Training), т.е. людей, которые не обучаются и не работают¹¹.

Стоит отметить, что правительства обеих стран стараются поддерживать высшее образование и постоянно выдвигают различные инициативы. Например, в 1995 г. правительство КНР запустило инициативу «Проект 211» с целью создать первоклассные и конкурентоспособные университеты. В программе участвовало более 100 вузов, ключевые дисциплины которых рассматривались в качестве национального приоритета. В мае 1998 г. запущен «Проект 985», который преследовал аналогичные цели, но более активно финансировался по сравнению с «Проектом 211». Изначально в программу были включены только 9 университетов, но к 2011 г. количество увеличили до 39 [Wang, 2019: 66]. В то же время данные программы поддержки еще более усилили неравенство в распределении финансирования университетов, так как в период 2009–2013 гг. более 72% государственного финансирования было выделено 116 университетам, входящим в «Проект 211» и «Проект 985», а оставшиеся 28% были распределены между 2000 университетов [Yaisawarng, Ng, 2014: 95].

В России также запущен ряд проектов повышения конкурентоспособности российских вузов, например, Проект 5–100, в котором участвует 21 ведущий университет России и задействовано свыше 360 тыс. студентов¹². Эти действия правительства обеих стран направлены на улучшение ситуации с трудоустройством выпускников, так как только при условии создания качественной системы образования, ориентированной на запросы рынка труда, проблема с трудоустройством выпускников и нехваткой рабочей силы может быть решена.

⁹ Компания Mynos (основана в 2006 г.) – лидер индустрии данных и консалтинга в области высшего образования в Китае. Ежегодно предоставляет услуги по отслеживанию данных более чем 1100 университетов, а также осуществляет совместные проекты с Китайской ассоциацией по науке и технике, Министерством людских ресурсов и социального обеспечения, Министерством образования и т.д. Компания ежегодно публикует так называемые «синие книги» – Отчеты о занятости студентов китайских университетов. Совместно с Шанхайской академией педагогических наук является соавтором ежегодного Годового отчета о качестве высшего профессионального образования в Китае.

¹⁰ 麦可思研究所. 中国大学生就业报告2014–2018. 2019. [Mynos Company China University Student Employment Report: 2014–2018. (2019) (In Chin.)]

¹¹ Анализ положения выпускников с высшим и средним образованием на рынке труда в России // Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: http://spravochnik.rosmintrud.ru/storage/app/media/Analiz%20polozheniya%20verpucknikov_VNII%20tpuda.pdf (дата обращения: 24.06.2021).

¹² Где и как учатся граждане КНР в России // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2019. 03 июня. URL: <https://www.Stop100.ru/news/104492/> (дата обращения: 12.07.2020).

Кроме того, начиная с 2018 г. в России Минобрнауки РФ готовит масштабную реформу системы профессионального образования, планируя создать из колледжей региональные центры профессиональной мобильности, чтобы выпускники девятых классов и взрослые, не нашедшие себе применения на рынке труда, смогли получить необходимые навыки¹³.

Заключение. С начала 1990-х гг. среди молодежи во всем мире произошло резкое сокращение участия на рынке труда, о чем свидетельствует сокращение числа тех, кто является либо занятым, либо безработным, но активно ищет работу. Эта тенденция особенно негативно отразилась на Китае, который обладает самым большим количеством населения в мире. Для КНР и РФ на сегодняшний момент образование является приоритетной сферой развития. Правительства обеих стран предпринимают различные инициативы, для того чтобы сделать университеты конкурентоспособными, и активно вступают в борьбу за таланты.

Данная работа ставила цель – изучить причины сосуществования двух проблем: трудоустройство выпускников и дефицит рабочей силы в Китае и сравнить ситуацию с трудоустройством выпускников в России и Китае. На основании проанализированных данных можно выделить две основные причины нехватки кадров в России и Китае.

1. *Несоответствие реальному спросу на работников выпускаемых специальностей со стороны работодателей.* Многие абитуриенты неосознанно подходят к выбору специальности для обучения, считая бакалавриат лишь продолжением общего среднего образования, а не получением профессии. Система образования не учитывает нужды рынка, отсутствует система профессиональной подготовки для срочно требуемых в экономике высококвалифицированных кадров, нет программ по развитию уже имеющихся талантов в новых отраслях, таких, например, как информационная безопасность, разработка программного обеспечения, сетевая инженерия, коммуникационная инженерия, новые энергетические транспортные средства и т.д. Студенты не осведомлены о реальной ситуации на рынке труда, поэтому не всегда могут сделать правильный выбор образовательной программы.

2. *Противоречие между высоким спросом на таланты в развивающихся отраслях и недостаточным предложением по техническим специальностям.* Развивающиеся отрасли, порожденные новым витком технологической революции и промышленной трансформации, являются ключевыми областями новой кинетической энергии и новых конкурентных преимуществ для текущего экономического развития Китая и России. В их число входят ИТ-технологии нового поколения, создание и развитие высококачественного оборудования и новых материалов, новые энергетические транспортные средства, энергосбережение и охрана окружающей среды, технологии 5G и т.д. Благодаря поддержке правительства данные отрасли в России и Китае в последние годы быстро развивались, и спрос на технический персонал также увеличился. По сравнению с традиционными отраслями, развивающиеся отрасли характеризуются высокой плотностью НИОКР, концентрированными инвестициями и жесткой конкуренцией за выживание предпринимателей, поэтому их потребности в сфере занятости характеризуются высокой срочностью, высоким содержанием технологий и сложными задачами НИОКР. Профессиональный и технический персонал в развивающихся отраслях в большей степени набирается и тренируется посредством «обучения на практике» и без отрыва от производства, поскольку зачастую университеты не выпускают специалистов по данным специальностям или сами отрасли не могут ждать завершения столь длительного цикла подготовки университетов для обучения этим техническим специальностям.

В обеих странах замечена схожая тенденция относительно трудоустройства выпускников: не хватает низкоквалифицированных кадров, рабочих, а также работников сферы услуг и общественного питания, высок спрос на водителей, грузчиков и рабочих заводов.

¹³ Минобрнауки РФ готовится к масштабной реформе профессионального образования // Аккредитация в образовании. 2018. 26 февраля. № 101. URL: https://akvobr.ru/minobrnauki_rf_masshtabnaya_reforma_profobrazovaniya.html (дата обращения: 24.06.2021).

Анализ показывает тенденции переоцененности высшего образования и необходимости ответа на запросы рынка труда: развития техникумов и профессиональных училищ, создания высококачественных курсов дополнительного профессионального образования для быстрой переподготовки специалистов под нужды рынка труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- 崔双杰. 激励视角下 «用工荒» 现象的研究. 2010. [Cui Shuangjie. (2010) Research on the Phenomenon of "Labor Shortage" from the Perspective of Motivation. *Journal of Shanxi University (Higher Education Edition)*. Vol. 13. No. 1: 8–13. (In Chin.)]
- 习近平. 决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利. 在中国共产党第十九次全. 国代表大会上的报告. 北京: 人民出版社, 2017. [Xi Jinping. (2017) *A Decisive Victory to Build a Well-off Society in an All-round Way to Win the Great Victory of Socialism with Chinese Specific in the New Era: Report at the 19th National Congress of the Communist Party of China*. Beijing: People's Publishing House. (In Chin.)]
- Bai Limin. (2006) Graduate Unemployment: Dilemmas and Challenges in China's Move to Mass Higher Education. *The China Quarterly*. Vol. 185: 128–144. DOI: 10.1017/S0305741006000087.
- Cai Yuzhuo. (2011) Chinese Higher Education Reforms and Tendencies: Implications for Norwegian Higher Education in Cooperating with China. *Norwegian Centre for International Cooperation in Education (SIU)*. Report 04/2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/233426307_Chinese_higher_education_reforms_and_tendencies_Implications_for_Norwegian_higher_education_in_cooperating_with_China (accessed 24.06.2021).
- Chen Hon Fai. (2018) *Chinese Sociology: State-Building and the Institutionalization of Globally Circulated Knowledge*. London: Palgrave Macmillan.
- China Statistical Yearbook 2017. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm> (accessed 15.01.2020).
- China Statistical Yearbook 2018. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (accessed 13.06.2021).
- China Statistical Yearbook 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (accessed 15.01.2020).
- Kuruvilla S., Lee Ch.K., Gallagher M.E. (eds) (2011) *From Iron Rice Bowl to Informalization: Markets, Workers, and the State in a Changing China*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press.
- Ghose A.K. (2005) Employment in China: Recent Trends and Future Challenges. *Employment Strategy Papers*. No. 14. International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/-ed_emp/-/-emp_elm/documents/publication/wcms_114032.pdf (accessed 24.06.2021).
- Li Cheng. (2016) *Chinese Politics in the Xi Jinping Era: Reassessing Collective Leadership*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Marioulas J. (2017) China: A World Leader in Graduation Rates. *International Higher Education*. No. 90: 28–29. DOI: 10.6017/ihe.2017.90.10009.
- Wang D.D. (2019) Performance-based Resource Allocation for Higher Education Institutions in China. *Socio-Economic Planning Sciences*. Vol. 65. Iss. C: 66–75. DOI: 10.1016/j.seps.2018.01.004.
- Yaisawarng S., Ng Y.C. (2014) The Impact of Higher Education Reform on Research Performance of Chinese Universities. *China Economic Review*. Vol. 31. Iss. C: 94–105. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.08.006.
- Zhao Yong. (2014) *Who's Afraid of the Big Bad Dragon? Why China Has the Best (and Worst) Education System in the World*. San Francisco: John Wiley & Sons Incorporated.

Статья поступила: 24.03.20. Финальная версия: 28.06.21. Принята к публикации: 30.06.21.

PHENOMENON OF CHINESE LABOR: DIFFICULTIES IN FINDING JOBS FOR CHINESE GRADUATES AND "ACUTE SHORTAGE OF LABOR"

JIANG HAIBIN*, VESELOVA L.S.**, LEBEDINTSEVA L.A.***

Jilin Normal University, China; **National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), Russia; *St. Petersburg State University, Russia*

JIANG HAIBIN, Master, Assoc. Prof., Institute of Physics, Jilin Normal University, Siping City, Jilin Province, China (37694350@qq.com); Liudmila S. VESELOVA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia (lveselova@hse.ru); Liubov A. LEBEDINTSEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (l.lebedintseva@spbu.ru).

Acknowledgements. The article is the interim result of a research project in the humanities and social sciences of Jilin Province, project No. JJKH2021467SK.

Abstract. The article is dedicated to the problem of a shortage of workers in the real sector of the PRC economy, primarily in material production. Analysis of the current trend shows that Chinese youth are not ready to work in low-paid jobs. It is noted that the discrepancy between the needs and social aspirations of people in society and the relatively backward material production, work on which is considered hard and low-paid, has gradually matured, intensified during the period of the beginning of economic reforms manifesting in full force in modern society. A main reasons for the current socio-economic problem is associated with the unresolved contradiction between labor demand and supply in the Chinese socio-economic system. It is concluded that there is a need to further align education system and the needs of the market, in particular, to create a professional training system for highly qualified personnel urgently required in the economy, to develop existing talents in new industries, such as information security, software development, network engineering, communication engineering, new energy vehicles, etc.

Keywords: difficulties in finding a job, labor shortage, Chinese graduates, talent management in the PRC, middle class in China, the PRC education system.

Received: 24.03.20. Final version: 28.06.21. Accepted: 30.06.21.

© 2021 г.

Е.А. ПОПОВ

ПРОФЕССИЯ СОЦИОЛОГА: ИДЕАЛЫ АБИТУРИЕНТОВ И КОНСЕНСУС СТУДЕНТОВ

ПОПОВ Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия (popov.eug@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы выбора будущей профессии. На основе интервью с абитуриентами российских вузов ($N = 34$), затем ставшими студентами ($N = 20$), исследовались изменения в представлениях о будущей профессии, ее идеалов и идеализации, консенсус в отношении представлений студентов о том, насколько изменились их идеалы после периода обучения. Выявлены «конструктивные», «ценностные» и «гносеологические» идеалы будущей профессии социолога, влиявшие на формирование образа профессии у абитуриентов вузов при их выборе направления подготовки. Сделан вывод о том, что на позитивный образ будущей профессии влияет не только ее идеализация, но и консенсус, при котором некоторые идеалы переоцениваются и утрачиваются.

Ключевые слова: профессия социолога • выбор профессии • идеалы профессии • абитуриенты и студенты

DOI: 10.31857/S013216250013144-1

Постановка проблемы. Профессию социолога можно отнести к профессиям «со сложным выбором», связанным с неопределенностью, преследующей студентов-социологов «на входе и на выходе» [Скворцов, Зырянов, 2018: 30]. Выпускникам школ приходится проводить серьезную изыскательскую работу для понимания сути этой профессии. На рынке труда практически не встречаются вакансии социологов, а те, которые предлагаются, «часто не имеют прямого отношения к той социологии, которой учили в университетах» [там же: 35]. Но это не останавливает абитуриентов.

Исследование вопросов формирования идеала профессии социолога стало целью данной работы. В решении конкретных задач мы опирались на следующие методологические предпосылки, относящиеся к социологии профессий и помогающие выявлению соотношения идеалов профессии и реальных компетенций, которые приобретаются в результате соответствующего опыта профессиональной деятельности. Прежде всего, учитывались ценностно-смысловые аспекты: профессия может становиться одной из ключевых ценностей повседневной жизни индивидов, но и ценности самой профессии могут разительно изменяться [Мансуров, Юрченко, 2013; Кораблева, 2013; Попова, 2009]. Отметим далее, что в русле антропологического взгляда на профессии и их развитие [Романов, Ярская-Смирнова, 2015; 2009] важно показать, каким образом профессия социолога не ограничивает профессиональный взгляд на мир (что часто связано с социологизаторством), а напротив, значительно его расширяет, охватывает вопросы философско-мировоззренческой, политической, духовной и других сфер бытия. Отметим также подход, связанный с тем, что некоторые профессии тяготеют к инструментам власти, управления, администрирования,

часто предстают как привилегированные группы [Сакс, 2020]; с этой точки зрения имело смысл обратить внимание, как такие составляющие проявляются в представлениях о профессии социолога. Для понимания «идеалов профессии» в социологии следовало обратиться к тому, насколько социологи сосредоточены не только на решении социальных вопросов и конкретных научно-исследовательских проблем, но и на оценках потенциала внутреннего развития самой профессии, в том числе и в «разнообразном международном исследовательском поле» [Попова, 2020: 59].

Отмечу, что само понятие профессии является дискуссионным. Так, М. Вебер подчеркивает, что «профессия – такая спецификация, специализация и комбинация функций индивида, которые составляют основу постоянной возможности обеспеченности или заработка» [Weber, 1980: 80]. В более поздних трактовках значимым можно признать «анализ профессии как института общества в его взаимодействии с институтом культуры», что позволяет расширить «представления о том, как передаются культурные нормы и ценности, которые непосредственным образом не вытекают из содержания профессионального труда, и знания, необходимые для профессиональной деятельности, но не связанные напрямую с содержанием труда, а также каким образом общекультурные нормы и ценности трансформируются и реализуются в профессиональной культуре группы» [Кораблева, 2013: 115]. Полагаю, что для цели настоящей работы такая трактовка открывает возможности рассматривать константность или изменчивость идеализации профессии (или первичных представлений о ней) с течением времени при получении индивидом ценной информации и конкретных знаний об особенностях профессии. Но в любом случае индивид, изначально оценивая преимущества своего профессионального выбора, скорее всего обращается не к набору функций или компетенций в рамках той или иной профессии, а к ее значимости для общества, для своей семьи, для собственного развития, в соответствии с присущими ему ценностными ориентациями. Изменения таких оценок происходят уже при погружении в профессию и осознании всех ее нюансов и проблемных сторон.

Идеал профессии – это набор ценностных установок, позволяющих индивиду идентифицировать себя с определенной профессией, осознавая при этом, что профессиональные компетенции обеспечат или минимизируют дистанцию в достижении важных для жизни целей. Полагаю, что данный подход не противоречит представлениям о содержании идеала в обобщенном смысле, если иметь в виду, что оно «определяется системой ценностей, усвоенной индивидом, т.е. ценностными ориентациями, жизненными планами и целями индивида, и суммой привлекательных качеств, входящих в содержание идеального образа» [Фролова, 2011: 32]. О консенсусе в оценках профессии или профессионального выбора можно вести речь в том случае, если некоторые из идеалов утрачивают свою ценностно-смысловую нагрузку по разным причинам, а другие по-прежнему сохраняются и оказывают воздействие на представления и оценки индивида, а также его действия. С этой точки зрения будет верным использование понятия консенсуса идеализации относительно будущей профессии. Данное понятие в социологических исследованиях рассматривалось как «сохранение или отчуждение в сознании индивидов оценок той или иной социальной проблемы, которая сама по себе может значимость по-прежнему сохранять, однако индивиды меняют к ней свое отношение; это нельзя назвать кризисом восприятия, это именно консенсус идеализации – мы или принимаем оценки и не меняем отношения к проблеме с течением времени, либо подвергаем их коррекции» [Zucker, Ackerman, 1999: 67–68]. Используя это понятие в данном исследовании, я полагал возможным отследить, какие идеалы в представлениях индивидов сохраняются с течением времени, а какие утрачиваются или изменяются. По сути, консенсус есть итоговое представление о том, что было и что оказалось актуальным по прошествии определенного периода. Следует иметь в виду, что консенсус отражает в основном согласие или принятие идеалов, возникших в сознании ранее, но в то же время допускает некритичные отступления от них. Очевидно, нельзя будет назвать консенсусом полный отказ индивидов от своих прошлых идеалов.

Возможность соотнести идеалы профессии на этапе выбора и накопления достаточной информации о ней с консенсусом идеализации, возникающим по ходу реальной практики профессии или получения углубленных знаний о ее специфике, открывает перспективы исследования отношения к профессии. В конечном счете оценивается «привлекательность профессий – отношение к профессиям, базирующееся на системе ценностных ориентаций индивида, формирующихся под воздействием социальной среды» [Константиновский, 2015: 264]. Такой подход позволяет оценить состоятельность выбора профессии на основе определенных ценностных установок, а также выявить ее роль в смене некоторых жизненных приоритетов индивидов.

Эмпирическая база исследования. Основой для анализа стали результаты эмпирических исследований «Современный выбор абитуриента вуза: “ваша социология”» и «Будущая профессия социолога в оценках студентов вузов», проведенных научным коллективом сотрудников и магистрантов факультета социологии Алтайского госуниверситета в 2018 и 2020 гг.

В первом случае состоялся массовый опрос абитуриентов вузов Сибири, поступающих на обучение по направлению подготовки «социология». Кроме того, и в первом, и во втором исследованиях проведены полуструктурированные интервью соответственно с абитуриентами и студентами вузов. Респондентам задавались вопросы (например, «в чем видятся преимущества профессии социолога по сравнению с другими профессиями?» и т.д.) для получения данных об отношении к будущей профессии в обобщенном виде. Это позволяет выделить ключевые идеалы профессии или критические отзывы о ней. В ходе интервью допускались отступления от заранее определенного круга вопросов: абитуриенты довольно открыто и увлеченно отзывались о профессии, которую они выбрали, и часто указывали на нюансы, которые, безусловно, можно связать с идеализацией профессии. К числу типичных вопросов студентам о том, к примеру, нравится ли им учиться на социолога или каковы основные трудности будущей профессии, добавлялись по ходу бесед вопросы о практической стороне деятельности социолога, о восприятии социологии как научной области и т.д. Именно полуструктурированное интервью позволило получить широкий срез мнений и оценок респондентов, в основе которых и отношение к профессии, и взгляд в будущее с учетом возможностей работать по полученной профессии, и оценки преимуществ социологической науки и т.д.

Гайд интервью содержал два основных блока: 1) вопросы, касающиеся понимания того, что такое социология, какова роль социологии в решении актуальных социальных проблем, какие профессиональные компетенции могут соответствовать профессии социолога и т.д.; 2) вопросы, возникающие в процессе интервью, связанные с выяснением индивидуальных позиций респондентов по поводу специфики профессии, особенностей выбора направления обучения, будущего жизненного пути и др.

Исследование охватывало вузы, осуществляющие подготовку социологов в Сибирском федеральном округе (4 из 14 вузов и двух филиалов). Интервью с абитуриентами проводились во время работы приемных комиссий в вузах (участниками стали 34 абитуриента из Алтайского, Горно-Алтайского, Новосибирского и Омского госуниверситетов). Выборка была стихийной, а специфика выбора вузов определялась наличием в них достаточного количества бюджетных мест. В вузах, где таких мест было менее пяти, получить достаточное количество респондентов для исследования не представлялось возможным: на платную форму поступает мало абитуриентов, а большая часть студентов отчисляется уже по итогам первого семестра или года обучения в вузе. Исходя из этого в выборку попали названные выше четыре вуза, имеющие достаточное количество мест бюджетного набора.

Абитуриенты поступали в вузы в основном из своих регионов, только среди респондентов из НГУ треть оказалась из других российских регионов (два абитуриента из европейской части России), преобладали девушки (29 чел.), что подтверждает тенденцию «женского лица» профессии социолога. Среди участников исследования из числа студентов были только девушки, имевшие хорошую и отличную успеваемость, занимающиеся

наукой и активной общественной работой (можно предположить, что их профессиональный выбор оказался состоятельным и, вероятнее всего, они не готовы будут отказаться от сформированных в их сознании идеалов будущей профессии).

Полученные интервью подвергались транскрипции, затем транскрипты кодировались, строились соответствующие кодировочные таблицы (было выделено 20 кодов). Это позволяло рассчитывать на адекватное сравнение результатов интервью абитуриентов, а затем этих же лиц, но ставших уже студентами. В основном сравнительный анализ интервью одних и тех же респондентов проводился с учетом созданных «кодов» транскриптов: например, сформулированные абитуриентами идеалы будущей профессии социолога сопоставлялись с теми идеалами, которые закреплялись в сознании студентов старшего курса.

Важным моментом исследования на данном этапе являлось соблюдение двух условий: идентификация поступающих по фамилии и имени и указанный «первый» приоритет при подаче документов на направление подготовки «социология». Первое условие гарантировало возможность проведения исследования уже с конкретными студентами, идентифицировав их как бывших абитуриентов. Второе условие позволяло свести к минимуму потери абитуриентов и сохранить, таким образом, большинство участников исследования ко второму этапу. На данном этапе из 34 абитуриентов были идентифицированы 20 студентов из всех указанных выше четырех вузов Сибири (из остальных 14 абитуриентов восемь не стали студентами-социологами, а еще шесть в последующие годы были отчислены из вузов по разным причинам). Интервью проводилось со студентами-социологами, обучающимися на третьем курсе. К этому времени у них сложился вполне определенный взгляд на специфику будущей профессии социолога, они уже прошли производственную практику в рамках учебного процесса и вполне способны отделить идеалы, сформированные у них как у абитуриентов, от реальности профессионального выбора. Основная задача исследования, таким образом, заключается в соотношении идеалов будущей профессии социолога, возникших у абитуриентов, с консенсусом идеализации (трансформацией идеалов) у тех же индивидов, но ставших студентами-третьекурсниками.

Идеализация будущей профессии. Для абитуриентов выбор будущей профессии связан в том числе и с ее идеализацией. В выборе профессии не всегда удастся избежать неопределенности: «образовательные запросы молодых людей зачастую до конца не прояснены как для окружающих, так и для них самих», поэтому «неопределенность исходит...от абитуриентов» [Константиновский, Кузнецов, 2020: 84]. Вместе с тем неопределенность, по-видимому, и порождает идеализацию будущей профессии. Идеалы становятся отражением ценностных ориентаций молодых людей, а на сам выбор будущей профессии ее идеализация оказывает важнейшее влияние.

Иногда суждения абитуриентов вызвали немалое удивление: в них будущая профессия социолога идеализировалась «радикально» («лучшая профессия на земле»; «мировая профессия»; «я ее люблю»; «социология – это же футурум»; «без такой профессии общество не сможет развиваться»). В анализе выделены пять линий в идеализации профессии социолога: 1) «конструктивная»: формирование позитивного образа профессии; 2) «ценностная»: соответствие профессии актуальным ценностям общества и значимым ценностным ориентациям индивидов; 3) «гносеологическая»: познавательные функции профессии; 4) «административная»: приобретение профессиональных компетенций для принятия управленческих решений и вхождения во властные структуры; 5) «политическая»: анализ идеологической ситуации и включенность в широкий круг политических процессов.

Так, в формировании позитивного образа будущей профессии абитуриенты «конструировали» шкалу ее оценки, выбирая характеристики, которые, по их мнению, явно соответствуют профессии социолога. Предлагалось выбрать по три наиболее важные характеристики и поместить их в три группы: 1) «профессия будущего», 2) «профессия, дающая значимые возможности», 3) «профессия для самых активных». В первой группе наиболее популярным оказалось сочетание следующих характеристик профессии социолога в представлениях абитуриентов: уметь объективно предсказывать социальные

изменения в будущем; смотреть только вперед, не оглядываясь назад; надеяться на изменение мира в лучшую сторону. Во вторую группу абитуриенты чаще всего относили такие характеристики, как возможности анализировать огромные массивы информации; иметь отношение к появлению искусственного интеллекта; помогать не только обществу, но и каждому отдельно взятому человеку. Группа «профессия для самых активных» определила пул возможностей для «молодой» профессии: обязательно изменит взгляды в лучшую сторону; поможет с социализацией и инкультурацией; найдет точки соприкосновения для поколений. Словом, абитуриенты демонстрировали позитивную часть их сложного жизненного этапа выбора профессии.

Формирование позитивного образа выбранной профессии указывает на путь рациональной рефлексии абитуриентов: они хотят получить востребованные, «активные» профессиональные компетенции и применить их в будущем в практической деятельности. Кроме того, абитуриенты свой выбор связывали и с идеалом «нужной профессии». По их мнению, такой профессией и является профессия социолога: *«У нас много профессий, но социологов очень мало, а без них нельзя оценить происходящие перемены»* (респондент (р.) 10); *«Социологи нужны, потому что важно разбираться в обществе и в том, что думают люди»* (р. 17); *«Если обществу нужна профессия теолога или политолога, то уж точно нужна и профессия социолога»* (р. 24).

В то же время будущая профессия должна отвечать ценностным ориентациям абитуриентов и соотноситься с принятыми в обществе актуальными ценностями. Характеристики профессии социолога связывались с набором качеств и возможностей, присущих самим абитуриентам: *«Мне эта профессия подходит, потому что я умею слушать людей»* (р. 2); *«Социология – это серьезные люди, и я тоже серьезно отношусь к жизни»* (р. 11); *«Мне интересно узнавать, что окружающие думают о происходящих событиях, и профессия социолога как раз с этим связана»* (р. 16); *«Социология мне близка, ведь она учит доверять общественному мнению»* (р. 20); *«Я всегда задумываюсь, почему происходят какие-то события в обществе, думаю, что и социологи – очень наблюдательные люди»* (р. 27). Такая связь вполне закономерна, потому что будущая профессия должна соответствовать, по мнению исследователей, «социально-личностным качествам» человека [Набиулина и др., 2016: 86].

Вместе с тем в выборе профессии играют роль и важные для общества ценности, в том числе общечеловеческие. В представлениях абитуриентов профессия социолога неразрывно связывалась с ценностями общества, мира, знания, культуры, духовности и т.д.: *«Социологи исследуют не только общество, но и духовность, духовный мир человека, справедливость, семью»* (р. 10); *«В этой профессии должно стоять на первом месте уважение к людям»* (р. 11); *«Я выбрал социологию, потому что она поможет мне решать актуальные проблемы, например, моральные или правовые»* (р. 18). Практически все значимые для социального взаимодействия ценности так или иначе присутствовали в обосновании выбора профессии, способствуя ее идеализации, однако преобладали преимущественно социальные: труд, образование, справедливость, мораль, свобода и другие. Полагаю, что это может свидетельствовать о неслучайности выбора будущей профессии.

Выбор в пользу социологии определялся также и познавательными функциями будущей профессии. В связи с этим можно выделить две группы идеалов: 1) идеалы «универсальной» по познавательным возможностям профессии: *«В отличие от других профессий социология дает возможность разбираться в вопросах психологии, политики, экономики и т.д.»* (р. 3); *«Мы будем работать с методами, которые помогут понять все процессы, происходящие в обществе, а другие профессии этого не могут»* (р. 5); *«В социологии нужно знать много других наук, например, математика, экономика, экология, это дает преимущества»* (р. 17); 2) идеалы «сложной» профессии: *«Если стать социологом, то придется решать сложные вопросы, а для этого нужно много знать»* (р. 22); *«Общество становится сложным, и профессия социолога тоже сложная»* (р. 27); *«Сложность профессии в том, что мы должны будем понимать, как устроен наш мир»* (р. 30). Идеализация профессии для абитуриентов с точки зрения познавательных функций в основном исходит из междисциплинарного опыта

социологии, а также усложнения объектов окружающей реальности. В целом абитуриенты высоко оценивают возможности участия социологов в изучении важных для общества и человека процессов – для них будущая профессия воспринимается как сложная матрица осмысления социального бытия, и они не склонны ее упрощать.

Важен и «управленческий потенциал» социологии, на что нередко обращали внимание респонденты. Идеал «умения управлять обществом» прочно закрепляется в сознании поступающих в вуз: «Я смогу влиять на то, как общество взаимодействует с каждым человеком» (р. 12); «Социологи могут помочь в эффективном управлении и в стране, и в регионах» (р. 20); «Я бы хотел в своей профессии иметь возможности управлять разными процессами» (р. 23); «Я ожидаю от будущей профессии возможностей принимать такие решения, которые бы влияли на улучшение жизни людей» (р. 26); «Только социологи способны поднять уровень управления в обществе и повлиять на развитие гражданского общества» (р. 34). Очевидно, что данный идеал формируется и по следующей причине: «на основе накопленного за последние десятилетия опыта социологические кафедры формулируют ответ, вполне понятный широкой публике: социология нужна, чтобы управлять обществом в целом и отдельными его группами» [Окольская, 2010: 313].

К слову сказать, респонденты в большинстве случаев профессию социолога соотносят именно с управлением. Это определяет «политический» аспект идеализации: абитуриенты выделяют не просто возможность, а необходимость включаться в широкий круг политических процессов. В целом это может дать им дополнительные возможности не только для личностного развития и роста, но и для решения профессиональных задач: «Я думаю, что каждый социолог должен разбираться в политике, это поможет лучше знать, что необходимо нашему обществу» (р. 20); «Если хочешь быть профессионалом, нужно знать, как устроена политика» (р. 34).

Идеалы абитуриентов представляют довольно привлекательный образ будущей профессии, но важно представлять, что происходит в дальнейшем. Этот вопрос был адресован студентам, уже соприкоснувшимся на практике с профессией социолога.

«Коррекция» идеалов у студентов. Спустя несколько лет мы вернулись уже к студентам, прошедшим половину дистанции в получении образования по направлению «социология». Многие из них не совсем хорошо помнили о том, с какими идеалами они связывали будущую профессию, однако были и те, кто готов был эти идеалы по-прежнему отстаивать. Явление это само по себе довольно примечательное: студенты оценивают и состоятельность своего выбора (при этом вопрос о том, хотели ли они изменить свой выбор, поставил многих в тупик), и содержание будущей профессии, уже познакомившись с ее спецификой не только в теоретическом, но и в практическом плане – после прохождения производственной практики.

Предполагалось, что студенты в значительной степени склонны будут вносить изменения в те идеалы, которые у них сложились по отношению к профессии социолога во время поступления в вуз. Как оказалось, респонденты готовы были внести некоторые незначительные изменения в идеалы, но отказываться от них полностью не собирались.

Наиболее константными оказались «конструктивные» идеалы, связанные с образом будущей профессии. В представлениях студентов сохранился образ социолога, решающего вопросы, связанные с управлением, воздействием на массы и общество в целом. Возможно, это объяснялось профилизацией подготовки (например, в Алтайском университете действовал профиль бакалавриата «социология организации и управления») или желанием студентов гармонизировать общественные отношения. Последнее обстоятельство нашло свое подтверждение в отзывах студентов: «Общество находится в раздразе, люди не всегда понимают друг друга, возникают конфликты и напряженные ситуации, а вмешательство социолога может помочь решить эти сложности» (р. 12); «Трудно живется всем, так уж устроено общество; изучая его проблемы, а также общественное мнение, мы можем внести свой вклад в регулирование этих процессов» (р. 23). Представления о профессии социолога прочно увязывались с управлением (15 участников интервью поставили

этот сегмент на первое место). Образ профессии неразрывно связан и с призванием, которое у абитуриентов проявлялось в ее идеализации, а у студентов – в приобретении компетентности наряду с личностной вовлеченностью в профессию (я бы назвал это состояние «профессиональной рефлексией»). На этот счет исследователи полагают, что «в ходе обучения образ будущей профессии складывается у студентов через представления о призвании как личностной вовлеченности и представления о профессиональной научной и практической компетенции» [Темкина, 2017: 26]. Вопрос о призвании перед абитуриентами не ставился, а студенты в своих отзывах исходят уже из вовлеченности в профессию: «Я не отказываюсь от своего выбора, по духу мне профессия социолога близка, потому что она чувствует общество и людей в нем» (р. 3); «Пока меня все устраивает: я осознаю эту профессию и у меня к ней положительное отношение» (р. 5); «А мне здесь интересно и в принципе быть социологом – это важная задача» (р. 13); «Теперь уже это точно мое, я имею в виду мой выбор этой профессии» (р. 22).

В суждениях о соответствии будущей профессии ценностным ориентациям студентов, а также коллективным ценностям обнаружилось заметные «коррективы» идеалов. Респонденты в основном отмечали, что не готовы к активной коммуникации с людьми, как того требует профессия социолога (12 студентов), вместе с тем большинство участников исследования полагали, что их выбор профессии не случаен, потому что в ней можно проявить свои лучшие личностные качества: терпеливость, ответственность, умение слушать других, благожелательность и т.д. Отмечу, что два респондента (р. 2 и р. 11) категорически отказались от идеалов (хотя ранее связывали их с особенностями своего характера), объяснив это тем, что профессия социолога не совпадает с их установками: «Я совсем другой человек, мне часто невозможно слушать нелепые высказывания людей, я начинаю злиться»; «У студентов пока другие цели – мы не всегда думаем о будущей профессии, нам нужно вкусить всех прелестей жизни, ведь мы молодые люди». Консенсус студентов по отношению к идеалам будущей профессии, сложившимся у абитуриентов, обозначился и в оценке соответствия таких идеалов коллективным ценностям. От некоторых идеалов студенты по-прежнему не готовы были отказаться (связь профессии социолога с уважением к людям, с ценностями морали, права, семейными ценностями, справедливостью и т.д.), а в другие вносили «коррективы»: «Социологи зациклены на общественном мнении, а нужно видеть человека» (р. 13); «В профессии имеет значение скорее всего не только уважение к людям, но и уважение к обществу, культуре, в которой мы живем» (р. 11). Изменение не только структуры самих коллективных ценностей, но и погружение в профессию, когда эти ценности осмысливаются сквозь призму общественных интересов и потребностей, не могут не сказаться на оценках респондентов. Поэтому вполне закономерным видится ситуация, при которой часть идеалов профессии сохраняется, а другая подвергается корректированию.

Изменения претерпели и идеалы, связанные с познавательными функциями будущей профессии. Респонденты единогласно отметили, что профессия социолога – «самая универсальная», потому что «знает обо всем», «нужна для изучения разных сторон жизни», «базируется на широких знаниях из различных областей наук», «позволяет систематизировать и обобщать разнообразную информацию», «не дает видеть мир однобоко», «все время заставляет учиться новому» и т.д. Это совпадает с мнением о том, что «важное преимущество социологического образования... – его универсальность» [Набиулина и др., 2016: 87].

Таким образом, консенсус студентов выражается в том, что некоторые идеалы будущей профессии в период получения образования (а вероятнее всего, и в последующей самостоятельной профессиональной деятельности) могут сохраняться, что создает позитивный образ профессии, делает ее более популярной и значимой для общества.

Заключение. В ходе исследования были получены следующие основные выводы.

1. Абитуриенты, выбирая будущую профессию, склонны ее идеализировать; в их сознании закреплён позитивный образ профессии, формируемый определенными

ценностно-смысловыми характеристиками профессии и познавательными возможностями социологии как науки.

2. Идеалы абитуриентов формируются «конструктивной», «ценностной», «гносеологической», «административной» и «политической» составляющими профессиональных компетенций социолога; каждая из этих составляющих связана с ценностными ориентациями абитуриентов, т.е. отражает их индивидуальные взгляды на жизнь и в то же время соотносится с ценностями общества.

3. Для понимания значимости профессии социолога предпринято сравнение идеалов абитуриентов и последующих представлений этих же молодых людей, но ставших уже студентами; такое сравнение названо «консенсусом идеализации» в силу того, что некоторые идеалы могут по-прежнему устойчиво сохраняться в сознании студентов (студенты с ними «согласны»), другие же нивелируются; «консенсус идеализации» показывает, насколько студенты подтверждают или опровергают свои собственные оценки профессии социолога, которые они высказывали при поступлении в вуз, не имея достаточных знаний о специфике профессии и ее сложностях.

4. Консенсус студентов свидетельствует о том, в частности, что интерес к будущей профессии сохраняется, как сохраняются и самые важные идеалы, например, связанные с позитивным образом профессии социолога.

5. Выявленные особенности профессии социолога в представлениях абитуриентов, а затем и студентов, необходимо учитывать для построения образовательных траекторий в вузах, чтобы образ профессии оставался привлекательным для человека и для общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Константиновский Д.Л. Наследие профессора Шубкина // Грани российского образования. М.: Центр социол. исследований, 2015. С. 261–277.
- Константиновский Д.Л., Кузнецов И.С. Категория доверия в исследовании выбора вуза // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7266.
- Кораблева Г.Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 109–117.
- Мансуров В.А., Юрченко О. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. 2013. Вып. 7. С. 91–106.
- Набиуллина К.А., Солодников В.В., Цыбикова Д.Г. Выпускники социологических факультетов на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 81–91.
- Окольская Л.А. Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр // Вестник Института социологии. 2010. Вып. 1. С. 296–327.
- Попов Е.А. Будущая профессия социолога: ожидания абитуриентов // Социодинамика. 2020. № 10. С. 46–55. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.10.34262.
- Попова И.П. Профессии и профессионализм в международной дискуссии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 52–57.
- Попова И.П. Социология профессий как проект (по материалам журнальной рубрики) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. М.: Вариант, 2015.
- Сакс М. Неовеберизм и профессии // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 28–41. DOI: 10.31857/S013216250009646-3.
- Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250000190-2.
- Стриханов М.Н. Тенденции формирования состава студентов вузов // Грани российского образования. М.: ЦСИ, 2015. С. 173–191.
- Темкина А.А. Студенты сестринского дела: между идеалами и практикой профессии // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 24–34.
- Фролова С.Л. Духовно-нравственные основы профессионального идеала // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1(118). С. 31–35.

Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1980.

Zucker A., Ackerman S. *Ideale und ideal: die Entwürfe der neuen Realität und ihre Wahrnehmung*. Bonn: STARTEXT, Unternehmensberatung GmbH, 1999.

Статья поступила: 14.12.20. Финальный вариант: 12.04.21. Принята к публикации: 30.06.21.

PROFESSION OF SOCIOLOGIST: APPLICANTS' IDEALS AND STUDENTS' CONSENSUS

POPOV E.A.

Altai State University, Russia

Evgenij A. POPOV, Dr. Sci. (Philos.), Altai State University, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, Barnaul, Russia (popov.eug@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to analysis of the problem of future profession choice. Building on the methodological principles of the sociology of professions and empirical research, results were obtained that convey an imagined idea of the future profession. At the same time, as part of the empirical study, interviews were conducted with applicants for Russia universities ($N = 34$), who became students ($N = 20$). The idea was to track how the applicants' ideals of the future profession were preserved/changed in the future after some time in the field of «sociology» studies at universities. The paper uses the concepts of ideals and idealization of the future profession. The concept of consensus was applied to students' perceptions of how much their ideals changed after a period of study. "Constructive", "value" and "epistemological" ideals of the future profession of sociologist were formulated. All of them influenced the formation of an image of the profession among University applicants when they chose the course for training. At the same time, a consensus among students was seen in the fact that in their views a number of ideals were unchanged, and some ideals were transformed. This circumstance also influenced the formation of the image of the profession, in our case, profession of sociologist. The main conclusion of the study is that the positive image of the future profession is influenced not only by its idealization, but also by a consensus in which some ideals turn out to have been overestimated and are naturally lost.

Keywords: profession of sociologist, choice of profession, profession ideals, applicants and students.

REFERENCES

- Frolova S.L. (2011) The Spiritual and Moral Basis of Professional Ideal. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]. No. 1(118): 31–35. (In Russ.)
- Konstantinovsky D.L. (2015) The Legacy of Professor Shubkin. In: *Facets of Russian Education*. Moscow: TsSI: 261–277. (In Russ.)
- Konstantinovsky D.L., Kuznetsov I.S. (2020) The Category of Trust in Studying One's Choice of University. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 26. No. 2: 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7266. (In Russ.)
- Korableva G.B. (2013) Formation of Approaches to the Sociology of Professions in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 109–117. (In Russ.)
- Mansurov V.A., Yurchenko O. (2013) Sociology of professional groups: history and prospects. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 4. No. 2: 91–106. (In Russ.)
- Nabiulina K.A., Solodnikov V.V., Tsybikova D.G. (2016) Sociology Departments Graduates in the Labor Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 81–91. (In Russ.)
- Okolskaya L.A. (2010) Values and Norms of the Sociological Profession on the Websites of Faculties and Departments. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 1. No. 1: 296–327. (In Russ.)
- Popov E.A. (2020) Future Profession of Sociologist: Expectations of the University Applicants. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 10: 46–55. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.10.34262. (In Russ.)
- Popova I.P. (2009) Profession and Professionalism in International Debates. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 52–57. (In Russ.)

- Popova I.P. (2020) Sociology of Professions as a Project (Based on the Materials of the Journal Section). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 57–69. DOI: 10.31857/S013216250010023-8. (In Russ.)
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009) The World of Professions: Analytical Perspectives Reconsidered. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 25–35. (In Russ.)
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2015) *Sociology of Professions: Analytical Perspectives and Research Methodology*. Moscow: Variant. (In Russ.)
- Saks M. (2020) Neo-Weberianism and the Professions. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 28–41. DOI: 10.31857/S013216250009646-3. (In Russ.)
- Skvortsov N.G., Zyryanov V.V. (2018) Sociological Education: Between Standards and Realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 30–40. DOI: 10.31857/S013216250000190-2. (In Russ.)
- Strykhanov M.N. (2015) Trends in the Formation of the Composition of University Students. In: *Facets of Russian Education*. Moscow: TsSI: 173–191. (In Russ.)
- Temkina A.A. (2017) Students Nurses: Between Ideals and Professional Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 24–34. (In Russ.)
- Weber M. (1980) *Economy and Society: Outline of Understanding Sociology*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). (In Germ.)
- Zucker A., Ackerman S. (1999) *Ideal and Ideal: The Drafts of the New Reality and its Perception*. Bonn: STARTEXT, Management Consulting GmbH. (In Germ.)

Received: 14.12.20. Final version: 12.04.21. Accepted: 30.06.21.

© 2021 г.

ПИКЕТТИ Т.

КАПИТАЛ И ИДЕОЛОГИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕЖИМЫ НЕРАВЕНСТВА

ПИКЕТТИ Тома – профессор Парижской школы экономики, Париж, Франция (piketty@psemail.eu).

Аннотация. В данной статье автор предпринимает попытку кратко ответить на вопросы, поднятые в рецензиях на его книгу «Капитал и идеология», прояснить ряд проблем, которые он пытался в ней решить, и ограничений, связанных с ее замыслом. Автор благодарит редакцию *British Journal of Sociology* за организацию подбора рецензий от выдающихся ученых – социологов, историков, политологов, антропологов, географов и экономистов.

Ключевые слова: «Капитал и идеология» • глобальная история • модерн • социальные неравенства • режимы • партиципаторный социализм

DOI: 10.31857/S013216250015273-3

Элементы глобальной истории режимов неравенства. В книге «Капитал и идеология» я пытаюсь представить элементы глобальной истории режимов неравенства, т.е. истории систем и институтов оправдания и структурирования неравенств – от домодерного трехфункционального рабовладельческого общества к постколониальному гиперкапиталистическому модерну. Один из главных выводов: неравенство – это прежде всего политика и идеология, а не экономика и технологии, что показано на большом разнообразии социально-исторических траекторий, которые раскрываются и анализируются во времени на данных о пяти континентах. Я также подчеркиваю, что существует долгосрочная тенденция к большему равенству, и пытаюсь извлечь уроки на будущее.

Очевидно, что столь глобальный проект бесконечен и ни одна книга не исчерпает необъятный сюжет. Мои заключения по своей сути предварительны и хрупки. Они являются результатом исследований, которые в дальнейшем необходимо дополнить и расширить. Моя цель – не исчерпать тему, а скорее помочь читателям прояснить собственные идеи и идеологии по поводу социального равенства/неравенства, стимулировать их дальнейшую рефлексию.

Но, вопреки всем стараниям сфокусировать наш взгляд, вынужден сказать, что книга в целом не сбалансирована. В «Капитале и идеологии» я пытаюсь предложить глобальное связанное видение истории режимов неравенства. На протяжении всей книги я подчеркиваю главную роль наследия колониализма и постколониализма для понимания прошлого, настоящего, будущего – к этому вопросу я еще вернусь в контексте размышлений о репарациях. Но опыт Франции, Европы и США постоянно упоминается в работе сверх того,

что оправдывал бы демографический фактор. Опыт Африки, Латинской Америки и Азии также рассматривается, но не с такой же степенью точности и знания. Дж. Гуди в своей книге «Кража истории» справедливо осудил часто непреодолимый соблазн писать историю с западной точки зрения, который возникает даже у сознающих этот изъян ученых. Они приписывают Европе и Америке изобретения, которых те не совершали, и даже культурные практики, такие как куртуазная любовь, любовь к свободе, любовь к детям, нуклеарная семья, гуманизм, демократия. Я старался уйти от подобной предвзятости, но не уверен, что это полностью удалось.

Причина проста: мой взгляд глубоко сформирован корнями культуры, пределами моего знания и, прежде всего, слабостью языковой компетенции. Эта книга – труд автора, владеющего только французским и английским языками и знакомого лишь с ограниченным объемом первоисточников. А масштаб исследования широк – возможно, даже слишком широк, поэтому я вновь прошу специалистов в других областях извинить меня за приблизительность и сжатость, с которыми они встретятся в «Капитале и идеологии». Надеюсь, мой труд скоро дополнят и превзойдут многие другие, которые расширят наше понимание специфики режимов неравенства, особенно в географических и культурных регионах мира, слабо освещенных в данной работе.

Ряд статей в этом выпуске *British Journal of Sociology*¹ хорошо иллюстрируют эту мысль и предлагают другие многообещающие перспективы исследований и обсуждений. Ляйб-бранд, Диас-Пабон, Рэнчход и Сэвидж справедливо отмечают в статье, что более подробно следует изучить Южную Африку, где крайнее неравенство имеет давние исторические корни, которые не удалось полностью преодолеть в рамках политики после апартеида. Они пишут, что после падения апартеида были некоторые ограниченные попытки перераспределения богатства, но на практике серьезные программы передела земли не принимались, а политические инициативы, подобные программе расширения экономических возможностей чернокожих (Black Economic Empowerment – BEE), улучшили положение небольшой новой элиты, не уменьшив структурного расового неравенства богатств. В «Капитале и идеологии» я пытаюсь объяснить эту неудачу ролью глобальных факторов (особенно «неособистеннической» идеологии, доминировавшей на мировом уровне в 1990–2020 гг.), а также внутренними факторами, включая идеологические корни Африканского национального конгресса, чья доминирующая фракция имела относительно консервативные взгляды на отношения собственности и ее перераспределение. Однако для лучшего понимания неудач перераспределения в эти годы требуется более глубокий анализ политико-идеологических измерений, практических аспектов и трудностей реализации политики (например, программы BEE), которых я не касаясь в книге.

В статье Санчес-Анкоче подчеркнуто, что история режимов неравенства в Латинской Америке также требует дальнейшего анализа. Кейс этого континента показывает критическое значение экономической зависимости, международного баланса силы и структурной роли авторитарной власти и диктатуры (которая, по крайней мере, не меньше, чем роль идеологии). Самые последние оценки неравенства в *World Inequality Database* показывают глубокие различия режимов неравенства в странах Латинской Америки. Так, доля национального дохода нижних 50% населения варьирует от 1 до 2 раз между наиболее неравными странами (Мексика, Бразилия, Чили) и странами с меньшим неравенством (Аргентина, Уругвай). Это отражает наличие национальных рамок действий (в общем контексте высокого регионального неравенства по мировым стандартам) и разных политико-идеологических траекторий. Серьезный анализ этого разнообразия, однако, требует гораздо более детальной работы. Санчес-Анкоче прав, подчеркивая, что Латинская Америка недостаточно освещена в «Капитале и идеологии» – частично из-за отсутствия данных, частично из-за ограничений моего знания и источников.

¹ British Journal of Sociology. 2021. Vol. 72. No. 1. – Прим. ред.

Таким образом, «Капитал и идеология» – это в лучшем случае введение в поистине глобальную историю режимов неравенства. Я пытаюсь представить лишь элементы движения к цели, но большая часть материалов по-прежнему отсутствует, особенно в отношении неравенства в Африке, Латинской Америке и Азии. Надеюсь, эта книга будет стимулировать новые междисциплинарные и исторические исследования в этой области.

Власть, идеология, неопределенность: границы и собственность. Перейду к главной мысли, которую я хотел бы прояснить в этой статье. Хотя я верю в роль идей и идеологий в формировании глобальной истории режимов неравенства, я не считаю, что одни только идеи могут изменить мир. Без серьезных сдвигов баланса сил и материальной мощи влияние идеологии невелико. Но без конкретных идей и идеологий о преобразовании мира материальные и социальные силы сами не знают, в каком направлении двигаться.

На протяжении всей книги я подчеркиваю, что баланс сил и (часто силовое) политическое соперничество антагонистических социальных интересов играют главную роль в преобразовании режимов неравенства. Например, начало концу рабства в Атлантическом мире положило восстание 1791 г. рабов в Санто-Доминго, а не просвещенные дискуссии в салонах Парижа или парламентских ассамблеях. Другие восстания (в 1802 г. в Гваделупе или в 1831 г. на Ямайке) и угроза новых также сыграли важную роль в отмене рабства Францией в 1833 г. и Англией в 1848 г. Конец аристократических привилегий в орденах Европы – в существенной мере следствие революций, восстаний крестьян, например, во Франции в 1788–1789 гг. В конце XIX и первой половине XX в. баланс сил между владельцами капиталов и промышленными рабочими был переопределен мобилизацией профсоюзов и социальной борьбой, большевистской революцией и коммунистической угрозой. Без этих драматических сдвигов баланса сил трудно понять, как в Западной Европе правительства собственников 1914 г. после 1945 г. были заменены социал-демократическими. На глобальном уровне я опираюсь на обширную историографию, показывая, что подъем Запада между 1700 и 1900 гг. во многом был обусловлен превосходством военных и финансовых возможностей держав Европы. Разные потенциалы коллективной мобилизации и военной мощи сыграли немалую роль в войнах за независимость и избавлении от колониального строя. Гражданская война в США покончила с рабством в 1865 г. Потребовалась мощная мобилизация афроамериканцев, чтобы положить конец расовой дискриминации в 1964–1965 гг. И так далее.

В то же время всей книгой я подчеркиваю, что баланс материальной мощи и социальных сил должен быть подкреплён силой идей и идеологий. Иными словами, теорию истории как борьбы классов (вне зависимости от того, насколько она еще актуальна) следует переформатировать и сбалансировать при помощи теории идеологической борьбы. Такова главная точка зрения, которую я пытаюсь развить в «Капитале и идеологии».

Идеи и идеологии очень важны и до, и после получения власти. Они играют главную роль в социальной борьбе и политической мобилизации. Для формирования чувства солидарности и общности идентичности (восставших рабов, безземельных крестьян, промышленных рабочих) нужен общий взгляд на то, как должно быть реорганизовано общество. Это может не быть полная политическая программа, но по меньшей мере должна быть договоренность хотя бы о самой общей линии действия. Вопрос в том, что всегда есть множество идеологий и нарративов для поддержки социальной мобилизации. Они никогда полностью не детерминированы социально-экономической структурой общества, но важны для успеха социальной борьбы и мобилизации.

Далее, и, может быть, это самое главное – идеологическая борьба важна потому, что практическое создание нового политического и социального порядка (после успешной мобилизации и взятия власти) сопровождается некоторой идеологической неопределенностью или незавершенностью. Каким бы ни был баланс сил, всегда остается фундаментальная неопределенность в отношении наиболее желательного способа реорганизации общества и переопределения отношений власти после ее завоевания.

Идеологическая неопределенность проистекает из того, что основные проблемы, которые необходимо решить, – особенно вопрос границ и вопрос собственности, следуя терминологии моей книги², – столь сложны и неопределенны, что их никогда нельзя считать полностью детерминированными только материальными интересами. Конечно, можно изучить со временем (на основе исторического опыта или политических дискуссий и конфронтации) разные институциональные уклады, используемые для регулирования режима границ и режима собственности (а также системы образования, фискальной системы и т.д.). Процесс ознакомления с правом и институтами осуществляется на протяжении веков и, на мой взгляд, помогает объяснить долгосрочный тренд большего равенства. Но он всегда будет неполным и несовершенным, поэтому идеологическая борьба и разногласия будут сохраняться.

Приведу пример. К концу 1917 – началу 1918 г. баланс сил позволил российским большевикам взять под контроль ситуацию в Петрограде (и постепенно во всей России) и начать строить то, что они считали основой первого в истории «пролетарского государства». Однако это не означает, что у них были четкие и согласованные общие идеи о том, как организовать новый социальный и политический строй. С этого момента были возможны разные политические и институциональные пути. Кто будет управлять новым бюрократическим правящим классом и каким избирательным процессам или иным политическим механизмам он будет подотчетен? Будут ли в правящей партии разные фракции и какова будет их роль? Какой будет власть советов и профсоюзов, какой станет надлежашая иерархия зарплат и материальных привилегий, как это будет контролироваться и соблюдаться? Как будет организована политическая власть и централизованное планирование разных советских республик, городских и сельских территорий? Как «пролетарское государство» должно решать вопросы гендерного неравенства, семейных отношений, этнолингвистического и религиозного разнообразия советской федерации? Марксистско-ленинская идеология, как ее понимали социальные и политические акторы того времени, давала ряд ответов на эти вопросы, но было и много лакун. На уроки Французской революции 1789 г., Европейских революций 1848 г., Парижской коммуны 1871 г. ссылались, но они давали лишь ограниченные практические уроки для конкретных институциональных решений, которые должны были быть приняты. Разные лица и социальные группы среди большевиков и в целом в российском обществе, естественно, придерживались весьма противоречивых взглядов на эти сложные вопросы в зависимости от дореволюционных интеллектуальных и социально-политических траекторий, а также от своей реакции на развернувшиеся события. Таким образом, моя идея заключается в том, что принятые решения и хаотическая траектория, которые были реализованы в действительности, были не единственно возможными, идеологические неопределенности играли критическую роль в этих исторических процессах.

Иными словами, социально-классовой позиции, какой бы важной она ни была, недостаточно для создания теории справедливого общества, теории собственности, границ, налогов, образования, зарплат, демократии. Без точных ответов на эти сложные вопросы, без ясной стратегии политического экспериментирования и социального опыта борьба не

²Упрощая, скажу: всякий режим неравенства, всякая идеология равенства/неравенства покоятся на теории границ и теории собственности. Вопрос границ самый важный. Каждое общество должно пояснить, кто входит в политическую общность людей, его составляющих, а кто нет; какими территорией и институтами оно управляет; как организует отношения с другими общностями в общечеловеческой общности (которая, в зависимости от идеологии, может быть или нет быть эксплицитно признана). Вопросы границ и политического режима тесно связаны. Ответ на вопрос границ также имеет серьезное значение для социального неравенства, особенно граждан/неграждан. Необходимо также ответить на вопрос собственности. Чем разрешено владеть? Может ли один человек владеть другим человеком? Может ли он/она владеть землей, зданиями, фирмами, природными ресурсами, знанием, финансовыми средствами и/или публичными долгами? Какие практические указания, законы должны управлять отношениями между владельцами собственности и не-владельцами? [Piketty, 2019: 5].

указывает, куда повернуться политически. После захвата власти пустота заполнится конкретными политико-идеологическими конструктами и институциональными решениями, и некоторые из них могут оказаться более угнетательскими, чем свергнутые. Люди с конкретной классовой позицией и социальным опытом будут придерживаться разных взглядов на границы и собственность в зависимости от политического опыта и накопленного опыта жизни, своего субъективного и эмоционального опыта. Классовая и идеологическая борьба тесно связаны, но никогда полностью не совпадают. Всегда есть большая автономия идеологической сферы, особенно в период кризиса и в период, когда старый баланс сил сменяется новым, когда возникают новые вызовы, на которые нет ответов.

Идеология, Французская революция, Шведская революция. Откуда берутся идеологии? Я, конечно, не пытаюсь дать в своей книге удовлетворительный ответ на столь сложный вопрос, не говоря уже об общей теории. Я лишь изучаю конкретные социально-исторические эпизоды идеологической борьбы и пытаюсь определить основные действующие силы. В частности, я подчеркиваю роль памяти о прошлых институциональных решениях (или об их отсутствии), распространения знаний и опыта разных национальных и имперских траекторий.

Я также утверждаю, что для анализа процессов научения полезно выйти за пределы абстрактных принципов равенства, свободы, прав и справедливости и сосредоточиться на конкретных институциональных способах, которые следует найти обществам, чтобы воплотить общие принципы в социальную реальность: правовые системы, электоральные правила, налоговые ставки, образовательные ресурсы, социальные расходы и т.д. Без этого институты и идеологии – просто пустые оболочки, неспособные осуществить реальные социальные перемены и обрести надежных сторонников.

Например, анализируя достижения и ограничения Французской революции в отношении перераспределения собственности, я показываю, что выдвигались некоторые конкретные предложения по поводу новых налогов на доходы и наследство, призванные заменить старую налоговую систему и обеспечить финансирование минимального дохода или капитала для всех. Публиковались и широко обсуждались брошюры не только знаменитых Кондорсе или Пэйна, но и менее известных авторов, таких как Грасли и Лакост, которые прямо предлагали установить прогрессивный налог по ставкам от менее 5% для лиц с доходами и наследством ниже среднего до 70–80% для лиц с доходами и наследством в сотни раз выше средних. Эти ставки близки к принятым и реализованным в США и Западной Европе в XX в., особенно в период с 1920 по 1980 г. Однако во время Французской революции такая прогрессивная налоговая система не была принята, за исключением некоторых ограниченных попыток в 1793–1794 гг. в форме постепенных принудительных военных финансовых займов. Налоговая система, которая возникла в период Французской революции и применялась до 1914 г., была по большей части плоской, что объясняет рост концентрации богатства во Франции в XIX в. и вплоть до Первой мировой войны.

В анализе этой цепи исторических событий я опять подчеркиваю, что существует ряд возможных траекторий и было бы ошибкой видеть эти события в детерминистском свете. Нетрудно представить слегка иной ход событий 1792–1798 гг., который бы привел к более крупным экспериментам и применению прогрессивного налога. Размах и скорость распространения прогрессивного налогообложения после Первой мировой войны, а также скорость его отступления после 1980 г. указывают в этом направлении. Но в случае Французской революции материальный и идеологический баланс сил решительно склонялся в ином направлении. Многие акторы, такие как Монтескье, опасались, что централизация судебной системы при столь большой территории и численности населения, учитывавая систему транспорта и коммуникаций того времени, уже была рискованной авантюрой, которая могла привести к избыточной концентрации государственной власти. В таком контексте особенно сильным оказался стандартный аргумент собственников, согласно которому открытие ящика Пандоры – прогрессивного налогообложения – приведет к бесконечному хаосу.

В более общем плане в своей книге я пытаюсь представить достоинства каждого набора идей и идеологий. Как показывает в своей статье Редди, это, конечно, не значит, что для меня все идеологии равнозначны. Кейсом прогрессивного налога я пытаюсь объяснить, почему аргумент о ящике Пандоры все же неубедителен. В свете международного опыта XX в. в отношении прогрессивного налогообложения и после критической проверки положительных исторических свидетельств, связанных с этим опытом, я утверждаю, что желательный уровень прогрессивности налога на доход и богатство очень высок (до 80–90% для самых высоких уровней доходов и богатства); что подлинный источник процветания – образование и равенство (а не стремление к неравенству); что надо полагаться на демократическое обсуждение размера правильного уровня прогрессивного налога (а не конституционных ограничений). Однако я всегда поясняю, что имеющиеся свидетельства недостаточны и несовершенны, поэтому противоположные взгляды всегда будут в какой-то мере достоверны. В этом смысле мой анализ идеологической борьбы – это попытка выйти за пределы идеи Маркса о «ложном сознании». Поскольку институциональный выбор, который необходимо сделать обществу, столь сложен, существует достаточно возможностей для рационального несогласия и демократического обсуждения.

Обращусь теперь к примеру Шведской революции. Следуя работе Э. Бенгтсона, подчеркну, что режим неравенства в Швеции в период 1856–1911 гг. был одним из самых крайних европейских обществ собственников, когда-либо существовавших. Избирательные права имели только самые богатые слои – примерно 20% мужчин-налогоплательщиков, что имело место в большинстве стран Европы XIX в. В шведском случае особо выделяется то, что обладавший богатством класс сумел создать крайне изощренную систему, привязав политические права к владению собственностью: число голосов было примерно пропорционально размеру богатства и уровню налогов – до 54 голосов на выборах в законодательные органы и 100 голосов на городских муниципальных выборах. Такого потолка не было на сельских муниципальных выборах, поэтому в период около 1880–1900 гг. в нескольких десятках муниципалитетов один налогоплательщик имел более 50% голосов, включая муниципалитет тогдашнего премьер-министра графа А. Поссе. Эта избирательная система была изменена в 1911 г., а в 1921 г. на волне активной мобилизации народа было введено всеобщее избирательное право. Шведские социал-демократы пришли к власти в 1932 г. Они правили страной почти 60 лет и создали то, что считается одним из самых эгалитарных обществ в истории. Это справедливо, несмотря на множество оговорок. Швеция прекрасно иллюстрирует ключевую роль социальной мобилизации и политической идеологии в кардинальных изменениях базовой организации общества за относительно короткий период.

Сэвидж и Вайткус в своей статье правильно отмечают, что я никак не претендую на общую теорию, объясняющую, почему эта крупная идеологическая трансформация произошла именно так, как она произошла. Я изучил ряд объяснений, но ни одно из них не исчерпывает дискуссию. Во-первых, я подчеркиваю, что в определенной мере сходная политико-идеологическая трансформация, вызванная социальной мобилизацией, борьбой рабочего класса и социалистической/социал-демократической идеологией, происходила и в других странах Западной Европы в 1890–1950 гг., хотя и с разной интенсивностью. Далее, тот факт, что владеющие богатством классы зашли так далеко в конституционализации своей политической власти в случае Швеции, безусловно, способствовал стимулированию чувства несправедливости и мобилизации шведского рабочего класса. Я также подчеркиваю, что процесс централизации государства и наращивания административных возможностей начался в Швеции очень рано. Уже в 1750 г. шведское государство начало организовывать очень продуманные переписи, во многом значительно опережая Великобританию и Францию. К 1850–1900 гг. оно разработало впечатляющую систему реестров собственности и доходов, которые в то время использовались для распределения прав голоса среди высшего класса и обеспечения соблюдения крайне неэгалитарного политического общественного строя. Социал-демократы Швеции смогли поставить

возможности государства на службу совсем иному политическому проекту. Реестры собственности и доходов использовались для того, чтобы зажиточные граждане платили высокий прогрессивный налог, оплачивая относительно эгалитарную систему образования и медицины. Права рабочих также были введены в компаниях, как и социальное страхование, чтобы сбалансировать власть владельцев собственности.

Один из общих уроков, извлеченных из этого опыта, таков. В известном смысле процесс государственной централизации открывает для элиты больше возможностей принуждения, чем традиционные системы местного господства, основанные на сочетании прав собственности и регалий на местном уровне. Но тот же процесс централизации государства открывает путь для устранения власти элит, в зависимости от того, кто и во имя какой идеологии контролирует государство. В случае Швеции должный анализ такого перехода потребовал бы пристального внимания к силовой стратегии политической мобилизации, выработанной профсоюзами и социал-демократами, включая создание выраженной идентичности рабочего класса, культуры индустриального труда и широкой политической платформы. Но и здесь не было ничего заранее предопределенного, ничто не писалось навечно. Конкретные формы классовой и идеологической борьбы играли главную роль, и такое заключение применимо и к будущему.

Партиципаторный социализм и требование социал-федерализма. Еще один пример идеологической неопределенности также иллюстрирует сложность разворачивания систем убеждений об институтах, режиме собственности и режиме границ. В последней главе книги я опираюсь на некоторые уроки из предыдущих глав и опыт XX в. (включая англо-американский опыт прогрессивного налогообложения и немецко-скандинавский опыт совместных решений и социального государства), чтобы показать, как может выглядеть некая идеальная система «партиципаторного социализма» в будущем.

Отмечу ряд вопросов. Во-первых, понятие «партиципаторный социализм», на мой взгляд, соответствует одной из возможных траекторий, которые могут сложиться в долгосрочной, а не краткосрочной перспективе. С учетом того, как проходили другие серьезные преобразования режимов неравенства в прошлом, вполне вероятно, что такая важная трансформация повлечет за собой некий крупный социальный и политический кризис, который, как я показываю в своей книге, будет вызван экологическим кризисом в будущем, но который я, конечно, не могу предсказать.

Во-вторых, «партиципаторный социализм» весьма отличается от системы «социал-демократического капитализма» (или «капитализма государств всеобщего благосостояния»), которую мы сегодня находим в ряде западных стран. В частности, он идет гораздо дальше с точки зрения прогрессивного налогообложения и перераспределения доходов и богатств, разделения власти и прав работников в компаниях, справедливости образования. Но я бы сказал, что «партиципаторный социализм» не более отличен от «социал-демократического капитализма», существующего в 2000–2020 гг., чем последний отличается от авторитарно-колониального капитализма, существовавшего примерно в 1900–1910 гг. Иными словами, режимы неравенства заметно изменились уже в прошлом, и имеет смысл подумать о возможных дальнейших шагах в этом направлении.

Наконец, и это самое главное, понятие «партиципаторного социализма» пытается устранить ограничения социал-демократии не только в отношении переопределения отношений собственности на национальном уровне, но и в отношении структуры глобальных неравенств между Севером и Югом, а также расовых и гендерных неравенств.

Как Пайдипати и Рамос-Пинто подчеркивают в своей статье, социал-демократические меры в странах Запада в 1950–1980-х гг. в значительной степени игнорировали расовые и гендерные проблемы, а также очень неравные отношения между центром и периферией, между богатейшими (включая бывшие колониальные державы) и беднейшими странами (включая новые независимые государства) того времени. Это не значит, что снижение неравенства на Севере в середине XX в. произошло за счет Юга. Во всяком случае, извлечение прибыли из колоний было на более высоком уровне в XVIII–XIX и начале XX в. (когда

неравенство было на самом *высоком* уровне на Севере), чем в 1950–1980-е гг. (когда неравенство было на самом *низком* уровне на Севере). Устранение колониального господства на Юге совпало с устранением господства капиталистов на Севере. Для того были веские причины: 1) это были в известной мере те же капиталисты; 2) соперничество между империалистами колониальных держав значительно способствовало разрушению собственническо-колониального строя в 1914–1945 гг. Но крайне важно подчеркнуть, что мировая капиталистическая система оставалась очень неравной и иерархической (в отношениях центра и периферии) системой как в 1950–1980-е гг., так и в 1980–2020-е гг.: старые колонизаторы были устранены, но страны Севера разработали новые неокOLONиальные модели господства в контексте экономических отношений между центром и периферией, в том числе когда у власти были социал-демократические партии.

В статье Пайдипати и Рамос-Пинто верно подчеркивается, что комплекс глобальных институтов, созданный после Второй мировой войны, в значительной мере разрабатывался в интересах экономически доминировавших держав. Например, последние отказались в 1947–1948 гг. реализовать проект Международной торговой организации, когда поняли, что он может оказаться слишком многосторонним и приведет к получению странами, подобными Бразилии и Индии, намного большего права голоса, нежели они были готовы предоставить. В «Капитале и идеологии» я также подчеркиваю, что экономические державы Запада смогли найти инструменты для глобальных экономических и финансовых институтов, чтобы обеспечить «шоковую либерализацию торговли» для развивающихся стран в 1980–1990-х гг. Это привело к значительному падению внутренних налоговых поступлений и весьма негативно повлияло на процессы государственного строительства на глобальном Юге. Процесс финансовой либерализации, «свободных» потоков капитала и массовое уклонение от налогов, осуществленный за последние десятилетия под руководством богатых стран (особенно стран Европы, иногда под руководством правительств социал-демократов, социалистов и лейбористов), также оказал разрушительное воздействие на Юге даже в большей степени, чем на Севере.

Вот почему понятие «партиципаторного социализма», которое я ввожу, должно включать полное переосмысление международного экономического порядка. Я описываю ряд шагов в этом направлении, но их необходимо дополнить гораздо более глубокими размышлениями и обсуждением. Так, «партиципаторный социализм» опирается на то, что я описываю как «социальный федерализм», т.е. систему международных отношений, которая должна отдать приоритет принятию справедливой глобальной налоговой системы и модели устойчивого развития, а не сохранению торгово-финансовых потоков. Требуются новые виды много- и двусторонних договоров о развитии, включая международные органы, основанные на эгалитарных принципах и верифицируемых социальных и экологических целях. Учитывая, что рост западного промышленного капитализма в значительной степени опирался на рабство и колониальную экспроприацию, в понятие «социальный федерализм» также входит серьезная база международного права, включая право всех стран получать долю налоговых прав от наиболее влиятельных экономических субъектов мира (крупных фирм и миллиардеров). Здесь я опять же не утверждаю, что такие преобразования произойдут более плавно, чем другие перетасовки мирового или внутреннего порядка в прошлом. Они потребуют глубоких сдвигов в глобальном балансе сил между конкурирующими социальными интересами и государствами, которые могут быть следствием экологических, миграционных или иных геополитических кризисов.

В «Капитале и идеологии» я также пытаюсь представить эти дебаты о демократическо-социалистическом федерализме в исторической перспективе. В частности, я подчеркиваю важность и множественность дискуссий о европейском федерализме до и после Второй мировой войны, а также дискуссий о социалистическом федерализме в разных условиях постколониализма (в Западной Африке, на Среднем Востоке, в Восточной Индии). Общий смысл заключается в том, что всегда существуют альтернативные способы организации мирового экономического порядка и системы границ. Как справедливо отмечает Бхамбра

в своей статье, колониальные империи сыграли ключевую роль в промышленной революции и в подъеме Запада, и сегодня очень трудно представить, как могли бы разворачиваться альтернативные траектории развития (индустриализация, свободные миграции, свободный труд, более равные баланс сил и распределение богатства на глобальном уровне). Однако важно подчеркнуть возможность альтернативных траекторий, в том числе на глобальном уровне, в прошлом и тем более в будущем.

Партиципаторный социализм и вопрос репараций. В своей книге я подчеркиваю необходимость выработать универсальный подход к социальной справедливости и перераспределению вместе с целью подчеркнуть необходимость устранения проявлений дискриминации и предрассудков (включая формы репараций) в прошлом.

Позвольте привести пример. Чтобы компенсировать бывшим французским рабовладельцам потерю их собственности, французское государство в 1825 г. решило навязать новому независимому государству Гаити огромный государственный долг (около трехгодичного совокупного национального продукта того времени). Я напоминаю в книге, что Франция в ином контексте (Версальский договор 1919 г.) пыталась навязать Германии контрибуцию аналогичного размера – около 300% ВВП. Разница в том, что в случае Гаити у Франции была военная возможность реализовать такую выплату. Нужно ли говорить, что маленький остров – жемчужина колоний Франции и крупнейший центр работорговли Атлантики до восстания рабов 1791 г. – не мог выплатить такой большой долг за год или за несколько лет. Консорциум французских банкиров (позже замененный американскими банкирами) предложил рефинансирование долга под высокий процент, и в итоге Гаити выплачивало огромные суммы бывшим рабовладельцам более ста лет – с 1825 по 1950 г.

Во Франции типичное отношение к этому бесславному эпизоду, если его вообще не игнорируют, заключается в том, что все это произошло давным-давно и теперь уже слишком поздно что-либо предпринимать. Одна из проблем такой установки – мы все еще исполняем сегодня репарации за экспроприации и другие нарушения закона, случившиеся во время Второй и даже Первой мировой войны. С такого рода предпосылками, основанными на двойных стандартах, очень трудно создать общепринятые нормы справедливости.

Конечно, те же вопросы возникают и в отношении других репараций, связанных с различными постколониальными контекстами. И в Великобритании, и во Франции отмена рабства 1833 и 1848 гг. повлекла за собой огромные выплаты бывшим рабовладельцам и совсем ничего для рабов, которым навязали разные схемы квазиподневольного труда, действовавшие в бывших колониях Франции до 1946 г. В 2001 г. член парламента Франции от Гвианы К. Таубира предложила создать комиссию по земельной реформе и репарациям на бывших рабовладельческих островах и территориях Франции, таких как Мартиника, Гваделупа, Реюньон, Гвиана. Парламентское большинство того времени, хотя и «левое» (социалисты, коммунисты, зеленые), приняло заявление, по которому работорговля признавалась преступлением против человечества, но создать комиссию отказалось.

В контексте США хорошо известно, что данные в конце Гражданской войны рабам обещания («один мул и 40 акров земли») так и не были выполнены. Сто лет спустя, когда законная расовая дискриминация наконец прекратилась в 1964–1965 гг., афроамериканцам снова не было никаких репараций за предрассудки, которым они подвергались в течение десятилетий и столетий. Однако это не значит, что так все и останется. После серии отказов Конгресс США принял в 1988 г. закон, предусматривающий выплату компенсации в размере 20 тыс. долларов всем американцам японского происхождения, которые были заключены в тюрьму во время Второй мировой войны и которые в то время еще были живы. В 1999 г. Национальное собрание Франции создало комиссию по компенсациям жертвам антисемитских преступлений Второй мировой войны и их потомкам.

Вопрос репараций важен и потому, он служит наглядной иллюстрацией более общей темы идеологической неопределенности. Ни у кого нет идеальной формулы определения справедливости в этом контексте (как и в других контекстах), но нельзя игнорировать этот вопрос лишь потому, что он слишком сложен. Неудивительно, что классовые позиции и

баланс сил действительно играют важную роль в профилировании политических схваток по поводу репараций и их результатов. Но этих сил как таковых недостаточно, чтобы определить верный баланс между логикой правосудия, основанного на возмещении ущерба, и логикой перспективного распределительного правосудия, независимо от происхождения человека. Нужно полагаться на демократическое рассмотрение и исторические данные для достижения возможного компромисса и разработки норм справедливости, которые можно обсуждать, улучшать, разделять и принимать как можно шире.

Еще один пример этой общей проблемы – вопрос квот для прежде дискриминируемых социальных групп. Например, амбициозная система квот была учреждена в Индии после обретения ею независимости для предоставления мест в учреждениях высшего образования, государственной службы и на выборных должностях для далитов и адивасис – ранее неприкасаемых групп коренного населения. В «Капитале и идеологии» я подробно анализирую достижения и ограничения этой политики – несомненно самой крупной программы аффирмативных действий в истории. С одной стороны, эта политика способствовала снижению уровня неравенства между ранее дискриминируемыми группами и остальным обществом Индии, даже более значимого, чем неравенство чернокожих и белых в США. Но, с другой стороны, эта политика имела серьезные ограничения.

Как правильно подчеркивают Шах и Лерч в своей статье, рост капитализма укрепил и изменил (но не уничтожил) идеологию каст и рас в Индии. Резервации – это не то, что может ликвидировать вековые неравенства между далитами, адивасис и остальной частью общества. В своей книге я подчеркиваю, что резервации (которые своей конструкцией могут помочь лишь малой части бесправных социальных групп) часто служили оправданием того, что крупные группы элиты Индии (включая часть руководства Национального конгресса Индии) не платили налоги на финансирование общедоступной системы социальных услуг – образования, медицины, базовой инфраструктуры.

Я также подчеркиваю, что серьезное перераспределение собственности потребует для решения проблем укорененного режима неравенства, который Индия унаследовала от своего древнего и колониального прошлого. Частично перераспределение собственности было осуществлено в рамках земельных реформ, осуществляемых коммунистическими региональными правительствами в Керале или Западной Бенгалии, но на федеральном уровне они поддержки не имели. С точки зрения идеологии следует отметить, что лидеры далитов (Амбедкар и др.) всегда не доверяли подходам марксистов, подчеркивающих центральную роль отношений собственности и их трансформации и игнорирующие (по мнению Амбедкара) специфику дискриминации, которой подвергались далиты, в том числе внутри рабочего класса. Амбедкар был отчасти прав в том смысле, что «неравенство категорий» (как употреблен этот термин в статье Сэвиджа и Вайткуса) должно получить ответ в виде «политики категорий». Когда предрассудки прошлого и дискриминация в отношении определенных социальных или расовых групп (или женщин) столь укоренены, часто нужно использовать специальные схемы репараций или резерваций. Но критически важно заранее планировать, как такие схемы должны строиться, эволюционировать во времени по мере исправления дискриминационного наследия прошлого (иначе возникает серьезный риск реификации этих категорий), и найти верный баланс с такими универсальными политическими мерами движения вперед, как перераспределение доходов и собственности и открытый доступ к качественным социальным услугам (которые в долгосрочной перспективе, возможно, более эффективны, чем только категориальная политика). Найти нужный компромисс между разными измерениями перераспределения – нелегкая задача. И она тоже требует серьезного отношения к идеям и идеологиям не просто как к зеркалу позиций классов.

Левые брамины против правых купцов: класс, раса, идентичность и идеология. В последней части «Капитала и идеологии» я попытался проанализировать меняющуюся структуру политических расколов после Второй мировой войны и, в частности, усиление «левых браминов» и «правых купцов» в демократических странах Запада. Этим я хотел сказать, что интеллектуальная элита и бизнес-элиты сейчас голосуют за две отдельные

партии или коалиции партий. Такая ситуация постепенно складывалась в 1980–2020 гг. Она заметно отличается от структуры, преобладавшей в 1950–1980 гг., когда консерваторы и другие правые партии привлекали к себе богатые и высокообразованные элиты, а социал-демократы и другие левые партии получали лучшие результаты среди избирателей с низким достатком и уровнем образования.

Я также подчеркиваю, что появление этой мультиэлитной партийной системы и развал прежней партийной системы, основанной на классах, следует анализировать в сочетании с упадком перераспределительных усилий социал-демократических платформ и идеологий с 1980–1990 гг., а также с ростом новых политических вызовов и социально-экономических реалий, включая рост высшего образования, глобализацию, упадок производства, расширение публичного сектора, эмансипацию женщин и появление де-факто многонациональных и многоконфессиональных обществ.

Подчеркну поисковый и незавершенный характер этого анализа. Очень надеюсь, что дальнейшие исследования устроят некоторые его ограничения. Так, в статье Абу-Шади и Хикс акцент сделан на фрагментации политической системы и подъеме новых политических зеленых и либертарианских левых партий, популистских и ксенофобских правых партий, которые сыграли ключевую роль в трансформации электоральных симпатий. Они справедливо подчеркивают, что во многих странах с многопартийной системой «левые брамины» и «правые купцы» должны рассматриваться как коалиции разнородных партий, а не отдельные партии. В коллективном труде под редакцией Гетина и Мартинес-Толедано, который был написан после моего «Капитала и идеологии», мы находим больше деталей меняющейся структуры электоральных коалиций и партийных систем в 50 избирательных демократиях за период 1948–2020 гг., что позволяет увидеть больше разнообразных ситуаций [Gethin et al., 2021]. В то же время удивительно, но данные о «левых браминах» и «правых купцах» также верны для стран с преимущественно двухпартийными системами, начиная с США (демократы/республиканцы) и Великобритании (лейбористы/консерваторы). Конечно, сами эти партии могут рассматриваться как коалиции фракций, подобные тем, которые существуют как отдельные политические партии в странах с различными избирательными и институциональными системами.

Также стоит подчеркнуть, что эта часть книги в значительной мере опирается на национальные избирательные опросы и что для более детального анализа должны использоваться многие другие источники, включая данные о выборах и политической мобилизации на местном уровне. Эти данные в свою очередь потребуют углубленного исследования взаимодействия между идеологией, социально-политической мобилизацией и идентичностью. Классовая партийная система 1950–1980 гг. была связана с развитием особой формы политической платформы, идеологии и коллективной идентичности, основанной на ценностях рабочего класса и индустриальном труде. В будущем задача состоит в том, чтобы сформировать новое чувство коллективной идентичности, сочетающей стремление к социальной справедливости, гендерному и расовому равенству, экологической справедливости. Разные мобилизации последних лет на глобальном уровне, особенно среди молодежи, от *Occupy Wall Street* до *Me Too*, *Black Lives Matter* или *Fridays for Future*, подсказывают, что новые коллективные идентичности и идеологии в будущем могут возникать по этим направлениям. Ясно, однако, что существуют серьезные идеологические и программные расхождения, которые еще предстоит урегулировать. В частности, маловероятно, что экологические программы можно успешно реализовать без крупных трансформаций экономической системы и резкого снижения неравенства.

Объединение экономической, социальной и политической истории. Позвольте закончить статью методологическим замечанием и призывом к более междисциплинарной работе исторических и социальных наук. Я убежден, что некоторые из сегодняшних трудностей с демократией связаны частично с тем, что, в плане гражданской и политической сфер, экономика отделила себя от других социальных наук. «Автономизация» экономики отчасти является результатом технического характера и растущей сложности

экономической сферы. Это также результат постоянного соблазна для части профессионалов-экономистов, будь то в университете или на рынке, претендовать на монополию экспертности и аналитических способностей, которыми они не обладают. В действительности лишь комбинация экономического, исторического, социологического, культурного и политического подходов делает возможным прогресс в нашем понимании социально-экономических феноменов. Это верно, конечно, для изучения неравенства между социальными классами и их трансформацией на протяжении всей истории, но урок мне представляется намного более общим.

Еще один фактор избыточной автономизации экономики состоит в том, что историки, социологи, политологи и философы слишком часто уступают изучение экономических вопросов экономистам. Но политэкономия и экономическая история охватывают все социальные науки, что я и пытался показать в своей книге. Все обществоведы должны пытаться включать социально-экономические тенденции в свой анализ, собирать количественные и исторические данные, когда они полезны, полагаться по возможности на другие методы и источники. Пренебрежение количественными и статистическими источниками многими социологами вызывает сожаление, особенно с учетом того, что для их надлежащего использования необходимо критическое изучение источников и условий, в которых они социально, исторически и политически сконструированы. Это пренебрежение способствовало не только обособлению экономики, но и ее обеднению.

В «Капитале и идеологии» я пытаюсь показать взаимодополняемость естественного языка и языка математики, статистики. Например, я часто упоминаю децили и процентиля, обсуждая неравенство доходов, богатства, образования. Мое намерение – не заменить борьбу классов войной децилей. Социальные идентичности всегда гибки и многомерны. В каждом обществе различные социальные группы используют обычный язык для обозначения профессий и занятий, квалификации, ожиданий и опыта, ассоциируемых с ними. Нет никакой замены обычному языку, когда идет речь о выражении социальной идентичности или определении политической идеологии. Точно так же нет замены обычному языку в социальных исследованиях, размышлениях о проблемах справедливого общества. Те, кто думает, что однажды мы сможем полагаться на математические формулы, алгоритмы, эконометрические модели для определения «социально оптимального» уровня неравенства, неизбежно разочаруются. Хорошо, что этого никогда не будет. Только открытое, демократическое обсуждение, проведенное на простом естественном языке (или, скорее, на ряде естественных языков, что немаловажно), может обещать уровень нюансов и точности, необходимый для принятия решений такого масштаба.

Тем не менее «Капитал и идеология» в значительной степени опирается на язык математики, статистических рядов, графиков и таблиц. Эти инструменты также играют важную роль в политических дискуссиях и исторических изменениях. Однако еще раз следует повторить, что статистика, исторические данные и другие количественные показатели, представленные в моей книге, – это несовершенные, предварительные и временные социальные конструкты. Я не утверждаю, что «истина» только в числах и/или только в «фактах». На мой взгляд, основное назначение статистики – установить порядок масштабов и сравнить разные, как правило, отдаленные периоды, общества и культуры как можно более осмысленно. Идеальное сравнение обществ, разделенных пространством и временем, невозможно. Однако, несмотря на уникальность каждого общества, их сравнение все же возможно. Имеет смысл, например, сравнить концентрацию богатства в США в 2018 г. с Францией 1914 г. или Британией 1800 г.

Конечно, условия, при которых действовали права собственности, в каждом случае различны. Соответствующие правовые, фискальные и социальные системы во многом отличались, как и категории ценностей (земля, здания, финансовые средства, нематериальные блага и т.д.). Тем не менее, осознавая все эти различия и никогда не теряя из виду социальные и политические условия, при которых создаются документальные источники, сравнение все же имеет смысл. К примеру, можно оценить долю богатства самых богатых

10 и 50% самых бедных в каждом из трех конкретных обществ. Историческая статистика также лучший показатель нашего незнания. Использование данных всегда открывает необходимость дополнительных данных, которые обычно не найти, и важно объяснять, почему. Тогда можно будет четко определить, какие сравнения возможны, а какие нет. На практике некоторые сравнения всегда имеют смысл, даже между обществами, которые считают себя исключительными или настолько радикально отличающимися от других, что учиться у кого-то невозможно. Одна из главных целей исследований в области социальных наук – выявление возможных сравнений и исключение невозможных.

Сравнение полезно, поскольку оно позволяет извлечь уроки из разного политического опыта и исторических путей, анализировать результаты разных правовых и фискальных систем, находить общие нормы социальной и экономической справедливости, строить институты, приемлемые для большинства. Социальные ученые часто довольствуются фразой, что всякая статистика – социальный конструкт. Конечно, это верно, но останавливаться на этом нельзя: это означало бы уход от обсуждения главного – например, экономических проблем – и делегирование этой задачи другим. Это несколько консервативная установка или, во всяком случае, установка, выдающая глубокий скептицизм по поводу возможности извлечь уроки из несовершенных исторических источников.

К примеру, Мотадель и Дрейтон в своей статье утверждают, что национальная статистика первоначально создавалась в особом историческом контексте – для измерения роста производства на уровне страны. Они, конечно, абсолютно правы. Но раз социальные и экономические индикаторы конструируются исторически, значит, они не обязательно привязаны к производственной идеологии, национальному государству, формальному сектору или отсутствию внимания к экологии, неравенству и т.п. Самое важное, чтобы историки и все социальные ученые были частью этой дискуссии и активно участвовали в критической проверке и переопределении количественных индикаторов, не оставаясь в стороне.

Многие процессы социальной и политической эмансипации в истории опирались на статистические и математические конструкты того или иного рода. Например, трудно организовать справедливую систему всеобщего избирательного права без данных переписей, необходимых для организации четких границ избирательных округов и обеспечения каждому голосу равного веса на выборах. Математика также может помочь, когда дело доходит до определения правил перевода голосов в решения. Фискальная справедливость невозможна без налоговых ставок, опирающихся на четко определенные правила, а не на собственные решения сборщика налогов. Эти правила выведены из абстрактных теоретических концептов, таких как доход и капитал. Им трудно дать дефиниции, но без них трудно заставить различные социальные группы договориться о компромиссах, необходимых для разработки приемлемо справедливой фискальной системы. В будущем люди могут прийти к пониманию того, что справедливое образование невозможно без схожих концептов измерения того, равны ли по меньшей мере публичные ресурсы менее зажиточных групп тем, что доступны группам привилегированным (а не заметно уступающим им, как это имеет место сегодня в большинстве стран). При осторожном и умеренном использовании язык математики и статистики является незаменимым дополнением к естественному языку, когда нужно преодолевать интеллектуальный национализм и сопротивление элиты.

Очень надеюсь, что междисциплинарный диалог будет способствовать развитию нового синтеза между экономической, социальной и политической историей в будущем, и хочу еще раз поблагодарить *British Journal of Sociology* и всех участников за этот очень продуктивный обмен идеями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Gethin A., Martínez-Toledano C., Piketty Y. (eds) (2021) *Political Cleavages and Social Inequalities: A Study of Fifty Democracies, 1948–2020*. Cambridge: Harvard University Press.
- Piketty T. (2019) *Capital et idéologie* [Capital and Ideology]. Paris: Seuil. (In Fr.)

Перевод с англ. Н.В. РОМАНОВСКОГО

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр.,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; проф. Российского государственного
гуманитарного университета, Москва, Россия (socis@isras.ru).

CAPITAL AND IDEOLOGY: A GLOBAL PERSPECTIVE ON INEQUALITY REGIMES

PIKETTY T.

Paris School of Economics, France

Thomas PIKETTY, Prof., Paris School of Economics, Paris, France (piketty@psemail.eu).

Abstract. I am most grateful to the editors of the *British Journal of Sociology* for putting together such a stimulating set of review essays about my book *Capital and Ideology*. I am very honored by the thoughtful articles written by such a distinguished group of scholars coming from sociology, history, political science, anthropology, geography, and economics. There is no way I can do justice to the richness of each review, and it is impossible to address all the stimulating points that they raise. I would like, however, to take this opportunity to briefly clarify a limited number of issues regarding what I have tried to achieve in this book and the many limitations behind such a project.

Keywords: “Capital and Ideology”, global history, modernity, social inequalities, regimes, participatory socialism.

Transl. by Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief
Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2021 г.

МОЛОДЕЖЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОВЕСТКЕ (о Международном конгрессе в Казани)

Актуальным вопросам исследования проблем современного поколения молодежи и развитию сферы молодежной политики был посвящен Международный конгресс «Молодежь в глобальной повестке. Молодежная политика: мировой и региональный опыт», прошедший в Казани 20–21 марта 2021 г. Конгресс проводился по инициативе Научно-методического совета при Министерстве по делам молодежи Республики Татарстан и поддержан Федеральным агентством по делам молодежи (ФАДМ). В работе мероприятия приняло участие более 400 человек, в том числе социологи, исследователи молодежной политики; специалисты сферы молодежной политики, студенты, аспиранты, а также представители молодежных общественных организаций. География участников и экспертов была представлена 31 субъектом РФ и девятью странами дальнего и ближнего зарубежья.

Основные направления работы Конгресса были представлены следующими секциями: «Традиции и инновации государственной молодежной политики»; «Динамика социального самочувствия молодежи»; «Роль молодых поколений в рамках реализации глобальной стратегии ООН “Будущее человечества”»; «Молодежь о молодежной политике (секция студенческой молодежи)».

С приветственными выступлениями на пленарном заседании Конгресса выступили **А.В. Бугаев** (ФАДМ, Москва) и **Л.Р. Фазлеева** (зам. премьер-министра РТ, Казань). **М.М. Бариев** (ГД ФС РФ, Министерство по делам молодежи РТ) в своем приветственном выступлении отметил, что в течение многих лет депутаты и работники молодежной сферы добивались принятия Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» и в декабре 2020 г. закон был утвержден. Во многом это стало возможным в связи с внесением понятия «молодежная политика» в ст. 72 Конституции РФ в процессе ее обновления. Закон, при имеющихся недостатках, позволяет придать более последовательный характер всей проводимой на территории России молодежной политике.

Дискуссию на пленарном заседании продолжил **Д.И. Фаттахов** (министр по делам молодежи РТ, Казань) с докладом «Развитие государственной молодежной политики в Республике Татарстан», представив анализ основных достижений в реализации молодежной политики на региональном и федеральном уровнях за последние два десятилетия.

Проф. **Е.Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ, Москва) посвятила свое выступление анализу ценностных миров молодых россиян. Опираясь на опыт исследования культурных молодежных сцен шести российских городов (Санкт-Петербург, Казань, Ульяновск, Махачкала, Элиста, Улан-Удэ) в рамках проекта «Созидательные поля межэтнического взаимодействия» (2014–2019), представила следующие выводы: одним из ключевых является опровержение укоренившегося в российском обществе мнения об апатичности современной молодежи. Данные исследования свидетельствуют о высоком уровне активности и политизации молодого поколения, но она происходит несколько в ином формате в отношении формальных политических проявлений. Процент незадействованной в общественной или иной активности среди опрошенной молодежи не превысил показателя 6–8%. Наиболее популярными среди молодежных сообществ являются направления по тематике здорового образа жизни, волонтерства и городского спорта. Особую

нетерпимость эти сообщества проявляют к наркотикам, радикальным проявлениям, сексизму и тюремной тематике.

В рамках доклада «Развитие молодежной политики в условиях гиг-экономики предпринимательства» **М.Ю. Киселев** («Сколтех», Москва) отметил, что на современном этапе наблюдается рост тренда гиг-экономики среди молодежи. Фактически – это экономика самозанятости, в рамках которой молодые люди могут реализовать себя, не работая на институционального работодателя, либо просто осуществляя деятельность в своем индивидуальном качестве в самых разных областях. Сегодня данный тренд один из быстро развивающихся. Согласно данным последних исследований, только в Европе и США более 160 млн человек вовлечены в гиг-экономику. Это отвечает тому, что известно о ценностных поколенческих макроустановках в рамках «Теории поколений». Поколения отличаются между собой в масштабных ценностных конструктах. Для представителей поколения Z и миллениалов одним из основных двигателей является процесс развития. Им важно реализовывать себя, часто без ограничений, которые могут накладываться институциональным работодателем.

После пленарного заседания плодотворное обсуждение актуальных направлений исследований молодежи, молодежных проблем и молодежной политики продолжилось в рамках секций, где с докладами выступили: **Н.В. Бажитов** (Москва), **М.М. Бариев**, **Г.Ф. Габдрахманова** (Казань), **Ф. Грэй** (Турция), **Г.С. Денисова** (Ростов-на-Дону), **Р.И. Зинурова** (Казань), **Ю.А. Зубок** (Москва), **С.Г. Ивченков** (Саратов), **Ч.И. Ильдараханова** (Казань), **В.Е. Козлов** (Казань), **С. Ли** (Канада), **О.А. Максимова** (Казань), **Х.Х. Мира** (Испания), **Е.Л. Омельченко** (Москва), **Г.В. Петушков** (Москва), **Г.М. Рустамова** (Казань), **Э.Р. Тагиров** (Казань), **А.Р. Тузиков** (Казань), **Н.А. Шибанова** (Казань) и др. Докладчики рассмотрели комплекс вопросов, таких как: особенности реализации различных моделей молодежной политики; работа с молодежью, оказавшейся в социально опасном положении; развитие среды для самореализации молодежи; особенности современного рынка труда молодежи; состояние здоровья молодежи; информационное обеспечение молодежной сферы; характерные особенности социального портрета современной молодежи; изменение социального самочувствия молодежи; динамика ценностных ориентаций молодежи; самоидентификация и социализация новых поколений; жизненные планы и перспективы, инновационный потенциал; отношение к институту семьи и брака; молодежная миграция; социально негативные явления и девиантное поведение в молодежной среде; виртуализация социальной активности; молодежь в мире глобальных вызовов: терроризм, религиозный фундаментализм, киберагрессивизм, радикализм, постковидный пессимизм и др.

По итогам Конгресса отмечено, что факторы, связанные с рождением новых социальных молодежных групп, трансформацией роли и авторитета традиционных социальных институтов, появлением в молодежной среде новых потребностей и способов их достижения, новых идентичностей и культурных практик, обострением противоречий и конфликтов, изменением смыслов и ценностей, развитием Интернета и глобальной цифровизацией, подчеркнули еще большую необходимость обмена опытом и активизации научно-практической дискуссии.

М.М. БАРИЕВ, О.А. МАКСИМОВА

БАРИЕВ Марат Мансурович, к. полит. н., проф., председатель Совета; депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия (mbariev@yandex.ru); МАКСИМОВА Ольга Александровна, к. социол. н., член Совета; доцент Казанского федерального университета, Казань, Россия (olga_max@list.ru). Оба – Научно-методический совет при Министерстве по делам молодежи Республики Татарстан.

YOUTH IN THE GLOBAL AGENDA (about the International Congress in Kazan)

Marat M. BARIEV, Cand. Sci. (Polit.), Prof., Chairman of the Council; Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia (mbariev@yandex.ru); Olga A. MAXIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Kazan Federal University, Kazan, Russia (olga_max@list.ru). Both – Scientific and Methodological under the Ministry of Youth Affairs of the Republic of Tatarstan.

© 2021 г.

ЛИЧНОСТЬ. УЧЕНЫЙ. УЧИТЕЛЬ (памяти Л.М. Дробижевой)

20 мая 2021 г. состоялся круглый стол, посвященный памяти российского социолога Леокадии Михайловны Дробижевой, организованный Якутским региональным отделением РОС. Встреча дала возможность услышать и поделиться воспоминаниями коллегам и друзьям Л.М. Дробижевой из России и зарубежных стран.

Проф. **М. Мандельштам-Балзер** (гл. ред. журнала “Anthropology and Archeology of Eurasia”) в своем видеовыступлении назвала Леокадию Михайловну другом и коллегой, настоящим социологом с огромной любознательностью, ищущим ответы на важные вопросы и не прячущимся за пропагандой. Ее воспоминания были посвящены семи важным урокам, которые она получила от нее: 1) всегда оставайтесь открытыми, даже в тех вопросах, на которые, как вам кажется, вы знаете ответ. Мы не узнаем, пока не зададим вопросы; 2) избегание изучения межэтнической напряженности не избавляет от нее; 3) представления о родине и ее определениях меняются в зависимости от того, где вы находитесь, когда задается вопрос. Леокадия была одним из социологов, обративших внимание на значение «малой родины»; 4) сепаратизм начинается с центральной политики, а не с краев, областей или республик. Крайне важно оставить место для реального федерализма на основе переговоров; 5) различные республики имеют отличающееся культурное наследие; 6) Леокадия призывала нерусских (тюркских, финно-угорских, монгольских и других) коллег к сравнительному анализу, а не только к изучению своих народов; 7) построение гражданского общества включает в себя взаимодействие государства и общества. Одним из самых амбициозных, но так и не полностью реализованных проектов Леокадии была попытка помочь обучить полицейских толерантности. В заключение М. Мандельштам-Балзер отметила, что отчасти своей карьерой она обязана Леокадии и таким отзывчивым людям, как она.

Проф. **В.А. Мансуров** (РОС, Москва), отмечая заслуги коллеги, отметил такие важные моменты, как масштаб исследований, который не является чисто классическим. Он представляет собой несколько классических академических исследовательских коллективов, научную школу, где нет барьеров и что раньше называлось «невидимый колледж». Говоря о личностных качествах Леокадии Михайловны, которые он наблюдал многие годы, В.А. Мансуров рассказал о ее умении работать с людьми. По его мнению, она даже не считала это работой. Такая оценка взаимодействия с миром социолога, пришедшего из истории, изучающего сложную сферу межэтнических и межнациональных отношений, свидетельствует о высоком профессионализме и научном предназначении Л.М. Дробижевой. Поиск путей взаимопонимания, основанного на одинаковом восприятии реальности, – это то, чему учила Леокадия Михайловна и что смело можно использовать в практической деятельности.

Чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (Москва) поделился воспоминаниями студенческих лет. Какими яркими студентами исторического факультета, инициаторами и организаторами были Лера и Владимир Дробижевы. Докладчик отметил, что исторические исследования

не удовлетворили пытливым умом молодого ученого. На вопрос, как складываются этнические отношения, дала ответ этносоциология. Раскрывая тему этнократии, Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева в своих исследованиях и публикациях показали, почему этнические и национальные отношения иногда становятся препятствием для взаимопонимания, почему различия сами по себе могут быть созидательны, но когда используются в корыстных целях – разрушительны. Леокадия Михайловна, по мнению Ж.Т. Тощенко, выходила на проблемные моменты теории и практики этносоциологии.

Р.М. Валиахметов (Башкортостанское отделение РОС, Уфа) вспоминал, как Леокадия Михайловна трогательно и ровно относилась ко всем в регионах, как к единомышленникам, так и к оппозиционерам, занималась исследованиями социального неравенства этнических групп в национальных республиках. В Башкортостане она умела слушать, подводить итоги и высказывать нужные идеи, в том числе и в духовном мире мусульман. Миссия Л.М. Дробижевой заключалась в том, что она поддерживала мониторинговые исследования социально-этнического неравенства человеческого потенциала в республиках в новых реалиях.

Коллеги, принимавшие участие в работе над книгой «110 интервью Леокадии Михайловны Дробижевой», вспоминали о ней как об образце ученого и друга. Имя Дробижевой открывало двери, а ее человеческие качества открывали сердца. Именно поэтому Леокадия Михайловна всегда была для них желанным гостем.

С воспоминаниями также выступили и те, о ком была написана книга «110 интервью...»¹. **И.И. Шамаев** (Конгресс народа Саха) рассказал, что в недавнем прошлом, когда были табуированы некоторые темы для обсуждения, нужна была помощь «оттуда, где ум и знания». Мы плотно работали над проектом Стратегии национального развития РФ и искали специалистов в этой области. Я тогда был членом Общественной палаты РС(Я) и пригласил Леокадию Михайловну на Гражданский форум общественности. Она приехала, произошло знакомство, далее продолжалась совместная «терапевтическая» работа с Леокадией Михайловной, ставшей нашим надежным консультантом в вопросах федерализма и межнациональных отношений. И наши предложения бывали услышаны в проектах федеральных документов. Он отметил, «что пример Леокадии Михайловны показывает, насколько востребованы умные, смелые ученые. Оказывается, от социологов очень многое зависит».

О.Н. Федорова (ИлТумэн РС(Я)) высказалась о человеческом таланте Леокадии Михайловны, с которой, единожды познакомившись в процессе интервью, они оставались друзьями до конца жизни. Докладчик пожелала всем исследователям не снижать градус актуальности, честности и открытости для человека и во имя человека, чтобы был услышан народ.

Н.В. Дулина (Волгоградское отделение РОС) отметила, что научная энергетика, обаяние, доброта Леокадии Михайловны поддерживали в сложных ситуациях изучения многонационального Юга России. О благородстве, научной, общественной значимости помыслов и реальных дел Леокадии Михайловны и перспективах этносоциологии размышлял проф. **Ю.В. Попков** (ИФП СО РАН): «Я не был учеником Леокадии Михайловны, не участвовал в реализации ее проектов, не проводил с ней совместных исследований. Но мы давно лично знакомы, а еще раньше, с начала 1980-х гг., я познакомился с ее научными работами. Нас объединяло уже то, что мы принадлежали к одному этносоциологическому научному направлению. При этом многие наши выводы по итогам исследований, проводившихся в разных регионах и по частично различающимся методикам, были схожими. Одновременно, часто они дополняли друг друга, составляя общий фонд российской теоретической и прикладной этносоциологии». Главное, что характеризовало Леокадию Михайловну как исследователя – это знание реальной ситуации и реальных проблем в стране, в ее многочисленных и столь различающихся регионах. Лучшей памятью о Леокадии Михайловне будет не только изучение и сохранение ее идейного наследия, но и

¹ Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Л. Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996.

дальнейшее развитие этносоциологии, поскольку все мы являемся ответственными за положение дел в этой отрасли научного знания.

Л.В. Сагитова (Казань) отметила, что Татария была первой исследовательской площадкой этносоциологических исследований Л.М. Дробизевой в середине 1960-х гг. Монография «Социальное и национальное. Этносоциологическое исследование по материалам Татарской АССР» (М.: Наука, 1973) явилась первой в СССР книгой по этнической социологии. «В 2013 г. мы издали сборник к 80-летию нашей Леокадии Михайловны, цену которой мы понимали и при ее жизни. Мы были очень сильно связаны по-человечески через наши совместные проекты как часть ее сердца, часть ее семьи. И это правда!» Неоценим вклад Л.М. Дробизевой в подготовку кадров ученых-этносоциологов Татарстана. На ее примере коллеги учились справедливости, порядочности и научной честности. По словам Леокадии Михайловны, эти качества она переняла у поколения шестидесятников. Л.В. Сагитова обратила внимание на тему ответственного наставничества молодых ученых, становлению отечественной науки по образцу проф. Дробизевой, как поворот к человечности.

Б. Малтабаров (вице-президент САК, Бишкек), **Е.Н. Икингрин** (вице-президент РОС, Нижневартовск), **Х.В. Дзуцев** (вице-президент РОС, рук. Северо-Осетинского отделения РОС, Владикавказ), **Р.А. Кузьмина**, **И.Е. Спиридонова**, **С.М. Баишева** нарисовали образ человека, ученого, лидера, мудрой и красивой женщины, посвятившей себя служению науке. Межстрановые и межрегиональные исследования по идеям и методам Л.М. Дробизевой несут перспективы поиска ответов на новые вызовы.

Под научной консультацией **А.Д. Бравина** и **Э.Я. Яковлевой**, соратников Л.М. Дробизевой по ряду совместных проектов, Национальная библиотека РС(Я) оцифровала 37 книг и статей Леокадии Дробизевой. **В.Б. Борисов** (Национальная библиотека РС(Я)) призвал коллег предоставить труды Леокадии Михайловны, пополнять фонд и пользоваться через сайт НБ оцифрованными трудами.

Участники круглого стола предложили издать сборник воспоминаний и организовать регулярные встречи памяти Л.М. Дробизевой.

У.А. ВИНОКУРОВА, Е.И. ПРОНИНА

ВИНОКУРОВА Ульяна Алексеевна, д. социол. н., к. псих. н., рук. научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации Арктического государственного института культуры и искусств; проф. Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета, Якутск, Россия (uottaah1707@gmail.com); ПРОНИНА Елена Ивановна, ст. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (eipronina@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250016072-2

PERSONALITY. SCIENTIST. TEACHER (in Memory of L.M. Drobizheva)

Ulyana A. VINOKUROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Psychol.), Head of the Research Center for Circumpolar Civilization at the Arctic State Institute of Culture and Arts; Prof. of the Finance and Economic Institute of the North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia (uottaah1707@gmail.com); Elena I. PRONINA, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (eipronina@yandex.ru).

ОБ ИТОГАХ XII УРАЛЬСКОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФОРУМА

В начале июня 2021 г. в Екатеринбурге на базе Института экономики УрО РАН в рамках XII Уральского демографического форума прошла Международная научно-практическая конференция «Парадигмы и модели демографического развития». На протяжении 12 лет Форум является площадкой для обсуждения наиболее актуальных вопросов демографического развития, объединения деятелей науки, органов власти и общественных организаций в поиске оптимальных путей решения проблем демографического развития. Традиционно соучредителями мероприятия выступили ведущие российские и зарубежные научные учреждения, вузы и общественные организации, в его работе приняли участие более 130 человек из России, Болгарии, Таджикистана, Узбекистана, Южной Осетии.

Приветствуя участников конференции, **Ю.Г. Лаврикова** (ИЭ УрО РАН, Екатеринбург) отметила растущую потребность в демографических исследованиях и тот факт, что как экономические, так и неэкономические кризисы в первую очередь сказываются на демографических показателях. Чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнул необходимость развития демографии в российских регионах, отметив, что демографическая ситуация для России общая, но вместе с тем специфична для каждого региона. Чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) рассказал о создании профильного академического Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, что подчеркивает важность демографических исследований для России. Его пленарный доклад был посвящен результатам демографического развития постсоветских государств на современном этапе. Выявлены причины и особенности протекания демографических процессов в бывших союзных республиках. Рассмотрены возможности сокращения негативных последствий демографических тенденций.

Г.Е. Корнилов (ИИА УрО РАН, Екатеринбург) обозначил основные вехи развития населения города от завода-крепости в эпоху промышленного освоения Урала до города-миллионника в настоящее время. Докладчик выделил исторических деятелей, оказавших влияние на развитие Екатеринбурга, а также отметил основные проблемы, связанные с надежностью источников и поиском информации в исторической демографии.

Методологическим вопросам детерминации репродуктивного поведения и их учету при реализации демографической политики было посвящено выступление **В.Н. Архангельского** (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва). Докладчик поставил вопрос об объективности оценок при проведении социологических исследований, направленных на выявление мотивов респондентов к рождению детей: насколько можно доверять ответам респондентов и существует ли возможность влияния на эти мотивы.

Оживленную дискуссию вызвал тезис **А.В. Меренкова** (УрФУ, Екатеринбург) о качественном преобразовании поведения населения в ближайшем будущем; отметил, что неопределенность будущего порождает неуверенность молодежи в завтрашнем дне, а управлять новыми социальными процессами в условиях стремительно меняющейся реальности все труднее.

После пленарного заседания работа Форума продолжилась в рамках следующих направлений: демографическая модернизация России: исторический аспект; модели естественного движения населения в контексте социально-экономического развития регионов; роль гражданского общества в формировании и реализации демографической политики; социальные и психологические факторы влияния на модели демографического развития; миграция населения: современные парадигмы.

Оживленные дискуссии вызвали темы родительского и прародительского труда, демографического развития отдельных регионов, денежной мотивации рождаемости, меры по совершенствованию социально-демографической политики, положения и роли мигрантов в демографическом развитии брачности и разводимости, демографической безопасности, смертности населения, оценки роли семьи и т.д.

Также в рамках работы Форума состоялось расширенное заседание научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН. В докладе «Возможности РАН и университетов в экспертно-аналитическом сопровождении демографического развития в период пандемии COVID-19 и второй волны депопуляции в России» чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев** обосновал необходимость использования ресурсов и возможностей научного сообщества при выработке комплекса мер по сокращению негативных последствий, вызванных распространением коронавирусной инфекции.

Ю.Г. Лаврикова (ИЭ УрО РАН, Екатеринбург) осветила основные вехи в формировании уральской демографической школы; отметила вклад уральских демографов, экономистов, историков, социологов и других специалистов, занимающихся вопросами демографии, и привела примеры наиболее значимых научных трудов уральских ученых, внесших весомый вклад в развитие демографической научной мысли на Урале.

Одним из ключевых стал доклад **Т.К. Ростовской** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва), посвященный подготовке высококвалифицированных специалистов в области демографического развития. Был представлен актуальный вариант проекта ФОС по специальности «Демограф», разработка которого проводилась под руководством ИДИ ФНИСЦ РАН с привлечением ведущих экспертов в области демографии, в том числе ученых Института экономики УрО РАН. Разработанный профессиональный стандарт в будущем может стать основанием для открытия нового направления подготовки в вузах.

Совместный доклад **А.П. Багировой** (УрФУ, Екатеринбург) и **Т.К. Ростовской** (ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва) «Концептуальные основы корпоративной демографической политики российских организаций на период до 2030 года: аннотация инновационного социально-демографического проекта» был посвящен анализу содержания корпоративной демографической политики как одного из инструментов повышения эффективности государственной пронатальной политики.

По результатам работы Форума участниками отмечено, что специалистами по демографическим проблемам осуществляется комплексная квалифицированная экспертиза демографических и миграционных процессов в прошлом и настоящем, определяются перспективы развития демографической ситуации в будущем. Анализ 12-летней деятельности Форума подтвердил, что поставленная цель достигнута.

Н.П. НЕКЛЮДОВА, О.О. СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО

НЕКЛЮДОВА Наталья Павловна, канд. экон. наук, ст. науч. сотр. (neklyudova.np@uiec); СЕКИЦКИ-ПАВЛЕНКО Ольга Олеговна, ведущий экономист (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru). Обе – Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250016073-3

ABOUT THE RESULTS OF THE 12th URAL DEMOGRAPHIC FORUM

Natalia P. NEKLYUDOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (neklyudova.np@uiec); Olga O. SEKICKI-PAVLENKO, lead economist (sekitski.pavlenko.oo@uiec.ru). Both – Institute of Economics of Ural branch of RAS, Yekaterinburg, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2021 г.

А.В. БУЗГАЛИН, А.И. КОЛГАНОВ

БОЛЬШОЙ СБРОС ИЛИ ВЫБРОС ПОЛУПРАВДЫ: СТАНЕТ ЛИ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР БОЛЕЕ СПРАВЕДЛИВЫМ?

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономических наук, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ; визит-профессор университета Кембриджа, Хайнаньского и Харбинского педагогических университетов (buzgalin@mail.ru); КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН (onaglo@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Авторы анализируют работу основателя Давосского форума К. Шваба и Т. Маллере, посвященную социально-экономическим последствиям пандемии. Книга преимущественно описывает произошедшие изменения, вызванные пандемией, формулирует ряд общих призывов быть более социально ответственными, адресованных бизнесу и государствам. Авторы книги отмечают, что в содержании и формах рыночно-капиталистической системы происходят некоторые изменения, развиваются отношения и институты, лежащие вне пространства рыночной конкуренции и частно-собственнического эгоизма. В то же время Шwab и Маллере не показывают содержательных причин того, что рынок и капитал не смогли дать адекватный ответ на вызовы пандемии, не исследуют основы обостренных социальных противоречий, не предлагают решений, которые могли бы обеспечить снятие их самих и причин и противоречий. Авторы статьи обосновывают вывод, что глобальные проблемы, и в частности пандемия, обуславливают необходимость повышения роли общественного регулирования, развития общедоступности базовых благ, прогрессирования отношений солидарности, т.е. продвижения к качественно иному, нежели капиталистическое, обществу.

Ключевые слова: пандемия • социальные противоречия • Шwab и Маллере • общественное регулирование • солидарность

DOI: 10.31857/S013216250015524-9

Появление книги основателя Давосского форума Клауса Шваба и журналиста Тьерри Маллере «COVID-19: Большой сброс» [Schwab, Malleret, 2020]¹ вызвало большой резонанс в мире, и это не случайно. Во-первых, один из соавторов всемирно известен. Во-вторых,

При финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21-511-93006.

¹ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Zürich: ISBN Agentur Schweiz, 2020. 280 p. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (accessed 20.05.2021). При цитировании рецензируемой книги в настоящем обзоре нумерация страниц приводится по электронной версии книги.

тема COVID-19 архиактуальна. В-третьих, выводы о нашем ближайшем будущем затрагивают социальные и экономические интересы не только корпоративной элиты и государственного истеблишмента, но и большей части человеческого сообщества.

В книге, содержащей немало данных о различных аспектах социально-экономической жизни мира накануне и во время пандемии COVID-19, рисуется известная экспертам картина: человечество оказалось в глубоком кризисе и при отсутствии согласованной антикризисной политики может оказаться перед лицом совокупности проблем, неразрешимых в рамках существующей системы.

Вирус обнажил проблемы существующей общественной модели. Начнем с тезиса, который авторы отмечают, но не акцентируют как главный. Он является ключом к пониманию всех основных проблем, поднимаемых в книге: «COVID-19, вероятно, станет похоронным звоном неолиберализма» (р. 34), под которым авторы книги понимают «совокупность идей и политик, которые можно условно определить как предпочтение конкуренции вместо солидарности, созидательного разрушения над вмешательством правительства и экономического роста над социальным благосостоянием» (р. 34).

Эта точка зрения получает все большее распространение, но, на наш взгляд и по мнению ряда зарубежных экспертов [Kotz, 2015], основы кризиса существующей системы глубже, чем выбор определенной (в последние десятилетия – неолиберальной) модели социально-экономической политики. Это кризис рыночно-капиталистической системы на этапе, который наши коллеги [Mandel, 1987; Jameson, 1991] и мы назвали поздним капитализмом [Бузгалин, 2018]. Эта система на данном этапе характеризуется совокупностью противоречий, которые из источника ее развития становятся основанием для стагнации и регресса. Вирус эти противоречия обнажил и интенсифицировал, но не инициировал, о чем пишут, в частности, авторы рассматриваемой книги.

Поздний капитализм характеризуется объективными противоречиями, чреватými социально-экономическим регрессом, что ставит перед наукой совокупность проблем, а перед государствами и мировым сообществом в целом совокупность вызовов, на которые должен быть найден ответ.

Тотальный рынок vs общественное регулирование: реактуализация запроса на социальное государство. Исходный пункт противоречий-проблем-вызовов – тот уровень развития технологий, который создает объективную возможность разворачивания двух трендов. С одной стороны, освобождение человека от репродуктивных функций и прогресс творческой деятельности (в сферах высоких технологий, образования, здравоохранения, науки, искусства, социальной работы, управления и т. п.), переход к умному безлюдному производству и все более широкому созданию неограниченных общественных благ. С другой – эти же технологии (особенно информационные, когнитивные и биотехнологии) создают предпосылки для неограниченного манипулирования человеком и обществом со стороны «элит» (используем без расшифровки термин, часто употребляемый в книге) вплоть до формирования системы тотального учета и контроля со стороны государственной бюрократии и, в еще большей степени, корпораций.

Авторы книги рассматривают первый тренд скорее как угрозу (формирования массовой безработицы), а второй интерпретируют как едва ли неизбежный социальный процесс, ведущий к регрессу индивидуальной свободы и демократии. И они правы, но с одной важной оговоркой: это действительно угрозы регресса, но только при условии, что не произойдут никакие глубокие изменения.

Действительно, в настоящее время рынок стал тотальной силой. И она двояка. Во-первых, коммерциализированы (в терминах ряда авторов, в частности Г.Б. Клейнера, «монетизированы») не только все страны и сферы экономики, но и общественная жизнь, а также личное пространство человека. Более того, рынок, не находя новых реальных объектов для коммерциализации, маркетизирует пространство знаков, формируя активно растущую сферу производства и продажи симулякров. Во-вторых, не только отдельные акторы, но и сам рынок, его институты становятся объектами манипулирования со стороны транснациональных

корпораций. Спрос, предложение, цены, «правила игры», границы конкуренции и т.п. во все большей степени становятся объектами манипулирования со стороны крупнейших корпораций, сращенных с бюрократией «сверх»-государств (США, ЕС и др.).

Более того, важно подчеркнуть то, что именно лидер Давосского форума и его соавтор, а не только представители гетеродоксальной экономической теории, отмечают, что цифровые технологии в сочетании с потенциалом манипулирования, которым обладают корпорации и государство, создают основу для **движения в направлении отказа от частной собственности** – этой «священной коровы» рыночно-капиталистической системы и ее идеологов.

Авторы книги этот процесс характеризуют скорее как «угрозу», а не прогрессивный тренд, указывая, что она многогранна. Она формируется и в пространстве внутрикорпоративного управления, где во все большей степени размывается роль акционеров, и в пространстве инвестиций, где частный собственник становится заложником разнообразных финансовых институтов; и в сфере личной жизни, где корпорация становится способна подрывать «прайвеси» индивида, учитывая и контролируя его доходы, покупки, траты и, более того, манипулируя его потребностями. Впрочем, в книге отмечается и активно **растущий запрос на социальное государство** (р. 35, 41).

Шваб и Маллере справедливо отмечают, что пандемия показала: глобальные проблемы способно решать только все общество при помощи преимущественно прямых методов управления, использующих общественные ресурсы и устанавливающих общественные нормативы. Эти решения-действия базируются и на добровольной инициативе, волонтерстве граждан, и на использовании государственной власти. Они правы, фиксируя, что такой запрос действительно есть. Но они и не правы, ибо в мире возникает запрос на **иное государство, выполняющее иные функции**. Пандемия показала, что **необходимо реально подчиненное интересам общества в целом** (а не сращенное с крупным капиталом) государство, выступающее в качестве эффективной альтернативы (или, как минимум, регулятора и ограничителя) не просто рынка, а **тотального рынка**, контролируемого транснациональными корпорациями.

Регрессивная альтернатива тотальному рынку – тоталитарное государство, ограничивающее функции манипулирования со стороны корпораций путем концентрации этих функций в своих руках. Угроза формирования такого государства – не теоретическая гипотеза. Консервативные тренды генезиса элементов такого государства характерны не только для стран периферии, но и для некоторых стран центра, например политики Трампа и трампистов в США. Отголоски этих опасений есть и в рецензируемой книге. Но, выражая опасения насчет развития тотального контроля над населением, авторы опрометчиво выражают надежду на то, что правительства и корпорации будут сдержаны и осмотрительны в использовании современных методов цифрового надзора. Это вызвало резко негативные отзывы многих читателей.

Прогрессивная альтернатива – развитие низового общественного контроля и регулирования, осуществляемого институтами гражданского общества и использующего современные технологии для выполнения этих функций. В этом случае главным актором регулирования становится гражданское общество, использующее государственный аппарат как один из инструментов (наряду с прямой демократией) общественного ограничения и регулирования рынка и капитала. Эти тренды также имеют свои основания в активной роли гражданского общества в Скандинавии, ряде стран Латинской Америки, в которых у власти находятся левые демократические силы.

Главными функциями государства в последнем случае становятся не защита и опека, сконцентрированные в руках бюрократии, а **формирование и использование средств развития, сконцентрированных в руках граждан и их ассоциаций**. Так встает следующая проблема – проблема социальной справедливости, проблема отказа от узкоэкономических целей роста и перехода на траекторию развития.

Мы все в одной лодке? Авторы акцентируют давно известный, но не реализуемый в практиках, императив отказа от количественных результатов роста как критерия

успешности (мы бы сказали прогрессивности) той или иной экономической системы. Критика роста и, в частности, увеличения ВВП как главного ориентира развития в среде ученых ведется уже не первое десятилетие [Stiglitz et al., 2010; Теняков, 2016]. Но в социально-экономической и геополитике большинства стран сохраняются именно эти ориентиры, хотя ЕС уже заявил об уходе от ВВП как главного индикатора.

Отмечая важность ухода от количественных показателей, авторы книги, однако, не исследуют те противоречия, которые обуславливают ориентацию и капитала, и государств на стоимостные результаты, не хотят видеть, что эти противоречия могут решаться только путем изменения отношений, эту ориентацию генерирующих. Иными словами, *только развитие новых, социально ориентированных экономических институтов, инициирующих развитие новых производственных отношений, может привести к некоторой переориентации социально-экономической политики с роста на развитие.*

В книге немало внимания уделяется росту социальных противоречий, авторы, правда, связывают это с пандемией, хотя и не отрицают наличие корней этой проблемы в прошлом. Но проблемы опять же трактуются в манере плохо систематизированных примеров неких тягот тех или иных слоев населения. Анализ порождающих их причин остается за рамками книги.

За рамками книги, по сути дела, остается и не менее важный вопрос – о существенно различном влиянии пандемии на разные слои населения. Лозунг «мы все в одной лодке» для сложившейся ситуации неприменим, ибо одни (долларовые миллиардеры) за время пандемии увеличили свое состояние (и в мире, и в России), а другие оказались на грани выживания.

Безусловно, книга не обходит вообще стороной социальные противоречия, которые интенсифицировала пандемия. Авторы отмечают некоторые из них, приводят цифры и примеры. Первое – противоречия занятости. Притом, что вследствие всемирного распространения COVID-19 общее количество безработных выросло невиданно, этот рост был разным. Во-первых, он зависел от модели позднего капитализма. Так, в США, где слабы профсоюзы и господствуют краткосрочные индивидуальные контракты, рост безработицы на начальном этапе пандемии составил 11,2 п.п., тогда как в Германии, где работник несколько более защищен обществом, он составил всего лишь 1 п.п. Во-вторых, рост безработицы зависел от сферы деятельности и возможности использования дистанционных форм работы. Последние оказались в наибольшей степени доступны лицам, занятым в сферах, далеких от реального сектора: финансы, различное посредничество, государственное и корпоративное управление. Исключением стали разве что ученые и педагоги, да и то лишь в тех странах, где информационно-коммуникационные технологии доступны всем, включая детей из бедных семей.

COVID-19, и на это справедливо обращают внимание авторы книги, высветил глубокое противоречие между общественной значимостью сферы труда человека и денежным вознаграждением, получаемым работниками в этой сфере. В книге приводится пример менеджера хедж-фонда и медсестры. Доходы первых превышают в сотню раз доходы вторых – тех, чей самоотверженный труд стал основой спасения десятков миллионов людей. Характерно, что на это обращают внимание авторитеты Давосского клуба – сообщества тех, кого проблемы человека труда интересовали разве что в случае массовых социальных протестов.

Обращают внимание авторы и на то, что **в результате пандемии социальное неравенство не только не сократилось, но и, напротив, выросло.** Пандемия выпятила и ранее известное несоответствие между экономической ролью множества наемных работников, от которых зависит функционирование экономической и социальной жизни общества, и той частью «общественного пирога», которая достается на их долю. «Отрезвляющая правда заключается в том, что герои непосредственного кризиса COVID-19, те, кто (подвергаясь личному риску) заботился о больных и поддерживал экономику, относятся к числу самых малооплачиваемых профессионалов: медсестры, уборщицы, курьеры, работники пищевых

фабрик, домов престарелых и складов» (р. 35). Но пойти дальше и сделать вывод о том, что это несоответствие определяется природой самой экономической системы, а не какими-то сбоями в политике заработной платы, авторы, разумеется, не решились.

Шваб и Маллере констатируют, что особенно сильно социальные проблемы ударяют по населению беднейших стран, которые и до пандемии имели крайне низкий и неустойчивый уровень доходов. Пандемия же ставит под угрозу и без того скудные источники их выживания. Для России, как кажется, эти угрозы не столь велики, но если учесть, что в нашей стране половина населения получает зарплату менее 30 400 руб. (это уровень медианной зарплаты), а около 20 млн – менее 12 500 руб., притом, что стоимость пакета лекарств в случае заболевания COVID-19 на одного человека составляет порядка 20 000 руб. (т.е. 60–80 тыс. руб. на семью из 3–4 человек, ибо заболевает обычно вся семья), то окажется, что положение как минимум половины граждан РФ в условиях пандемии было очень тяжелым, а для 15% – близким к катастрофическому.

Однако и население стран, считающихся богатыми, социальные бедствия тоже не обходят стороной. «Уже сейчас около 30% американцев имеют нулевое или отрицательное богатство», – отмечают авторы (р. 36). В США, цитируют авторы мнение А. Дитона, лауреата премии памяти А. Нобеля по экономике за исследования взаимосвязи потребления, бедности и благосостояния, «производители лекарств и больницы станут более могущественными и богатыми, чем когда-либо», в ущерб беднейшим слоям населения. Кроме того, по его мнению, ультра-адаптивная денежно-кредитная политика, проводимая во всем мире, увеличит неравенство в уровне благосостояния за счет повышения цен на активы, особенно на финансовых рынках и в собственности (р. 36).

Впрочем, и в этом случае дальше констатаций и сетований авторы книги не идут, завершая соответствующие разделы надеждами на то, что истеблишмент государств и корпораций задумается о целесообразности продвижения в направлении «капитализма заинтересованных лиц», а руководство корпораций будет уделять больше внимания вопросам устойчивости, нежели прибыли.

Солидарность vs эгоизм: необходимо глубокое реформирование социальной системы. Естественно, что книга лидера Давосского форума и его соавтора не могла обойти вниманием обострившиеся во время пандемии противоречия глобализации: объективно востребованным стал рост солидарности, но реальностью оказался рост эгоизма отдельных национальных государств, лишь в некоторых случаях и отчасти компенсируемый поддержкой стран, находящихся в особо тяжелых условиях.

На самом деле перед человечеством стоит более общая проблема: пандемия показала, что **современная модель геополитэкономического устройства (позднего капитализма) адекватно ответить на вызовы глобальных проблем не может.** Пандемия стала и остается столь мощным бедствием прежде всего потому, что рынок и капитал сформировали систему общественных отношений и образ жизни, не позволяющие большинству успешно решать такого рода проблемы. Это касается всех сторон нашей жизни: мегаполисы как господствующий тип расселения; потребительство, эгоизм и неготовность к солидарным действиям ради общих целей, доминирование даже в условиях общей тяжелой ситуации частных коммерческих целей и ценностей при принятии решений; социальное неравенство, влекущее неравенство в доступе к качественному здравоохранению, низкая доступность качественных услуг последнего для бедных слоев населения (в первую очередь в странах периферии); низкий уровень доверия государству и экспертному сообществу, особенно типичный для стран центра; отсутствие у многих государств достаточных ресурсов и/или политической воли для существенной поддержки населения; отказ частных корпораций, многие из которых резко увеличили свои прибыли вследствие пандемии (в частности, в таких сферах, как медицина, информационные технологии и др.), использовать эти доходы для решения общих проблем человечества – все эти черты позднего капитализма и стали, в конечном итоге, основанием для той трагедии, которую сегодня переживает человечество.

Эти констатации, частично имеющиеся в книге (но именно частично и далеко не всегда акцентированно), не несут ничего нового, но вкпе с примечательными статистическими иллюстрациями и примерами указывают на подчеркиваемые нами проблемы. Остается, однако, все тот же вопрос: что из этого следует? Как могут если не разрешаться, то хотя бы смягчаться эти противоречия? И здесь авторы вновь сводят все к набору некоторых благопожеланий, адресованных национальным бюрократиям и руководству ТНК. Но проблемы слишком глубоки (о чем свидетельствуют, в частности, приводимые в книге данные), чтобы можно было все оставить неизменным. **Нужны, как минимум, глубокие реформы**, которые если и не снимут названные противоречия, то хотя бы смягчат их; как максимум – качественная трансформация существующей системы.

К числу первых таких шагов относятся: 1) активизация общественного регулирования, в частности, развитие стратегического экономического и социального планирования и селективного регулирования плюс нормирования; 2) демократизация деятельности государства и повышение роли гражданского общества и экспертных сообществ, развитие прямой демократии, усиление прозрачности деятельности профессионального государственного аппарата и др.; 3) общедоступность сфер, обеспечивающих равные стартовые условия развития (здравоохранения, образования, культуры и т.п.); 4) снижение уровня социального неравенства, в том числе на основе повсеместного введения соответствующей системы налогообложения; 5) демократизация и социализация отношений и прав собственности, в том числе ограничение пространства интеллектуальной частной собственности, коммерческой тайны и т.п.; расширение форм и методов контроля за собственниками (как частными, так и государственными) со стороны работников и гражданского общества; реализация принципа «собственность обязывает»; 6) введение интернациональных экологических, социальных и т.п. нормативов при одновременном снятии патентных и иных ограничений на использование всеми странами и фирмами экологически чистых, социально ответственных технологий.

Хорошо известна **дилемма экономической эффективности и социальной справедливости**, гласящая, что связь этих параметров обратно пропорциональна. Предлагаемые альтернативные решения указывают на то, что новый взгляд на эффективность (понимаемую как соотношение издержек не со стоимостным результатом, а с мерой решения социальных, экологических и культурных проблем) и на справедливость (понимаемую не как уравниловка и патерналистская опека, а как создание общедоступных бесплатных стартовых условий для развития и стимулирования творческой деятельности) позволяет снять эту дилемму. Отсюда задача: сделать этот теоретический императив практическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. 2018. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018) Late Capitalism and its Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations (to the 200th Birth Anniversary of Karl Marx). *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*. No. 2: 10–38. (In Russ.)]
- Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономики. 2016. № 4. С. 61–73. [Tenyakov I.M. (2016) Approaches to Assessing the Quality of Economic Growth. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of Political Economy]. No. 4: 61–73. (In Russ.)]
- Jameson F. (1991) *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. London; New York: Verso.
- Kotz D.M. (2015) *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Mandel E. (1987) *Late Capitalism*. London; New York: Verso.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2010) *Mismeasuring our Lives: Why GDP Doesn't Add up*. New York; London: The New Press.
- Schwab K., Malleret T. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. Zürich: ISBN Agentur Schweiz. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (accessed 20.05.2021).

A GREAT RESET OR A HALF-TRUTH DUMP: WILL THE POST-PANDEMIC WORLD BECOME MORE JUST?

BUZGALIN A.V.*, KOLGANOV A.I.**

**Lomonosov Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia; **Lomonosov Moscow State University, Institute of Economics RAS, Russia*

Alexander V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy; Prof., Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Head Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; Visiting Prof., University of Cambridge (Cambridge, UK), Hainan Normal University (Haikou, P.R. China) and Harbin University (Harbin, P.R. China), Moscow, Russia (buzgalin@mail.ru); Andrey I. KOLGANOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Head Researcher, Center for Methodological and Historical and Economic Research, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia (onaglo@mail.ru).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project No. 21-511-93006.

Abstract. The authors analyze the work of the founder of the Davos Forum, K. Schwab and T. Malleret, devoted to the socio-economic consequences of the pandemic. The book mainly describes the changes that have occurred, points out some of the consequences caused by the pandemic, and formulates a number of general appeals to be more socially responsible addressed to business and governments. The authors of the book also note that some changes are taking place in the content and forms of the market-capitalist system, relations and institutions that lie outside the space of market competition and private-proprietary egoism. At the same time, Schwab and Malleret do not show meaningful reasons for the fact that the market and capital could not provide an adequate response to the challenges of the pandemic, do not investigate the foundations of social contradictions exacerbated by the pandemic, do not offer solutions that could ensure the removal of these causes and contradictions. The authors of the article substantiate the conclusion that global problems and, in particular, the pandemic, determine the need to increase the role of public regulation, the advancement of universal access to basic goods, the progression of solidarity relations, i.e., progress towards a qualitatively different society than the capitalist one.

Keywords: pandemic, social contradictions, Schwab and Malleret, social regulation, solidarity.

Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. УНИВЕРСИТЕТЫ В РОССИИ: КАК ЭТО РАБОТАЕТ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 616 с.

В книге рассказывается об устройстве системы российского высшего образования. Является ли российское высшее образование в большей степени продуктом европейского опыта, заимствования ключевых идей у более зрелых университетских систем, или это самобытный феномен, специфичный именно для нашей страны, особенностями которого и объясняются ее выдающиеся успехи и глубокие кризисы? Как устроены и работают университеты? Как и почему изменяются их миссии, структуры, принципы финансирования? Какую роль в их работе играет государство? Кто и чему учится в университетах? Как устроено российское преподавательское сообщество и какую роль в университетах играет наука? На эти и многие другие «как и почему» отвечает эта книга.

Издание адресовано тем, кто хочет лучше понять устройство системы высшего образования в своей стране, оценить институциональные альтернативы и взаимосвязи отдельных институтов системы, увидеть ее место и перспективы в глобальном пространстве формирования человеческого капитала и производства научного знания.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ / Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с.

В коллективной монографии представлены результаты исследования, проведенного в рамках 50-го этапа российского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (август–сентябрь 2020 года), отражающие динамику восприятия основными группами и слоями населения социально-политической ситуации в России. Авторы анализируют протекающие в условиях пандемии процессы становления социального государства и гражданского общества, социальное самочувствие россиян последних лет, динамику их отношения к государству, его политике, обеспечению норм демократического развития и реализации национальных проектов.

Для исследователей, аналитиков, преподавателей, аспирантов, студентов, специализирующихся на изучении социально-политических процессов, политиков, организаторов и активистов избирательных кампаний, управленческого персонала.

Байша О. ДИСКУРСИВНЫЙ РАЗЛОМ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ: УРОКИ ЕВРОМАЙДАНА. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 184 с.

Опираясь на теорию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа, дальнейшее ее развитие в трудах этих ученых и в разработках Н. Карпентье по социальным антагонизмам, автор рассматривает украинский Евромайдан как дискурсивную формацию, определяющую социальные смыслы. Приведенный в книге дискурсивный анализ показывает, насколько важно признать и осмыслить антагонизм прогрессивного социального воображения, сформулированный в рамках манихейского дуализма: «прогрессивные мы» и «отсталые они». Представляя сложные социальные проблемы как простые дихотомии, «прогрессивные» дискурсы Евромайдана и других общественных движений за демократию и социальную справедливость на самом деле разрушают демократию, уничтожая необходимое для коммуникации общее символическое пространство. Создаются условия, при которых вместо одного общества появляются два, причем конфронтация между ними становится ожесточенной, а установленная граница – непреодолимой.

Книга адресована политикам и общественным деятелям, политологам и социологам, а также широкому кругу читателей.

КАТАЛИЗАТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ: ОТ АКЦИЙ ПРОТЕСТА К СМЕНЕ ВЛАСТИ / Под ред. А.В. Коротаева. М.: URSS, 2021. 448 с.

В центре внимания книги находятся дестабилизационные процессы, протекающие в модернизирующихся социально-политических системах. Работа представляет собой попытку учесть влияние демографических, культурных, политических и экономических факторов на дестабилизацию этих систем. Авторы рассматривают теоретические аспекты модернизации стран мир-системной периферии и

полупериферии, а также связь модернизационных процессов с дестабилизационными; представляют результаты количественного анализа и моделирования социально-политической динамики модернизирующихся систем; анализируют социально-политическую динамику отдельных стран и регионов.

Для специалистов, а также всех, кто интересуется дестабилизационными процессами и революциями, их причинами, факторами и механизмами.

Арнасон Й. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАТТЕРНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

В книге автор развивает реляционный подход к исследованию цивилизаций. Одна из ключевых его особенностей – акцент на способности цивилизаций к взаимному обучению и заимствованию различных культурных черт. При этом процесс развития цивилизации не всегда ограничен предсказуемым сценарием – его направление может изменяться под влиянием креативности социального действия и случайных событий.

Характеризуя взаимоотношения различных цивилизаций с Западом, исследователь выделяет взаимодействие традиций, разнообразных путей модернизации и альтернативных форм модерности. Анализируя эволюцию российского общества, он показывает, как складывалась установка на «отрицание западной модерности с претензиями на то, чтобы превзойти ее». В данный сборник работ входят тексты, в которых автор, с одной стороны, описывает основные положения своей теории, а с другой – демонстрирует возможности ее применения, в частности, исследуя советскую модель. Эти труды значимы не только для осмысления исторических изменений в домодерных и модерных цивилизациях, но и для понимания социальных трансформаций в современном мире.

ЗАЧАРОВАННОЕ МЕСТО. МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ, МЕДИАГРАМОТНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ / Под ред. А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 168 с.

Книга представляет собой результаты междисциплинарного научного исследования, проводившегося Лабораторией медиаисследований ВШЭ в 2012–2014 годах, журналистские наблюдения и эссе участников экспедиций, а также большие фрагменты интервью с сельскими жителями. Полевая часть исследования проходила в период значительного усиления включенности технологий в жизнь людей в сельской местности. Авторы зафиксировали важный этап трансформации медиасферы – ситуацию перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления. Кроме того, в книгу вошли актуальные результаты рефлексии исследователей о влиянии этих процессов почти десятилетней давности на современный уровень медиаграмотности и социальной удовлетворенности сельских жителей.

Бичурина Н.М. ГОРЫ, ЯЗЫК И НЕМНОГО СОЦИАЛЬНОЙ МАГИИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ. СПб.: ЕУСПб, 2021. 288 с.

В книге анализируется процесс появления «новых» языков и трансграничных сообществ в Европе. Рассматриваются социальные проблемы появления новых региональных этноязыковых сообществ в Европе и эпистемологические вопросы: что такое «язык» и «нация» в XXI веке. Исследование выполнено в русле критической социолингвистики. В течение десяти лет автор жил в трех исследуемых странах, участвуя в жизни сообщества. Этнографические данные, полученные методом включенного наблюдения, были дополнены интервью с языковыми активистами и носителями языка, а также материалом авторских мастерских с носителями, анализом научных и публицистических текстов и общения в соцсетях.

Работа рассчитана как на студентов и исследователей, так и на широкую публику, интересующуюся вопросами миноритарных языков и культуры.

Подготовила А. ГОВОРОВА

© 2021 г.

А.В. НОВОКРЕЩЁНОВ

ЕЩЕ РАЗ О НОМЕНКЛАТУРНОМ МЕТОДЕ РАБОТЫ С РУКОВОДЯЩИМИ КАДРАМИ

НОВОКРЕЩЁНОВ Александр Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия (novokreshchenov-av@ranepa.ru).

Однажды рано утром (это было в 1986 г.) мне – тогда секретарю райкома – позвонил дежурный крайкома КПСС и сказал, чтобы я срочно явился к первому секретарю крайкома. Никаких пояснений он не дал. Такое бывало не раз, но что-то меня насторожило, и я позвонил своему знакомому сотруднику госбезопасности: что за аврал? Он сказал, что никакого аврала нет, дело касается только тебя. И пояснил: «Сообщил иностранный “Голос”, что на Алтае начались перебои с хлебом. Мол, в Сибири голод. Называется твой район». Тут я не на шутку испугался и стал разбираться. Оказывается, рабочие хлебозавода ночью перепились, испортили оборудование, выпечка хлеба стала невозможной. Приехавшие утром хлебовозки ушли пустыми, хлеб в магазины не поступил.

Я быстро связался с другими районами, ситуацию исправили, и я поехал в крайком «на ковер». Моя вина в данном ЧП, безусловно, была. Директор хлебозавода – номенклатурная должность, я принимал решение о его назначении. Следовательно, его промашки – мои промашки. За работу лица, замещающего номенклатурную должность, секретарь партийного комитета, принявший решение о его назначении, отвечает головой. Таково было неукоснительное правило по всей вертикали – от парткома предприятия до ЦК КПСС. Чтобы завершить этот сюжет, скажу, что я тогда легко отделался выговором, хотя мне строго сказали: «Хлеб – продукт политический».

А теперь перейдем к Конституции РФ, к изменениям 2020 года, среди которых – положение, что, согласно ст. 131: «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностного лица местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом». Эта новация требует серьезного осмысления. В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к органам местного самоуправления относятся: представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган), контрольный и иные органы местного самоуправления. В Конституции не сказано, о каких органах идет речь, так что можно предположить, что обо всех.

Сконцентрируем свое внимание на таком органе, как глава муниципального образования. Именно здесь, в этом органе, сосредоточена муниципальная власть, а потому он представляет особый интерес. Очевидно, юристы упрекнули меня и скажут, что источником и сувереном власти является местное сообщество – население, постоянно проживающее на данной территории и объединенное социальными связями. Я с ними согласен. Но в

данном случае меня интересует реальная власть конкретного органа и то, как этот источник власти на протяжении нашей недавней истории постепенно оскудевал.

За время существования местного самоуправления в Российской Федерации способ формирования главы муниципального образования претерпел серьезные изменения. В Федеральном законе № 154-ФЗ от 31 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» он вообще не был обязательным. Тогда, в соответствии с Европейской хартией местного самоуправления 1985 г., чтобы провозгласить местное самоуправление, на территории было достаточно всенародно избранного представительного органа. Федеральный закон № 131-ФЗ учредил должность главы муниципального образования обязательной для всех типов муниципальных образований, причем предложил несколько способов формирования этой должности. В настоящее время существует четыре таких способа.

Сначала скажем (чтобы больше к нему не возвращаться) о формировании главы муниципального образования в малочисленных (до 100 человек) поселениях. В этом случае роль представительного органа выполняет сход граждан. Глава муниципального образования избирается на сходе прямым голосованием и исполняет полномочия главы администрации. Такой способ, представляющий собой подлинное самоуправление местного сообщества, сохраняется неизменным на протяжении всего времени. Интерес представляют другие три способа, постепенно сменявшие друг друга, хотя и остающиеся до настоящего момента в законной силе.

Прежде всего, всенародные муниципальные выборы – символ демократии и подлинного народовластия. Однако и здесь есть вопросы. Выборы могут проводиться в один тур или в два тура. Если выборы проводятся в один тур, то главой муниципального образования становится тот, кто набрал больше голосов избирателей, причем не большинство голосов, а больше, чем у других кандидатов на эту должность. Этот процент может быть весьма незначительным, поскольку число избирателей, принявших участие в голосовании, по закону не имеет значения. Не будем манипулировать цифрами, но и без того ясно, что по этому способу главой муниципального образования может стать человек, получивший вотум доверия крайне малого числа избирателей. Демократия как власть народа в этом случае звучит как издевательство. Заметим, согласно этому закону, чтобы отозвать неудачно избранное должностное лицо, за отзыв должно проголосовать не менее половины списочного состава избирателей. Поскольку давно уже такой процент избирателей в муниципальных выборах не принимал участия, практически демократический способ лишения полномочий избранного лица невозможен. Способ избрания в два тура более демократичен, но и здесь есть проблемы с той же демократией. Способ проведения выборной кампании, показанный в романе Р. Уорена «Вся королевская рать», быстро освоили и наши кандидаты на выборную должность.

Другой способ, также прописанный в Федеральном законе № 131-ФЗ, рассматривается в международной классификации как «сильный совет – слабый мэр»: глава муниципального образования избирается депутатами из своего состава. В обоих случаях глава муниципального образования может, в соответствии с уставом, исполнять полномочия либо председателя представительного органа, либо главы местной администрации. Обе эти муниципальные должности он замещать, согласно закону, не может (исключение – для глав малочисленных сельских поселений). Если глава муниципального образования замещает должность председателя представительного органа, то главой администрации становится победитель конкурса на эту должность. С ним заключается контракт на срок полномочий представительного органа.

Сам глава муниципального образования, напомним, собственных полномочий имеет немного, все они носят представительский характер. Силу и власть он приобретает в связи с замещением одной из двух муниципальных должностей. Сразу после выхода Федерального закона № 131-ФЗ почти везде, где состоялись выборы, главы муниципальных образований стали исполнять полномочия глав администраций. Таким образом, появились наделенные

властью народа высшие должностные лица, в руках которых – полная реальная власть в муниципальном образовании. На зданиях администраций стали появляться таблички «Глава города» или даже «Глава Н-ска». Весьма амбициозно – почти как «хозяин города». Кое-где главы, почувствовав свою беспредельную власть и учитывая конституционное положение, что органы местного самоуправления самостоятельны, стали допускать, мягко говоря, отступление от демократических норм, а точнее, пренебрегать представительными органами. Мол, ваше дело проголосовать за разработанное мной решение.

На это обратил внимание бывший в то время президентом РФ Д.А. Медведев. По его инициативе в мае 2009 г. Государственная Дума внесла изменение в Федеральный закон № 131-ФЗ, согласно которому представительный орган может удалить от должности главу муниципального образования. Основанием для постановки вопроса об удалении главы муниципального образования в отставку могут стать, во-первых, его решения, действия (бездействия), повлекшие возникновение просроченной задолженности по долговым или бюджетным обязательствам муниципального образования; во-вторых, неисполнение в течение трех и более месяцев обязанностей по решению вопросов местного значения или обязанностей по осуществлению органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления; в-третьих, если деятельность главы муниципального образования по результатам его ежегодного отчета перед представительным органом два раза подряд получила неудовлетворительную оценку. Таким образом, над головой главы муниципального образования повис дамоклов меч.

Вскоре после принятия этого закона в уставах многих муниципальных образований стали появляться изменения. Теперь глава муниципального образования замещает должность не главы администрации, а председателя представительного органа. Причем это явление приобрело массовый характер. В Красноярском крае, например, на эту форму перешли все (или почти все) муниципальные образования. Действительно, теперь исполнять обязанности главы администрации стало не интересно и опасно для главы муниципального образования.

Попробуем разобраться в этой ситуации. Зададимся вопросом: за что отвечает в городе глава администрации? Ответ простой – за все: в законе перечислены более 40 вопросов местного значения, за которые отвечает администрация городского округа и ее глава. Это – и отопление, и водоснабжение, и общественный транспорт, и благоустройство, и детские сады, и школы и еще многое-многое другое.

А за что отвечают депутаты? Тоже за все. Но их дело – принимать решения, проекты которых тоже чаще всего готовятся администрацией. Депутаты работают в профильных комиссиях, принимают бюджет и отчет о его исполнении, встречаются с избирателями и несут ответственность за их наказания.

Мне не хочется усомниться в компетенции всех народных избранников, но некоторые из них все же не всегда понимают теорию и механизмы управления муниципальным образованием, проблемы города и пути их решения.

Как известно, в ходе предвыборных кампаний абсолютно все кандидаты в депутаты заявляют, что у них нет другого интереса, кроме блага народа в целом и конкретно жителей муниципального образования. Более того, большинство депутатов муниципальных образований денежного вознаграждения за свою депутатскую деятельность не получают. Вместе с тем нередко (особенно в крупных городах) они тратят огромные средства, чтобы стать депутатом. Это ли не бескорыстность – ничего не жалко для блага народа. Однако если внимательно присмотреться, кем в «мирской» жизни является тот или иной депутат, то оказывается, что многие из них являются учредителями крупных строительных компаний, сети магазинов, сети учреждений ритуальных услуг и т.д. По сравнению с коммерческими доходами такого депутата денежное вознаграждение от депутатской деятельности интереса не представляет. В чем же состоит его интерес? Разумеется – благо народа, но не только. Вот здесь-то и проблема. Решения представительного органа не вступают в силу без подписи главы муниципального образования. Но главы муниципальных

образований – отнюдь не наивные люди и понимают, в чьих интересах принимается то или иное решение. Однако он также понимает, что стоит ему одно-два решения не подписать, как может возникнуть инициативная группа, которая поставит вопрос об удалении его от должности.

Это – одна из основных причин, по которой в массовом порядке главы муниципальных образований стали исполнять должности председателей представительных органов. Теперь глава муниципального образования возглавляет представительный орган, работает вместе с депутатами, а на место главы администрации по результатам конкурса нанимается опытный руководитель (сити-менеджер), с которым заключается контракт. Теперь и депутаты в какой-то мере подчиняются главе муниципального образования, и администрация.

Однако здесь есть одно обстоятельство, которое нельзя обойти вниманием. Состав конкурсной комиссии на 50% формируют депутаты представительного органа муниципального образования, а другие 50% для городских округов и муниципальных районов – губернатор. Вот мы и добрались до участия государственных органов в формировании органов местного самоуправления. Заметим, что такой способ начал практиковаться задолго до изменений в Конституции. А коль скоро это так, то наемный глава администрации, работающий по контракту и являющийся муниципальным служащим, имеет поддержку со стороны губернатора, и просто так уволить его с работы непросто.

Вначале об этом никто не задумывался. Как я уже сказал, в ряде регионов практически все муниципальные образования перешли на этот метод подбора главы администрации. Но тут возникло новое обстоятельство. Кому теперь принадлежит реальная власть в муниципалитете? Председателю представительного органа, который регулярно проводит заседания совета депутатов, или главе администрации, в руках которого и бюджет, и муниципальная собственность, и муниципальные предприятия и учреждения, и аппарат администрации? Кадры, как известно, решают все. Не всегда действия главы администрации встречают понимание главы муниципального образования, возглавляющего совет депутатов. Нарушается принцип единоначалия – как говорит народная пословица, два медведя в одной берлоге не уживаются.

Эта проблема была разрешена 3 февраля 2015 г. в связи с принятием закона, согласно которому появился новый, четвертый, способ формирования главы муниципального образования. Теперь уже не глава администрации, а глава муниципального образования подбирается с участием конкурсной комиссии. Так же как и в случае с главой администрации, в городских округах и муниципальных районах формируется конкурсная комиссия, в состав которой 50% назначает представительный орган, а другие 50% – губернатор. Мы уже не говорим о роли местного сообщества, которое де-юре – суверен власти в муниципальном образовании. О нем, как об известном чеховском герое, забыли. Отличие от конкурсного способа формирования главы администрации состоит в том, что в данном случае конкурсная комиссия отбирает кандидатов на выборы главы муниципального образования. По правилам проведения выборов конкурсная комиссия должна отобрать не менее двух кандидатов, которые затем предстают перед представительным органом, излагают свои программы, и один из них избирается главой муниципального образования.

Надо заметить, что четное число членов конкурсной комиссии может привести к проблеме с отбором победителей конкурса. Поэтому председателю комиссии дается два голоса, а сам председатель назначается из той части, которую представляет губернатор. Как правило, это – крупный чиновник областного правительства, отвечающий за выборы. Закон устанавливает, что избранный таким образом глава муниципального образования однозначно выполняет полномочия главы администрации. Демократия не нарушена, глава муниципального образования не назначен, а избран, пусть не народом, но его представителями. Законны и представительная, и прямая демократия, так что вроде бы никаких вопросов быть не должно. Так и хочется повторить известную фразу классика «По закону все формально правильно, но...».

Но вопросы все-таки есть. Перед нами – яркий пример участия органов государственной власти в формировании высшего должностного лица муниципального образования. По сути дела, идет модернизированный процесс возрождения советского номенклатурного метода работы с руководящими кадрами в новых условиях.

А теперь вернемся к сюжету из моей личной практики, приведенному в начале этой статьи. Я тогда за просчет в работе директора хлебозавода, в назначении которого принимал участие, был наказан. Таковы были правила. Никто не мог избежать наказания за просчет в этой жизненно важной сфере – подборе руководящих кадров. Если немного перефразировать Антуана Сент-Экзюпери, мы ответственны за тех, кого назначаем.

А несет ли ответственность губернатор или хотя бы тот чиновник правительства, который организовал всю эту работу по выборам, за неудачный выбор? Не будем лукавить, реальность такова, что сначала отбирается кандидат, а потом проводится конкурс, на котором он побеждает, а потом, как правило, избирается депутатами.

После гибели СССР сначала мы решили попросту скопировать англосаксонскую модель местного самоуправления, но не учли того, что она в той же Великобритании возникла естественным путем в результате длительной самоорганизации народа. Мы приняли закон и решили, что и у нас теперь местное самоуправление, «как в Европе». Фактически мы попытались трансплантировать чужеродный социальный институт в живой организм нашего общества. Но, как известно, живой организм – не только биологический, но и социальный – отторгает или переваривает чужеродное тело. Мы пошли по пути не постепенной адаптации муниципальных институтов, не по пути взращивания подлинного самоуправления, а наоборот – по пути отстранения людей от формирования органов местной власти, т.е. фактически от самоуправления. В этой связи уместно вспомнить описанный еще С.М. Соловьевым эффект зависимости от предшествующего пути развития: известный российский историк предупреждал, что всякая новая эпоха получает «питание» от эпохи, только что перед ней выработавшейся. А выработалась, как известно, советская власть – централизация и номенклатурный метод работы с руководящими кадрами.

ONCE AGAIN ABOUT THE NOMENCLATURE METHOD OF WORKING WITH LEADING PERSONNEL

NOVOKRESHCHENOV A.V.

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Alexander V. NOVOKRESHCHENOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia (novokreshchenov-av@ranepa.ru).

© 2021 r.

M.F. CHERNYSH

MODERNIZATION REVISITED: SEARCHING FOR A NEW CONCEPTUAL SCHEME

Mikhail F. CHERNYSH, D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, acting director of the RAS Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Moscow, Russia (mfche@yandex.ru)

Abstract. *The author reviews a monograph recently published abroad on issues of modernization in post-Soviet Russia. The book Russian Modernization, A New Paradigm indeed offers a new paradigm of research targeting social change in Russian society. The paradigm is based on the theory of structuration by Anthony Giddens furthered by Finnish sociologist M. Kivinen. The theory enables researchers to expand the number of actors who can influence the situation in the country. The theory incorporates three levels of analysis, the general one, reflecting on the basic structural characteristics of society, the local one that aims at theorizing in the medium-term context, and the empirical one that amasses and analyzes data attempting thereby to confirm or refute the hypotheses related to reproduction and change. The prospects of Russian society are presented as an inevitable choice between several scenarios of further evolution. The structuration theory approach has both strengths and obvious weaknesses. It overlooks the matter of the social-change actors' presence understood as modernization. In the current situation, there is a consensus in Russian society between elites and the bulk of the population that guarantees relative stability of the existing social order and social system. Therefore, modernization, having no obvious advocates in the ruling elite, will most likely assume the form of gradual cultural, as it were, evolution that includes gradual transformation of the fundamental values and behavior standards.*

Keywords: Modernization • reforms • social structure • ruling elite • social institutions

DOI: 10.31857/S013216250016774-4

This article is a translation of: Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 7: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014946-3

In Russian discourses on social changes mentions of the concept *modernization* provoke predictable apprehension. In the 20th century Russia repeatedly embarked on a modernization course, and every time the policy of modernizing the life of society yielded contradictory results. In Russia modernization, its goals and means have always, at all times been determined by the ruling elite that proceeded from the assumption that the masses were archaic, inert and could be set in motion only by tough (and occasionally, ruthless cruel) measures. Each time modernization from on high plunged society into a state of non-freedom: in some cases, by a series of reprisals, in others, by economic measures that pushed the public to the brink of survival. It is this experience that has instilled in today's social consciousness a lasting aversion to the very notion of reform (let alone revolution). After all, in Russia's history reforms and revolutions, that initially evoked an upsurge of energy and enthusiasm, then inevitably caused large-scale violence, the Dark Ages, where the best part of society paid a heavy toll. And every time

the benefits gained as the result of reform were questioned afterwards, while the pre-reform condition of society was described as the good times, as the true Russia that we had lost.

All of this can be fully applied to the neo-liberal reform of the last twenty years. Monetizing perquisites, reforming education, optimizing and commercializing medicine, raising the retirement age brought about massive losses, plummeting living standards, glaring inequality, an increase in problem strata locked in social space. Every time, in order to preserve social and political stability, the authorities had to take one or several steps back; neither the monetization nor the education reform had been implemented as they had been conceived originally. One of the reasons was, alas, the reformers' extremely vague idea of the society they lived in, and their conception of reforms borrowed from foreign, far from unambiguous, practice. Yet the main reason for their failure and half-measures was apparently the fact that the changes they planned were not based on a theoretical construction, which might correlate the general and particular goals of reforms, creating an acceptable repertory of means to achieve the latter. Whereas Chinese communists plan the life of their country for decades to come, and carry out today's reforms in cold blood, having some notion of the kind of fruit these will yield tomorrow, the Russian reformers, conversely, are chiefly guided by neo-liberal models, quite often rejected by other countries, because they have proved utterly inadequate in other societies.

If one wishes to understand the problems of Russian modernization, the book of considerable interest will be the new publication *Russian Modernization. A New Paradigm* recently published abroad by an international team of authors (including Russian sociologists M.V. Maslovsky, of the Higher School of Economics Research University in St. Petersburg, and others), edited by M. Kivinen and B. Humphreys [Russian Modernization..., 2021]. Stemming from comprehension of the Russian reform experience, it puts forward a sociological conception under which the purpose of reform should be shifted toward general welfare, while the means of attaining the goals set would imply not narrowing, but broadening civil rights and liberties. Let us examine this bold attempt at comprehending conceptually the Russian experience so as to have a better understanding of the way the problems of our national progress are seen from abroad. The point of this paper is not only to acquaint the reader with the new theoretical publication on Russian society, but also present an alternative vision of the concept of modernization given there.

One has to give the authors their due: they are actively using the theoretical legacy, as it were, at the disposal of modern sociology. The basis of the modernization conception in the view of its creators, M. Kivinen and M. Maslovsky, is the theory of structuration by A. Giddens [Giddens, 1984: 1–34]. Giddens pioneered his structuration theory in 1976 in *New Rules of Sociological Method* [Giddens, 1976] as a project of overcoming limitations set on the understanding of society by previous theoretical schemes.

Marxism and structural functionalism, he believed, imposed a what might be called imperial approach on social sciences, under which society prevailed over the individual will. An alternative to both paradigms at the time was the hermeneutics school that proceeded from the fact that it was precisely the individual who was the end subject of social action, while society existed merely as a sum of individual wills and was totally dependent on their configuration. The advocates of "total" theoretical constructions saw no point in delving into the details of individual life, while the adepts of phenomenological sociology did not regard society as something essential, for the latter appeared in this paradigm as a simple aggregate of standard actions performed by actors at the individual level.

Giddens thought that it was not only possible, but in fact necessary to combine the two approaches, tying together the micro- and macrolevels of social analysis. In his view, it would have been a wicked waste to reject the theoretical legacy left by Marxism and functionalism. These trends, for all their differences, help observe in public life that, which does not boil down to the individual will, and reveal emergent characteristics in the life of society that are beyond the individual's doings. But it would be no less wasteful to lose the individual will in these schemes, the ability of any person to make a choice. The subject of research in natural

sciences where the forces of nature are beyond human control is one thing, but society, where reality is created and altered by acting and interacting people is another. The difference between society and nature is that nature has not been manufactured by man. As for society, although it is not created by each person individually, it is produced and reproduced anew in the current circumstances by participants in social interactions. The production of society is a qualified process maintained and provided for by people. [Giddens, 1976: 15]. The obvious question to ask is what can fill the space between the structure and the individual will? Giddens thinks that these are social practices that imply, on the one hand, stable routine interactions, and on the other, modification of these interactions, with new elements introduced into those, which, in turn, transform the structures.

Giddens' theoretical idea affords a number of important advantages in those cases when the item under analysis is the changing society. First, the Giddens conception helps the researcher get rid of the a priori supposedly metaphysical premises that prompt conclusions before the research has been completed. The only presupposition of this scheme is that, like most other theoretical conceptions, it allows the very possibility of a social order. Second, under the Giddens scheme society is viewed as a reality undergoing continuous changes that vary in scale and speed. The "recalcitrant" social order, with ambitions of self-prolongation, is merely a tribute to short-sightedness displayed by contemporaries who cannot see *Kairos* (instant) behind *Chronos* (time), the current situation in its entire uniqueness and mutability. Third, the Giddens conception has the benefit of not excluding the individual will from social processes, and therefore, induces this will to be regarded not only a motive force, but also as a combination of conditions and limitations of the changes being observed. As Kivinen and Maslovsky emphasize at the beginning of their book, the important semantic drive of Giddens' theory consists in the fact that structures are born in the course of dynamic processes extended in time and space. In this reality, it is necessary to study not simply intended consequences, but also unintended ones. Precisely for this reason we cannot explain institutions or tendencies in Russian society (or any other, for that matter) other than by exploring the actions of various actors and the results of what they do [Russian Modernization, 2021: 23].

Thus, the new paradigm offered there implies that within this approach the object of analysis should be not only the elites, but also all the actors of the structuration process, not just discourses (which are important), but also actual institutions, as well as the routine and changing practices of daily life. In this sense it becomes possible to identify the process of modernization with those of structuration, while any modernization discourses are viewed from the angle of specific social interests stemming from the social situation in which the subject engendering those is found. In order to tie the actions of actors into a single analytical scheme, on the one hand, and the integrity of the modernization process, on the other, it is necessary to possess sociological imagination. None but this approach will enable one to comprehend the real essence of the events, avoid not only political and economic reduction, but also the kind stemming from the limitations of the paradigm used, whether modernist or antimodernist.

According to Kivinen and Maslovsky, the Giddens structuration theory applied to the concrete Russian situation presupposes three interconnected and interlaced levels of analysis. The first one keeps within its field of vision processes related to structures typical of Russian society, and those that have caused their current state. The general provisions of the structuration theory are impossible either to confirm or to refute, and in this sense, they are the axiomatic basis of the other two levels. The advantage of using it is that eventually it creates a species of protective cover that ensures uniform understanding of processes occurring in various areas of public life. This level is essential, apart from anything else, for lending a multidiscipline nature to the research. On the second level, structure analysis should be supplemented with active theorizing with regard to a specific sphere of public life. In this context we need medium-level theories that rely on falsifiable hypotheses, and explanatory schemes that include the historical-cultural dimension. And, finally, at the third level it becomes possible to conduct empirical research turned toward the theory and intended to characterize the specifics of production

and reproduction of social structures, and agents, which support reproduction and simultaneously provoke the process of social change and discourses, and mobilize actors to perform certain acts.

The obvious question arising as the Giddens scheme is being applied to the Russian experience can be formulated thus: How are the three levels mentioned here connected with each other? How do routine practices or change therein in specific social circumstances affect the trajectory of social progress? The authors tend to think that the practices enabling Russian society to change are found primarily in the political sphere. The reference is to actors' participation in political parties, civil society organizations, and public movements forming the reflexive style of society and challenges it faces. In part, for this reason, too, the challenges faced by Russian society are viewed by the authors as an objective basis of sociopolitical action that follows from the current circumstances, as something that can and should be taken as a program of transformation by reasonable political actors who wish their country well.

Russian Modernization names five such challenges: diversification of the economy, the extent to which the state influences economy, the social state and social policies, the foreign-policy choice, evolution of the social consciousness (the correlation of rational and irrational elements therein). I do not intend to look in detail at all the five spheres in which the authors examine modernization choices. I would merely like to dwell on the two most important challenges that seem axial, i.e., capable of forming the public life climate, the environment where decisions are taken on key issues of Russian life.

The first challenge as formulated by the authors of the monograph is the need to diversify the economy. The dilemma Russia is facing is either to continue relying on its raw materials or to use the available opportunities in order to build a diversified multistructure and multibranch economy that would organize into a single whole both big state corporations and minor entities. The prospects of Russian modernization will in any case depend on the state of the economy, according to the authors. Given this, the chief challenge Russia encounters is economic diversification... The country should reduce its excessive dependence on oil and gas both in foreign trade and in the makeup of domestic consumption. Their approach to diversification consists in viewing it not merely as diversification of production, but also as development of social and organizational forms of functioning for public and private enterprises working in the economic sphere [Russian Modernization, 2021: 25]. Should the country's objective need of economy diversification be ignored, believe Kivinen and Maslovsky, this will result in the underemployment of the human capital it has accumulated. Preserving the raw-material orientation will perpetuate excessive inequality, corruption and indifference to the problem of environment conservation that prevails in the minds of decision-makers.

Russian bureaucrats predictably parry similar reasoning by practical considerations: the budget has to be filled, the population has to be fed, equipment has to be purchased, and all of that takes money that can be obtained first and foremost from selling primary goods. The arguments laying stress on the problem of survival in the current situation are so convincing that even an ordinary member of the public, e.g., one of the many old-age pensioners, will not fail to agree, yes, indeed, today is more important than remote consequences; pensions are meager as it is, and their size should not be sacrificed to the radiant future; wages must be paid to public servants, or the entire edifice of the Russian state will collapse. Thus, the problem of diversification is solved in favor of the status quo, moreover, with arguments that are easily comprehensible not only to officials, but also to the general public. The logic of every day, reproduction of public life in its current parameters has been embodied in the existing practices and is equally lucid not only to those who take managerial decisions, but also to those who seemingly have no noticeable advantages in the present social order. It is precisely the routine practices forming the social order that encourage reproduction of the status quo erecting barriers on the way of modernization in this aspect. The question arises, who, which social group can become an agent influential enough to rupture the social consensus oriented strictly toward the needs of today?

The situation in which stable reproduction is more important than social or economic novation is far from a rarity in the modern world. In most developed and developing countries (barring China, perhaps, and certain other East Asia countries) the current interests take priority over any radiant prospects. And there are several perfectly obvious reasons for that.

First, industrialized countries are most often guided by the logic of electoral cycles (in other words, the logic of preserving power and influence on society by certain political or economic actors). Besides, in European countries the logic of progress is imposed on national states by Brussels whose decisions frequently cause annoyance.

Second, in modern societies where the postmodern style of reflection on society still carries weight, any configuration of the future, any integral vision of the latter is rejected on principle. The future is constructed apophatically (through negation), by affecting those areas of public life that require improvement, thus submitting to the logic of small acts in the current situation. There the priority can be, for instance, minority rights or rights of migrants, but long-term consequences of encouraging migration, typically unintended, are very rarely taken into consideration.

Third, the homeostasis (the state of stability) in which many societies find themselves today (Russia's society included) is often seen by the national elites as the best of all possible conditions, which, if abandoned, will aggravate rather than improve the situation. Indeed, argues the collective Russian official, say, what else can the public want? After all, the country has never lived so well as at present. The shops are full of goods, in terms of the number of cars per thousand population Russia is almost on a par with East European countries, and some of those it has actually surpassed. Virtually every Russian national, from baby to retiree, can use mobile communications; each household has hundreds of television channels at affordable prices. With a little effort one can better one's housing by taking out a mortgage for an apartment or building a house. Any criticism of the authorities from this viewpoint is groundless, because the authorities let people enjoy the main gain of Soviet times, private life (unless, of course, the people try to call in question the existing social or economic order). Any attempts to convince a high-ranking Russian official that things are not quite like that, or not at all, are doomed to failure. The appalling inequality as an argument against the existing order will cause their utter displeasure: What? You are again suggesting that we requisition all and divide the spoils equally? In other countries the logic of reasoning by actors in the ruling elite may differ from the Russian variety, but there, too, the current state is most often defined as progressive with regard to any previous development stage. It is hardly an accident that Piketty compared the state of today's societies to the *belle époque*, the serene times in the late 19th and early 20th centuries when enormous inequality was no hindrance for the elites in possession of large fortunes that plunged into luxury consumption with gay abandon [Piketty, 2014: 127–132]. The *belle époque* could have gone on indefinitely, had it not been for the First World War that put paid to the untroubled life of the elites and made people in grey trench-coats, former peasants and workers, rulers of destinies in developed states.

Thus, speaking of diversification, I mean not practices, but the general idea, the ideology of the common weal projected into the future. Ideologies tend to represent the world in terms of good and evil, salvation and death, but they, as Markku Kivinen himself has splendidly shown in his book *Progress and Chaos*, can rarely, if at all, preserve their initial impulse in clashes with the structural and cultural characteristics of the changing society [Kivinen, 2002].

Speaking of the structure and its reproduction, one has to bear in mind the interests of social groups already in existence and the way these interests are refracted in the policies implemented by their principal actors. In today's Russian society the political processes are defined in the field made up by various factions of the bureaucratic class (here I side with Theda Skocpol who considered bureaucracy in modern societies precisely a class [Skocpol, 1992]). Russian bureaucracy is structured by levels and segments each of which has its own vision of the current state of society and its prospects. Within the bureaucracy there emerge tensions and conflicts in which entities that are external with regard to the ruling elite rarely take part

as full-fledged players (if at all). Therefore, speaking of the likely modernization of Russia's economy, one can formulate the first question thus, What are the conditions under which advocates of diversification inside the ruling elite may acquire a decisive influence on decision making in the area of economics?

The existing experience suggests that shifts within the elite in favor of one or another position may occur only if the existing model reveals itself as utterly unsound, while the economy, for reasons of an endogenic nature, finds itself on the brink of collapse. In the foreseeable future this kind of crisis is hardly feasible for a number of reasons, first and foremost, because the economic authorities are skillfully applying the tactics of mitigating any shocks to the economy thanks to monetary tight-rope walking. The ruble exchange rate in the last couple of decades crashed several times, but each time the tremors were fully offset by a drop in the living standards of the public, after which the demand and supply recovered their balance.

The second question that has to be answered is as follows. What will happen, if the Russian authorities, despite all the available advantages of this best of all possible worlds they are living in, nevertheless dare to adopt the diversification program? In part the answer to that can be found in the present, in the policy of countersanctions that creates (albeit unconvincingly, selectively, with numerous corruption lacunae) protectionist barriers. The diversification of the economy clearly implies economic development, a rise in those of its branches that are now in decline because they cannot compete with foreign products. Let me cite one of the creators of the present-day US economy, Alexander Hamilton, the first US Treasury Secretary, who believed more than two centuries ago that an agrarian (and basically backward) country could achieve diversification and overcome raw-material dependence (in the case of the United States, on tobacco and cotton) only by taking protectionist measures [Johnson, 2018].

Economists do not often mention this, but the burgeoning, and therefore, diversified economies of East Asian countries became reality to a very great extent precisely thanks to the policy of import barriers, overt or covert. The cars in the streets of South Korean cities are mostly locally manufactured, and, to give them their due, they are improving, becoming more competitive by the year. Similarly, in China cars of foreign makes are typically the products of local full-production-run enterprises. The Chinese authorities encourage imports of technologies, but not of end products; the companies that blatantly violate copyright are hardly ever punished. Diversification, not only in the lifetime of Alexander Hamilton, but even today implies, first, restricted import of foreign-made goods, and second, massive investment in domestic production made by local businessmen, and after them, by foreign companies. The population of the countries embarking on the road of domestic production should be convinced that the inevitable (although, possibly temporary) narrowing of consumer choice, the high price of imported goods, are a sacrifice that will eventually pay off, when the local manufacturers have learned to produce high-quality goods no worse than the foreign analogs. And the domestic entrepreneurs must be broken of the bad habit of investing only in those industries that promise maximum yield in the short term (e.g., in unprocessed raw materials and commerce).

Politically speaking, this U-turn appears extremely risky; appeals for new economic sacrifices are unlikely to win public support, while the policy of goading the economic elite into investing in domestic production in the current circumstances will provoke protests on its part and a response aimed at undermining the proclaimed line. The politician who announces the policy of diversification should enjoy unquestionable political support, moreover, not only among the broad public, but also among the class of officials, and should possess enough moral authority to conclude a social contract with society and economic elites on new terms. The reference is not merely to coercion but to substantial reforming of the existing social and economic institutions, so that they would protect the rights of the citizens, safeguard property rights and ensure the safety of investment, including protection against institutional entrepreneurs backed by the power block. On top of everything else, the diversification policy will come up against opposition from international players that will regard the attempt by the Russian authorities to overcome the dependence on raw materials, and set up advanced industries in the country

as a challenge to the existing economic order, a violation of the division of labor established in the world economy where Russia has been given the role of primary goods producer and consumer of finished commodities manufactured in Europe and Asia¹.

It is not difficult to see that in the current circumstances the policy of diversification is doubtful for reason of a political and economic nature. A turn toward diversification would require serious institutional reforms in the interests of the majority, and substantial changes in the current system of distribution that are at the moment viewed by key decision-making authorities as unacceptable.

Hence some other considerations to do with the challenges cited by the authors of the book *Russian Modernization*. Let us look, in particular, at the second challenge named in the book, i.e., the choice between a conservative policy of keeping up the dismantlement of the social state and a constructive one of reforming the latter in the interests of the majority.

In the wake of the Soviet Union's disintegration the social system of state support of the people underwent rapid changes, while social policies were constantly revised. Modernization in this area and related institutional reforms have resulted in something vastly different from what was expected. The post-Soviet Russian institutions of social support proved much too weak and capable of rendering only inferior services. Meanwhile, the *Modernization* authors believe, Russia is facing the task of modernizing this area of public life, creating the conditions when the Russian social state could function according to the principles generally accepted in Europe's developed countries. Thus, the dilemma to be examined in Russia by various decision-making authorities has been formed by the contrast between the current deplorable state of the social sphere, on the one hand, and the standards to be observed if the state and society aspire to entering modernity, on the other.

The authors of the monograph think that the process of modernizing the social sphere is possible if we move in two directions. The first one consists in involving as far as possible agents genuinely interested in improving matters in discussions on social policies and principles of building the social state. Among them, trade unions protecting the rights of employees, public organizations forced to offset the lapses of state politics, and political parties representing the interests of considerable portions of the population. The second trend consists in enhancing the efficiency of the system, above all in coordinating its various levels, and also in correlating the objectives set and the means allocated for attaining the former.

In this the authors of *Russian Modernization* proceed from the same assumptions as they did in their analysis of the first challenge, namely, that there is an entity in Russian society interested in modernizing social policies after European patterns and aware that, unless this area is reformed, and the interests of the majority are taken into consideration, the country cannot possibly enter the state of modernity. But it is this point in reasoning that is causing serious doubts.

The entity reforming Russia's social sphere (or any other spheres, for that matter) has always been the state and its departments. As a rule, reforms in this area, be it the numerous attempts at updating the pension system or the reform of healthcare, were not offered for a public discussion. Possibly the reason was that of all the likely options of social sphere reforming, the one selected way back in the 1990s, at the dawn of the market economy, was not the European but the US variety, which placed commercialization in the center of the course to be followed. In other words, modernization, if viewed as a deviation from the principles of Soviet-style socialist distribution, was seen not as creation of a situation that would please most of the people, but as tough coercion of the neoliberal kind that attached primary importance

¹ M. Kivinen is apparently aware of the precedent when in 2007 the Russian government resolved to raise export duties on untreated wood sold to Finland where numerous companies specialize in timber processing. Between the two perfectly friendly countries there arose an economic conflict that was settled by a compromise, Russia backed away from restrictive measures, and the Finnish companies agreed to invest a billion dollars in wood treatment in the RF ("Russia and Finland Divided by Timber", *Kommersant Daily*, May 30, 2007).

to monetization, on the one hand, and to bureaucratic Panopticon regulating behavior in the social sphere, on the other.

One of the reform elements was the so-called optimization that ended in dismantling the Semashko system that had worked in Russia since the 1920s in favor of healthcare capable of rendering high-tech services. The reforms resulted in the numbers of hospitals, hospital beds, and medical specialists cut down, and in the load on those remaining in the system increasing accordingly. Also, paradoxically, instead of improving, medical services deteriorated dramatically; the services of medical specialists were now in short supply, and in many populated localities even emergency aid became virtually inaccessible in certain cases. All in all, the healthcare reform started in 2010 resulted in mortality rates going up in most RF cities, and noticeably increased the risks for the public owing to the exclusive nature of now less accessible healthcare. To quote the book under review, the Russian system benefits affluent strata of society, but those most in need of medical aid are doomed to low-quality services. Basically, national healthcare is still allegedly free, but the better-off members of the public or privileged officials get the most modern services at prices below those paid by the rest of the population for low-grade ones [Russian Modernization, 2021: 117]. Put differently, healthcare is dominated by the standards, formal and informal, that reproduce extreme forms of inequality that are the result of neo-liberal reform.

The same kind of inequality appears in other areas of public life as well, for instance, in education or in access to social services, recreation, or in the labor market. I mean not temporary deviations from the norm, but systemic features, and established institutions, which can change only gradually and strictly in the long term, along with changes in the public consciousness related to generation replacement.

The reasoning of the authors of *Russian Modernization* unwittingly suggests that the concept *modernization* can mean different things for different reform programs. The authors lend a political sense to the notion of modernization implying that movement toward modernity occurs only in those cases when political players take correct decisions, opting for diversification, democracy, and cooperation with European partners. Meanwhile, modern sociology may also view modernization in a different sense, as gradual progress of society toward civilization as understood by Norbert Elias [Elias, 2001]. That sociologist believed that modernization was a process extended in time, and implying gradual, step-by-step transformation of daily practices determined by culture models. The transformation of culture that brings back to normality the so-called figuration, society structuring ties between people should be viewed, he thought, as a genuine civilization process that guided society, not instantly, but over decades, to a new state.

It would be a mistake to think that the figuration processes referred to bypassed Russian society changing nothing in the Russian daily routine. Russian society is in a state of mobility. Minor everyday practices constantly undergo changes overlooked by their participants, but never failing to amaze those who return to the country after a long absence. Blanket use of digital technologies, remote communications, contactless payments that not just younger people, but even older generations are adept at; car drivers who only a short while ago ignored pedestrians now brake in front of the zebra crossing letting them get to the other side; all of that seems insignificant at first sight, but eventually builds up to bring about the very long-term civilization shifts that in fact constitute the essence of the modernization process. An immaculate staircase in an apartment block, a fence repaired, ability to act on one's own and a rational, and at times, critical attitude to the state and its politics, these are modernization, too, but occurring gradually, step-by-step, momentarily imperceptible, yet no less real for that than the kind inspired by political change.

In the Russian context there are two factors that can tangibly affect the civilization process.

The first factor is rationalization and commercialization of various aspects of life, which induces the public to be prudent and practice monetization that affects most of the life spheres. It is this movement toward the more rational perceived world that can explain why the Russians, when answering the question about who they can rely on in a difficult situation, name themselves, and their own capital, as it were, economic, social and cultural. The rationalization and commercialization Russian-style clearly come at a cost, which is related, for instance, to the widely practiced corruption.

Short-term personal gain prevails in this case over long-term common interests, but eventually, in a rational environment formed by education, by the “numerate” population that realized on the example of other developed countries how relations between the state and society should really be constructed, corruption will increasingly often be viewed as a challenge to society and its future.

And this is connected, among other things, to the second important factor that conditions the process. The history of societies, Russian society included, suggests that the civilizational process is largely determined by the nature of the resource base of society; it develops as the former development resources are getting depleted and new ones are acquired. Present-day Russia has inherited the kind of cultural, qualification, and scientific capital that exceeds the limits of current use, and natural resources that are redundant with regard to the national needs and are sold abroad at a profit. However, these resources, as practice shows, are exhaustible. And here we are, in a country where only a short while ago there was an overproduction of skilled personnel, engineers and high-grade workers they are now in short supply. It is possible, of course, to import cheap labor from the near abroad, give these workers a slapdash training, pay them minimum wages, and so ease the tensions emerging in the labor market. Yet even this resource is ultimately exhaustible, while low labor productivity and low wages will eventually make the Russian labor market unattractive even for these categories of new arrivals.

If the current policies continue, problems that are no less acute will occur in turn or simultaneously also in those areas of public life where Russian nationals cannot be replaced with an inexpensive imported workforce. For instance, it is impermissible to send gifted young scholars abroad justifying oneself, not entirely sincerely, by the fact that modern science is global. This kind of attitude to national science will put an end to its reproduction, and there will be no one capable of teaching the next generation of scientists. Sooner or later, we will be faced with the choice between either giving up Russian science as a project or displaying more respect toward it. Similar exhaustibility crises will also eventually bring into the sphere of politics the problem of filling with real content the constitutional norms of a social state.

In most cases change impulses will come from society itself, from its changing makeup and motivation priorities. As a rule, similar changes are long-term and take a lot of time to occur and are related to the transformation of social consciousness in the generation dimension. In this perspective, the process of breaking the spell on public life and its rationalization (as a process of individualizing the goals and means of their attainment) will go on, bringing Russia closer to other European societies. The political choice that the authors of *Russian Modernization* write about is unquestionably important, albeit largely predictable. But a more important thing is that which is occurring in the sphere of daily life, in the area configured by routine practices, not merely political, and not only those related to the formation of the politics by the current elite. The changes that take place there will, not at once, but in the long term, remove the dilemmas of modernity. They it is that will make reforms a functional necessity, changing the very quality of public life.

REFERENCES

- Kivinen, M., *Progress and Chaos. Sociological Analysis of the Past and Future of Russia*. Academ. Project, St. Petersburg, 2002 (in Russian).
- Elias, N., *On the Process of Civilization*, Vol. 1. Univer. Biblioteka, Moscow, 2001 (in Russian).
- Giddens, A., *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. Basic Books, New York, 1976.
- Giddens, A., *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Polity Press, Cambridge, 1984.
- Johnson, D., *The Wealth of a Nation. A History of Trade Politics in America*. Oxford University Press, 2018.
- Piketty, T., *Capital in the 21st Century*. Cambridge, 2014.
- Russian Modernization. A New Paradigm*. Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Routledge, London-New York, 2021.
- Skocpol, T., *Protecting Soldiers and Mothers: The Political Origins of Social Policy in the United States*. Harvard University Press, 1992, Harvard.

© 2021 r.

M.S. KAZ

THE "WORLD OF LABOR" OF WORKING RETIREES: DILEMMAS AND MEANINGS

KAZ Mikhail S., Doctor of Economics, Professor, Department of Strategic Management and Marketing, Tomsk State University; Professor, Department of Economics, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia (misk3@mail.ru)

Abstract. Based on the principles of the cognitive-value approach, the article deals with the study of the 'world of labor' of working retirees. Using the content analysis of messages presented in the Russian segment of the Internet on one of the most frequently visited forums of retirees, and the method of multidimensional scaling, it was possible to identify the main semantic units that form the image of labor activity of this category of employees, and its structure. It is shown that it is well described by the above model, which includes four scales. Their content is also substantiated in the article. Based on the identified features of the "world of labor" of working retirees, the measures aimed at improving the activities and social well-being of those who are at the stage of 'late career development' as well as possible directions of future research are discussed.

Ключевые слова: labor activity • pension • cognitive-value approach • working retirees

DOI: 10.31857/S013216250016775-5

This article is a translation of: Каз М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 7: 28–39. DOI: 10.31857/S013216250013853-1

'Sociology is itself a story – but the message of this particular story is that there are more ways of telling a story than are dreamt of in our daily storytelling...' [Bauman, 2005: 41]

Concept and research methods. According to the cognitive paradigm that is becoming widespread, socio-humanitarian knowledge has the task to reconstruct and analyze those aspects of reality that a concrete individual or a collective subject recognizes as the most essential and significant [Lectorsky, 2008]. Such a 'subject-oriented' point of view is also fully valid for the labor sphere. This determines the formation of cognitive-value approach to labor activity, the subject of which becomes the study of the 'world of labor'.

F. Znaniecki was one of the first sociologists to address the problem of values. He wrote: 'Values are more important than things, because they influence a person's life, his activity and the content of his aspirations much more than things do' [Znaniecki, 1971: 11]. In experiments conducted in the 1960s by J. Deese, and later by other researchers, it was shown that any concept can be represented through a frequency series of associative reactions to it. The construction of 'nests of words' with similar associative meanings made it possible to discover that in their everyday thinking people often rely on other bases of classification than those accepted in scientific knowledge. This phenomenon was explained by the fact that human knowledge is 'value-laden'. On the basis of critical understanding of the results of this and other similar experiments, a cognitive concept was formed, according to which a person acts according to

what he sees, and therefore a study of the issues of 'cognition' (cognitionis, *Latin*) of the object by the subject acquires special importance.

Let us reference to studies of the labor sphere. They often present subject-object interaction (S-O) as mediated by instruments of labor, while subject-subject relations (S-S) are mediated by sign means. It is obvious, however, that the interaction between the subject and the object also cannot do without sign interactions, and hence without the S-SO (subjectivation of the object) and S-OS (objectivation of the subject¹) bonds. Using this approach, it is possible to record that the representations formed in the consciousness of an employee are not identical with the external world. Owing to the presence of the value component they have a 'partial character' or, according to F. Znaniecki, they contain a 'humanistic coefficient.'

The role of value knowledge in the formation of the individual's purely personal perceptions by M. Heidegger was enshrined in the concept of 'world picture'. He wrote that this expression now means 'the construct of an objectifying representation' [Heidegger, 1993: 52]. This allows us to attach to the phenomenon in question the notion of the 'world of labor'. Referring to the role of values in human activity, F. Znaniecki notes that the 'humanistic coefficient' forms the 'cultural data'. Similar reasoning is present in the works of M. Heidegger. Therefore, paraphrasing F. Znaniecki's famous statement concerning social knowledge [Thomas, Znaniecki, 1918: 36], it can be stated that the concept 'world of labor' fixes attention to the priority of analyzing the labor sphere (technical and organizational side of labor) from the sociocultural point of view [Kaz, 2005; 2009].

Let us narrow the field of our analysis to one special, but extremely important and at the same time little-studied group of employees – those who retire, but continue to work.

How do we penetrate the world of the working retiree? Without downplaying the role of interviews in socio-humanitarian cognition, we should agree that the Internet provides an impressive flow of social information that requires study and reflection. Let us also note that improving the technique of working with this data set is an important task in its own right.

The study of the 'world of labor' of working retirees, the results of which are presented in this article, was conducted on the basis of the materials of one of the rubrics ('Working retirees') of the site 'Young Retirees Forum', which is among the most visited in the Russian segment of the Internet on this topic. For the study we selected those messages in which the site visitors discussed the problems of their labor activity and personal attitude to its completion (183 messages).

More and more researchers agree with the fact that retirement should be considered as a continuing process over time, rather than as a discrete event with a legal date [Wang, Shultz, 2010], so it was decided not to exclude the statements of persons of preretirement age from the data set. Thus, the above array was formed from the messages of forum visitors who are in a similar life situation: in the process of transition from work to retirement with complete cessation of work.

When conducting the study, we acted from a perception that the information on this topic contained in the users' messages certainly gives an idea of the 'world of the working retiree', but it is a very approximate idea. All the more so, it cannot satisfy the research interest if there is a complex task: analysis of the problems that dominate in the minds of the specified group of people.

Indeed, from the standpoint of the cognitive-values approach, each individual constructs his or her own system of ideas about the work sphere, acting just like a researcher (formulating hypotheses about external environment, checking them and discarding erroneous ones). Therefore, the methodology that will allow 'to look at the world through the eyes of another'

¹ The subject's objectivation is the embodiment of the subject's activity in both tangible and spiritual results (the latter, in particular, includes myths of the organization, its heroes, as well as other elements of corporate culture).

should be 'unobtrusive'; 'unstructured'; 'sensitive to the context' [Krippendorff, 2013]. These reasons prompted us to use the tools of content analysis and multidimensional scaling.

The study relied on an inductive strategy and included the following phases: text reduction; reconstruction of semantic systems; formation of hypotheses.

The results obtained at all stages of the study (from highlighting the necessary fragments in the text and producing codes – to the formation of the results of content analysis and multidimensional scaling), were checked by independent experts.

In the process of content analysis all the relevant judgments (units of analysis) were reduced to the following key phrases (the code of each category is given in brackets): 'they want to send me to retirement' (WSR); 'it's hard to work' (HW); 'my poor financial situation' (PFS); 'a meager salary at the new place of work' (MSNW); 'my health condition' (HC); 'I am afraid of being left without a collective (ABLC); 'it's difficult to find a common language with the collective' (DCLC); 'free time (FT); 'downsizing' (DS); 'it is difficult to adapt to the changes at work' (ACW); 'I like working' (LW); 'thoughts come that I have to retire' (HR); 'we and they' (W&T); 'I am not alone' (NA).

The assessment of the distance between these categories allowed us to quantitatively present the relations between the main aspects of the 'world of labor' of working retirees in the form of a matrix. To do this, we first calculated the joint occurrence of each pair of codes (counting unit) within one message on the forum (WSR and HW, PFS and HC, etc.), and then the relative frequency of their joint occurrence in the entire analyzed array of messages.

So, according to the principles of cognitive research, the data obtained as a result of the above processing, characterize the structure and the strength of relationship in the minds of respondents between the phenomena recorded in the process of content analysis and reduced to codes [Davison, 1988: 56, 59–60]. At the same time, it is obvious that different strength of relationship between the semantic units in question can be represented as distance (by analogy with the approach to the assessment of social distance in a community as inverse to the assessment of the strength of relationship between its members) [Davison, 1988: 13]. Therefore, in order to determine the distance between the studied categories in all possible pairs, the calculated values of relative frequencies were subtracted from one. The formed distance matrix thus was processed by multidimensional scaling according to the ALSCAL program implemented in the SPSS package, using the Euclidean metric.

The method of multidimensional scaling, as it is known, is a mathematical toolkit designed to process data on <...> relations between the analyzed objects in order to represent these objects in the form of points of some coordinate space [Davison, 1988: 5]. The axes of this space are those latent features, on the basis of which 'the respondent thinks the objects he compares' [Tolstova, 2015: 13].

Four dimensions of the 'world of labor' of working retirees. If we look from a formal point of view, good results were obtained by placing the collected data already in three-dimensional space. However, with mathematical point of view, the model obtained by four-dimensional scaling, adequately reflects their structure as well. This is evidenced by Kruskal's 'stress' scores (0.08) and R^2 (0.958). The former captures the difference in distances between studied categories according to the results of model calculations, on the one hand, and in the original data set, on the other hand². The second one shows the proportion of the variance of the original data, explained by the obtained model (in our case more than 95%).

At the same time, the results of four-dimensional scaling (Fig. 1, 2), as the subsequent analysis showed, lend themselves to a better meaningful interpretation.

The multidimensional scaling in the four-coordinate system revealed the following main groups of problems dominating in the minds of working retirees.

² The index of 'stress' can take values in the range from 0 to 1. The greater the 'stress' value, the worse the obtained solution agrees with the initial data.

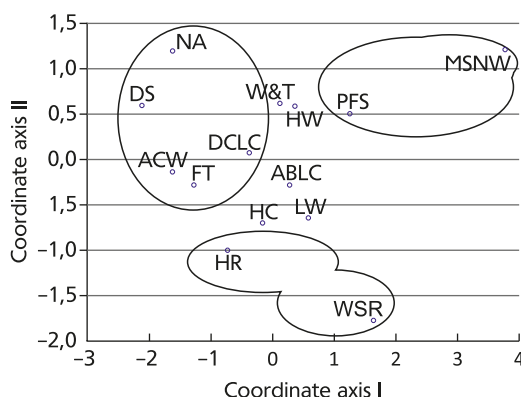

Fig. 1. "World of labor" of working retirees (projection on the first and second coordinate axis)

The first group includes the categories that, according to the results of multidimensional scaling, have the highest or lowest values on the first axis (Fig. 1, circled with a gray line³): *meager salary at the new place of work* (+3.75); *poor financial situation* (+1.243); *it's difficult to find a common language with the collective* (−0.381); *free time* (−1.28); *rapid changes at work* (−1.628); *downsizing* (−2.12); *I am not alone* (−1.63).

The role of these semantic units in the structure of the 'world of labor' of working retirees is well conveyed by the statements of regular forum visitors. 'I 'leave' every year,– writes the respondent with the nickname 'Ludmila' – but the director is two years away from retirement, and he would like me to work until he retires. Still, the chief accountant means a lot to the director's peace of mind... It also kind of scares me that retirees have to work as part-time cleaners, janitors and transport conductors. Every day I see it and think – well, is it really bad for me to sit in my cozy office? Not because these people want to, but because they have to get up at dawn and work in these low-paying and not at all prestigious jobs'. Another working retiree confirms her fears: 'The salary is humiliating for a person!!! Just imagine they give you 1000 rubles in advance! You twirl them in your hands in bewilderment and think: is this a mockery or a hint that you're nothing?'

'There is another point, I think, that is important in the life of a working retiree and a person of preretirement age, writes a visitor with the nickname 'Marina'.– Sometimes it is not always easy to find a common language with the collective'. 'Lidsana' agrees: 'Communication is difficult. I spent many years in the civil service, and the collective behaved very differently: full confidence, goodwill, the ability to behave with people. But here – the obscene language in the conversation (women), the constant gossip, intrigue, up to showdown and ultimatums. And I'm like a black sheep. It is very difficult to hear all this, but at least some money to earn for communal services. I wish I could endure it until spring. The other things that upset me are: the anger, the rudeness and the lack of desire to change. It is depressing and frightening'.

Among the reasons for their decision to retire many active forum participants point out that they find it increasingly difficult to adjust to changes at work. 'You can't teach an old dog new tricks. I realized it when the requirements for my position had risen unreasonably, and each new instruction, I executed, started eliminating the previous one at the rate of five new instructions per second', writes one of them. Another agrees: 'The demands now are simply

³ The others are not included, even though, judging by Fig. 1, they are located next to those circled with a gray line. This is explained by the fact that they actually have a larger quantitative estimation in absolute terms not on this scale. This comment also applies to the codes not assigned to the second scale in Fig. 1, and to the codes not assigned to the third or fourth scale in Fig. 2.

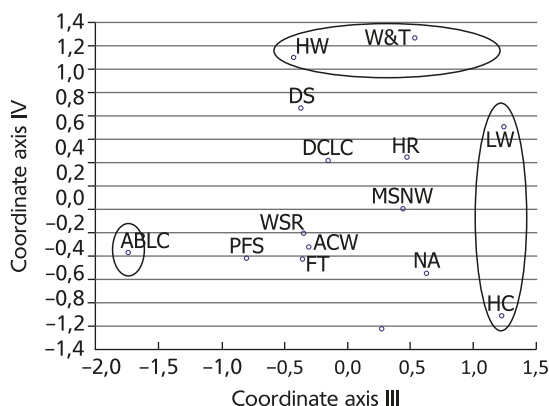

Fig. 2. 'World of labor' of working retirees (projection on the third and fourth coordinate axis)

unbelievable. The instructions are changing without end. Sometimes you just don't understand what they want from you'.

Turning to the arguments in favor of terminating employment after retirement, a forum participant ('Valya') notes: 'Everyone has to live some part of their life just for himself or herself and step away from the hustle and bustle'. Another agrees: 'After I retired, I quit my job right away... I dreamed of freedom!'

Shared her reason for making the decision to retire, a visitor to the forum with the nickname 'Yolka': 'I resigned on my own... The company was systematically headed for bankruptcy... I quit and I don't regret it. And the company was bankrupt'.

Thus, the positive area of the first scale combines semantic units describing a number of elements of the external environment, the satisfactory state of which, according to forum participants, forces (or has already forced) the decision to continue working in retirement (denoted by the term 'motivation at work'). The negative domain mainly combines semantic units describing environmental factors forcing to make an alternative decision ('motivation to retire'). Therefore, the first scale is named 'Motivation to continue working or retiring'.

The second scale is labeled 'existential anxiety'. Its content is formed by the following meaning complexes (Fig. 2, circled with a black line): *they want to send me to retirement* (-1.78); *the idea that I have to leave in time* (-0.997).

The role of these semantic units in the system of perceptions of the forum participants is well illustrated by the statements of its regular visitors. A forum participant who introduced herself as 'Tatiana' wrote: 'We've got terminations at work, and they don't keep retirees. I'm terribly worried, but for a long time I've been mentally preparing to quit in advance. In the summer, I worked hard on my garden plot in the country and waited anxiously for winter...'. Another notes: "If all the working retirees retire, the school will have to close, because there's no one to work. But I must be worn out. There's only one thought running through my head: it's time to retire'. 'Sveta', a forum visitor, agrees with her: 'Habit is a terrible thing! I keep telling myself all kinds of positive things about the new stage of life... It helps, and then you think that everything seems fine, and then you move on. However you've got to make up your mind sometime... Yes, you've got to'.

'I'm on vacation right now,' – 'Lioness' shares her thoughts. – 'I'm staying at home with my grandchildren. On Friday they called me from work and asked me to come... I went this morning. When walking down the corridor I saw a working retiree older than me by 5 years going at a snail's pace in front of me. I saw her bent over, limping, her legs barely moving. And she used to be slender and tall. An hour later, as I walked back, I saw two people the same age as me. But their legs were swollen, their gait slow, and their eyes were not worth a curse. Farther on,

I met people much older than me – slouchy, flabby... I got scared. What did I look like from the outside?... In those moments when I'm not feeling well, I'm probably shuffling my feet too, with a pained face, hardly move... I have to quit my job altogether', I thought. I want to be remembered as slender, cheerful, graceful, always well-dressed, and not old and decrepit'.

The 'existential anxiety' abundant in these reflections is a clear signal that their authors are experiencing a critical situation in their lives. It is possible to overcome it if only they are able 'to independently express and formulate the problem, to discover the structures of semantic formation that help him (her) (the person.– M.K.) and turn them into action'. [Orlova, 2015]. This is exactly the 'recipe' for overcoming it as a forum member with the nickname 'Skier' writes: 'I don't even know how to explain it to you. Here I have always had responsibilities in my life, and I can't imagine how I could do without them... If you take it away from me, there will be emptiness'. A visitor with the nick 'Vladimir' working for an agrarian company agrees with him: 'My work is unpredictable in terms of current results. This requires me to generate new ideas, and sometimes new unexpected meanings. My success, if it exists at all, is hidden somewhere far away, at the end of a winding, unpredictably branching path that gallops over hills. When I leave my job and leave forever for a city on the Volga, there will be one straight and level road in front of me: I will quietly grow old and die of illness, boredom, or worthlessness. Well, so, more or less'.

A joint study by a team from the Universities of Florida (US) and Leuphana in Lüneburg, Germany, failed to confirm the hypothesis that the financial situation of retirees is closely related to their decision to continue working after retirement age [Fasbender et al., 2016]. The results we obtained testify in favor of the important role that 'existential anxiety' and other meaning complexes identified in the research process play in answering the question 'to stay or leave'.

As our previous research has shown, the role of the value component in the structure of the 'world of labor' of employees who are yet to retire, is great. In their perception almost all elements that belong to the anthropic group are endowed with value characteristics, and the elements related to the material environment are endowed with value characteristics in more than 40% of cases [Kaz, 2011: 43; Kaz, 2003]. This confirms the idea that 'the very boundary between the organism and the external environment is conditional... the external environment entering this 'extended subject' contains both natural objects and cultural artifacts' [Lektorsky, 2008: 13]. At the same time, the analysis of the 'world of labor' of working retirees reveals the special role that 'existential anxiety' plays in its structure. Literally 'ensphereing' other elements of the system of subjective perceptions of this group of employees, which belong to almost each of the dimensions of the four-dimensional space we have identified, it gives them a special semantic connotation.

U.L. Orlova draws attention to the important role of the 'problematization' factor in overcoming existential anxiety by nonworking retirees whose 'resources of independence and help from relatives have been exhausted or are insufficient' (in case they live in a residential care facility). Their 'problematization' is expressed in a 'reconsideration of their life' and 'comprehension of their significance for something or someone' [Orlova, 2015: 103–105].

For those of retirement age who are not part of this circle of pensioners, values such as career and social status, which give meaningful activity to most employees, are also gradually receding into the background, and their place is taken by 'problematization of meaning'. However, the fundamental difference is that for many able-bodied retirees 'problematization' manifests itself in the transformation of the meaning of work: it becomes, among other things, an action to overcome the 'existential vacuum'. This largely explains, in our opinion, the content of the third axis, designated as 'motivation to work' (it refers mainly to the personal and social meaning of work). Its content is formed by the following elements of the 'conceptual grid' of forum participants (Fig. 2, circled by black lines): *I like to work* (+1.24); *My health condition* (+1.22); *I am afraid of being left without a collective* (–1.74).

Thus, a visitor with the nickname 'Lydia' notes in response to one forum member's assertion that retiring without continuing to work allows more time to devote to oneself, remarks:

'I don't agree. What if I don't want to retire? If I can't find myself in retirement like you do? If one is used to working and can't go the rest of her life without it?' 'Tatiana' agrees with her: 'There is an opportunity and desire, my health allows me to work, which means that there should be no doubt – I'll WORK!'⁴

The author with the nickname 'Lidsana' reports, 'I read and decided to write my reason for going to work: 1 – more money, 2 – additional communication'. Another forum member is unanimous with her, stating that we continue to work in retirement because 'we are afraid of becoming unnecessary'.

In our opinion, it is no coincidence that a component of this factor is the category 'I am afraid of being left without a collective'. It captures the place that 'social meaning of work' occupies in the 'world of labor' of working retirees, covering recognition and evaluation, communication with others, fulfillment of their expectations – in short, describing the sense of belonging to a particular group [Fasbender et al., 2016: 13]. A person, getting older, usually experiences more loneliness as he or she loses his or her social resources and loses social activity. An employee is quite likely to decide to continue working after retirement age if he/she perceives work as a need for social interaction [Fasbender et al., 2014].

Finally, we should highlight another group of problems that occupy an important place in the 'world of labor' of working retirees. It includes the categories that have the highest or lowest values on the fourth axis according to the results of multidimensional scaling (they are circled with a gray line in Figure 2): 'it is hard to work' (+1.102); 'we and they' (+1.27).

Denoting this axis as 'hard work', or, for example, 'the condition of retirees and morality', or 'job fatigue and group pressure', unfortunately does not sufficiently reveal the wealth of meanings behind the brief terms 'it is hard to work' and 'we and they', introduced in the interest of content analysis. Therefore, first of all, let us turn to the relevant statements of the forum participants.

'I'm tired of working, exhausted physically and mentally,' – declares a forum member with the nickname 'January'. 'But what to do if... it is impossible to survive on a pension?' 'Zoya' enters into the discussion. – 'And if you also treat a family person? That's why I have to do almost by force to keep in shape, to walk in high heels with my head held high and my back straight and, of course, professionally carry out my duties... but if you only knew... how much I 'd like to retire...'

The aspects of the 'we – they' opposition, which the forum participants consider important, are illustrated by the following statements: 'After the 2008 crisis, we had a very large reduction. More than half of the employees were fired, this also affected the engineering staff. Wages of those who stayed were cut by 50%. Bonuses, meals, payment for travel and cell phones were cancelled. In general, they created such conditions that many of those who stayed left themselves ... We survived those sad times, the volume of work increased, there was a need to fill some vacancies. They started to search for new personnel according to a very strange principle: women were chosen according to the tastes of the managing director, and young people according to the sympathies of the Head of Personnel Department.' As a result, the administrative building of our plant looks like a branch of a modeling agency, no more, no less... Oh well, God help them, if only they would want to work. But out of five people, only one is interested in the work and understands what he is being told... And as soon as a serious problem arises, the boss immediately shows up with his question: 'Where are our luminary, those who are over 50...? Let's load them up, and let them teach the young people...' For God's sake... Load us up, we'll handle it... but the young people aren't in such a hurry to learn. Not all of them, of course, but many...' ('Marina' by nickname). 'And you're right, young people don't want to learn, and most importantly: they don't really want to take responsibility,' another forum participant with the nickname 'Svetlana' agrees with her.

⁴ Hereinafter it is highlighted in capital letters by the authors of the statements.

The visitor with the nickname 'Marina' continues, 'but I am surprised by the attitude of the MAJORITY of them to work... Indifference and the lack of initiative... Maybe I am reacting to it in this way because for me such an attitude to work is simply UNACCEPTABLE. There are retired and preretirement age employees at our company, and they say the same thing about our plant's youth. There are also young employees who cannot wait for the older generation to give way to them and leave leadership positions. And sometimes they behave very unkindly. That's how we live.' She is supported by 'Maya': 'We have young people at work who are also indifferent. They get together and talk about their news, or pretend to work. The only trouble is that they are not experts.'

In our opinion, the above indicates that the problems that make up the categories located according to the results of multidimensional scaling along the fourth coordinate allows us to designate this axis with the term 'vitality and morality.' As N.N. Kozlova notes, 'Vitality is associated with the ability to survive, to balance... The problem of vitality arises when it comes to staying in a borderline situation 'between life and death' on the 'side of life'.' [Kozlova, 1998: 95, 96]. Exactly this (to stay on the 'side of life') but not at any cost and not violating the principles of moral behavior unites the statements of the authors, relating to the fourth factor.

Moreover, the category 'we and they,' as is evident from the posts of regular contributors to the forum, captures not only moral confrontation, but also the desire of older employees to satisfy a generative need. A. Templer defines it as need to share their knowledge and experience with the next generation and emphasizes that it increases as people get older (Templer et al., 2010). Thus, the category 'we and they' in this understanding, as well as the category 'it's hard to work' carries a powerful charge of vitality.

Conclusion. The conducted research represents: the production environment in the minds of employees is filled with semantic structures, developed in the process of labor interaction. The notion of 'the world of labor' fixes the idea of it as 'a construction created by man out of available... material' [Ortega y Gasset, 1997: 237], as well as the fact that the mentioned semantic structures appear not so much in the form of notions, as in the form of concepts. The latter, unlike notions, "are not only thought... They are the subject of emotions, sympathies and antipathies, and sometimes of collisions" [Stepanov, 2004: 43].

M.F. Steger et al. [Steger et al., 2012] identified three factors in the structure of work that increase the propensity of a retirement-age employee to decide to continue working: the presence of positive meaning in work, identification of work as the main way to find the meaning of life, the perception of work as useful for the common good. Certain components of these factors are also present in the system of perceptions of this category of employees that we have reconstructed. However, it also partially agrees with some aspects of the position held by M.E. Mor-Barak [Mor-Barak, 1995], who distinguished four factors (social, personal, financial and generative).

According to many researchers, the activities of social institutions that provide long-term care for the elderly (nursing homes, boarding houses, etc.), have dual features. On the one hand, they help to maintain the well-being of the elderly in a stage of life when assistance from relatives is insufficient and the resources of independence have been exhausted. On the other hand, they limit the personal freedom of the elderly, contribute to their social isolation [Orlova, 2015: 103]. Our study shows that the notion of 'duality', but in the context of feelings ('dual feelings'), is applicable to the social category 'working retirees' that we studied. In searching for a solution to the dilemma: to continue working in retirement or not, or reflecting on a previously made decision, they are trying to reconcile the hard to reconcile (the need for communication and group pressure; tiredness from work and the financial need to continue the desire to transfer the accumulated experience and the reluctance of employees to use it; the willingness to continue work that brings satisfaction, and the intention of management to free the position for a new employee, etc.). This means, following Lévi-Strauss' conception, that a considerable part of them is in search of a trickster – that real and sometimes mythological

essence that will make their lives more definite and more meaningful. For many of them, this trickster becomes the work itself.

The world of working retirees is a special sphere of life, requiring specific research tools and management methods. We agree that post-retirement employment should not be viewed as the termination of a career, but as a late career stage [Hirschi, Froidevaux, 2019]. It may include part-time and self-employment [Beehr, Bennett, 2015], special workplace organization and the provision of other benefits. It requires the formation of 'late career plans' and the development of specific recruitment strategies for preretirement and retirement age groups. They should be based, as the analysis shows, on the study of personal values and career experiences of employees who have embarked on a path of transit from employment to retirement with complete cessation of employment. The corresponding toolkit has recently begun to be actively developed within the framework of the 'Life Design' research project [Froidevaux, 2018].

'At every step we try to produce certain social values without taking into account the values which are already there and upon which the result of our efforts will depend as much as upon our intention and persistence.' [Thomas, Znaniecki, 1918: 52]. More than a century has passed, but these words of the famous sociologist fully apply to the contemporary situation in the labor sphere. Let us begin to move toward overcoming it by paying special attention in our socio-humanitarian studies to people of preretirement and retirement age. They deserve it.

REFERENCES

- Bauman Z. (2005). *The Individualized Society*. Logos Publishers, Moscow (In Russ.)
- Beehr T.A. & Bennett M.M. (2015). *Working after retirement: Features of bridge employment and research directions*. *Work, Aging and Retirement*. No. 1: 112–128.
- Davison M.L. (1988). *Multidimensional Scaling*. Finansy i statistika, Moscow (In Russ.)
- Fasbender U., Deller J., Wang M., Wiernik B.M. (2014). *Deciding whether to work after retirement: The role of psychological experience of aging*. *Journal of Vocational Behavior*. No. 84: 215–224. DOI:10.1016/j.jvb.2014.01.006.
- Fasbender U., Wang M., Voltmer J.-B., Deller J. (2016) *The Meaning of Work for Postretirement Employment Decisions*. *Work, Aging and Retirement*. Vol. 2. No. 1: 12–23. DOI: 0.1093/workar/wav015.
- Froidevaux A. (2018) *A Life Design Perspective on the Work to Retirement Transition*. In: by Cohen-Scali V., Rossier J., Nota L. (Eds) *New Perspectives on Career Counseling and Guidance in Europe: Building Careers in Changing and Diverse Societies*. Springer, Switzerland, 89–104.
- Heidegger M. (1993) *The Age of the World Picture*. In: *Time and Being: articles and speeches*. Respublika Publishers, Moscow: 41–63 (In Russ.)
- Hirschi A., Froidevaux A. (2019). *Career counseling*. In: Gunz H., Lazarova M., Mayrhofer W. (Eds.) *The Routledge Companion to Career Studies*. Routledge, London: 331–345. DOI: 10.4324/9781315674704.
- Hjaltadottir I., Gustafsdottir M. (2007). *Quality of Life in Nursing Homes: Perception of Physically Frail Elderly Residents*. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. No. 21: 48–55.
- Kaz M.S. (2003). *Dynamics of Economic Knowledge and Motivation to Work: Cognitive – Value Approach*. TGU, Tomsk (In Russ.)
- Kaz M.S. (2005). *Labor Motivation: Transformation of the Theoretical and Methodological Knowledge Structure and Cognitive and Value Approach*. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12: 82–95 (In Russ.)
- Kaz M.S. (2009). *Why the Cognitive Approach is Necessary in Economic Researches? Voprosy Filosofii*. No. 4: 29–40 (In Russ.)
- Kaz M.S. (2011). *Sign and Value in Models of Labor Activity: From History of Things to History of Ideas*. *Voprosy Filosofii*. No. 4: 41–52. (In Russ.)
- Kozlova N.N. (1998). *Vitality as a Socio-Philosophical Problem*. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], No. 2: 95–106. (In Russ.)
- Krippendorff K. (2013). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Sage Publications, London.
- Lektorskiy V.A. (2008). *Philosophy and Research of Cognitive Processes*. In: *Cognitive Approach: Philosophy, Cognitive Science, Cognitive Disciplines*. Kanon+ Publishers, Moscow: 5–19. (In Russ.)
- Likhachev D.S. (1993). *Kontceptosfera of Russian language*. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. Vol. 52. No. 1: 3–9. (In Russ.)
- Miller G.A. (1951). *Language and communication*. McGraw-Hill, New York.

- Mor-Barak M.E. (1995). *The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor*. *International Journal of Aging and Human Development*. No. 41: 325–344.
- Orlova U.L. (2015). Factors of Life Quality of Assisted Elderly People. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Sciences]. No. 10: 103–110. (In Russ.)
- Ortega y Gasset J. (1997). *Selected Writings*. Ves' Mir Publishers, Moskow (In Russ.)
- Steger M.F., Dik B.J., Duffy R.D. (2012). *Measuring meaningful work: The work and meaning inventory*. *Journal of Career Assessment*. No. 20: 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.
- Stepanov Yu. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moskow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. (2010). *Antecedents of older workers' motives for continuing to work*. *Career Development International*. No. 15: 479–500. DOI: 10.1108/13620431011075349.
- Thomas S., Znaniecki F. (1918). *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. Badger, Boston.
- Tolstova Yu.N. (2015). *Mathematical Methods as Factors Linking Natural with Social and Humanitarian Sciences (Sociology)*. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–21. (In Russ.)
- Wang M., Shultz K.S. (2010). *Employee retirement: A review and recommendations for future investigation*. *Journal of Management*. No. 36: 172–206. DOI: 10.1177/0149206309347957.
- Znaniecki F. (1971). *Nauki o kulturze*. PWN Publishers, Warszawa.

I.YU. KISELEV, N.V. OVCHINNIKOVA,
A.G. SMIRNOVA, YOU MIN

EMPLOYMENT TRAJECTORIES OF PRERETIREES IN THE CONTEXT OF RETIREMENT-AGE INCREASE

Igor Y. KISELEV, Dr. Sc. (Sociology), professor, head of department (igkisselev@mail.ru); Natalia V. OVCHINNIKOVA, Cand. Sc. (Sociology), associate professor (nv.lyusina@yandex.ru); Anna G. SMIRNOVA, Cand. Sc. (Politics), associate professor (agsmirnova2001@mail.ru); YOU MIN, postgraduate student (261747567@qq.com). They are all from the Department of Sociology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Abstract. The article presents the results of sociological research of employment trajectories of preretirement age workers (preretirees) under the conditions of retirement-age increase. The data obtained allowed us to conclude that these workers implement five employment trajectories: active change, maintenance of the status quo, forced change, refusal to change. A separate group consists of 'undecideds' – respondents who have no strategy for adapting to the pension reform. It was found that 21% of respondents implement trajectories of active and forced changes aimed at maintaining a job, including through participation in vocational training programs for citizens of preretirement age. At the same time, the majority of respondents (58.5%) perceive the increase in the retirement age mainly in terms of losses and choose the trajectory of refusal to changes. The factors influencing the choice of employment trajectory were revealed. It has been found that the readiness for active change is demonstrated by the respondents who intend to continue working after retirement age and are informed about the details of the pension reform. Mostly preretirees belonging to the categories of 'managers' and 'specialists' employed in medicine and social services, education, professional, scientific and technical activities implement employment trajectories involving active and forced changes.

Keywords: citizens of preretirement age • retirement-age increase • employment trajectories

DOI: 10.31857/S013216250016776-6

This article is a translation of: Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектория занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 7: 40–49. DOI: 10.31857/S013216250012149-6

Introduction. The problem of retirement-age increase and comprehending the socio-economic and political consequences of such a reform is relevant for a number of countries [Domonkos, 2015; Hess, 2017]. Since January 1, 2019, these changes have also affected Russia. For men the retirement age now comes at 65, for women – at 60. As consequently, Russians are forced to adapt to the changing socioeconomic conditions and take into account a number of risks associated with a later retirement. According to a survey conducted by the Public Opinion Foundation in 2018, Russians were therefore concerned about the loss of their retirement savings due to death before they reached retirement age (39%), difficulties in finding a job (10%), reduced ability to work (9%), and deterioration of health (7%)¹.

In the short term, the changes affected primarily citizens of preretirement age. According to Federal Law No. 350-ФЗ, the preretirement age comes five years before the age of entitlement to an insurance pension, including early retirement.

The social community in question occupies a special place in the labor market.

¹ Retirement-age increase: citizens' reactions on the decision to raise pensions and its impact on their attitudes toward the authorities. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14057> (accessed: May 07, 2021).

The unemployment rate among the citizens of preretirement age is lower compared to other age groups. According to Rosstat, in 2019 the number of the unemployed in the preretirement age (50–54 years) was 8.8% of the total number of the unemployed; 55–69 years – 6.8%; in the early retirement age 60–64 years – 2.2% [Workforce..., 2020: 114]. However, according to experts, behind the outwardly favorable statistics, there is no high demand for the citizens of preretirement and early retirement age at the labor market. As M. Ivanova, A. Balayev and Ye. Gurvich note, employees over the age of 50 often immediately switch from the category of employed to the category of 'inactive', bypassing the state of unemployment [Ivanova et al., 2017]. As a result, representatives of these age groups often find themselves in a situation where they would be ready to continue their employment, but have to leave the labor market because they cannot find a job.

Difficulties are caused by the fact that employers are not ready to employ 'aged' employees. Thus, according to a study conducted by the Institute of Socioeconomic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences (RAS) in 2017 and 2018, preretirees accounted for a noticeable share of those who applied to the employment service. At the same time, the majority of applications (56%) are related to their inability to find a job on their own [Alexandrova, 2020: 108]. In addition, they easily lose their jobs, being 'the first candidates for dismissal in the case of downsizing, reorganization, and liquidation of an enterprise' [Alexandrova, 2020: 108, 109].

Fears of job loss increase during economic crises. The results of studies by the RAS Institute of Sociology show that the effects of the economic crisis of 2014–2016 in Russia affected most of all middle-aged and older people, including preretirees, who faced so-called stagnant unemployment [Russian society..., 2017: 373] and felt the deterioration of their financial situation [Ibid.: 63]. In addition, the group of respondents aged 51–60 years had the highest proportion of pessimists, who are not confident in their future or the future of their country (16%) [Ibid: 317].

The coronavirus pandemic, the ensuing economic downturn and unemployment have contributed to heightened concern among this group. According to the data obtained by the Public Opinion Foundation as part of the CoronaFOM research project, workers in the older age group (46–60 years old), including preretirees, were more likely than others to express concern about the possible loss of their jobs².

The status of preretirees as a 'socially vulnerable group' [Vasilyeva, Nikolayenko, 2020: 148] necessitated the development of special social support measures, aimed at mitigating the risks they face on the labor market under the conditions of the pension reform. The national project 'Older Generation' has been developed as part of the national 'Demography' project. The content of the project envisages a number of measures for professional training and additional professional education of persons of preretirement age. In addition, measures are envisaged, to enable representatives of the older generation to realize their professional potential (e.g. The 'Skills of the Wise' professional skills championship for people over fifty, held according to *WorldSkills* standards, the All-Russian Forum 'Mentor').

Under subjectively assessed opportunities and risks, citizens of preretirement age have to plan their employment trajectories so as to remain in the labor market longer, depending on the year of retirement. In fact, they will have to determine whether they will choose to work after retirement? Will they take any steps to stay employed? Which ones? Are they committed to retraining, learning new job competencies or a new profession? Are they ready to take advantage of the right granted to citizens of preretirement age to undergo vocational training, including as part of employment assistance programs?

² Russians speak out about their labor prospects in January. How have the shares of those who fear of losing their jobs and employment income. February 26, 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rossiyane-osvoih-trudovyh-perspektivah-v-yanvare> (accessed: May 05, 2021).

The trajectory of employment in the study is understood as a sequence of positions (availability of work / loss of work, work by profession / change of profession, work at the same place / change of work, etc.) that an individual occupies in the professional sphere in the context of socioeconomic transformations caused by the pension reform.

In this regard, the sociological study aims to describe the employment trajectories chosen by the citizens of preretirement age in terms of adaptation to the changed socioeconomic conditions in connection with later retirement, and to identify the factors that determine the choice of employment trajectories.

Research Methodology. To study the employment trajectories of pre-retirees in the period from November 1 to December 1, 2019 the staff of the Sociology Department of the P.G. Demidov Yaroslavl State University conducted a sociological study by questioning, using quota sampling, taking into account the gender and age of respondents. The research involved able-bodied citizens of preretirement age – residents of the Yaroslavl region. 696 people were interviewed: 354 women aged 50–55 years and 342 men aged 55–60 years³.

The majority of respondents (91.4%) had a job, 8.6% did not work at the time of the survey. 46.1% had higher education. Respondents are mostly engaged in the following areas of economic activity: 'wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles' – 15%; 'education' – 13.6%; 'manufacturing' – 13.2%; 'professional, scientific and technical activities' – 12.2%; 'administrative activities and related additional services' – 11%; 'transportation and storage' – 9.2%; 'activities in the field of healthcare and social services' – 8.2%. Among the employed the majority belonged to the category of specialists (42.1%) and workers (33.1%). Managers make up 14.4% of respondents; employees, 9.2%; self-employed, 0.7%; and entrepreneurs, 0.5%.

The author's questionnaire included the following blocks of meaning: the first block of questions aimed to identify attitudes toward retirement-age increase, the second – to determine employment trajectories; the third was intended to identify awareness of the rights and benefits for preretirees, the fourth – awareness of measures to promote employment in the national project 'Demography'.

Mathematical and statistical processing of the survey data was performed using IBM SPSS Statistics 25 by compiling frequency distributions and contingency tables using nonparametric statistical criterion χ^2 Pearson's criterion.

Employment trajectories of citizens of preretirement age. In order to solve the above tasks, we made a classification of the employment trajectories of the preretirement age citizens. Let us describe the grounds for the classification.

The *first ground* reflects the willingness of respondents to make efforts to keep their jobs for the long term⁴. The second basis reveals the list of measures that respondents take to keep their jobs in the face of an increase in the retirement age. Thus, differentiated are the attitudes, on the one hand, for the acquisition of fundamentally new competencies by receiving another education or undergoing professional retraining. On the other hand, the measures that allow increasing the level of competence within the existing profession through advanced training, high quality performance of their duties, career development are highlighted⁵. The third ground is the participation of respondents in professional training programs for citizens of preretirement age⁶. It was introduced in order to avoid possible bias in the results due to the fact that for a number of professions advanced training is a necessary requirement.

³ Data from the 2010 All-Russian Population Census for Yaroslavl Region were used to calculate the quotas.

⁴ This willingness was determined on the basis of responses to the question, 'Are you doing anything right now to keep your job for the long term and have an advantage over other candidates for your position?' (closed question)

⁵ Analysis of the responses to the semi-closed question, 'What exactly are you doing [to keep your job for the long term and to have an advantage over other candidates for your position]?'

⁶ 'Have you taken part in professional training and additional professional education activities for people of preretirement age?' (closed question).

Respondents can refer to advanced training within the framework of their professional activity (the second basis of classification) and at the same time take part in vocational training programs for preretirement citizens, considering them as an additional opportunity to keep working under the conditions of increasing retirement age.

Questions to identify mindsets about job retention and participation in vocational training programs for pre-retirees were included in the questionnaire in advance. The respondents' answers on the listed grounds were compared by means of the logical rectangle method (see: [Tatarova, 1999]). The results are presented in Table 1.

Table 1

**'Logical rectangle' to determine the employment trajectory
of citizens of preretirement age**

Employment trajectory	Willingness to take action to keep the job	Measures to keep the job	Participation in vocational training programs for preretirees	%
'Active Changes'	Yes	Professional retraining and/or Getting a new education	Yes	13.1
'Maintaining the Status Quo'	Yes	Professional development, and/or attendance at training programs and/or career development, and/or willingness to perform responsibilities	No	17.1
'Undecideds'	Yes	No	No	3,4
'Refusal to Changes'	No	No	No	58.5
'Forced Changes'	No	No	Yes	7.9

Let's focus on the main characteristics of trajectories. Employees focused on *active changes* intend to make efforts to keep their job for a long time. In their opinion, keeping a job is possible through professional retraining or getting another education in addition to the main one. They also participated in vocational training programs for citizens of preretirement age. Participation in such programs was often proactive in nature. Thus, 36.4% of the respondents who chose the trajectory of active changes underwent professional training themselves; another 20.4% were initiated by the employer, but chose the program themselves.

Note that 45.1% of those implementing a trajectory of active changes expected vocational training for preretirees to help them keep their jobs or find a new one in case of dismissal. As a result, 22% affirmed such expectations. Half (50.6%) of those implementing this trajectory are considering mentoring young employees of the organization or company.

The study participants who have chosen a trajectory aimed at *maintaining the status quo*, as well as those aimed at active changes, intend to take action to keep their jobs for a long term. However, at the same time, they give preference to measures that allow them to perform their previous work at the same company or organization: to improve their qualifications, to perform their responsibilities in good faith. These respondents did not participate in vocational training programs for preretirees and if they received such an offer from an employer, they declined it (9.7%). At the same time, 56% of those adhering to this trajectory would recommend themselves as mentors at their company or organization. Thus, this group of workers is even more interested in acquiring a new status in the organization than supporters of active changes in their employment. We can assume that mentoring allows them to remain employed at their company or organization, to implement their existing professional competencies in their new status.

The third trajectory is implemented by respondents who did not demonstrate an intention to make efforts to keep their job for a long time. Accordingly, they did not take concrete steps in this direction. At the same time, they participated in a professional training program for citizens of preretirement age. It should be noted that the majority (56.6%) did it at the

initiative of the employer. In this connection, the trajectory of such respondents is defined as 'forced change'.

In terms of a number of attitudes this group is close to those who have chosen the trajectory of active changes, this also applies to the positive attitude to the opportunity to act as mentors for young employees of the organization or enterprise (54.5%). There are also differences. For example, the majority of those who implement the trajectory of forced change (64.8%) do not follow the situation on the labor market and the professions in demand. It is possible to draw conclusion that these employees are more likely to adapt under the influence of external circumstances, rather than experience an internal need for change.

The fourth trajectory was defined as a denial of change: the workers who adhered to it did not take action to keep their jobs. Thus, they did not take part in the program of professional training for citizens of preretirement age. At the same time, 7.3% refused such an offer from their employer, while the rest did not receive it. In addition, these workers do not keep track of what professions are in demand in the labor market (72.6%). Most of them do not see themselves as mentors for young employees (56.1%). It is obvious that the measures developed by the state to promote the employment of citizens of preretirement age were not in demand in this group of the employed.

The fifth trajectory is characteristic of those who intend to make efforts to keep their jobs, but do not specify them. We can describe such respondents as 'undecided'. They do not keep track of which professions are most in demand on the labor market (65.2%). In addition, 41.7% of them would not want to try themselves as mentors for young employees in an enterprise or organization.

The trajectories we identified were combined into two groups based on the respondents' attitudes toward adapting to the changes associated with the increase in retirement age. The first group included those aimed at keeping a job or searching for a new one in the face of an increase in the retirement age. These included trajectories that involve an orientation toward active change, forced change, and preservation of the status quo.

The second group implies a rejection of changing labor behavior, including within the framework of measures to promote employment of citizens of preretirement age, which are proposed within the framework of the federal project 'The Older Generation'. It constitutes the majority of respondents (61.9%). The unwillingness of preretirees to significantly adjust employment behavior in order to minimize the risks of job loss is also confirmed by the results of other studies. Thus, O.A. Aleksandrova notes that even when applying to the employment service such workers with 20 and 30 years of work experience are more sensitive than the average in the sample to the offer to work outside their specialty and noticeably more often (at the level of 50%) are not ready to retrain in accordance with the offered vacancies [Aleksandrova, 2020: 108].

Such attitudes can be explained in terms of the peculiarities of preretirement labor motivation. According to M.V. Prokhorova and V.M. Prokhorov's research, workers over 50 years old belong to the group of 'career-comers'. Their work motivation is characterized by significantly expressed motives of material reward and avoidance of failure, the desire to avoid criticism and low indicators of the need for self-actualization. At the same time, employees of this age group demonstrate the focus on the work process, promotion [Prokhorova, Prokhorov, 2015: 62–63]. The above features allow us to conclude that preretirees are interested in keeping their jobs. At the same time, they would prefer to avoid situations in which they might experience failures and criticism. Exactly such experiences can arise in the conditions of retraining, mastering of new types of activity, search for a new job.

Thus, at the end of their careers, preretirees predominantly stick to their intention to 'finish their work in peace' at their previous workplace. At the same time, 38.1% of the respondents implement employment trajectories that imply changes. The explanations related to the peculiarities of labor motivation should be supplemented with an analysis of other factors that

influence the choice of employment trajectory by the citizens of preretirement age. Let us consider some of them.

Factors in the choice of employment trajectories by the citizens of preretirement age.

The respondents' attitude to continue working after retirement age plays a significant role. The differences are statistically significant: $\chi^2_{(df=16)} = 49.829$; $p < 0.001$. According to the findings, 33.4% give an affirmative answer to the question whether they intend to continue working after retirement age. However, the distribution of answers differs among respondents implementing different employment trajectories. Most often the intention to continue working is expressed by those who adhere to the trajectory of forced changes (50.9%), active changes (47.3%), and maintaining the status quo (42%). In turn, only 21.7% of the undecided and 26% of those who chose the trajectory of denial of change, would like to continue working after reaching retirement age. Thus, planning a longer career is the reason for choosing an employment trajectory that involves adapting to the changes associated with retirement-age increase, through vocational schools and colleges, and participating in a mentoring program.

The choice of employment trajectory also depends on citizens' awareness of the rights and benefits stipulated by the law on retirement-age increase (see Table 2).

Table 2

**Awareness of social support measures for citizens
in the context of retirement-age increase (in %) of respondents, N = 696)**

"Did you know that..."	Employment trajectories	Response options			χ^2
		This is the first time I've heard of it.	I heard something.	I know	
Citizens of preretirement age are paid benefits for a long period of time.	Active changes	38.9	28.9	32.2	$\chi^2_{(df=8)} = 32.807$; $p < 0.001$
	Maintaining the status quo	52.1	29.4	18.5	
	Denial of changes	53.3	31.9	14.8	
	Forced changes	25.5	45.5	29	
	Undecided	69.6	21.7	8.7	
Citizens of preretirement age can be retrained at the expense of the state	Active changes	18.9	20	61.1	$\chi^2_{(df=8)} = 48.214$; $p < 0.001$
	Maintaining the status quo	26.3	34.7	39	
	Denial of changes	40	33.6	26.4	
	Forced changes	25.5	30.9	43.6	
	Undecided	45.8	29.2	25	
Citizens of preretirement age have the right to be released from work for two working days once a year to undergo medical examinations	Active changes	23.3	12.2	64.4	$\chi^2_{(df=8)} = 55.369$; $p < 0.001$
	Maintaining the status quo	33.6	29.4	37	
	Denial of changes	44.3	25.4	30.3	
	Forced changes	18.2	18.2	63.6	
	Undecided	37.5	25	37.5	

So, the respondents who implement trajectories of active and forced change are aware of the fact that they can be trained at the expense of the state. In addition, they are informed about the possibility of obtaining long-term benefits in case of job loss. Those who deny change tend to be less aware of rights and benefits. The differences are statistically significant. Thus, the choice of employment trajectories that do not imply any change in labor behavior in the context of retirement-age increase depends on the fact that the respective respondents are poorly informed about the details of the reform.

Different groups of people (managers, experts, employees, workers) choose different employment trajectories. The differences are statistically significant: $\chi^2_{(df=12)} = 31.827$; $p = 0.001$. In all these groups the employment trajectory that implies denial of changes prevails. This trajectory is least often followed by managers and most often by workers. On the contrary, the trajectory of active changes is more often preferred by managers and less often

by representatives of working professions. The latter do not seek to acquire additional competencies through participation in professional training programs for preretirees. However, if they do receive training, they are acquiring skills to qualify for professional posts (computer skills, accounting, managerial activities, pedagogical activities). Managers, in turn, learn programs in the area of management activities, occupational safety, pedagogics, and computer work.

The trajectory of forced changes is most often implemented by experts (11.6%), while active changes are made by 16.6%, the same number of employees choose the trajectory associated with maintaining the status quo. If this group of employees is undergoing professional training for preretirees, then the programs selected are related to the content of activities in areas such as social work, medical practice, accounting, and training. But additional competencies in the field of computer work, management and labor protection can also be mastered. It can be assumed that such a trajectory of employment allows them to retain their previous job and profession through career growth and the acquisition of additional skills.

The choice of employment trajectories by different categories of personnel differs depending on the *sphere of economic activity*. Thus, those employed in *manufacturing industries* mostly pursue a strategy of denial of changes (52.6%) or seek to maintain the status quo (19.7%). The minority among them are undecided (5.3%) and those who implement the strategy of forced changes (9.2%). At the same time, 13.2% follow the way of active changes. Differences are statistically significant: $\chi^2_{(df=4)} = 52.4$; $p < 0.001$. Thus, preretirees employed in the manufacturing industry tend to pursue a 'cautious' employment strategy that precludes significant changes in the field of professional activity. Moreover, they are more often than others (46.1%) ready to recommend themselves as mentors for young employees of enterprises. The choice of such a strategy corresponds to the situation on the labor market. According to the 'Avito. Work' survey, old-age jobseekers are in demand in the heavy industry, and they often occupy vacancies in blue-collar occupations⁷.

Facing no competition from younger workers, preretirees employed in manufacturing industries pursue employment trajectories that do not involve significant change in labor behavior. Those employed in *commerce* also pursue employment trajectories based primarily on denial of change (68.8%) and maintenance of the status quo (20.9%)⁸. Similar attitudes are shared by those employed in *transportation and storage*. A different ratio of employment trajectories is observed among those employed in *education, healthcare and social services, professional, scientific and technical activities*. A third of respondents tend to follow trajectories that involve active or forced change. Most often they are chosen by employees of *healthcare and social services* (40.5%). At the same time, they master competencies related to their main professional activity (medicine and social work), acquire computer skills. Among *educators*, trajectories associated with active or forced change are implemented by 33.5% of respondents. Through vocational training programs for preretirees they master competencies in teaching, social work, management, computer work, medical work, and occupational safety. Preretirees working in *professional*⁹, *scientific, and technical activities* choose similar attitudes in employment.

A more pronounced attitude to acquire additional competences in the mentioned spheres of activity is explained, among other things, by the need to keep a job in the

⁷ Cited from: *Na prostorakh Rossii* [In the vastness of Russia]. Демоскоп Weekly 2019. No. 831–832. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0831/rossia01.php#13> (accessed on: June 24, 2020).

⁸ One explanation has to do with preretirees taking jobs in Internet commerce. See *Ibid.*

⁹ Professional sphere is the sphere of economic activity according to the classifier of types of economic activities, which includes lawyers, accountants, engineers, etc.

situation of competition on the labor market¹⁰. The acquisition of additional competences can be regarded by employees as a competitive advantage.

Conclusions. The results of the study suggest that the citizens of preretirement age, irrespective of their sector of employment or socio-professional affiliation, mostly follow employment trajectories that do not imply adaptation to the changes associated with an increase in the retirement age. At the same time, those of them who plan to work after retirement age demonstrate an attitude to adapt to change, including by mastering new professional competencies. Promotion of active employment of preretirees in the media and dissemination of information about the opportunities for preretirees in the current situation both at the level of employers and employment services and at the state level can promote a more active attitude toward adapting to the changes associated with the increase in the retirement age.

The continuous acquisition of new competencies, including through information and communication technologies, mastering online courses becomes an integral part of career building. It is important to understand which professions and corresponding competencies are in demand in the regions and which retraining programs will allow to master them. The results of the study showed that citizens of preretirement age rarely link the possibility of keeping a job or finding a new one with professional retraining. The majority have education and long work experience in their chosen field of professional activity, and retraining as a measure to promote employment looks ineffective. This indicates, among other things, that the proposed retraining programs and their content do not fully correspond to the situation on the labor market. It is important to build such a correspondence and at the same time to take into account the peculiarities of employment of different age groups, not only the citizens of preretirement age in the context of the situation in the regions.

REFERENCES

- Aleksandrova O.A., *Predpensionery: perspektivy trudoustroystva na stolichnom rynke truda. Arkhitektura finansov: forsazh-razvitiye ekonomiki v usloviyakh vneshnikh shokov i vnutrennikh protivorechii*. [Employees of Preretirement Age: Perspectives of Employment on the Labor Market of Russian Capital. *Architecture of Finances: Forcing Development of Economics in Conditions of External Shocks and Internal Contradictions*]. In: Maksimtseva I.A., Gorbashko Ye.A., Shubayeva V.G. (eds). *Collected Articles of X Anniversary Theoretical and Practical Conference*. SPbGEU, St. Petersburg, 2020, p. 107–110. (In Russ.)
- Vasil'yeva Ye.G., Nikolayenko N.A., *Kto takiye predpensionery? K voprosu o sotsial'nom statuse gruppy* [Who are preretirees? On the question of the social status of the group]. *Logos et Praxis*. 2020. Vol. 19, No. 1, pp. 147–159. (In Russ.)
- Ivanova M., Balayev A., Gurvich Ye., *Povysheniye pensionnogo vozrasta i rynek truda* [Retirement-age increase and the labor market]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, No. 3, pp. 22–39. (In Russ.)
- Prokhorova M.V., Prokhorov V.M. *Vozrastnaya dinamika vnutrenney i vneshney motivatsiyi trudovoy deyatel'nosti* [Age dynamics of internal and external motivation of labor activity]. *Vestnik YUUGU. Seriya «Psikhologiya»*, 2015, Vol. 8, No. 3, pp. 57–64. (In Russ.)
- Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossiye (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy rabochey sily)* [Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys)]. 2020. *Statistical book*. Rosstat, Moscow, 2020. (In Russ.)
- Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of the time]. Book 5. (Eds.) Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow: Ves' Mir Publishers, 2017. (In Russ.)

¹⁰ Thus, as of January 1, 2020, in the Yaroslavl Region, the number of offers on the labor market exceeds the number of open vacancies in the professions related to the types of activities under consideration ('economists', 'legal advisors, lawyers, judges', 'social workers', 'heads of various enterprises and organizations', 'accountants', 'managers'). See: Demand and supply of labor in the labor market by groups of positions and professions as of January 1, 2020. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dgszn/Pages/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%20%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5.aspx> (accessed on: March 30, 2021.)

- Tatarova G.G., *Metodologiya analiza dannykh v sotsiologii (vvedeniye)* [Methodology for data analysis in sociology (introduction)]. NOTA BENE Publishing Group, Moscow, 1999. (In Russ.)
- Domonkos S., Promoting a Higher Retirement Age: A Prospect-theoretical Approach. *International Journal of Social Welfare*, 2015, Vol. 24, No. 2: 133–144.
- Hess M., Rising Preferred Retirement Age in Europe – Are Europe's Future Pensioners Adapting to Pension System Reforms? *Journal of Aging & Social Policy*, 2017, Vol. 29, No. 3: 245–261.

S.G. KLIMOVA, I.A. KLIMOV

THE EXPERIENCE OF RUSSIAN COMPANIES IN SWITCHING TO REMOTE WORK IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

KLIMOVA, Svetlana G., Cand. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (sgklimova@mail.ru); KLIMOV, Ivan A., Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Social Sciences Department and Senior Researcher at the International Laboratory for Applied Network Research, National Research University 'Higher School of Economics' (NRU HSE); Senior Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (iklimov@hse.ru). Both are in Moscow, Russia.

Abstract. *This article presents the results of a study of the experience of the emergency transition to remote work in Russian organizations and enterprises in the spring of 2020. The main purpose of the study is to analyze how the lockdown has changed the strategies of managing teams: how managers determined the most pressing tasks and what technical capabilities, organizational and communicative techniques have been used to solve them. The transfer of employees to remote work entailed a decrease in the efficiency of collective work with an increase in the amount of working time; people's concerns about the stability of their work; difficulties in business interaction. Those companies that had created IT-platforms and communication channels before the lockdown managed to solve production problems relatively quickly. But the problems of motivation, engagement, trust, mutual understanding, etc. could not be solved promptly. The crisis was relatively successfully passed by those organizations that already had these skills in their corporate culture repertoire. Experience in overcoming the difficulties of the lockdown has shown that effective work outside the office is possible if managers use solutions that motivate employees to show initiative and cooperate, to find the optimal balance between control and trust. As a consequence, there appeared a demand for a corporate culture involving horizontal interaction, a combination of stability and variability of communication rules, and feedback tools.*

Keywords: lockdown • remote work • IT-systems • work time • business communication • corporate culture • cooperation • motivation • engagement • trust

DOI: 10.31857/S013216250016777-7

This article is a translation of: Климова С.Г., Климов И.А. Опыт перехода российских компаний на удаленную работу в ситуации пандемии // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 7: 50–60. DOI: 10.31857/S013216250014470-0

Relevance of the Topic. The mass emergency transfer to remote work in the spring of 2020 led to serious changes in the activities of companies and in employees' perceptions of concepts such as office, workplace, working hours, and work team. The scale and nature of the changes are shown by data of the Russian Public Opinion Research Center (WCIOM). As of May 2020, 40 per cent of Russian workers had not changed their work mode. By June, another 9 per cent had returned to their workplaces. Forty-nine percent of state-paid workers and almost as many (53 per cent) of commercial workers continued to work at their regular workplaces. In the spring of 2020, approximately three-quarters of skilled and unskilled workers and one-third of university degree professionals in both the commercial sector and budget-funded organizations remained at their workplaces¹.

¹ Expanded collection of WCIOM data for the thematic issue "Trud i zanyatost'" [Labor and Employment] (No. 1). 2020. P. 56. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom.pdf (accessed on February 12, 2021).

May 2020 saw an increase in the number of workers sent on unpaid leave; cases of workers' transfer to shorter working hours, a part-time working week at the initiative of the administration became more frequent². Accordingly, earnings decreased. According to an Internet poll conducted by V. Gimpelson and R. Kapelyushnikov, 40 per cent of workers mentioned a reduction in wages in May 2020³. At the same time, in a critical situation, some employment problems were more or less smoothed out and compensated by joint efforts of workers and managers. The WCIOM data show that the general problem of the pandemic forced everyone to enlist the efforts and to solve even those problems of labor relations and work organization that had not been solved before or had not been solved in full. The disorganization in the spring of 2020 turned out to be short-lived. By the summer, the labor situation had either returned to its pre-Covid norm by some parameters or even improved somewhat. In particular, the number of mentions of wage arrears did not increase; workers were less likely to mention the threat of mass layoffs and conflicts with the administration and other workers⁴.

The spring 2020 situation was captured in a study conducted by online interviews from April 3 to May 20, 2020 about the challenges that executives had to address in order to keep their companies operational⁵. The focused semi-structured interview included a discussion of five topics: 1) What did respondents do in relation to the transition to telecommuting? 2) What barriers and challenges have arisen in the process? 3) How do executives view the company's digitalization strategy for business processes? 4) How are the company's employees coping with adapting to the new environment? 5) How do executives see the future of their company and what employment strategy are they choosing in the context of the pandemic? The interviews lasted from 30 minutes to 1.5 hours. Our research aimed to understand: a) how executives changed their company's business processes to minimize the economic and social impact of the spring 2020 lockdown; b) what strategy in work organization and labor relations they chose; and c) what managerial lessons were learned from the experience of the emergency transition to remote work. The objectives of the study included questions about the organization of interaction and communication in work collectives that switched to remote work; about difficulties and their overcoming; about ways to compensate for losses; about the features of corporate culture that were most in demand in the remote work situation.

In our view, the relevance of these issues is not limited to the lockdown situation not only because remote work is spreading to an increasing number of non-emergency jobs, but also because this crisis has revealed problems in labor relations that existed before but were not so pronounced.

Problems caused by remote work. The main problem had to do with the fundamental possibility to preserve the workforce and the business as a whole. Periodic upheavals in the global markets and in the domestic economy have formed a set of ideas among company executives about the repertoire of possible actions during a crisis: 1) to keep the whole team or the most valuable employees, despite financial difficulties [*We do not lay off anyone; we want to keep the*

² Ibid. P. 69.

³ Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. *Rynok truda pod natiskom koronavirusa. Tsentr trudovykh issledovaniy VShE* [Labor market under the onslaught of coronavirus. Center for Labor Research of the Higher School of Economics]. 2020. P. 1. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (accessed on February 2, 2021).

⁴ Expanded collection of WCIOM data for the thematic issue *Trud i zanyatost'* [Labor and Employment] (No. 1). 2020. P. 58. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom.pdf (accessed on February 12, 2021).

⁵ The study was supported by the Ward Howell Talent Equity Institute (I. Klimov). Managers of 114 companies belonging to large (34) and medium (80) businesses took part in the survey. There were 47 regional companies, and another 8 were Russian representative offices of international corporations. Our interviewees represented the following sectors (the number of companies is given in brackets): retail (16), IT and telecom (12), manufacturing (8), pharmaceuticals (6), services and entertainment (8), oil and gas (5), financial services (6), food industry (4), as well as development and construction, transport and logistics, agricultural production, media, education, etc. In addition, it was possible to discuss the situation with representatives of three state organizations belonging to the general federal structure and the regional administration.

team to work after the quarantine. We promote the best trainers in the networks so that they could find clients for online classes. They keep the money they earn'] (1)⁶; 2) to fire / send employees on unpaid leave ['We wanted to measure KPI on whether it was necessary to have such a large number of employees. Covid forced it'] (2); 3) to make remote work permanent, while reducing the number of employees ['We're interested in using more remote telecommuting for office work and saving up to 15 per cent. It is interesting to achieve such savings'] (3).

The decision to retain the team as much as possible while allowing for a forced reduction in wages is considered optimal by most of the interviewed managers. Experts interviewed by the Public Opinion Foundation also say that this decision is typical and has been tested by previous crisis situations. Job cuts and layoffs are considered more radical and less acceptable solutions (*Sotsiologiya pandemii* [Sociology of the Pandemic]), 2021: 192, 256].

The basic condition for preserving the work force, or at least its core during the lockdown was the availability of information platforms. 'All the top managers are very happy with IT; it was even a surprise how well it worked. But now we need to decide on the production. Now we have to solve the issue of sleeping quarters at work if people can't leave, and a canteen' (4). Accordingly, those companies that did not have IT systems ready were forced to lay off employees and close down. 'There was no platform, and nothing was ready for this turn of events. Key employees could not be transferred to remote work. It was not possible and will not be possible to replace the face-to-face part of the negotiations with a remote one. Everyone was offered to quit their jobs in order to receive unemployment benefits' (5).

At the same time, the experience of urgent transfers of many employees to remote work has shown that the efficiency of IT systems alone is not enough. There are other important components such as redesigned business processes, a set of support services, a system of operational performance indicators, internal regulatory documentation, control and safety. Those organizations that even earlier created tools for the organization of distributed work, remote development, and decision-making, coordination of documents, monitoring and evaluation of the effectiveness of work, and occupational safety did not face great problems from the transition to remote work. But the existing technical and technological systems have not solved all the problems of effective work in the remote environment.

According to the interview materials, working remotely turned out to be a 'stressful field experiment' for the heads of organizations, which showed the viability of the rules and management practices that determine the order of interaction between employees. 'We work like at war, and this reveals all our ills and shortcomings and creates new ones' (6).

The number of personnel management tasks in companies increased dramatically. It was necessary to quickly devise and implement all kinds of solutions: at any cost to keep some employees working, fire others, organize self-isolation for risk groups; ensure hygienic conditions for those who continued to work at their workplaces in a company, a construction site, a store, etc.; change pay schemes, and many other things.

Managers acknowledged that work in the remote format was less efficient, but they were not always ready to articulate the cause and, consequently, the solution to this problem. Those who did find such formulations spoke of old problems actualized by the extraordinary situation. 'There is no such thing as remote self-organization. You can't just transfer offline techniques to online. Something stops working. The reason is obvious: communication failures, weak control and insufficient involvement of people' (7).

Based on the interviews, we have identified three main problem areas and, accordingly, three basic conditions for successful telecommuting. 1) *Organizational*: a clear scheme of interactions, business communications corresponding to the technology of the production process. 2) *Managerial*: skills of working in a 'flexible' team, 'teaming' competences, stimulation and control. 3) *Socio-psychological*: specific features of corporate culture: mechanisms of motivation, involvement, trust, and effectiveness support.

⁶ The number in brackets indicates the number in the list of cited authors (see the appendix to the paper).

Organization of interactions and business communications. Interaction between employees; coordinating the efforts of workers on the job (in the office) and those transferred to work remotely are the topics that executives mentioned above all when talking about their managerial efforts during the initial lockdown period. *'...In the evening – 'in the paper', and in the morning we already have to work everything out! HR people turned out to be one of the key tools in the crisis. They have to know and understand the business, see the social situation inside the company and keep in touch with the employees. They should combine an understanding of the business processes and the current economic situation in a crisis. We send risk groups to isolation, provide them with food, and those who are working need to be protected and their temperature needs to be measured. We hire people, and we have to teach them quickly and see how they adapt. And constantly we need to understand what worries people, everyone's fears and overloads' (8).*

This statement means that the organization of distributed work is not only a conveyor belt of functions. Most of today's production processes are primarily business communications – information exchange, meetings, and negotiations. Routine management tasks in the remote mode have gained newfound relevance, have become imperative because there have appeared 'gaps' in communication. For example: the context of a message is understood incompletely or incorrectly; meanings are reinterpreted; messages are delayed or arrive at the wrong address; the significance of this or that element of a business situation is subjected to arbitrary interpretations, etc⁷. Even those companies that were aware that these problems would escalate did not manage to avoid communicative failures. Their causes in the situation of online communication are objective difficulties and the lack of specific skills that participants in online discussions could not acquire overnight. Objective difficulties arise from the lack of important elements of background knowledge of the work situation and poor working conditions at home. Specific problems that arise in the situation of online communication are the lack of communicative skills in formulating short and clear messages; inadequate or incomplete understanding of the partner; improper ascription of meanings of statements, etc. [Shirokikh, 2016: 89–90]. In the situation of personal communication these problems are largely compensated by background knowledge drawn from diverse and often informal sources; the use of nonverbal means of communication; less rigid time and normative regulation of business discussions.

Executives in their interviews mentioned only the most acute problems of online communication. These are, first, the difficulties caused by the lack of the right conditions for working at home. Executives were obviously proud of their willingness to create such conditions. *'<Our IT-company> gave employees ten days to arrange a work environment at home. After all, it's clear that there are household activities and kids and cooking and things like that. People need to learn to survive together in a confined space, to adjust their routines. Stress, fear, and burnout are worse than idle time' (9).* Following the workers, managers moved their working stations to their homes. *'Wherever you are, we'll bring you your workspace, too. Many don't even have chairs at home, and the employee's back is, in effect, a working tool' (10).*

Second, communication failures were due to problems with temporal synchronization of actions. *'The main difficulty is organizing synchronization between units and within units. <This> problem was solved by organizing an operational rhythm of meetings: we introduced daily check-up meetings' (11).* Thirdly, managers were overloaded, and so they could devote less time to interaction with their subordinates. This sharply reduced the quality and efficiency of business communications. *'Production and logistics are overloaded. The difficulties which I consider very serious are overloading of managers. It takes a lot of effort to maintain communication internally, and it still happens to be insufficient' (12).*

The reasons for communication failures are not limited to those mentioned in the conversations. Obviously, the topic of business communication in the remote work environment requires reflection and development of specific procedures and skills on the premise that this practice will become widespread.

⁷ For the processes of encoding and decoding messages in communications, see [Hall, 2001].

The technology of business communications is the most obvious, but not the only problem of organizing teamwork in telecommuting. It follows from the materials of the interviews that a wide range of issues related to corporate culture proved to be relevant. Topics that previously seemed secondary in the nomenclature of managerial competences turned out to require operationalization and immediate solution. The question of which aspects of corporate culture have become much needed in the remote work situation is interesting, because it shows not only the situational, but also the stable significance of the mentioned elements. As can be seen from the materials of the interviews, the ideas about proper (acceptable, desirable) behavior in hierarchical and horizontal business interactions took on increasing importance in the first place. Difficulties started to appear due to the absence or uncertainty of important elements of the corporate culture: norms, mutual expectations, everyday practices manifested in teamwork skills; leadership competencies, trust and involvement. Let's note the skills that were most frequently mentioned in the interviews.

Ability to work in an 'agile' team, 'teaming' competencies, leadership. IT-companies spent no time on 'expanding' the bandwidth of platforms and communication channels. It was only natural that they were able to do this 'almost instantly': *'In the morning of the next day, it still did not work, and by lunch everyone was able to work'* (13). Quite quickly they formulated the tasks of mobilizing teamwork skills (the so-called teaming competencies) that previously existed in the background⁸. *'We realized pretty quickly that we absolutely needed team feedback. This is not just migration of projects to a remote location, but also an increased workload, and this overlaps with a host of other problems, intertwining the family, personal and work <issues>. That's why we use different methods of work – from conversations with 'team leads' and game surveys to informal online gatherings once a week in the evenings, – we bring in psychological support'* (10).

It seems that not everyone was able to change over to remote work so quickly and successfully. Some of our interlocutors (6 companies – IT, telecom, e-commerce, education, delivery services) admitted that when organizing remote work, the efficiency of both individual employees and the company as a whole was noticeably reduced, while the workload increased unnecessarily. Judging by the interviews, the difficulties were caused, along with technological circumstances and defects in the organization of collective work in the remote mode, by the immature work culture in distributed teams;⁹ unpreparedness of employees and managers to interact exclusively online.

The number of short, informal meetings and conversations between employees declined while working remotely, so there appeared a feeling of detachment from what was happening in the company. The rituals of working together in the office – briefings, setting tasks, coordinating project work – 'fell into abeyance'. *'It turned out that online cannot fully replace the many functions of offline rituals – uniting, engaging, and motivating. And they are just as important for executives as they are for <ordinary> employees'* (14).

Executives who demonstrated a willingness to take on full leadership quickly mobilized their competencies. Tools for organizing distributed work, decision-making, document coordination, management and assessment of performance were complemented by a set of diverse practices based on soft skills¹⁰. And this combination of managers' willingness to take responsibility and simultaneously delegate initiative helped greatly in supporting employees and maintaining a 'positive attitude and teamwork' (a collaborative atmosphere). In this respect, companies were quite creative: they introduced surveys as a feedback tool; organized evening small talks with different members; initiated informal horizontal communication and acquaintances; launched 'challenges'

⁸ The concept of 'teaming' was suggested by Amy Edmondson to denote teamwork, collaboration aimed at solving a specific task and achieving a specific result without excessive immersion in 'team-building' [Edmondson, 2012].

⁹ A distributed team is a group of employees physically based in different locations and working on a common task within a single business process.

¹⁰ Soft skills are 'flexible skills' that are related not to basic professional knowledge and experience, but rather to the ability to organize teamwork, conduct transactions and negotiate with colleagues, creativity, ability to learn and adapt to changes.

(in this case, the initiative-call to solve a problem); analyzed the level of employees overtime and helped them individually build an acceptable 'life-work balance'. *'In the canteen, there was a practice of coming up, getting to know each other, and chatting over lunch. Online, too, 'coffee talk' was organized – first you fill out a small questionnaire, then during your break you are randomly offered an interlocutor for a casual conversation'* (10) (a large IT company).

As a special competence related to the organization of collaboration and remote work demanded by the situation, managers mentioned the themes of trust and group involvement. Most often, respondents named two obstacles: the prevalence of 'vertical' relationships in teams to the detriment of horizontal ones and the desire for greater control over the actions of employees. Taken together, this undermines the foundations of trust between employees and managers, creates a sense of uncontrolled development of the situation and distorts mutual expectations. As a result, the group involvement of employees is weaker than it would be necessary in the conditions of the objective impossibility of strengthening control.

The need to build trust for successful telecommuting was talked about in practically all the interviews: *'Trust is a very important factor; trust is the basis of an effective team. This is a great additional burden on the team leaders. It's on them that the feeling of collaboration, common work, and support depends'* (15). The trust theme was seen by the respondents as an alternative managerial task with regard to control. But what business tasks and managerial problems the leaders had in mind when they talked about trust was not quite clear. Sociological concepts analyze the trust theme in terms of the idea of the basic need of people in long-term relationships based on generally recognized values, which help predict the development of events in joint actions [Seligman, 2002: 8]. In addition to the value component, there is also a cognitive component to the trust theme. This was mentioned by A. Schütz when he described the mechanisms of the emergence of common meanings in interpersonal interaction. He claimed: *'Any forms of social interactions are based on previously described constructs relating to understanding of the other and patterns of action in general'* [Schütz, 2004: 24]. Knowledge concerning tools, procedures, social institutions, customs, and symbolic systems presupposes similar knowledge in other people and determines behavior. Accordingly, *'the task of philosophical sociology is to study the modifications to which common or similar systems of relevance are subjected'* [Schütz, 2008: 87]. The third component of the trust theme is emotive. J.T. Toshchenko draws attention to the fact that the result of interaction is not only joint understanding of the meanings of events and actions, but also joint experience: sensual and emotional assessments of social processes and natural phenomena [Toshchenko, 2016: 8]. E. Giddens introduced two other distinctions in the trust theme: trust in institutionalized personal ties and 'trust in abstract systems' [Giddens, 1990: 114, 119, 120].

Our respondents, when talking about trust issues in the context of remote work, more often had in mind trust in institutionalized personal relationships. The interviews highlighted relationships based on trust between managers from different companies, and relationships between employees, managers, and subordinates within a company. Trust-based interactions between different companies became fast and widespread and proved to be effective. Moreover, these interactions were a prologue to the formation of professional communities. Informal assistance in an emergency situation has, in some cases, acquired the status of a sustainable practice based on formalized agreements. This is what our informants and respondents of the Public Opinion Foundation [Sociology of the Pandemic, 2021: 203–205] say. Practices of cooperation between companies based on 'gentlemen's agreements' include cooperation between companies on mutually complementary functions much needed in the pandemic situation; exchange of personnel; creation of professional communities for joint projects; interregional cooperation of professionals; solidarity actions in defense of common interests.

Judging by the interview materials, the relationships of cooperation based on trust are not so smooth between employees and management inside companies. Our interviewees described situations in their companies and talked about a lot of signs which evidenced 'cultural conflicts', 'lack of maturity' of employees, their insufficient self-reliance, responsibility and

initiative. On the other hand, the interviews revealed much evidence to the effect that managerial practices, too, did not always pass the test of remote work complicated by epidemic and self-isolation. *'Line managers have begun to 'tighten screws', turn on total control and surveillance, so we have to train them in feedback and performance management of subordinates. We didn't realize this so acutely before'* (16).

As the interview materials show, trust in the primary labor collectives (work teams) within a company was undermined mainly by managers' doubts about the discipline of employees. *'The technical platform is all good. Remotely everything is great. But the managers are not ready. They have a feeling that it is difficult to control the employees'* (17).

We do not know how much these doubts were justified. Perhaps the reason could be found in the previous facts of violations of labor discipline, or perhaps the problem was in the limited repertoire of managers' competences, in particular in the lack of team management skills other than control. Since our respondents were chief executives, they sometimes made it a duty for line managers to trust their subordinates. *'Not all employees were willing to self-organize, and there was low discipline, hence there was anxiety, low mood and decreased effectiveness. We saw unpreparedness of line managers to trust their employees; there is a skew toward hyper control'* (16).

The correlation between the functions of control and motivation based on trust is one of the 'eternal' questions of effective personnel management. One of our interlocutors articulated the duality of the task at hand quite succinctly: *'You need to have a lot of discipline and learn to trust employees. You need a good mix that will keep up team dynamics and synergy'* (2). In our view, this is the main challenge of today's crisis: we need to reconsider the basis of trust and the tools with which it is achieved.

The rush transfer to remote work showed the urgency of this dilemma, but in the interview materials we did not see examples of solutions. It seems that the executives were not ready to present them. Their education, life, and professional experience, the trend of the post-Fordist ideology of personal competition as an alternative to the archaic Soviet collectivism did not provide the knowledge of how to trust employees and still achieve effectiveness. *'The discussion about employee control has taken a new turn. How to provide not just a comfortable digital workplace, but how to communicate, how to stay in the processes of the company. Management has always been in favor of control. Now the coronavirus has created a unique situation. Employees are tolerant of experimentation and open to collaboration'* (6).

The interview materials suggest that the shift from the concept of impersonal functionality to a 'human relationship' based on cooperation and trust does not raise suspicions of manipulation and probably meets the employees' expectations. Attention to employees and their opinions and assessments has been found to have a multiple effect, both for business results and people's moods, and brings personal satisfaction to the manager. *'Every week I hold a teleconference with the entire company and feel how much it gives the employees and me. It begs the question – why didn't I do this before telecommuting?'* (17).

Reflecting on the crisis experience and prospects for online work An analysis of the urgent and mass transition to online work in the spring of 2020 showed that remote work may well be a regular part of the employment relationship. While earlier it seemed a very distant task that was difficult to implement, a year later remote working (with its pros and cons) has become a fact of corporate life. The "space of the possible" has greatly expanded. Both the initial and subsequent experience of living and working under quarantine restrictions allows us to draw several conclusions and generalizations.

1. The experience of remote work, caused by the pandemic emergency, has shown that this practice is viable for many types of work. At the same time, remote work has proven not to be quite 'good', since it is associated with stress caused by the fear of stability of one's position and status prospects; difficulties in business interactions; combining work and home affairs, worries about one's physical health and material well-being. The potential of telecommuting can be realized if the fears and negative experiences of both managers and employees are transformed

into positive and mutually acceptable solutions, and if perceptions of the 'extraordinariness' of the current situation will give way to technical algorithms for effective work outside the office.

2. Remote work became a catalyst for new requests for work and labor relations. In particular, it helped bring up to date the values associated with informal collectivist relations at work (team feedback), which previously seemed to be a dispensable and even archaic management task, contrary to the 'modern' principle of personal competition (for example, ratings or other symbolic status signs). These requests can be situational, appropriate in the event of upheavals (e.g. a decision to keep the staff as much as possible while allowing for a forced wage reduction), but also long-term ones oriented to cooperation and collaboration, horizontal interaction when solving complicated production tasks (for example, group work on autonomous projects). This task is especially important for companies engaged in business development or innovative activities.

3. The remote work experience stimulated the concerns of many workers regarding the threat of unstable employment. These concerns were largely allayed by Law No. 407-FZ, which came into force on January 1, 2021¹¹. Amendments to the Labor Code equalized the concepts of 'distant' and 'remote' work. The Law provides for three forms of distant work: permanent one stipulated by the terms of employment; temporary (forced transfer to distant work at the initiative of the administration in the event of a natural or man-made accident or epidemic); and periodic, if an employee works both in and out of the office (Art. 312 of the Labor Code).

4. Although managers have often talked about the need to find a balance between control and trust, this idea has not become dominant. Executives fear losing the ability to effectively manage employees and are contemplating more or less extensive systems of digital control. By implication, we can conclude that employees, too, often lose adequate insight into the intentions of managers, their motivation and vision of the current situation, as well as of the situation of the company as a whole. The crisis seems to aggravate the conflict between the different dominants of corporate culture. It is not only stability vs. variability, but also hierarchy vs. flexibility; competition vs. cooperation, control vs. responsibility. We can say that in many Russian companies a large-scale experiment with forms of distant work will prompt a rethinking and reinstallation of the 'grounds of trust' on which the interaction between employees and managers is based. In the near future we will see that the correlation between control practices and practices of initiative and self-organization of employees will be rethought and redefined. This redefinition is not directly related to the situation of remote work, although stimulated by it. The mass transition of employees to telecommuting has formulated the task of finding a balance between offline and online management tools. There is a growing confidence in the need for special managerial competencies for organizing teamwork and maintaining the value and normative framework of effective teams: motivation, involvement, trust, stimulation of initiative and development of horizontal ties.

5. The practical tasks of information exchange in a teamwork situation can be solved on the basis of modern sociological concepts. In particular, M. Castells has shown that in network communities, power as an organizing principle does not disappear. But its nature changes significantly. Attributes and symbols of status and hierarchy (office, suit, or car) become less and less visual, visible and effective. Efficiency goes to leadership, horizontal interaction, a combination of stability and variability of communication rules, and feedback tools [Castells, 2011]. These observations are applicable to describe the relation between the dominants of corporate culture and the performance of distributed teams when working remotely. Corporate culture is either a barrier or a good resource for unlocking the potential of distributed and remote work. Effective remote work "doesn't feel good", as one of our interviewees put it, in a system of rigid hierarchical relationships. It requires different principles of leadership and subordination, initiative and responsibility.

¹¹ Law No. 407-FZ 'On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation Regarding Regulation of Distant (Remote) Work and Temporary Transfer of an Employee to Distant (Remote) Work at the Initiative of the Employer in Exceptional Cases'. URL: <https://rg.ru/2020/12/11/udalenka-dok.html> (accessed on February 12, 2021).

APPENDIX

**Information about the status of respondents whose statements are quoted
in the article, in order of first citation**

- (1) General Director, owner. Regional network of fitness clubs represented in several regions (except Moscow and St. Petersburg).
- (2) Commercial Director. All-Russia company. Non-product retail, building materials.
- (3) HR Director. Large all-Russia company. Non-product retail, electronics.
- (4) HR Director. Large all-Russia company. Oil and gas sector.
- (5) General Director of the regional division of the company. Audit service.
- (6) Deputy General Director, Network Development Director. Large all-Russia Company. Food retail.
- (7) Deputy General Director. Russian IT company, medium business.
- (8) HR Director. Large all-Russia company. Food retail.
- (9) HR Director. International IT-company, Russian representative office.
- (10) Deputy General Director for Legal Work. Large Russian IT company.
- (11) IT Director. Russian engineering company, medium business.
- (12) HR Director. Russian pharmaceutical company.
- (13) Deputy General Director – Executive Director. Large Russian telecommunications company.
- (14) Deputy General Director – Director for Organizational Development. Major Russian industrial company.
- (15) HR Director. Russian IT company, medium business.
- (16) Deputy General Director, HR-Director. International pharmaceutical company.
- (17) IT Director. Regional company. Industrial production, medium business.

REFERENCES

- Castells, M., *A network theory of power*. International Journal of Communication. Los Angeles (CA). 2011, Vol. 5, pp. 773–787.
- Edmondson, A.C., *Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy*. Jossey-Bass, 2012.
- Giddens, A., (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford University Press, Stanford, CA, 1990.
- Hall, S., *Encoding / Decoding. Media and Cultural Studies. Key Works* / Ed. by M.G. Durham and D.M. Kellner. L.: Blackwell Publishers, 2001, pp. 163–173.
- Schütz, A., *Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected writings: The world glowing with meaning]. Translated by V.G. Nikolayev, S.V. Romashko. ROSSPEN Publishrs, Moscow, 2004 (In Russ.)
- Schütz, A., *Some structures of the life-world. Voprosy sotsial'noy teorii*. 2008, Vol. II. Iss. 1 (2). pp. 72–87. (In Russ.)
- Seligmen, A., *The problem of trust*. Trans. from Eng. I.I. Myurberg, L.V. Soboleva. Ideyapress Publishers, Moscow, 2002. (In Russ.)
- Shirokikh, E.A., *Prichiny kommunikativnykh neudach v internet-diskurse* [Causes of communication failures in Internet discourse]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Series: Istoriya i filologiya*, 2016, Vol. 26, Iss. 3, pp. 86–92. (In Russ.)
- Sociology of a Pandemic. Proyeckt KoronaFOM*. Head of the author's team: A. Oslon. InFOM, Moscow, 2021. (In Russ.)
- Toshchenko, Zh.T., *Zhiznenniy mir i yego smysly* [The world of life and its meanings]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 6–17. (In Russ.)
- Toshchenko, Zh.T., *Zony uyazvivosti v prostranstve vozmozhnostey* [Zones of vulnerability in the space of opportunities]. *Readings from Yadov: Perspectives of sociology*. Collection of scientific reports of the conference on December 14–16, 2015. Ed. by O. Bozhkov et al. EIDOS Publishers, St. Petersburg, 2016, pp. 182–191. (In Russ.)

© 2021 r.

S.Yu. BARSUKOVA, A.V. ZVYAGINTSEV, L.S. LAPTIYEVA

THE EXPERIENCE OF YOUTH PARTICIPATION IN ELECTION CAMPAIGNS AND ITS IMPACT ON THE CIVIC POSITION

Svetlana Yu. BARSUKOVA, D.Sc. (Soc.), Professor, Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (sbarsukova@hse.ru); Arseny V. ZVYAGINTSEV, student of lyceum 1535 (zvyagintsev.a@liceum1535.ru); Lidiya S. LAPTIYEVA, student of lyceum 1535 (l.laptieva@inbox.ru). All – Moscow, Russia.

Abstract. *The statement about low electoral activity of young people is among the empirically proven ones. However, voting (or not voting) is not the only way for young people to participate in the electoral process. Election campaigns are a space of activity with a variety of functional positions that differ in qualification requirements and the size of payment. In this article, election campaigns are considered not from the standpoint of ideology, but as organizational formats to involve young people in activities related to the election campaigning in the Russian Federation. The article discusses the activities of young people as street agitators (traditionally called volunteers), organizers of the work in election headquarters, public observers or members of precinct election commissions. The article consistently answers the questions: what are the channels for mobilization young people in election campaigns? What is motivating young people? What forms of activity do carriers of differing motivations choose? How do young people summarize their experience of participating in election campaigns in terms of their political and career self-determination? The answers to these questions were obtained on the basis of interviews with persons under 28 who had experience of participating in election campaigns in the Russian Federation.*

Keywords: *political volunteerism • election campaigns • political technologies • motives for participation in election campaigns • forms of youth participation in election campaigns*

DOI: 10.31857/S013216250016778-8

This article is a translation of: Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на гражданскую позицию // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 7: 90–100. DOI: 10.31857/S013216250015537-3

The statement about low political activity of young people in current Russia became a cliché. The main argument in favor of the statement is low electoral activity of young people. [Martynova, 2013; Gorshkov, Sheregi, 2010]. However, electoral activity is not the only indicator of youth politization. The latent politization sign are young people's statements on the political system, their vision of the legitimacy of the current government. Such self-determination in the political space can bring the youth to active political actions under certain circumstances.

The article has been written in the framework of the joint project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Autonomous Nonprofit Organization "Expert Institute for Social Research" (ANO EISI) (project No. 20–011–33048).

Political self-determination, including consciously chosen political indifference, can happen against a background and under the influence of various events of micro- and macrolevel. The

important part in their interpretation belongs to mass media [Kazun, 2020; Kazun, Semykina, 2020]. But speaking of the *personal experience* space, immediately connected with the political sphere, the most important experience may become *participation in election campaigns* of candidates to elected government bodies. Election campaigns are a space of activity with a variety of functions, such as street propaganda work in favor of a candidate, work in election headquarters, the performance of duties of public observers or members of precinct election commissions. This vital experience in the youth civic education is very important for the formation of civic position of the young people.

Thus, in this research work we will try to describe the experience of participation of youth in election campaigns and to summarize, what conclusions the participants of the campaigns made, on what had influenced their self-determination in the political sphere.

The empirical base. In the framework of the research, there were collected 31 surveys with young people under 28 when they took part (in any way) in election campaigns. We did not limit ourselves with a certain region, period, or level. Our informants are people who, when schoolchildren, students, postgraduates or young specialists, took part in election campaigns of various levels. They got their experience in campaigns in Moscow, Novosibirsk, Ulyanovsk Region, and Krasnodar Territory.

The age restriction of the research (28 years) is related to the age at the time of participation in the election campaign, but not to the current age of respondents. Somebody participated in election campaigns of the mid-2000s, another told of the experience of the past year. Some respondents had a repeated and varied participation experience in election campaigns. Such a research design allows to compare the assessment and experience of those who participated in election campaigns in different years and in different capacities. The surveys mention respondents' status at the time of the survey, while at the time of their participation in election campaigns they were mostly students, sometimes seniors, postgraduates and young specialists.

The surveys were conducted in September-December 2020. To seek the informants, a short announcement of the research was posted on Facebook in order to get assistance with respondents. The surveys were being recorded in Zoom for 35–70 minutes and later they were transcribed.

Youth in common sense is considered to be the time of transition to social responsibility. The objective of this research is to test the hypothesis that the participation of young people in election campaigns is not a transition to social maturity, but its manifestation. The surveys were the attempt to obtain answers to the following questions:

Is the youth participation in election campaigns a sign of active civic position?

Is it well-grounded to define this phenomenon "political volunteerism"?

Is the participation of young people in election campaigns a stage of the involvement into the political process, or can it result in the opposite effect of depolitization?

The channels to get to election campaigns. There are no less as the two channels' groups to mobilize the youth. They are institutional channels and network ones.

The first group are formalized structures with granted powers to send young people to these or those positions in election campaigns framework.

Until recently in accordance with the decree "On the main directions of the youth policy in the Russian Federation" from June 3, 1993 the youth category included citizens from 14 to 30 years old. On November 11, 2020, the State Duma approved the draft on raising the youth age to 35 years.

For example, there can be parties or social movements empowered by law to send their representatives as public observers to polling stations on the voting day.

Another variant of mobilizing are nonformalized network structures as steady nonformal links on relation or friendly terms. The network mobilization forms confidence among the participants of the process: *"Everybody came by acquaintance. There was no advertising. There only were acquaintances' acquaintances. Random people did not come. That is why there was no danger of provocations or disclosure of secrets"* (masc., a postgraduate). The advantage of

network mobilization is the formation of network confidence. This is vitally important for the activity, attended with different violations facilitating the way to the victory.

Sometimes, mobilization can involve both network channels and formalized structures. Thus, a precinct election commission (PEC) membership is formally reconciled and approved by the city election commission. However, *"my father worked at school, was well acquainted with the schoolmaster, who offered me part-time job as a member of PEC"* (fem., an individual entrepreneur). In this case, the formal order was used as a tool for realization of nonformal agreements between the schoolmaster and the father of the future PEC member.

There are some differences in the channels of mobilizing progovernment candidates (formally independent or nominated by parliament parties) and forces united with the concept of nonsystem opposition to election campaigns.

Mobilization of youth to participate in campaigns of progovernment candidates is actively used by formal channels. They may be Youth social councils at regional election commissions, Youth Parliaments under regional administrations, etc. Thus, during S. Sobyenin's election as the Mayor of Moscow the active youth mobilization was conducted through the Development Center at Moscow Government and "Mosvolunteer", the Resource Center of development and support of Volunteers movement. It means that the leaders of political space actively use formal organizations and their administrative resources to involve youth in election campaigns. As a result, more than ten thousand volunteers took part (so far, leaving apart the disputable applicability of the term) [Барсукова, Ионова, Сафиуллина, 2020] in S. Sobyenin's headquarters.

The version of compulsory participation of youth in election commission was not approved in our surveys. The participation of seniors and students was voluntary, with no direct or indirect administrative compulsion from the side of educational institutions authorities. The only case of open pressure was shown in the story of a young official of the service of social defense: *"They told me: 'Either you will agitate or we will reduce you' So, I agreed not to lose the job. Of course, they did not say this directly. Just: You can refuse, but you are an adult and you understand all the consequences."* (fem., a specialist). The agitation for a member of United Russia Party was meant.

Small players of the political process and opposition candidates cannot lean for support on formal structures in seeking youth to participate in election campaigns. In this case, the mobilization is conducted through network channels. *"A friend of mine invited me there, my group-mate, who used to be in contact with 'The Apple'"* (masc., a student). Opposition candidates lean for support on volunteers with similar political views. *"I came to their headquarters myself. It was such an activity, as if self-organizing"* (masc., an employee of a company).

Among the youth participating in campaigns of progovernment candidates there were no uniform political orientations: the surveys showed both the open support and openly declared political indifference. But opposition candidates possessed a youth group of support, more uniform from the standpoint of political orientations.

Motivating of the youth participation in election campaigns. Let us see, why young people took part in this activity. This was a voluntary activity, with few exceptions.

The surveys analysis has shown five motives which in their combination urged to the participation in election campaigns. They are ideal types which divide up the principles of "payment/no payment" and "strong/weak politization".

Partiers. An election campaign to partiers is like a merry, sometimes dangerous adventure. Usually they get there by accident, with their friends, for the company. It is noteworthy, that sometimes the partiers do not remember who was elected and where with their immediate participation.

"I believe, in Duma.

What? State or regional?

Well... Do they differ? (Laughing)» (fem., a student).

The motivation "to hang out" is typical of seniors and students who have nothing to do during summer vacations. *"It was summer, everybody was away, I had nothing to do", "I thought,*

why not". The election campaign seems to be an interesting leisure, where young people meet to do a light work in summer. They are little interested in the political agenda and ideological discussion. *"I can tell many gags. I enjoyed myself"* (fem., a student).

Careerists. They take the election campaign as an element of career-making: some plan to get the profession of a campaign manager, others try to become a party administrator or an assistant deputy. Thus, one of the respondents dropped out of the institute and began working in the apparatus of a politician. Ambitions to become a politician are not excluded.

But even if they do not plan to connect their career with politics and elections in the future, "careerists" find opportunities to benefit from the participation in election campaigns, for example to acquire connections for future recommendations or a line in a resume. Somebody tells what an important thing for one's image are selfies with famous politicians.

Of course, not all the parties and not all the candidates are equally good from the standpoint of a "careerist". The work for "United Russia" is considered the most valuable. But other parliamentary parties have their advantages, too. *"Communists clearly need fresh blood. Now it is easy to stand out there to be seen and advanced"* (masc., an unemployed).

Wish to earn. Some young people participate in election campaigns mostly for money.

In mass media street agitators are often called volunteers, but this is not always correct. The volunteer works for free, proceeding from inner beliefs. But many respondents were paid. *"They paid, but still called us volunteers, because it was a slush fund, we got cash-in-hand"* (masc., a student).

It should be said that among street agitators there are those who can justly be called political volunteers. Usually, they take part in elections on the side of nonsystem opposition. We cannot judge the financial aspect of these elections, but most ordinary street agitators worked for free. The possible cause is not the tight budget, but the protest rhetoric addressed to the active civic position, which make the money question irrelevant. *"What money? Do you like corruption in our country and everything? I don't like it. That is why I have come to you. Where do they get money, if they are combatting corruption? Everybody worked for free there"* (fem., an employee of the social movement apparatus).

But such political endeavor is rather the exclusion of the rules. The idea of the paid labor prevails. Young people can earn good money in election campaigns. In some places they were paid daily, in others they were hired on a piece-work basis relevant to the activity. But it was very good money for seniors and students. [Barsukova, Ionova, Safiullina, 2020]. Those who were mostly motivated with money had little or no interest in the result: *"On the eve of the elections they invited us to their office. They said that we have done a great work, but nobody cared for them. Everybody wished to be paid"* (masc., a student).

Typically, street agitators are hired with no formal contracts. Unreported funds of election campaigns are spent for the purpose. [Gel'man, 1998; Barsukova, Denisova-Schmidt, 2020]. *"We signed something, but there were no the precise figures there"* (masc., a student). One of the reasons for unreported employment was that the personnel of street agitators is not constant (many of them refused in several days) and the documentation of their activity would significantly increase administrative costs.

It should be emphasized that "the love of money" does not mean political indifference of this motivating type. Political ideas can be present. But the decision to participate in the election campaign is adopted for the sake of earning money.

Advocates of honest elections. Some young people participating in election campaigns wish to ensure the maintenance of electoral process: "it must be honest".

Advocates of honest elections find themselves as public observers and members of precinct election commissions, where they are ready *"to invest their time into the feeling that you follow your ideals, that the elections at this precinct were honest thanks to your participation"* (M., an employee of a company).

Public observers in election commissions possess high social and civic activity [Skokova, 2015; 2016]. The public observer is in the position of an arbiter. He is above the fray and takes care to ensure that the strongest wins. And it may happen that the strongest political force is

not the object of his affection. This motivation type is ready to victimize own political preferences for the sake of the formal process. In the scale of their preferences the observance of the law is higher than the political force they are voting to. Despite philistine skepticism the activity of public observers can restrain falsification of the result of the vote, when not remove it [Korgunyuk, 2008].

Fighters for political ideas. Politicized young people are forging victory of “their own” candidate. This motive is emphasized among opposition young people. *“I agitated actively for Navalny, when he was a candidate for the mayor. I got propaganda materials, tried to distribute them in the underground, spoke to people. I had full-time work then and after the work I made this propaganda. It was the perfect volunteerism, the work for free; it was such an intensive initiative from below”* (masc., a young specialist).

Such a motivation type could be met among advocates of nonsystem opposition. There were no passionate defenders and conductors of progovernment candidates’ interests during the surveys. On the contrary, young people who had worked at election campaigns of progovernment candidates, who leaned for the support on the administrative resource and understood its importance for the election result, got a great dose of cynical attitude to the electoral process.

Youth participation forms in election campaigns. Our research revealed several youth participation forms in election campaigns which differed both functionally and also from the standpoint of activities organizing, qualification requirements and possible reward.

Here is a short description of these forms of activity in the Table.

Table

The Participation Forms in Election Campaigns and their Features

Forms	Functional	Duration	Qualification	Channel of mobilization	Wage
Public observers	Not to allow violations at the PEC during voting	The vote period	The minimal training or instructing	The appointment from a party or a social movement	For free, rarely a reward about 500 rubles
Members of precinct election commissions (PEC)	To ensure voting process	Preparation (lists of electors, absentee ballots, the placing) and voting process	Training, instructing, courses for PEC chairmen	PEC is formed mostly of the social sphere employees (voluntary and obligatory character)	Guaranteed payment from the budget for hours worked. Usually 2–4 thousand rubles
Street agitators	To attract attention to candidates, to urge voting for them	From some days to several weeks according to the election campaign design and its budget	Communication skills are necessary	Mobilization announcements or network contacts	Variants: from assistance for free to generous remuneration
Team leaders of street agitators	Organizing activity of street agitators	Period of conduct of street agitation	The experience of organizing activity	Mobilization announcements or network contacts	Paid work, even when agitators worked for free
The election headquarters members	Organizing election campaigns	Involvement 24/7 during the entire period of election campaign	Creativity, the experience of conducting campaigns	Political analysts mobilize “their” teams on the base of network contacts	Payment depends on the budget of campaigns

It is obvious that young people choose different functional roles related to their dominating motivation.

"Partiers" prefer streets and various adventures in headquarters: street agitation, door-to-door making, distributing agitation materials in public places, organizing meet-and-greet, etc. They do not wish to be public observers at polling stations or to work as members of precinct election commissions. *"What is the commission? The head teacher and other teachers. There is nobody to have parties with"* (masc., a postgraduate).

"Careerists" prefer to work at headquarters. They can see politicians, future deputies there. They are not interested in other activity forms.

Those who wish to earn avoid the work of public observers (nearly always for free) or members of a PEC (guaranteed but very modest payment). They prefer to work at headquarters or as a street agitator, where seniors can earn good money for their age. But with an important reservation: the payment depends on the company's budget, i.e., it differs by different candidates. So, this motivation type seeks for the "costliest" company.

Advocates of honest elections find themselves as public observers and PEC members, where they oppose violations during the voting. They will not agree to tear their competitors' flyers away, to fabricate fake news etc., so, they are not well either for street agitation or for work at the headquarter, with their principle of "victory at any cost".

At last, fighters for political ideas, on the contrary, are not public observers or members of the PEC. They need actions to promote their interests' representatives. Therefore, they work at headquarters or (when having no experience) in the streets: to stand on curbstones, to distribute flyers, to agitate, to collect signatures, etc.

Thus, functional variety of the activity allows to involve differently motivated youth into election campaigns.

The conclusions made by election campaigns participants. Campaigns come and go and their participants remain. The experience they have got in campaigns determines significantly their further attitude to political processes, impact their political self-determination.

As a whole, young people's recollections of their participation in election campaigns vary from extremely negative to enthusiastic ones. Negative recollections concentrate on the following three moments: the activity organizing, the payment of the labor and the application of the administrative resource.

The activity organizing. Young people mostly expected election campaigns to be the territory of the partner management style and of team spirit. Bureaucratic management style and the leaders' authoritarian inclinations were an unpleasant surprise for many of them: *"What I disliked much in this headquarter ["The Apple" headquarter.– Author], what upset me much, was the bureaucratic atmosphere, stupidity in organizing everything"* (masc., a student). *"On the whole, organizing was a full thrash. To tell honestly, the candidate was quite inadequate, very toxic. Nobody loved him. That is why, were it was possible to skip work, everybody did. Working for the candidate everybody wished him a failure"* (masc., a postgraduate).

Payment of the work was "a hot point" in relations with the employer, because nearly always the unreported budget of election campaigns was used for the salary of street agitators. *"The payment scheme was changed many times. At first, they said that would pay once a fortnight, then that they would pay once a week, then every day, but they did not pay. And the rumors increased that they would not pay at all, that they would screw everybody"* (masc., a student).

Virtually all the young people who wanted to work up in campaigns, understood in some degree that the deal was unreported one. Many street agitators hoped for an oral agreement and usually they got cash-in-hand. Some tried to guess where do they get money to pay them: *"Clearly, they saved on typography. The paint was left on my fingers. And T-shirts? They were utter crap, the cheapest stuff. They laundered the money there"* (masc., a student).

One of our respondents, a young employee of a regional administration, spent two months in rural constituencies, organizing the work of election headquarters. He was regularly paid a salary of a specialist of the department he was listed in.

Thus, the participation in election campaigns was for young people an excursus to the unreported economy with risks and insecurity of labor rights typical of it.

The use of administrative resource also belongs to unpleasant discoveries of young people. Some of them resumed their experience of participation in election campaigns like parting with illusions regarding political contest. The participation level was of no importance; everybody spoke of the administrative resource, from street agitators to PEC members.

Thus, an ordinary student, a team-leader of street agitators, discovered for himself that *"flyers were to be put up at night. Then all the flyers except those of "the United Russia" were soon taken off."* (masc., an unemployed). In this way a young man got acquainted with what is usually called an administrative resource.

A member of a PEC tells: *"at the end of the elector day came women from the administration, moaning and clucking, some voices are wanted for somebody. ... It was clear, that they want to change the election results. I was indignant in my young mind, and after that I concluded that the elections were not honest"* (fem., an individual entrepreneur). A member of election headquarters told of the campaign organizing in rural constituencies, where he was sent by the regional administration: *"Our work was to hamper our competitors in every way possible. For example, the competitor is planning his meeting in a square. I must phone the head of the village: do what you like, a combines' exhibition, or dig the square..."* (masc., a young specialist). So, the participation in the election campaign was a strong personal feeling, the awareness of the administrative resource power.

Only those who participated in election campaigns for free, i.e., were true volunteers, had positive recollections. *"It was such a heady feeling that we can really change something"* (masc., a marketer). Bearers of positive recollections describe the time of their participation in the election campaign like personal contacts with associates and like a participation in an important and useful action.

The action organizing and the labor payment were mentioned only in the case of negative recollections. These factors did not get into positive assessments register, regulating just the discontent degree of young people. In case of positive recollections, there was a feeling of participation in the processes, important and meaningful ones for the society.

It is noteworthy that positive recollections usually related to campaigns that took place in this country several years ago. Many respondents, evaluating their participation experience positively, said: *"this cannot be repeated", "it is impossible now"*. Such respondents consider the situation in this country like the window of opportunity closed for political changes, with the addition of the disappointment in the former political idols. In retrospect, even those who have positive recollections are not ready to repeat the experiences of the past.

Disappointment is the often-repeated refrain in the surveys. *"I have put the politics aside, because there is no politics in Russia. It is a hard work, to be busy with what is absent. Now, there is nobody for who I ripped the throat out"* (masc., an individual entrepreneur).

Our respondents tend in their thoughts to comprehend the specificity of Russia, its political system, which impacts all the social aspects. *"I am both disappointed and grown up. I understand that all our parties and associations are of the Führerprinzip. Now Putin is the leader. If Navalny comes to power, he will be the leader of this type. We have leaders, who keep some small structures for themselves. Even Higher School of Economics. They said that this is the highly liberal educational institution. But the authority of this highly liberal educational institution has never been changed, never. This is the educational institution of the Führerprinzip type. The same story"* (masc., marketer).

Having taken part in election campaigns young people came to conclusions, which to some degree corrected their behavior. The respondents' opinions were that their participation in election campaigns had the following consequences for them.

Depolitization. Some young people lost their former interest in the political sphere. "Well, if I am offered to be a public observer now, for sure I will tell them to leave me alone" (masc., an employee of a company). The former interest in politics is interpreted like a manifestation of being young and stupid. Later they "became adult and clever". Our respondents often explained their conscientious refuse to vote as the direct sequence of what they had seen and learned when they participated in election campaigns. "Since then I have not voted. I believe, it is just the waste of time" (fem., an individual entrepreneur).

Protest politization. Some young people, who formerly sympathized with a certain political register, during campaigns were among their associates and experienced bright emotions of political struggle. As the result, they progressed in their political opinions and in readiness to defend them, became firmly convinced in their political predilections. This tendency is especially notable between those who participated in election campaigns of candidates from nonsystem opposition.

Capitalization of political activity. Some young people understood that participation in political processes can be a kind of the window of opportunity. They began to consider work in a party apparatus, as assistant deputies or in a public council etc. as a career. Thus, through her participation in an election campaign, a young journalist was among nomenclature activists, took part in a forum and decided to specialize in political journalism, which meant to report about the initiatives of regional authorities.

Intentions to emigrate. Our respondents often mention the theme of possible emigration. Of course, this cannot be the direct sequence of their participation in election campaigns, but the respondents themselves touched the emigration theme in the contexts of their assessment of the political contest level in this country. Two respondents when being interviewed had already left; one for England (to work), the other in Germany (to learn). "When I think of these themes, I consider them from the standpoint of how my children will live, in what country... This year I have decided for myself to leave Russia. In five years' prospect, I would not be a citizen of Russia" (fem., an individual entrepreneur).

Thus, the participation in election campaigns has had its result. Some young people having examined election technology closely, have decided never to vote in the future, others, on the contrary, have strengthened their wish to action and defend their political ideals. Someone has found new career opportunities, another interpreted one's experience as an argument in favor of emigration.

Conclusion. The variety of election campaigns, differing with their finance opportunities and ideological tendencies, supplemented with variety of functions in every campaign, gives an opportunity to attract young people with different motives and skills. The mobilization channels can be informal network or formalized ones, clearly or concealed jointed to the authorities. In the latter case the mobilization of young people, usually called volunteers, is a form of the conversion of the administrative resource into the electoral victory, i.e., into political resource.

The motivation of the youth who participates in election campaigns is not limited with the support of political forces arousing the greatest sympathy. This motive is demonstrated openly mostly by advocates of the extreme political register, i.e., nonsystemic opposition. In the rest space of parties and candidates the attraction of youth to participate in election campaigns is realized with different motives, reduced to such concepts as crowds (parties), money, career. Such young people choose for themselves the work of street agitators or political operatives. The motivation reduced to the respect for the law, mobilizes young people to fulfil the duties of public observers or members of precinct election commissions.

Widely spread use of the "political volunteerism" term applicated to young people, street agitators or those who distribute campaign production, is often unjustified. They may not share the views of a promoted candidate or a party (they may be indifferent or even critical to them) and consider the work to be done exclusively for the sake of money or experience. But it does not mean that political volunteers as such do not exist.

The imitation of volunteerism has a positive impact on a candidate image. Also, it removes the problem of the payment for young people labor, which nearly always points to the campaign's unreported budget. Formally, they are volunteers, because they have no written labor contract. The payment is made by the oral agreement with every risk of informal transactions.

It is important that in young people perception their participation in election campaigns does not mean long-term reputational risks for them. With a rare exception related to the extreme pole of nonsystem opposition young people do not associate themselves with candidates and parties. Many respondents remember the fact of their participation in election campaigns, but they find difficulty in naming the party they worked for, especially as the parties could differ in various election campaigns.

The consequences of such a participation are extremely contradictory. On the one hand, having got an experience of electoral struggle, some young people get interested in politics and are involved in electoral process. On the other, the opportunity to see elections from within often leads young people to political indifference and full detachment from electoral matter. The space of instrumental application of skills having been got during election campaigns is spread between these two poles.

REFERENCES

- Barsukova S.Y., Denisova-Schmidt E.V. (2020) "Political investments" of business in Russia, or why business finances election campaigns. *Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 110–125. (In Russ.)
- Barsukova S.Y., Ionova D., Safiulina E. (2020), Mobilization of student agitators during the election campaign of Sergei Sobyanin for the post of mayor of Moscow in 2018. *EKO*, No. 2: 158–171. (In Russ.)
- Gel'man V., The Iceberg of Russian Political Finance. In: Peter Burnell and Alan Ware (eds.), *Funding Democratization*. Manchester and New York: Manchester University Press, 1998: 158–179.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010). Value orientations, moral attitudes, and civic engagement of young people. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i socialniye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]. No. 1(95): 5–36. (In Russ.)
- Kazun A.D., Semykina K. (2020). Presidential Election 2018: The Struggle of Putin and Navalny for a Media Agenda. *Problems of Post-Communism*, Vol. 67, No. 6: 455–466.
- Kazun A.D. (2020) Agenda-Setting in Russian Media. *International Journal of Communication*, No. 14: 4739–4759.
- Korgunyuk Y.G. (2008) Twilight of Electoral Engineering (To the partypolitical results of the Duma campaign of 2007). *Politiya*. No. 1: 169–192. (In Russ.)
- Martynova A.V. (2013) Reasons for participation/nonparticipation of students in the elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation (2011) and the President of the Russian Federation (2012). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i socialniye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]. No. 4(116): 139–151. (In Russ.)
- Skokova Y.A. (2015) Election observers in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies] No. 10: 57–63. (In Russ.)
- Skokova Y.A. (2016) Dynamics of the development of the public movement of election observers: the results of the 2011–2016 study. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 65–79. (In Russ.)
- Received: 01.06.21. Final version: 30.06.21. Accepted: 01.07.21.Schmidt

1991: A Look at Events 30 Years Later

© 2021 r.

Zh.T. TOSHCHENKO

WAS THE GEOPOLITICAL CATASTROPHE OF THE USSR MAN-MADE?

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Head of Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Abstract. *The article analyzes causes, conditions and factors of the 1991 events, which became the starting point for the collapse of the USSR, liquidation of the first socialist state and rejection the possibility to realize socialism and communism ideas. Various attempts are analyzed from different worldview and ideological positions to explain the course that returned Russia to the capitalist path of development. Challenging and rejecting many of these explanations, produced under the influence of both purposeful and speculative reasoning and spontaneous conscientious delusions, the article focuses on the absence in most publications and political statements of an analysis of such key factors as ignoring the will of the people and scholarly conclusions and recommendations that focused on rational, balanced and reasonable means and methods of overcoming the crisis-ridden state of society. A significant place is given to the subjective factor – poverty of imagination, limited vision, primitive thought of those ruling the country who failed to offer a scientifically grounded development strategy. As a result, the country evolved in the framework neither of a revolutionary, nor an evolutionary path, but embarked on a turbulent, chaotic and contradictory path of development leading to what the author calls society of trauma. In conclusion, it is stated that the geopolitical catastrophe was largely man-made, caused by subjective factors that played a decisive role in the destruction of a great country. These conclusions are based on the results of 1985–1991 all-Union studies of social consciousness carried out by sociologists of the then Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU.*

Keywords: *USSR, socialism • capitalism • perestroika • revolution • evolution • social consciousness • soviet man*

DOI: 10.31857/S013216250016779-9

This article is a translation of: Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1

On December 8, 1991, agreements were signed in Belovezhskaya Pushcha, fixing the words of G. Burbulis, a confidant of Boris Yeltsin: “The Soviet Union as a geopolitical reality ceases to exist.” Quite naturally, the question arises: how can a state that was one of the most powerful in the world end its existence by a will of a group of high-ranking officials? After all, the USSR was an objective reality, which even its enemies did not doubt. But, nevertheless, this happened. Why did this become possible?

Despite numerous explanations of the conditions and causes of this disaster, the truth has not yet been fully perceived. In our opinion, this is due to the fact that these attempts almost

always exclude the state and trends in the development of public consciousness, orientation and public opinion, ignoring to some extent the fact that the arbiter of the fate of their country were always masses of the people. In our opinion, the statement of the philosopher A. Nekless: "Historical transformations are preceded by a revolution of consciousness as a transformation of a worldview, social mentality, methods of cognition together with the correction of practice and lifestyle" [Nekless, 2019: 9]. They determine the course of history, despite the contradictory zigzags in the public consciousness and behavior.

However, why did not the will of the people come to the fore in 1991, but the judgments and actions of the "perestroika" state bodies, as well as various groups and associations which expressed the aspirations of small social groups aimed at eliminating socialism?

How the disaster was explained/justified. So, 1991 is a geopolitical catastrophe, which led to the disappearance of one of the world powers, which for more than 70 years personified a fundamentally different – socialist – system. This milestone also meant the destruction of the Soviet economy and the principles of its functioning. The social and political face of the country was radically changed. The existence of such a phenomenon as the "Soviet man" was questioned, which, despite various interpretations, was a reality, manifesting itself both in fundamentally new worldview positions and in real historical practice. We want analyze the existing points of view on explaining the causes of this geopolitical catastrophe as a start of our research. First, there were attempts to completely reject everything connected with Marxism, with its Leninist embodiment in the October Revolution of 1917, with the implementation of plans to build a new economy, culture, and the creation of new social relations. Everything was rejected as both theory and practice (for more information, see, for example [Gaidar, 1994; 2005]). The French sociologist A. Berelovich, commenting on the ideas of these books, wrote that they "contain insufficiently substantiated statements, arbitrarily selected data and outright disregard for factual material that does not fit into the author's concept." He sees the main drawback of E.T. Gaidar's books in the "rigid economic determinism inherent in his thinking, which eliminates the problem of choosing one or another alternative, as well as, importantly, the problem of the responsibility of a political figure" [Berelovich, 2005]. In such works (as by most neoliberal politicians), the author's ideas were presented from pretentious positions, everything had to be done differently. For justification, the authors borrowed the postulates of the Chicago School of Economics, which denies state regulation, ignoring the fact that its recommendations were not consistently got even in the United States. But these recommendations were not only formulated, but also implemented in the new Russia, showing the dubious usefulness of both the defended theory and the implemented practice. It is characteristic that the most prominent representative of this trend, A.B. Chubais, who defiantly left the CPSU, used such hard words as it is necessary to "hammer the last nail into the coffin of the Communism". Of course, with such a hypercritical assessment, reformers could find nothing positive in the country's previous experience.

Secondly, there were many who blamed the inefficient Soviet economic system for everything, they applied various techniques to this. At first, these were accusations against the stagnation during the Brezhnev rule. This was followed by criticism of industrialization and collectivization, five-year plans for the development of the national economy, decisions to create military industry [Inozemtsev, 1998; Aven, Koch, 2013].

Thirdly, among the arguments of those who justified the inevitability of the collapse of the USSR, there are arguments blaming the political system, the one-party system, and specific leaders of the CPSU for everything. The events of the "bloodthirsty" Civil War, the policy of "dekulakization" (repressions against rich peasants), the persecution of the intelligentsia, the great purge in 1937–1938, the Molotov – Ribbentrop Pact, the failures of the first months of the Great Patriotic War, arbitrary zigzags in Khrushchev's policy, Brezhnev's detachment from active actions, Gorbachev's feverish behavior were used for this accusation. All this merged into a continuous disjointed, spontaneous, poorly justified political activity, which poorly or completely did not take into account objectively emerging reality. Within the framework of this

approach principles of selection and functioning of the party and state nomenclature, activities of public organizations, ideological work, and the direction of international politics were rejected. Among the works of supporters of this direction, the publications of the former secretary and member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU A.N. Yakovlev were particularly distinguished, A.N. Yakovlev used the most offensive definitions to the party within which he was responsible for ideological work [Yakovlev, 2001; Toshchenko, 2016: 113–151].

Fourthly, there are many who laid the main blame for this catastrophe on the policy of “perestroika” and its initiator Mikhail Gorbachev, who, although he felt the need for significant changes, however, could not offer a well-thought-out strategic program of transformation, replacing it with brilliant uncertainties (such as “new thinking”, “European house”, “glasnost”, “human rights”, etc.). Such an outstanding thinker as A.A. Zinoviev, who sharply criticized the vices of the Soviet system in his book “Yawning Heights” (1976), repeatedly said later: he was not against socialism, not against the Soviet system – he wanted to free the country from pressing problems, to improve the lives of Soviet people. Moreover, he bitterly admitted that if he had known that this book and similar works would contribute to the collapse of the USSR, he would not have written them. In the book “Katastroika” (1989) Zinoviev sharply condemned and rejected Gorbachev’s policy of shying away, uncertainty and incompetence [Zinoviev, 2003; Akhiezer, 1997; Butenko, 1990].

Fifthly, various conspiracy theories have become widespread, with the help of which the deliberate activities of the foreign backstage (including both official and intelligence policies), as well as the actions of “internal enemies” in the form of an explicit or spontaneous “fifth column” were proved [Latysh, 2015; Platonov, 2015: 3]. Of course, the hostile policy of the West (first of all, the United States) played a significant role in shaking the foundations of the USSR, in destroying the image of the socialism. However, this was not the main and far from the only reason for the disappearance of the Soviet Union. After all, although the USSR was constantly subjected to various kinds of “ideological diversions”, until the end of the 1980s there were always forces and opportunities to successfully resist them.

In conclusion, we should mention the position that the people themselves rejected the Soviet government, did not want to cooperate with the Communists. Moreover, the people, they say, constantly criticized the policy of “perestroika”, its economic reforms and attempts at political rearrangement, since the changes undertaken did not lead to an improvement in life. In fact, the Soviet people demanded the implementation of the promises proclaimed by Gorbachev. More and more people agreed that “it is impossible to live like this” (the title of the film by the famous film director S. Govorukhin). Other accusations were also made against the people suffering from “a kind of political insanity” [Tsipko, 2020: 8]. However, did criticism, even the most severe, mean that people wanted to overthrow the Soviet government, but not to improve it?

Let’s consider results of sociological research as a base for understanding. Our further conclusions and assumptions are based on the data of the All-Union sociological studies conducted in 1985–1991 by the team of sociologists of the AON (Academy of Social Sciences) under the Central Committee of the CPSU. During this period studies were carried out, including in the monitoring mode, of economic, political, moral and historical public consciousness, which showed the mood of the population of the USSR from the first years of the beginning of the proclaimed transformation. These studies covered from 3 thousand to 4.7 thousand people in 10–18 regions of the country according to a representative sample. The uniqueness of research of this scale is evidenced by the fact that in the late Soviet period, nothing similar was carried out by any of the academic or university institutions.

Their main result was that they showed the complexity and ambiguity of the attitude of the Soviet people to the events taking place in the life of the country. First, the Soviet people pinned great hopes on the proclaimed course for the restructuring of the country’s development. Secondly, in the course of its implementation, as a result of an inept and erroneous course, criticism of this gradually grew: people expressed dissatisfaction with its implementation

and, first of all, with the changes in their occupations and everyday life. Thirdly, they did not lose hope that the erroneous actions of the authorities could be changed, and therefore they intensified their participation in solving those problems that directly concerned them.

The opinion of the people about the real and future existence of the Soviet state.

So, what kind of problems did worry people in the 1980s, in the final years of the existence of the Soviet state? Were they aimed at denying the Soviet system? Let us first consider the evolution of real socio-economic expectations.

Let's start with the source data. Already the first study (April 1986–4,075 people, 934 experts, 11 regions) showed that the majority of Soviet people welcomed the policy of "perestroika", expressed hope for successful transformations, sincerely supported the proclaimed course for implementing long-overdue changes. First of all, it should be noted that the majority of the people discussed the planned measures to restructure the economy: 67.5% of people constantly (and another 28.7% sometimes) talked about them with colleagues at work or in the circle of relatives. An interest for the "perestroika" program was great: 84.2% drew information about it from TV shows, 77.3% from central newspapers. This was a reaction to the statement of Gorbachev, the new General Secretary of the CPSU, who promised to make significant policy adjustments to radically improve the Soviet people life. At this initial stage people understood that it was impossible to immediately achieve impressive results in implementing the ideas of "perestroika", but they sincerely expressed hope that many things would change for the better in the near future. This was especially true of expectations in the field of labor relations, their position directly at work: 37.5% believed that they could realize their abilities better at work, and 65.8% claimed that they could work with even greater efficiency with improved working conditions and organization. Hence, it was concluded that the Soviet people did not limit themselves to verbal support, but took the initiative, believing that they were thereby making their personal contribution to the policy of perestroika supported by them [Perestroika of Economic Consciousness..., 1987: 30, 32].

However, "business" followed. One of the first actions was proclaimed a restructuring of heavy industry, this recalls for comparison that the PRC was coming out of the legacy of Mao Zedong by the primary transformation of agriculture in order to feed the entire population of a country. This was followed by an ill-conceived anti-alcohol campaign that caused great economic and social damage, which created a huge financial hole in the state budget. The seemingly attractive calls to reduce the alcoholization of the population were followed by the destruction of vineyards, a depleting factories, an unhealthy hype around the availability of alcoholic beverages. Although the first one and a half to two years there were victorious reports about the reduction of mortality from declined consumption of vodka and wine, about increasing the birth rate and reducing diseases, it soon became clear that instead of a well-thought-out policy, hasty laws were adopted without consulting people and especially experts. But at this time and earlier there was on the pages of the press an active work to promote the so-called cultural drinking, which would be a more worthy way.

The reaction to these actions of the country's leadership was the first doubts about the fruitfulness of the perestroika policy. 2741 respondents, 668 production managers within 7 regions had the opportunity to evaluate the first results of the state's policy. And here sociologists are faced with a surprise: the number of people who positively thought about changes in economic and industrial life has decreased by one and a half to two times. If in 1986 27% saw the beginning of positive changes, in 1988 only 9% of respondents did this. A similar pessimistic collective opinion was about the organization of labor, 29 and 19%, respectively, declared its improvement, working conditions 21 and 13%, respectively, labor discipline 88 and 54%, respectively [Economic consciousness..., 1989: 23]. The responses of production managers have also changed in approximately the same proportion. Why did this happen?

In our opinion, a gap had got ground between the managerial efforts of the authorities and the real state of affairs. There were in the upper echelons of power hard discussions about what and how to do to implement the planned tasks. But these noisy discussions "at the top"

did not affect in any way what was happening in the grassroots production organizations. It was during this study, in an interview with one of the respondents, that this situation received an accurate assessment "there is noise upstairs, but we have silence". In other words, there were the first and justified doubts about the effectiveness of "perestroika", which called into question the ability of the authorities to skillfully solve problems posed by life and to rule of the country during a crisis, and not plunge the Soviet state into an even more dangerous situation.

Further steps of the political leadership only aggravated a hard situation. There was with the further implementation of "perestroika" an increasing number of problems. Gorbachev and his supporters feverishly searched, proposed and even implemented some very often ill-conceived-provisions, instead of taking fundamentally new, cardinal and urgent measures to transition to market relations, the need for which many Soviet people were beginning to recognize. Gorbachev and his team were unable to generate ideas, to offer society effective way to solve urgent problems, as did Deng Xiaoping (China), Lee Kuan Yew (Singapore) and Mahathir Mohamad (Malaysia). Instead, there were patchwork extra-systemic laws that were externally focused on solving a certain fundamental problem, but, being not linked to other problems, led to the collapse of the entire Soviet economy. This was especially evident in connection with the adoption and implementation of the Law "On Cooperation" (1988). Its implementation has brought irreparable damage: The so-called cooperatives began to extract resources from state enterprises, laying the foundation for plundering of the national wealth of the country, which led to the disorganization of production. This act, despite its external attractiveness, brought huge losses.

Because instead of improving the economy people saw a deteriorating situation, critical assessments of the reconstruction began to prevail in the minds of people to an increasing extent. It was a study in the 1989, when only 7% already considered themselves the owners of their enterprise (in 1986–28%, in 1988–11%). And this assessment is not surprising, since, according to employees and specialists, as a result of chaotic transformations, mismanagement increased (according to 26% in 1986, 42% in 1989). At the same time, there was a deterioration in the estimates of other indicators: if 44% of respondents spoke about improving the organization of labor in 1986, 28% in 1988, then only 20% in 1989%; and in terms of working conditions – 30, 22 and 17%, respectively [Economic consciousness..., 1989: 42, 44]. In our opinion, this is a consequence of chaotic decisions to find a way out of the current negative situation in the country's economy and the deteriorating indicators of the development of the national economy.

This conflict of interests of the people and official policy has increased every year. In 1990 62% of respondents said that the economic policy was wrong, and the same 61% said that the economic situation was very bad. It was during this period that the issue of the shortage of goods became acute: difficulties with the purchase of food products were noted by 70%, industrial goods 82%, household services – 54% [People and economy..., 1990: 61, 62, 68, 74]. Moreover, such painful manifestations as mafia groups and organizations were identified and began to be felt by 46% (!) of respondents. The main thing is that by 1990, people were losing hope for the future in their expectations: only 2% positively believed in the possibility of economic improvement in the next one or two years, while 53% rejected such a likely prospect. And if we add to this 36% of those who did not express own opinion, then we can say that already in 1990 the collapse of "perestroika" was clearly marked. In other words, an incomprehensible economic policy created all the conditions for the destruction of the economy, which the people felt very acutely.

The apotheosis was the collective mind expressed in 1991 about the economic policy being implemented, when 41% recognized it as wrong, another 31% rather wrong than correct. In other words, by this time the people were disappointed in the measures taken to restructure the economy and actually turned away from this policy. The public mood continued to deteriorate: 46% agreed that there was a collapse of the ruling the national economy, 48% were concerned about the rising prices. New worries appeared and began to grow, which did not

exist before: almost every second (44%) expressed fear of losing job due to the working places cuts which had begun. This was also manifested in the fact that to the question "Who, in your opinion, can protect a "simple" person at the present time?" 51% of respondents answered "no one" [A person and market..., 1991: 15, 17, 138, 143, 144].

Did these data mean that people opposed the Soviet government? Their analysis shows that, while criticizing many actions of the authorities in the economic sphere and giving them a negative assessment, people were still aimed at improving the existing social situation. It was in accordance with this understanding of the prospects for development that they proposed ways and methods to solve the problems that concern them. In particular, a survey of the population in March 1991 showed that the activity of the population to develop proposals for overcoming the crisis had increased. A positive attitude towards the market was growing as people saw in it some promise for solving urgent problems. It was the hope for the market that was manifested in the fact that 43% of respondents believed that they would increase the intensity and quality of their work in these new circumstances (in May 1990, only 26% thought so), and 39% pinned their hope on competition from which consumers would benefit.

In this regard, it is necessary to cite the following impressive fact: in 1990, when asked whether it was necessary to switch to market relations, 28% of the population expressed a positive attitude towards this [Political struggle..., 1990: 7]. Surprisingly, at that time we had an incident that was rejected by officials: in this survey, 44% of Communists supported the idea of the need to introduce market relations. It turns out that ordinary communists (there were more than 18 million of them at that time) were more advanced in professional and civil awareness of the importance of such a decision. It was the ordinary communists, and not the leadership of the CPSU, which more realistically represented and understood the urgent needs of the period.

There were also other well-founded proposals on the transfer of enterprises to the ownership of labor collectives. Such measures as improving the principles of voting for the election of deputies to the Supreme Soviet of the USSR were proposed and even implemented, which, however, had an ambiguous effect. But it was a search, testing of the most different options for transforming work and everyday life. Already in 1989 42% of people agreed with the need to recognize the institution of private property. There were numerous proposals for an organization of market trade, farming, additional measures to force the military industry to switch to the production of civil goods (conversion). In other words, the people were full of confidence in the possibility of transformations within the framework of the existing policy: their proposals fully fit to the principles of the socialist structure of society. However, the measures taken by the state's leadership steadily led to a catastrophe.

Politics as a field of approbation of ideas of the USSR catastrophe. Zigzags and failures in the economy were simultaneously accompanied by perturbations in the field of politics. It was the political processes that became one of the main factors that had determined the fate of the country.

"Perestroika" in politics began with the proclamation of a course for the development, strengthening and improvement of democracy, which became an inspiring force for many people. Its first indicator was the proclamation of publicity¹ as a key link in the upcoming transformation of the Soviet society. And this was welcomed by most people. It was already 1987, when 32.2% respondents noted that publicity really exists and gives its fruits in the form of access to any information of interest to people. For the first time in the USSR, Soviet people had the opportunity to discuss any issues, including activities of the country's leaders. There were practically no forbidden subjects. It was possible to discuss everything and everyone. And this pleased many persons. It is enough to say that millions people "stuck" to the TV screens, watching programs which showed the meetings of the Supreme Soviet of the USSR, and then the RSFSR, these programs were previously uninteresting and unattractive. In other words, this aspect of the transformation fully corresponded to the interests of the Soviet people. However, at the same time, the first inconspicuous process of destroying the worldview of the Soviet people was gaining strength. And it began with a simple question: was everything all right in the history of the Soviet state?

¹ "glasnost" – free expression of one's views in media

First, the theme of the tragic years of 1937–1938 appeared, which, along with giving voice to crimes, gave rise to arbitrary, and sometimes downright fantastic fabrications about the number of victims. The idea of the criminality of the entire Soviet history began to form implicitly. This was served by a distorted account of collectivization, the Kronstadt rebellion, the peasant uprising in the Tambov province and many other things that were given for the struggle against the Soviet communist regime. Fabrications about the history of the Great Patriotic War and the Great Victory allegedly obtained by “piling up corpses” contributed to the aggravation of the negative mood. Gradually, they came to the outright denial of the October Revolution of 1917 as almost a political robbery, from which the conclusion was drawn about the illegitimacy of the Soviet statehood.

In parallel, there was a massive offensive in the field of theory against the foundations of socialist ideas. Moreover, this undermining of the ideas of socialism was also carried out gradually. At first, they looked for the “true” foundations of socialism from G.V. Plekhanov, not forgetting to mention his divergence from Lenin and his non-recognition of the “October revolution”. Then they looked for “fruitful” ideas of N. Bukharin and even L. Trotsky. Then the search for vices and mistakes in the work and activity of Lenin began. Starting from the denial of his contribution to a development of Marxism and ending with the “analysis” of notes or random words on current events in the first years of the Soviet state [Kotelenets, 2017: 39]. And all this is to show the artificiality of the Soviet government and the need not just to abandon the Soviet past, but also to develop a fundamentally different path of a development. It was especially difficult for I.V. Stalin, who was charged with all sins, the sins real and imaginary, in order to show that a criminal was at the head of the country.

How did the people react to these actions of the opponents of the Soviet system? Agreeing with many critical remarks and even supporting them, the Soviet people made the opposite conclusion: not to overthrow the Soviet system, but to improve it. Among the achievements of the first years of “perestroika”, 51.4% named the opportunity to express their opinion, 41.4% – to vote for their candidate in the elections, 35.6% to express their opinion critically about any processes in society. 27.7% of respondents spoke positively about such an implemented measure as the election of the state’s head. It is very important to note that the verbal approval of the measures taken was manifested in the assessment 42.5% said that they had the opportunity to realize themselves, 37.1% made suggestions and critical comments on improving life and work in their organizations, their settlement, and the country [Perestroika of economic consciousness..., 1987: 30–35, 42–45].

A study in November 1989 (1,360 people, 8 regions) demonstrated that from the absolute hope and confidence that the state’s politicians wanted to implement the desired changes, the public consciousness began to be inclined to disappointment in their ability to realize the declared goals. Every year the doubt grew, and then the rejection of the proposed measures. In this study, 50% of the population (and what is especially striking 2/3 of the communists) began to deny the existence of the success of perestroika [Political consciousness..., 1989: 6, 8]. It was this study that for the first time showed that the party *de facto* lost the right to its monopoly position in the country. Further studies (June 1990, 1,433 people) showed that negative assessments of the CPSU’s activities began to prevail over positive ones (by 9.3 percentage points). According to 61% respondents, the policy pursued by the state’s leadership is incomprehensible to them, it is confused and contradictory. In other words, in the political views of the population, the opinion about the inability of the political power to solve the goals began to prevail. The political consciousness of the population had also evolved-from rosy hopes to complete disappointment and even rejection, but without losing hope that this can be corrected and improved.

So, the political consciousness of the Soviet people was at a crossroads. This was getting worse as the state’s leadership took actions: there was a personnel leapfrog, the doors were opened to obvious anti-socialist movements. As the apotheosis of everything, the CPSU was pushed away from the leadership of the country, although, according to the chairman of the Communist Party of the Russian Federation, G. Zyuganov, it was necessary to turn it into a state organization which could really manage the state and its economy. Both the state of the economy and the political confusion demonstrated convincingly that not only the collapse of “perestroika” was coming, but also

the collapse of the state in the conditions of a complete refusal of the population to support the proclaimed ideas that were so attractive at first.

Conclusions. The data of all-Union studies allow us to conclude that the Soviet people were right to support the proclaimed ideas for the restructuring of society. But they were no less right when they stopped supporting them, as they saw the failure of the country's leadership to implement them.

The main result was that, despite the critical attitude, 75% of the country's population which took part in March 1991 referendum voted for the Soviet Union and for its further development and strengthening. Soviet people, when deciding the fate of the country, most often linked their future with a society which followed exactly the socialist path of development. However, six months later, this decision of citizens was ignored. Anti-Soviet forces came to power and declared themselves the winners. Their favorite argument was the statement that the people did not rise up to support the GKChP in August 1991. But this argument ignores the fact that most of the local authorities came out in support of this action, due to the lack of not only intelligible, but also any actions on the part of putschist ("gecachepists") to implement their proclaimed position, the initiative was intercepted by Yeltsin's supporters, who gradually brought their position to December 1991, to the tragic Belovezh agreement.

And why, in fact, did the people remain silent? Firstly, they were attracted by the promise by the new government of radical improvement. And this idea, of course, was pleasant to many persons, because people wanted to live better. Secondly, the history of the USSR and the CPSU demonstrated that after all the turns of politics and changes the state's heads (after Stalin came the rise of Khrushchev, the career of Brezhnev and others), nothing fundamentally new happened: some accents in politics changed, but there was always hope for improvement, which, by the way, was partially justified. So the arrival of Boris Yeltsin to power was also considered in the mass consciousness from these positions as an opportunity to correct the situation within the framework of the existence of the former country. Thirdly, the replacement of the USSR with the CIS was clothed in an externally acceptable form of organizing a new state association like a confederation, in which military and foreign policy, as well as financial activities stood united with the independent implementation by each of the republics. And the majority of citizens accepted the proposed changes as true. Fourth, there was an incredible deception of the people: in all the plans and promises, Yeltsin and his **colleagues** did not say that they were preparing and intending to put the country on the path of capitalist development, that they wanted to reject every socialist institute and idea as not having justified itself. And even the first steps as an emergency transition to market economy did not alarm people, especially since Yeltsin was sworn ("I'll get on the rails") that all difficulties would be overcome by the end of 1992 (in fact, by the end of this year a completely different effect was achieved like 2000% inflation). In other words, the people were deceived not in small things, as the Soviet leaders did, without doing anything fundamentally new, but on a large scale – by changing and irrevocably destroying the Soviet system, hiding their true intentions for a long time. All of the above allows us to conclude that the process of forming social inequality has already started in the Soviet society, the precarization of labor started then and a loss occurred of homogeneity of the social structure. This meant turning the country into a society of trauma [Toshchenko, 2020].

To this it is worth adding another significant conclusion, which was kept silent. The point is that the decision to "abolish" the Soviet Union did not take into account the conclusions and recommendations of science. But the Institute for System Research of the USSR Academy of Sciences, a team of which consisted of scholars from almost all sciences (both natural and social), conducted a thorough and scrupulous analysis of the existence of the great empires as British, Ottoman, French and others, identifying the factors that led to their fall. Then, from these positions, the state of the USSR was analyzed and a conclusion was obtained (see, for example: *Izvestia*, December 15, 1999, No. 235) that the potential of the Soviet Union was still great and significant, it could still exist for 200–220 years after an implementation of verified and consistent reforms. In other words, the conclusion was made about the forcible termination of the USSR. And how else to judge this geopolitical catastrophe, if

both the subjective factor (the opinion of the people) and the objective conditions (possibility of existing for two more centuries) were completely ignored?

The above arguments, in our opinion, are sufficient to conclude that this geo-political catastrophe was artificial. Neither the position of the people nor the conclusions by scientists were taken into account, so development followed the path imposed on the passive majority by an active minority consisting of ambitious, determined anti-Soviet people ready for radical changes in the country and skillfully hiding their real goals. This is the case in history when the so-called "pressure groups", even relatively small, but well organized and proactive, impose their own scenario for the development of events on the background of atrophy of the existing public power.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience*. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.)
- Aven P., Koch A. (2013) *Gaidar's Revolution: A Firsthand History of the Reforms of the 1990s*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Berelovich A. (2005) Pro domo sua (E.T. Gaidar. For a Long Time. Russia in the World...). Review. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 6(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolge-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (accessed 27.05.2021). (In Russ.)
- Butenko A.P. (1990) *Where from and Where We Go: A Philosopher's View of the History of Soviet Society*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
- Restructuring Economic Consciousness and Increasing its Role in Accelerating Socioeconomic Development*. (1987) Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (2005) *For a Long Time. Russia in the World: Essays in Economic History*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (1997) *State and Evolution*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (1998) *Outside the Economic Society: PostIndustrial Theory and PostEconomic Trends in the Present World*. Moscow: Academia; Nauka. (In Russ.)
- Kotelenets E.A. (2017) *Battle for Lenin: Latest Research and Discussion*. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)
- Latysh Yu.V. (2015) The Conspiracy Theories of Perestroika and the Collapse of the USSR. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"]. Vol. 13: 83–91. (In Russ.)
- Neklessa A. (2019) Who will Overcome the Post-industrial Barrier? *Nezavisimaya gazeta – Nauka* [Independent Newspaper – Science]. September 11. (In Russ.)
- Platonov O.A. (2013) *High Treason*. Moscow: Rodnaya strana. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) *Man and Economics (The Results of Sociological Analysis)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1991) Man and Market: Socio-Political Aspects. *Newsbulletin* No. 5.14. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Phantoms of Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) Political Struggle and Political Choice of the Masses (The Results of Sociological Analysis). *Newsbulletin* No. 8. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E., Chernyshova L.D. (eds) (1989) *Economic Consciousness of Workers (The Results of Comparative Research, 1986, 1988 and 1989)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E. et al. (eds) (1988) *State and Trends in the Development of Economic Consciousness at the First Stage of Perestroika (The Results of a Comparative Study in 1986 and 1988)*. Moscow: AON. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Shchegortsov V.A., Yakovlev A.I. (eds) (1990) *Political Consciousness of the Working People in the Conditions of Perestroika and the Acceleration of Socioeconomic Development*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Tsytko A. (2020) Why the Freedom Granted is of Little Value? *Mir Peremen* [The World of Transformations]. No. 1: 8–22. (In Russ.)
- Yakovlev A. (2001) Bolshevism is a Social Disease of the 20th Century. In: *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Moscow: Tri veka istorii: 5–32. (In Russ.)
- Zinoviev A.A. (2003) *Catastroyka*. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
- Zyuganov G.A. (1995) *The Drama of Power*. Moscow: Paleya. (In Russ.)

E.V. SEMENOV

A LONG ECHO OF 1991: SOCIAL MEANING OF COUNTRY'S DISASTER

Evgeny V. SEMENOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (eugen.semenov@inbox.ru).

Abstract. *The article deals with social meaning of the collapse of the USSR (seen as a result of the actions of the Soviet Nomenklatura) in context of the struggle between socialist and capitalist world-systems. The social structure of Soviet society, according to the theory of Yu.V. Yaremenko, had a pyramidal structure and consisted of four strata-estates. The bureaucratic nomenclature that made up the ruling class, unlike other strata, did not have opportunities for internal vertical growth and was focused on integration into Western society. This ruling class, despite sluggish resistance of other social groups, destroyed society and the state altogether. A new ruling class took shape mainly due to the denationalization of property and through large-scale redistribution of social wealth, complemented with drop in production and consumption, rather than their growth. In a geopolitical sense, the collapse of the global socialist system (1989) and subsequent collapse of the Soviet Union (1991) meant complete victory of the world capitalist system at a particular historical moment. From that moment on, the continuing absorption of the fragments of the defeated system by the winning system began. Collapse of the USSR in 1991 is of fundamental practical importance for contemporary Russia. First, because the nomenclature and the administrative-command system have re-formed in the country, and, second, because victorious global capitalist system has begun to directly absorb Russia, as the last remaining large fragment of the defeated system. Such absorption became possible either due to the fragmentation of the country, or due to its transformation into the periphery of the developed capitalist world. This, in turn, presupposes an isolation of the country and keeping it in a state of technological and economic backwardness. The direction of further global development fundamentally depends on Russia's ability to withstand this geopolitical struggle.*

Keywords: *collapse of the USSR • putsch of 1991 • contemporary Russia • perestroika • Gaidar's reforms • ruling class • nomenclature*

DOI: 10.31857/5013216250016780-1

This article is a translation of: Семенов Е.В. Долгое Эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 8: 15–21. DOI: 10.31857/5013216250015528-3

The rapid collapse of the USSR is an atypical historical event which gives motives to raise many questions. Kissinger, discussing the effect of the collapse of the USSR, wrote that no great power has ever disintegrated so completely and so quickly without a war¹. For three decades, an extensive historiography of the surprising catastrophe of 1991 has been accumulated, in which there is an analysis of its external and internal, objective and subjective causes and factors. There are also many papers containing an overview of the available versions and concepts [Korshunov, Kochetkova, 2014].

This article contains overthinks of the author on a meaning and consequences of the events of 1991, the analysis of which he was engaged in, working at that time as the head of the political analysis and forecast sector in the structure of the CPSU Central Committee, as well as in the subsequent thirty years. The article is based on the author's personal observations and conversations with a large number of direct participants in the events, analysts and researchers.

¹ Melnik G. Was it possible to rescue USSR? // *Parlament newspaper*. 2016. 22 November.

On the eve of perestroika. The author formulated a thesis about the emergence of capitulation moods in Soviet society, relatively speaking, after 1968 almost 30 years ago. These sentiments covered, although not evenly, almost all groups of the population. "In the 1970s and 1980s, a vague feeling was emerging in society that the country was playing a historical competition with the West. There was in almost all social strata a mood of psychological surrender. In different social groups, they acquired different forms, but their general resultant was the affirming opinion that "there", "they" are better. And movies, and music, and clothes are better there, and they have more freedom.

The official ideology tried to resist such attitudes, but the Soviet state did it in stale and official manner. The ethnos was psychologically broken, alienation from everything of its all native roots grew, the national idea was lost, the life philosophy of people degenerated into banal consumerism, into a blind passion to live, because life is short" [Semenov, 1993: 26].

The growing technological lag of the USSR from the advanced countries of the West was particularly acutely felt in the 1970s and early 1980s. Scientific and engineering specialists clearly saw that the scientific and technical revolution, on which great hopes were pinned, did not actually take place in the USSR. The only exception was the military-industrial complex. Many representatives of the scientific and management communities expressed concern about the problems that need to be solved. It was clearly realized that reforms were needed. But then there was a discussion mainly about individual problems and local reforms. It seemed that the development of socialist society as a whole, its individual spheres and institutions is possible due to improvement, without a radical change in the principles of the organization of their life activities.

Since the mid-1980s, the nature of the discussion of the problems of society's development has changed radically, people began to talk about the need for a comprehensive reform as a deep systemic transformation. Constructive ideas, however, were few, instead of constructiveness, radicalism was proposed. The mind of a purposeful systemic reform was already retreating under the pressure of the madness of a radical revolution.

Reform in its essence is a creative, not a destructive action; the change of the system in the direction of its development, not degradation; the change is holistic, not fragmented and chaotic. But since 1987, even the leadership of the Communist party in the person of Mikhail Gorbachev has started talking about "perestroika" not as a reform, but as a "revolutionary" transformation of socialist society. Mikhail Gorbachev's book "Perestroika for our Country and for the Whole World" stated: "It is very important not to "sit too long " at the start, to overcome the lag, to break out of the quagmire of conservatism, to break the inertia of stagnation. This cannot be done evolutionarily with the help of a timid, creeping reform" [Gorbachev, 1987: 48]. Its author may have believed that **stereotype** used by him is a system of real measures would allow to carry out the transformation of society. A significant part of society at that time already thought wider and saw further perspective.

In the second half of the 1980s, the idea of a deep transformation of society and building it on the basis of the principles of the market economy and democracy was vigorously discussed in the intellectual segments of the Soviet society. The ideology of the market economy and democracy was the essence of the reformist ideology developed by the Soviet intelligentsia in collaboration with a part of the party nomenclature. At the same time, the market economy and democracy were symbols and metaphors rather than constructive goals, and "the very demand for transition to the market was moral, not economic in its origins" [Yaremenko, 1998: 36]. The society was dominated by the idea that the market and democracy, either in the conditions of renewed socialism (communists), or instead of socialism (opposition intelligentsia), would allow the country to overcome a critically dangerous gap that was acutely felt between developed countries of the West and Russia.

The great lag of the country in technological development was recognized even by the official ideology. So, in 1989 Mikhail Gorbachev in one of his articles wrote that in years "stagnation" and "missed opportunities" in the USSR rulers "underestimated the value of a revolutionary changes in science and technology and did not make practical steps in this direction,

although much has been said about the necessity of a connection of the achievements of scientific and technological revolution and the newest stage of the advanced socialism. As a result, in general civilizational terms, in a number of important spheres and directions, we remained in the past technological era, and the Western countries moved to another era, this is the era of high technologies, fundamentally new interrelations of science and production, new forms of life support for people, up to everyday life" [Gorbachev, 1989: 10]. At the same time, the roots of the lag were seen (depending on the ideological platform of the observer) either in the technological basis of society, low scientific and technical the level of production, the missed scientific and technological revolution, or in the economic and political system, in socialism and communist ideology. The supporters of the ideas of the market economy and democracy were extremely heterogeneous in composition, and their temporary ideological unity was extremely unstable, situational and even illusory. A kind of manifesto of this unstable eclectic ideology of the market-democratic reform of Soviet society reflected in the collection of articles "Another way is not given" [1988]. Already by the beginning of 1989 during the First Congress of People's Deputies of the USSR this unity collapsed and two strategies of market – democratic reforms were clearly outlined. One considered the market economy and democracy as a way of systemic transformation of socialism, the another one considered them as an alternative to socialism, a way to get rid of it. The struggle of these strategies ended in 1991 with the collapse of the USSR and socialism. Unlike the PRC, the second strategy prevailed in Russia.

"Perestroika" as a mechanism of self-destruction. Perestroika turned out to be not a reform of an existing system, but a mechanism of its self-destruction, a method of suicide. This applies to society as a whole, and to its individual spheres, in particular to science, the example of which clearly shows that during the years of perestroika the reform of science did not take place, as same as, this did not take place in the post – Soviet period [Semenov, 2021]). It was not those actions and steps that could constructively transform the inefficient, but still capable national scientific and technological complex and ensure its controlled transition to a new state that dominated, but actions in the spirit of "dismantling" and "breaking", only damaging and undermining previous, albeit outdated, but integral structure. The same way took place in a restructuring the Soviet society as a whole.

Of course, the question stays: why did everything happen exactly this way? According to the overwhelming majority of researchers, perestroika involuntarily, almost accidentally, launched the process of disorganization and self-destruction of society. "Perestroika itself," according to economist Yu.V. Yaremenko, "at first did not portend anything unexpected, it was just another ideological campaign. But this campaign has led to some political shifts that have made the situation unmanageable. They showed to what extent everything is rotten" [Yaremenko, 1998: 116].

I will not support the opinion about the initially purely ideological nature of perestroika, while agreeing with the state of the loss of manageability as a key factor in the process of destruction of society. I think that initially it was a process of dismantling the political system. In 1990–1991, the author had an opportunity to communicate with a number of people from the state's leadership. According to one of the testimonies, "in their circle" the leaders (Mikhail Gorbachev, A.N. Yakovlev, E.A. Shevardnadze, V.A. Medvedev) said that "the main task is to eliminate the autocracy of the CPSU". It was the successful solution of this problem in 1990, which led to the destruction of the political system and the loss of manageability, and in the final result was the collapse of the entire structure of society and the destruction of the state in 1991.

Nomenclature. Noting the growing technological and economic lag of the country from the most developed countries of the world, as well as the mass disillusionment of the Soviet people in the existing order and the mass psychological capitulation to the West, I will highlight the role of the Soviet bureaucracy in the collapse of the country. The well-known economist Yu.V. Yaremenko, a member of the CPSU Central Committee (1990–1991) and economic adviser to Mikhail Gorbachev (1991) offered, I believe, the most correct explanation of what "perestroika" arose from and what predetermined its natural outcome. This was done by him

in the last years of his life, after the collapse of the USSR, mainly not in publications, but in speeches and private conversations, including ones with the author of these lines. Fortunately, his colleague S.A. Belanovsky made and published remarkable recordings of his conversations with Yu.V. Yaremenko [Yaremenko, 1998].

According to Yu.V. Yaremenko, the reasons for self-destruction are rooted in the special piratical structure of Soviet society and in the role that the bureaucracy played in it. He attributes the formation of "social strata with different levels of privileges" to the Stalinist period, as a result of which a society was formed that "was class, and each higher estate had certain privileges." It was a "a social hierarchy", a "hierarchically constructed system of social guarantees" [Yaremenko, 1998: 111]. Such a system provided "high motivation for moving up the social ladder" [ibid.: 30]. The "technological structure of the economy" was built in a similar way. It had a "pyramidal structure", a hierarchy of "technological levels, according to which the distribution of resources is carried out" [ibid.: 102]. The technological and social pyramids were united by the underlying principle of resource allocation: "The entire social structure of our society was to some extent adjusted to the structure of resource allocation correlating with this" [ibid.: 110].

The Soviet society was considered by Yu.V. Yaremenko as a pyramid consisting of four levels, the first of them was filled with masses of the citizens, prisoners, which deprived of basic rights, the second one was a peasantry, which did not have rights for passports and freedom of movement, the third one was workers and other ordinary citizens, the fourth one consisted of the nomenclature. The pyramid increasingly acquired the shape of a "barrel" under urbanization, the reduction of the share of the rural population and the share of the lower stratum. Such a social structure, Yu.V. Yaremenko, encouraged everyone, except the nomenclature, to strive to a higher level. Only the nomenclature had nowhere to grow inside the system, and this focused on "abroad", this arranged own children in the appropriate universities and for subsequent occupations in embassies, trade missions, information agencies, etc.

It was the nomenclature that turned out to be the actor of "perestroika", and its corrupt part was the main beneficiary of the collapse of the social system and the state. The nomenclature elite, first of all its corrupt part, destroyed the entire pyramid in the process of reconstruction. It destroyed, and did not reform, did not modernize or in some other way transformed into a new state. Society as a whole was poorly prepared for another development option, as we could say for a reform, which was "experimentally established" during the reform of the early 1990s.

This story is instructive and extremely important for modern Russia, since the country as a whole has reproduced both the nomenclature and the administrative and command management system, although not identical to the former Soviet prototypes of the period of "developed socialism", but belonging to the same historical type. According to O.I. Kolerev's characterization, there was only a transition from "bureaucratic-socialism" to "bureaucratic-feudal capitalism" [Kolerev, 2016: 94–117]. And again, as in the years of perestroika, the assessments of the role of the nomenclature in the modern life of Russia and in solving its future historical fate differ sharply, this reflected in the discussion between Yu.A. Nisnevich [2018] and A.V. Novokreschenov [2020] is indicative in this regard.

Denationalization and corrosion of state. Even during the years of "perestroika", its main ideologist A.N. Yakovlev wrote about the need to denationalize property in order to eliminate the economic basis of the monopoly power of the bureaucracy. The "stagnation mechanism", according to him, was based on the economic basis of state ownership: "In the sphere of the basis, such a reason was the practical absolutization of state property. Equating it with the highest form of property as public property, which in fact turned into the primacy of administration, the expansion of bureaucracy... Hence the desire to give to a state everything and everything, linking any successes, achievements with administrative methods of management" [Yakovlev, 1987: 12–13].

After the collapse of the USSR the formation of a new ruling class was carried out mainly through denationalization. As already noted [Semenov, 2021], the interests of the new government were associated with forced denationalization and the early formation of a "class of

owners". The speed of transformation in the 1990s was put above quality and efficiency. Those who had to interact with ministries and the government by this period know well that it was openly said in those circles: it does not matter into which hands the property will now pass, the initial composition of the owner class cannot be of high quality and effective, but then the "foam will come off" and the market will arrange everything.

It is characteristic of the period that even after a quarter of a century the beneficiaries consider the main result of the reform of E.T. Gaidar to be precisely and only the appearance of private property in the country, ignoring the issues of the methods of its formation, the quality of the emerging class of owners and the price paid by the country for a "transformation". By the 25th anniversary of Gaidar's reforms, O.V. Vyugin said that "if we call the essence of the reforms of the 1990s in one word, then this is private property... Everything else is what should have followed private property" [Russian Economy..., 2016: 6]. In his opinion, the main thing is that "after all, there was a legal registration of ownership rights to the Soviet heritage... The heritage was very rich, and there was a legal registration of private ownership of the means of production" [Russian Economy..., 2016: 7]. Arguing with this point of view, academician V.M. Polterovich noted that, according to the calculations of A. Markevich and M. Harrison [2013], "the relative GDP losses in the 1990s in Russia were higher than the total losses during the years of terror and the years of World War II. When evaluating the reforms, should we abstract from these losses or should we also take them into account?" [Russian Economy..., 2016].

The method of forming the class of owners has significantly affected its quality and the quality of the institution of private property itself. K. Rogov notes on this occasion that "most post-Soviet countries managed to create a market economy based on free pricing, relative freedom of enterprise and freedom of profit management, but failed to reproduce or confirm the institution of property in the form that it acquired in the West" [Rogov, 2021: 42].

The new ruling class. Denationalization was not the only, but the most important mechanism for the formation of a new ruling class. Back in 1993, we already proposed a vision of what is happening with the country: "The true historical meaning of what is happening in Russia and with Russia is the change of the class elite, the formation of a new ruling class, which submits the Russian society and is set own new position in it. This, coupled with the global geopolitical confrontation between states and their groups on an increasingly overcrowded planet, explains what has already happened with the USSR and is now happening with the economy and statehood of Russia. The internal process of breaking society by the emerging and settling in new ruling class has closed with the most powerful external pressure on the country. The Cold War ended with the cold-blooded finishing off of the defeated one who had capitulated and was torn apart by internal contradictions" [Semenov, 1993: 26].

The catastrophe of the country in 1991 opened the way for a large-scale property stratification of society. Almost simultaneously, in 1992, the income gap between the 10% of the most affluent and the 10% of the least affluent increased from 3.5 times to 16 times, which exceeded the level of inequality in Western Europe and the United States at that time. The former middle class, which included engineering, technical and scientific workers, professors, teachers and officers, skilled workers, and other groups, has ceased to exist. The new middle class, which was constantly discussed in the early 1990s, was not formed for a long time. In reality, there was a process of rapid polarization of society in terms of income. And this process was the result of a conscious policy of a group of radicals which took power in the country and expressed the interests of the beneficiaries of the property distribution.

There are absolutely frank statements by E.T. Gaidar and other representatives of the state leadership of that time about the deliberate forcing of large – scale stratification. Thus, E.T. Gaidar wrote: "A chance to save [Russia. – Ed. E. S.] there was only one to chip in for the start-up capital for the reform of the whole world, " which was, in his opinion, it is necessary for the accelerated creation of a "social base of reforms"². The rapidly implemented

² Gaidar E. In the year of the Rooster the dawn must come // Komsomolskaya Pravda. 1993. №

powerful stratification of society was the planned result of state policy, and not its by-product. The robbing population of the country, it turns out, was in sake of a startup capital for reform, including the milliard fortunes of a small number of clans associated with the family of B.N. Yeltsin.

To characterize the method of forming a new ruling class, it is important to take into account not only that it was created mainly due to a forced redistribution of property, but also that this redistribution occurred on the basis of a significant drop in production. A gigantic redistributive process has suppressed production and scientific and technological development, law and the state, culture and morality. The country was sacrificed to the new class "elite".

In the interspecific struggle of the "elites", the new elite won battle with the former going back nomenclature. But is this a good thing for the country? The former nomenclature was an inefficiently managed, but also relatively cheap class. This is in a common sense car-tin for poor societies. The new class costs for the Russian society more, although its business and civil qualities are more than questionable. If we citizens were then less exalted and more discriminating in our attitude to the overdue, but difficult changes our choice would be more responsible, and its consequences would not be so deplorable.

For the second time in the Twentieth century after the revolution at the beginning of the century and the reforms at its end a ruling class was born in the country, the method of economic approval of which was not creation, but the forced redistribution property in its favor. Once again, the first direct results of this actions were the degradation of the economy and the collapse of the Russian statehood.

Geopolitical significance. There were until 1991 two self – sufficient systems in the world: the capitalist countries and the socialist block. For more than half a century, it seemed that the socialist system was overcoming the capitalist one. But in the last quarter of the century, everything completely turned upside down: communist China fell away from the socialist system and went to the capitalist system, then the entire socialist camp in Central and Eastern Europe collapsed, and finally the Soviet Union collapsed.

What is the historical meaning of this process? We believe that the world capitalist system, which won the historical competition, began to disassemble the system, which lost a struggle, to get "spare parts" and dispose these ones. Such a fragment of the USSR as Russia is not integrated in the dominant world capitalist system. Therefore, there is for the Western world a question of continuing the fragmentation of the remnants of the defeated system, i.e. Russia. But in this case, the West faced a stronger integrity in contrary to the USSR or, especially, the socialist block. And now either the collapse of Russia will continue in 1991, or the global process, due to the stability of Russia, will somehow change its direction.

Speaking about the 30th anniversary that passed after the collapse of the Communist system, the Bulgarian researcher I. Krastev calls it the era of imitation. According to him, "it was 1989 that marked the beginning" of this era. But "after the initial fascination with the idea of copying the Western model in different parts of the world, devoid of political and ideological alternatives, there is an increasingly obvious aversion to the policy of imitation. It is this lack of alternatives and not the gravitational pull of the authoritarian past or the historically ingrained hostility to liberalism, that best explains the Anti-Western sentiments, which have dominant sense today in post-communist societies" [Krastev, 2021: 48]. Pseudo-capitalism of the period of the developed capitalist world is the possible future of Russia if the country's ruling class continues to struggle for a place in its hallway and if the Russian society will not find the strength to free itself from comprador clans.

The study of the collapse of the USSR in 1991 is of fundamental practical importance for modern Russia, because the nomenclature and administrative command management have been reformed in the country, and because the victorious world capitalist system has begun to directly absorb Russia as the last major fragment of the defeated system. The direction of further global development depends fundamentally on Russia's ability to stand up in this geopolitical struggle.

REFERENCES

- Afanasiev Yu.A. (ed.) (1988) *Nothing Else is Given*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1987) *Perestroika for our Country and for the Whole World*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1989) The Socialist Idea and Revolutionary Perestroika. *Kommunist* [Communist]. No. 18: 3–20. (In Russ.)
- Korshunov M.M., Kochetkova M.V. (2014) Historiography of the Soviet Collapse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches]. No. 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259> (accessed 28.05.2021). (In Russ.)
- Krastev I. (2021) Thorns of "Normality": The End of the Era of Imitation. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 46–65. (In Russ.)
- Markevich A., Harrison M. (2013) *World War I, Civil War, and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. (2018) Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum in the post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 143–151. DOI: 10.31857/S013216250000769-8. (In Russ.)
- Novokreshchenov A.V. (2020) Nomenclature as Personnel Technology and a Mechanism of State Administration (regarding Yu.A. Nisnevich's article). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 132–137. DOI: 10.31857/S013216250008331-7. (In Russ.)
- Ozherelyev O.I. (2016) *Ideals and Crimes. Recent History of Russia: Dialectics of Events*. Moscow: Hud. lit-ra. (In Russ.)
- Rogov K. (2021) Introduction: Drama of Expectation/Drama of an Understanding: Thirty Years of a Transit and Disputes About it. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 8–45. (In Russ.)
- Rumyantseva N.M. (ed.) (2016) *Russian Economy: Isolation and Stability. On the 25th Anniversary of Market Reforms*. Iss. 83. Moscow: Nikitskiy Klub. (In Russ.)
- Semenov E.V. (2021) A Failed Reform of Science. *EKO* [ECO]. No. 3: 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139. (In Russ.)
- Semenov E.V. (1993) Meaning of Things Happening, Contours of Things Coming. *Alma mater*. No. 5. Iss. 2: Faces of Russia: 26–30. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) *Phantoms of a Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Yakovlev A.N. (1987) Achieving a Qualitatively New State of Soviet Society and Social Sciences. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 12–13. (In Russ.)
- Yaremenko Yu.V. (1998) *Economic Conversations*. Recorded by S.A. Belanovsky. Moscow: TsIS. (In Russ.)

N.E. TIKHONOVA

TRANSFORMATIONS OF THE SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN LATE 1980s – LATE 2010s

Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow (netichon@rambler.ru).

Abstract. *The article describes specifics of the social structure of Soviet society, three stages of its transformation in the late 1980s – late 2010s, and stratification models of modern Russian society. It is shown that the key foundations of the social differentiation in late Soviet society (merging of power and property, role of non-monetary privileges, etc.) retained their significance throughout this period, although in the 1990s the effect of access to the 'deficit' has disappeared, and since the end of the 2000s importance of higher education has also started to decline. Moreover, the role of such factors of social differentiation as accumulated wealth, current income, employment stability and the resource of social networks has sharply increased in the 1990s, and the role of attributes of precariousness in employment and the social origin has increased in the 2000s. It is shown that the social structure of Russian society currently consists of four main macro-groups: the "top" of society where most power and property is concentrated (top 5%), and three opposing strata of the mass population. Among the latter – a stratum privileged against the background of other Russians, accounting for slightly less than 20% of population; the median stratum, which includes about half of the total population and sets the typical standard of life for modern Russia; the lower stratum, uniting about a quarter of population, whose lives are dominated by the deprivations and risks that are atypical for average Russian. In the determination of the place in the stratification hierarchy in the first two of these macro-groups, the volume and type of resources that determine the position in various markets (including labor market) play a decisive role, which allows us to view them as a basis for the formation of the upper and middle classes. However, the inequalities of the non-class type (age, health, family composition, etc.) play a decisive role in falling into the median or lower strata.*

Keywords: social structure • social stratification • strata • social inequalities

DOI: 10.31857/S013216250016781-2

This article is a translation of: Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 8: 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1

The last three decades have led to serious changes not only in the economy but also in the social life of the country, and have dramatically changed the structure of Russian society. What did it look like at the beginning of these transformations and how has it changed during this time? Under the influence of what factors did these changes occur? And, most importantly, what does this structure look like today?

The main evolution stages of Russian social structure. Soviet society was marked by the merging of power relations with property relations. The real basis of the social structure was, in the first instance, a position in the system of power relations, including control over the distribution of all types of resources. Accordingly, the society was divided into two main groups: 1) "managers" who performed administrative and distribution functions, and 2) "the managed", i.e. ordinary employees, the difference between whom was rather nominal. The scope and nature of the powers that the "managers" had at their disposal were of crucial importance in determining their status. While in determining the status of the "managed" (ordinary population), a job position and employment in priority industries,

where significantly more resources were directed to than to conventional ones, played a key role. Both largely depended on the person's education. The region and the type of locality where a person lived were also of great importance in determining their status.

All these objective factors influenced the standing of the representatives of the largest population segments in the structure of society, determining the degree of their well-being and employment specifics and the prestige of the position. The specific aspects of the position of ordinary Russians in the stratification system¹ reflected primarily in the privileges they had (a prestigious job, good working conditions, better medical care, etc.). These privileges were very different in nature, but they displayed the most important forms of social inequality in employment and consumption that existed in society.

The social structure of Soviet society included dozens of groups, but, in simplified form, it consisted of four groups:

1) workers, collective farmers and mass intellectuals, who made up the homogeneous majority of society and whose standard of living was perceived as "typical" for society as a whole. And the countdown on the scale of social statuses began up or down in relation to them. Although the poorest part of them (as a rule, due to the specifics of their family status) had lower income than the rest, they were still able to have a near common lifestyle, and, in this sense, they did not constitute a special social group;

2) a rather small in number (from 13% to 20–30% of the country's population according to various estimates [see Starikov, 1990; Naumova, 1990]), privileged strata located above them in the social hierarchy, including managers of small enterprises, middle-ranking heads of large enterprises, highly qualified specialists, as well as those whose main activity assumed the possibility of informal redistribution of benefits;

3) few in number representatives of lowlife (social bottom) located in this hierarchy below the main body of the population;

4) the "managers" who opposed them all². In the late 1980s, when representatives of small businesses appeared, they became mainly part of the second group.

The key feature of the social structure with which Russia entered a period of sharp transformations, however, was not only the role of power and privileges as the key bases determining a person's place in the social hierarchy but also the fact that monetary forms of inequality played a relatively small role in determining a person's status. This was largely due to the fact that the degree of these inequalities themselves was rather small. For instance, even in 1992, when large-scale economic reforms began, the R/P 10% ratio demonstrating the depth of the income gap between the richest 10% to the poorest 10% of the population, reached only 8 points.

The situation completely changed with the beginning of market reforms. In the 1990s, several processes simultaneously took place in Russia, which influenced the formation of both new foundations and new elements of its social structure. Among these processes were, first of all, the emergence of a free market of goods and services and its gradual saturation with the simultaneous loss of the connection of many non-monetary forms of inequality with the place of work. Secondly, the formation of the private sector, which reduced the protection of workers' rights and increased their differentiation on this basis. Thirdly, the importance of education and qualifications, the economic return from which had increased, significantly rose for the most qualified specialists in the private sector in the 1990s. Fourth, the diversity of social structures of large territorial communities increased. Fifth, there was a colossal deepening of social differentiation and a sharp increase in the number of "social lower classes": the share of the

¹ In this article, the term "stratification system" is used as a synonym of "social stratification" and "status hierarchy". All of them describe a vertically organised model of social structure, which is relevant for modern Russia as well.

² The division of the country's population in the analysis of the society's social structure into "managers" and "the managed" has been established in Russian science since the late 1980s and has been repeatedly used subsequently becoming well-established. For more information about the social structure of the late Soviet era, see: [Zaslavskaya, 1996; Radaev, Shkaratan, 1996; Tikhonova, 1999; Shkaratan, 2012].

population with an average per capita income of less than one subsistence minimum increased from 2.8% in 1989 to 28.4% by 1999 (according to the data of the Russian Federal State Statistics Service) when it reached its peak values [USSR..., 1990: 79]. Sixth, the restructuring of the economy that was actively going on in the 1990s caused a "downfall" of some industries (e.g., defence industry), including from the point of view of the prestige of being employed in them, and rapid growth of others (e.g., the financial sector). Seventh, "the comparative significance of the components of social status has notably changed. While an administrative and official criterion dominated the stratification of Soviet society, then by the mid-1990s, the criterion of property and income had acquired a decisive role" [Zaslavskaya, 1996: 18].

The completion of the first stage of the transformation of the social structure of Russian society was marked by the crisis of 1998–1999 and the change of the country's leadership. The second stage of this transformation, which occurred in the 2000s, was characterized primarily by the completion of the structural reforming of the Russian economy and the activation of the social policy implemented by the government. Under the influence of these factors, several trends reversed in some way. Against the background of stabilisation of all income distribution indicators, poverty has significantly decreased (up to 13.0% even in the crisis year of 2009) and the current consumption of all segments of the population has significantly increased. Thus, it was during this period accompanied by the simultaneous growth of income of the vast majority of the population, when stable proportions for the distribution of this "income cake" between mass groups of the population and the income stratification model of Russian society as a whole were formed [Model, 2018].

Simultaneously with the development of positive trends, negative processes had been developed as well, which were not characteristic for the previous stage either. The number of entrepreneurs reduced, the growth of returns on the education of employees stopped [Lukyanova, 2010], the role of the social network resource began to grow for the up-tending social mobility [Tikhonova, 2014]. In addition, although the crisis phenomena in the field of employment were not as global during this period as in the 1990s, nevertheless, a segment of employment emerged which can be characterized by its type as no longer a situational crisis, but as persistently precarious one [Toshchenko, 2018]. Violation of the basic labour rights of employees has become a new norm and not an anti-crisis measure. The stability of the main indicators of the income stratification model was accompanied by a deepening of inequality in accumulated wealth and a strengthened connection between power and property. Even though all the negative trends formed at this stage were mitigated by the general growth of well-being, in institutional terms, the "window of opportunity" for up-tending mobility of Russians or the protection of their interests in the labour market narrowed sharply during this period.

The authorities partially realized these problems as evidenced by making the slogans about the need to create 25 million high-tech jobs with high wages and the need to form a mass middle class in the country. Nevertheless, none of these problems have been solved. Consequently, the social structure of Russian society acquired the following form by the end of the 2000s: the top 5% in the social hierarchy were "managers" opposed by the main body of the population, of which the upper third possessed various kinds of resources that yielded, somehow, different returns. As a result, a little less than half of this third could be described as well-to-do, while the rest had a medium income. About 60% were the segments of the population that had few resources or no resources at all. According to the level and quality of life and depending on the place of residence and the family situation (whether there are children in the family, people with poor health, etc.), they were divided into, first of all, "poor lower classes" that united about a tenth of Russians, secondly, another 15–20% of Russians whose situation was not so dramatic but still characterized by the dominance of atypical signs of deprivation for the population as a whole, and, thirdly, a third of the population who had "normal" standards of lifestyle from the point of view of most Russians, which were also inherent to the relatively less prosperous half of the well-resourced part of the population.

In the 2010s, the external conditions for Russia's social and economic development deteriorated sharply due to a series of economic crises and sanctions. As a result, at the third stage of the evolution of Russian society's social structure, the effect of some of the previously formed negative trends intensified and new ones appeared. Thus, the growth of real earnings in the main segments of the population stopped, but in 2020, they even decreased compared to the beginning of the 2010s. The share of the poor was no longer characterized by a steady downward trend but remained steady in the range of 10.7%–13.4% fluctuating depending on the economic situation, and its stability was ensured by the development of equalizing trends and "pulling" the groups with the lowest income to the median strata [Model..., 2018]. The situation with the observance of employees' basic labour rights during each new crisis worsened more and more [Tikhonova, 2017] and employment precariatization increased [Toshchenko, 2018]. The role of social origin for being employed to the most attractive jobs in terms of their monetary and non-monetary characteristics continued to grow within any professional group [Tikhonova, 2014; 2021]. This happened against the background of stabilisation (and for some professional groups, reduction) of returns on education that began in the 2000s [Tikhonova, Karavay, 2018]. The connection between power and property continued to strengthen, etc.

In general, according to the results of the thirty-year transformation, the most striking changes in the social structure of Russian society include: 1) a sharp "vertical stretching" of the social status scale with a colossal deepening of social differentiation and the separation of the "top" of society from its overwhelming majority; 2) the emergence of previously absent social groups (business elites, small and medium-sized enterprises, etc.); 3) a significant increase in the number and change in the composition of the "lowlife"; 4) an increase in the significance of stratification factors associated with the social origin which determines the increasingly closed nature of social reproduction; 5) an increase in the significance of a person's job in determining their place in the stratification system due to the multiplication of the diversity of forms of labour relations, the weakening of positions in the labour market for the majority of employees and the widespread of precarious employment.

In addition, such factors as the region of residence, type of locality, employment sector, etc. exerted a huge influence on the place in the stratification system. The number of those who found themselves in the newly formed positions of the "underclass" turned out to be 10 times more than the number of those who got an opportunity to take new structural positions that appeared at the very top of the "social ladder" [Tikhonova, 2014]. Two key features that determined the model of the social structure in Soviet times (the merging of power and property, as well as the privileged position in the system of monetary and non-monetary inequalities) remained throughout this period even despite the huge increase in the importance of income and wealth inequality for social differentiation.

Features of the Social Structure of Modern Russia. The fact that two stratification bases traditional for Russia preserved their importance means that when analysing the social structure that has developed in Russia today, we should distinguish two independent objects and review their internal structures in different ways. One of these objects is the "managers", although now this is a significantly different group in terms of its functions in society and composition than in the Soviet period. The grounds for structuring its members are primarily related to power: political, administrative, economic, symbolic, etc., as well as disposable wealth. The second object is the mass strata of the population, which objectively and subjectively oppose this "elite". They are also structured in a certain way within themselves. The grounds for determining the place of their representatives in the social hierarchy are primarily related to their privileged position in various areas of life, their possession of most of economic, political, qualification and administrative resources.

Moreover, "managers" do not comprise the top income decile. People from the lower half of the top decile receive income that differs little from the next decile and have almost the same professional, educational, age and other features. Currently, the upper half of the decile ensures the separation of this decile from the rest of the population in Russia, especially one top percent.

In the second half of the 2010s, the share of income attributable to it in Russia was about half of all income of this decile, which is even higher than the same indicator for the United States, and significantly higher than in China and post-communist countries of Eastern Europe [Novokmet et al., 2017]. The trend of the continuously increasing separation of the “upper classes” from the overwhelming majority of the country's population is even more clearly manifested in inequalities in the distribution of wealth. As of 2018, Russia was ranked 8th among 174 countries placed in descending order of this inequality [Credit, 2018: 114–117]. And by the share of wealth owned by the top 5% and 1% (74% and 57%, respectively), Russia held the 2nd place in the world, trailing only to Thailand, by the end of the 2010s [Credit, 2018: 157]. If three-fourths of the wealth is owned by 5% of the population, then this alone indicates that they control the “rules of the game” that exist in the society and, consequently, that it is fair to describe them as the “managers”.

The “managers” mainly come from the groups that belonged to high-resource groups in Soviet Russia [Tikhonova, 2014]. During the transition to the market economy, they converted these resources into economic capital or used to increase other types of capital, since the process of initial capital accumulation took place against the background of Russia's transformation in the form of rapid conversion of various types of resources into each other with the formation of a new ruling class. One of the forms of accumulation of initial capital was also the legalization of the wealth that was criminally acquired in the 1990s. As a result, the group of “managers” that currently concentrates various types of capital is very diverse both in the origin of their wealth and in composition and includes not only entrepreneurs but also “top echelons” of public officers, representatives of the creative elite and even former criminal gangs.

However, not everyone who came from the high-resource groups of Soviet society turned out to be part of the “top” of Russian society as a result of the global transformation of the last thirty years [Tikhonova, 2014]. Most of them, who remained mainly in the positions of professionals and managers, became part of the mass strata. The fact that this part of Russian society is usually covered by representative general Russian sociological surveys makes it much easier to study its internal differentiation from the point of view of empirical data. Nevertheless, methodologically, the analysis of the internal structure of the mass strata of the population in general and this subgroup, in particular, is a challenging task and can be carried out by applying different theoretical approaches. One of them is an approach where groups of the population are distinguished based on the opportunities and life chances their representatives have, on the one hand, and deprivations and risks they experience, on the other hand. This approach, which follows the Neo-Weberian tradition, proceeds from the fact that the place of individuals in the system of social inequalities is reflected in the privileged position of their positions concerning some existing “norm” in various spheres of life or the presence of “excessive” types of deprivation and/or risks in relation to it, i.e. what M. Weber called “negative” privilege [Weber, 1978]. Using this approach to the analysis of the society's social structure, we can inevitably distinguish at least three main strata: 1) characterized by

the advantages of its positions to the average “norm”³, 2) characterized by the prevalence of risks and deprivations atypical for this norm, 3) the stratum that lies between them and is the most numerous in its composition, from which the countdown is taken when analysing the status hierarchy⁴.

³ As already noted above, we can distinguish at least two groups with positive privilege in relation to modern Russian society.

⁴ This approach was developed by a working group consisting of N.E. Tikhonova (head), V.A. Anikina, A.V. Karavay, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareeva and E.D. Slobodenyuk. Four areas of life were identified as the main “axes of social coordinates” of the multidimensional space of opportunities and risks that characterize the life of the Russian population today: economic situation, working conditions, opportunities for preserving human capital, the sphere of consumption and leisure. The relevant indicators were calculated based on 3 positive privilege indicators and 3 negative privilege indicators for each of these areas. For information about theoretical and methodological foundations of this approach to social stratification, as well as a description of the strata of Russian society obtained using it, see: [Karavay, 2019; Lezhnina, 2019; Mareeva, 2020; Slobodenyuk, 2019; Tikhonova, 2018; 2020], etc.

When⁵ applying this approach empirically to the conditions of modern Russia, it turns out that the privileged stratum as part of the mass strata of the population (i.e., without taking into account

the “managers”) accounted for less than 20% of Russians at the end of the 2010s⁶. Most of its representatives (see table) have higher education and come from families where their parents had higher education. The overwhelming majority of them are employed, they are mostly professionals and managers. The specifics of their workplaces indicate their relatively more prosperous position in the system of labour relations, however, around a third of their representatives have signs of precarious employment (not fully declared salary, incomplete paid holidays, etc.), although, against the background of the majority of Russians, their position is still quite safe. The prosperity of this strata is also manifested in the fact that most of its representatives assess their status in society as good and believe that their life is going well in general.

The lower stratum as part of the mass strata of Russian society, which includes about one-fourth of the mass strata⁷, can be characterized by the inability to maintain the standard of living that is typical for the average Russian, and in this respect, corresponds to the “deprivation” meaning of poverty. According to the specifics of the risks and hardships experienced by its representatives, the lower stratum is similar to the most numerous⁸ median stratum, although their concentration is higher in it. Among its main features are a large share of elderly people and rural residents, relatively worse health of its representatives on average, the presence of disabled people in many of their households, but not the place of the representatives of this stratum in the labour market.

The three main strata that make up the mass strata of the population of Russian society have distinctive features of identities, attitudes and ethical value systems as well. In this respect, the median and lower strata are also closer to each other than the median and the upper strata [Tikhonova, 2020].

The habit of planning their lives and taking responsibility for it, which is characteristic of the majority only in the upper stratum, significantly expands the life opportunities of its representatives, as well as having high qualifications and high-potential social connections, which is typical only for them [Karavay, 2020]. The accumulation of resources, including in the inter-generational context, results in a wider range of behavioural strategies among the members of this stratum, which are aimed at preserving and improving the level and quality of life, increasing the opportunities to use the most effective of them. In this respect, representatives of the median stratum are closer to the lower stratum than to the upper one [Karavay, 2019].

All the above differences are especially vivid between the cores of different strata, which retain their belonging to them year after year. The probability of moving to another stratum by their own efforts is relatively small for Russians, although such opportunities still exist⁹. The

⁵ The empirical basis of the study was the data of the 3rd and 8th Monitoring Waves of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) for October 2015 and April 2018 ($N = 4000$), representing the population of the country from 18 years old and older by region of residence and within them by gender, age and type of locality. The control of the obtained results was carried out based on the data of the 24th (October 2015 – January 2016, $N = 10209$) and 28th (October 2018 – January 2019, $N = 9857$) Waves of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of the National Research University Higher School of Economics (RLMS HSE).

⁶ In 2018, this stratum numbered 19.6% of representatives of the population mass strata according to the data of the 8th Monitoring Wave of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, and 19.2% according to the 28th wave of RLMS HSE.

⁷ In 2018, this stratum numbered 29.4% of representatives of the population mass strata according to the data of the 8th Monitoring Wave of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, and 23.8% according to the 28th wave of RLMS HSE.

⁸ In 2018, this stratum numbered 50.9% of representatives of the population mass strata according to the data of the 8th Monitoring Wave of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, and 57.0% according to the 28th wave of RLMS HSE.

⁹ For instance, according to RLMS HSE, 23.6% of Russians moved to a higher stratum in 2013–2018 [Slobodenyuk, 2019: 61].

Table

Certain Features of Representatives of Different Strata (%)

Indicator	Lower stratum	Median stratum	Upper stratum	Gap between polar strata (Number of times)
<i>Employment (% of employees)</i>				
Self-assessment as having good working conditions	9.6	24.3	58.5	6.1
Professionals and managers	10.8	29.9	65.5	6.1
Workers, ordinary workers of trade and customer services	74.7	48.1	18.1	4.1
Availability of at least one sign of independent labour	32.6	49.1	67.4	3.6
All basic labour rights are respected (official employment, officially declared salary, payment of sick leave and vacation, timely payment of wages)	20.4	51.6	72.1	3.5
<i>Economic status</i>				
Self-assessment as having good leisure opportunities	8.6	27.4	57.6	6.7
Self-assessment as having good living conditions	14.3	31.7	62.2	4.3
The average per capita income is more than 1.25 of the country median income distribution	18.4	36.0	66.1	3.6
Have savings	15.2	30.2	54.1	3.6
<i>Social and mental well-being</i>				
Believe that life as a whole is going well	8.3	24.6	60.1	7.2
Assess their status in society as good one	8.4	25.8	55.0	6.5
Being in a state of indifference, apathy or feel anxiety, irritation, anger, aggression	58.2	38.1	15.6	3.7
<i>Other characteristics</i>				
At least one of the parents has a higher education	15.6	30.4	51.9	3.3
According to self-assessment, life has worsened compared to the period before the crisis of 2014–2016	78.1	55.7	34.7	2.3
For reference: percentage of unemployed, including:	33.7	28.0	15.5	2.2
unemployed	7.8	2.0	1.0	7.8
students	1.7	7.6	9.8	5.8
retired people	24.2	18.4	4.7	5.1

Note. The cells with indicators exceeding 50% are highlighted in grey, i.e. they are typical for the corresponding stratum.

Source: 8th Monitoring Wave of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, April 2018.

composition of the unfavourable lower stratum is renewed to the least extent, while the upper stratum can be characterized by the high instability of its composition. This means that the behavioural strategies of Russians are not able to cancel the “sticky floor” effect at the moment, while the “sticky ceiling” effect is much weaker for mass strata [Slobodenyuk, 2019].

Conclusions. Social inequality in modern Russia is a logical consequence of the fact that at the time when the 1990s reforms began, different groups of population had a diverse amount of resources that had been largely accumulated over generations. In the era of the state-planned economy, when these resources could not work as capital, the difference in availability of resources did affect the living standards of various groups but could not lead to serious social differentiation. During the transition to the market economy, they were converted into economic capital or used to increase other types of capital, which ensured that groups with initial advantages retained a privileged position in modern Russian society. Then, they were joined by people from other strata (including criminals), who used the 1990s to accumulate initial capital too.

While some people from the high-resource groups of Soviet society ended up at the “top” of the social hierarchy in the new Russia as a result of the transformation, others formed the backbone of the privileged part of the mass strata (their upper stratum). The combined number of these two groups roughly corresponds to the share of the privileged population in the late Soviet period, although their internal differentiation has become incomparably deeper.

In the social structure of Russian society, these two groups are located next to the median and lower strata that make up the majority of the population, the differences between which are mainly explained by the features of the dependent burden, health, age and place of residence of their representatives. Therefore, the majority of the population, which occupied relatively homogeneous status positions in Soviet society and formed a generally common standard of living in the USSR, was divided into two strata with qualitatively different positions against the background of a sharp deepening of social differentiation. At the same time, about half of the population constitutes the median group, which sets the standard of living for the mass strata, but approximately every tenth Russian is in a position that simply did not exist in the USSR, and another 15–20% are balancing on the verge of this position.

If we talk about the basic characteristics of the very stratification model of modern Russian society, and not only about its constituent elements, it should be noted, first of all, that the list of grounds that determine the status of individuals in the stratification hierarchy has significantly expanded. Income and wealth inequality, the specifics of social origin, etc. began to play a much larger part in it. Secondly, the model of social structure that has developed in Russia is characterized by an enormously vertical stretching of the status hierarchy, and the “top” of society in it is not just disengaged from the rest of Russians but also opposes them. Thirdly, the mass strata of Russian society are increasingly gravitating towards “equaling with the average”. This equaling trend has intensified under the influence of recent economic crises, which contradicts the trends in the evolution of the social structure in developed countries, which, on the contrary, are defined by an increasing polarization of the mass strata of society. Fourthly, the model of the social structure in Russia is marked by an average degree of status consistency. If power and economic resources are mainly concentrated in privileged groups, then the situation with social and qualification resources is far from being so unambiguous. And finally, fifthly, the specifics of the market positions of individuals, including in the labour market, now play a crucial role in determining their place in the social hierarchy in Russia. However, the importance of these factors, which are typical for class-type structures, is primarily distinctive of privileged groups. As for the majority of the population, it is largely levelled by their family situation and imbalances in the development of various industries, regions and types of localities inherited from the USSR and reflecting the still very significant role of non-class social inequalities in modern Russian society.

This model of Russian society's structure is quite stable, but from the point of view of the future of Russia, it is fraught with additional problems rather than any competitive advantages. High risks of increasing social tension in the conditions of the excessively deep gaps between the “top” of society and its mass strata, reduced incentives to “working to improve oneself” in the conditions of the growing significance of a social resource with low returns on education, the threat of destabilisation of the situation by reducing the number of relatively prosperous part of the mass strata mainly in the largest cities in the second half of the 2010s, and other negative features of the stratification model that has developed in Russia require immediate

action not only in the fight against poverty but also in reducing illegitimate inequalities and expanding the system of social mobility.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2018) Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 39–67. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03. (In Russ.)
- Credit Suisse. (2018) *Global Wealth Databook 2018*. Credit Suisse group AG. Switzerland.
- Karavay A.V. (2019) Basic Models of Socio-economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3: 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2020) Factors of Inequality of Russians' Life Chances (Empirical Analysis). *Sociologicheskaya Nauka i Social'naya Praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 8. No. 1: 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095. (In Russ.)
- Lezhnina Y. (2019) The Risks and Capabilities of Russians as a Base for Social Dynamics. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 2: 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Returns to Education in Russia: Evidence from Meta-Analysis. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. Vol. 14. No. 3: 326–348. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2019) Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18. (In Russ.)
- Naumova F.M. (1990) Transition Period: World Experience and Our Problems. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 3–14. (In Russ.)
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 201709. DOI: 10.3386/w23712.
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Social Stratification*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of Inequality: Theory and Reality*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Slobodenyk S. (2019) Stratification of the Russian Society by Life Chances and Risks: The Dynamics of the Structure and Mobility of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4(129): 57–68. (In Russ.)
- Starikov Ye.N. (1990) Does the Emergence of a Middle Class "Threaten" Us? *Znamya* [Banner]. No. 10: 192–196. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (1999) *Factors of Social Stratification in the Context of Transition to a Market Economy*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2018) *Income Stratification Model of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross country Comparisons*. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics]. No. 2: 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: Novyi khronograf; IS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No. 1: 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2018) Dynamics of Some Indicators of Russians' General Human Capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017) The Impact of the 2014–2016 Economic Crisis on the Employment of Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to a New Class*. Moscow: Nauka.
- USSR in Figures in 1989. (1990) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Weber M. (1978) *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press.
- Zaslavskaya T.I. (1996) Transformation of the Social Structure of Russian Society. In: *Where is Russia Heading? Social Transformation of the postSoviet Space*. Iss. 3. Moscow: Aspect Press: 11–21.

1990s' EXPERIENCE AND CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT

Leokadiya M. DROBIZHEVA, Dr. Sci. (His.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. *The article analyses the lessons that the state and society could learn from the institutional contradictions and violent conflicts that were overcome in Russia in the 1990s. Ethnic mobilization and ways of getting out of conflict situations are analyzed. Based on specific materials, it is shown that the most important lesson was the ability to find compromise, dialogue ways to remove contradictions in the field of language, ecology, requests for participation in the use of local natural resources, increasing independence in the economy, and developing culture.*

Most of the controversy was related to the institutional sphere, violation of the constitution and federal laws. The author shows that the regulation of such conflicts in multi-component federations is facilitated by the understanding that the ethnic nationalism of elites in the republics is different. On the example of the analysis of the discourse and legislative practice of Bashkortostan, North Ossetia-Alania, Tatarstan and Tuva, it is shown that divided sovereignty (not secession) was discussed in Tatarstan, but in it, as in Sakha and Bashkortostan, economic and cultural nationalism, defensive in North Ossetia – Alania, mainly cultural in Tuva. Accordingly, the agreements between the government of the Russian Federation and the government of the republics differed. Compromise solutions were temporary and as soon as a strong legitimate government was formed in the Centre, they ceased to operate, this is also one of the lessons of the 1990s.

Interethnic contradictions within the republics were also achieved by compromise solutions. However, the problem of ensuring equal opportunities in the labour and political spheres still remains.

The lesson in preventing the escalation of power conflicts was the recognition of the legitimate monopoly of power on the part of the state. The protection of society is based on the rule of law, but compliance with the law needs control from both the state and society.

The final part of the article is devoted to the regulation of interethnic relations in the second decade of the 2000s. The author supports the idea of calling this process the management of cultural diversity, since the term nation-building used earlier contains a double understanding of the nation, both ethnocultural and civil.

The cited research results in the country and the republics show that ethnic identity remains very stable. But nowhere does it appear as a confrontational all-Russian identity, but is combined with it among the majority of the population. It can be assumed that the idea of the people as co-citizenship, aimed at consolidating social, spatial and ethnocultural communities, realizing their interests in the economy, politics, culture, contributes to the provision of solidarity in the country.

Keywords: ethnic mobilization • institutional and violent conflicts • ethnic nationalism • cultural diversity management • civil nationalism

DOI: 10.31857/S013216250016783-4

This article is a translation of: Дробижева Л.М. Опыт 1990-х и управление культурным многообразием // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 8: 49–61. DOI: 10.31857/S013216250015254-2

Introduction. The 1990s in multi-ethnic Russia, characterized by violent conflicts, spread of new ideas about federalism and tensions in inter-ethnic relations in national republics, are evaluated differently by the researchers and public figures. According to G.T. Toshchenko, that was the period of the establishment of ethnocracy, and its definition hides the pain for the

Union fallen apart, built on the principles of internationalism¹, and the past management based on the socialist centralism. Others called this time an ethnic revival, especially in the republics, where people began to speak their ethnic languages without hesitation in public places, on the street, in trams and shops. Historians and writers began to remember the cultural figures who were repressed or went abroad, ethnic folk songs were played at meetings and rallies. Such mobilizing moments were experienced not only by Bashkirs, Tatars, Chuvash people, Yakuts, Karelians, but also by ethnic Russians, who were happy, for example, that Shalyapin was again openly recognized as their respected singer and not as an emigrant, who was talked about more often at home, but about whom it was impossible to write a thesis at Moscow State University. Russian culture, which rose to international fame, has again become the property of Russian citizens.

From the standpoint of interdisciplinary scientific approaches and ethno-sociological point of view, the 1990s can be called the era of ethnic mobilization and ethnic nationalism. Analyzing the types of ethnic activity in the republics (primarily in Russia, but the experience of the former Soviet republics is also taken into account), we will try to formulate the lessons learned from the experience that are significant for managing the cultural diversity in different periods of the country's life. In our study, we took into account the theoretical elaboration of the events of the 1990s by scientists who then took a real part in the work of imperious institutions and regulation of conflict situations [Tishkov, 1997; Pain, 2004], the vision of the occurred transformations by government representatives [Abdulatipov, Mikhailov, 2016] and, of course, the work of national sociologists, conflictologists and ethnic psychologists, Yu.V. Arutyunyan, Zh.T. Toshchenko, A.G. Zdravomyslov, M.N. Guboglo, G.U. Soldatova, I.M. Lebedeva, etc., as well as our colleagues from the republics.

The ethno-sociological studies organized by the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in Tatarstan, Bashkortostan, Tuva, Sakha (Yakutia), North Ossetia-Alania in 1994, 1996–1997 and 1998–1999, were the empirical basis of the analysis². In addition to mass surveys, 230 in-depth interviews were conducted with the leaders and specialists³, whose names were determined during population surveys by answering the question "Who expresses the interests of your people?" In addition, the speeches of politicians and ideologists were also studied. Comparison of the research results for different years allows us to trace the dynamics of the attitude of political actors and residents of the regions to the sovereignty of the republics, ideas of separatism, nationalism, self-determination and federalism.

Of course, within the framework of the article it is impossible to highlight all the complex processes mentioned above. For this reason, we decided to focus on the following three issues: 1) what can form the basis of ethnic mobilization; 2) how the nationalism was transformed in the 1990s during the strengthening of the federal state; 3) what makes it possible to effectively retain the escalation of conflicts and contradictions.

The basis of ethnic mobilization both in the Soviet republics and in the Russian autonomies in the 1990s was the demand proclaimed by national (ethnic) activists to preserve their ethnic languages. Language is the most sensitive ethnic integrator, perceived by people as a value. Moreover, the language requirements then had a social basis reflecting the social and political interests of local ethnic elites. Knowledge of the ethnic language became an advantage when taking up the managing positions. The head of the republic, for example, was obliged to speak the ethnic language, which, consequently, deprived the representatives of other ethnicities

This is the last article by L.M. Drobizheva in our journal. The editorial board left the author's text unchanged.

¹ Internationalism was then understood as the priority of proletarian and then public interests and equitable friendly relations between people of different nationalities.

² In each of these republics, the sampling included 1000 people (the random error ranged within 4–5%). The respondents included both Russians and ethnic groups which gave names to the republics. Head L.M. Drobizheva

³ 110 of them were published in [Drobizheva, 1996].

who did not know the language of the republic, including Russians, of access to the top echelons of power in the region. Often, not only the administration employees, but also service employees had to know the ethnic language.

Answering the question "What do you have in common with people of your ethnicity?", 82% of urban and 85% of rural Ossetians, 77% of urban and 83% of rural Tatars, 72% of urban and 83% of rural Sakha, 78% of Tuvans in cities and 84% in villages answered that it is the language. About 70% of ethnic Russians in the republics then wanted their children to know the language of the so-called titular ethnic groups. The republican newspapers in the mid-1990s paid a close attention to the language topic. The ideological pressure was felt quite clearly: "...the Tatar language is seriously ill"⁴, "if it dies, then we will perish as a nation" [Khakimov, 1993]. At the same time, answering the question "What conditions are now necessary for your people to revive?", just over 40% answered the language support [Drobizheva et al., 1996: 265–266], while 80% of Tatars, more than 90% of Ossetians, up to 90% of Yakuts and 79% of Tuvans wanted their children to speak Russian.

Language requirements are the most sensitive, and the regulation of interests in this area is one of the barometers of the ability of the authorities to find dialog-oriented ways to solve the problems. In the nineties, such a decision was the adoption of the law on the language of the people, which gave the name to the republic, and the recognition of it as the second state language in the corresponding region. At the same time, the leaders of the republics had to convince the population that the interests of the "titular nation" were being realized, but not to the detriment of other peoples. For example, the President of Tatarstan M. Sh. Shaimiev spoke of "Tatars and Russians", "Russians and Tatars", which indicates that the interests of both contacting peoples are taken into account.

To find the compromise, dialog-oriented solutions in the field of language, ecology, and the use of natural resources is an important lesson of the 1990s. Unfortunately, there are also cases in the history of modern Russia when the contradictions were resolved by force, the Ossetian and Ingush armed conflict over disputed territories and the Chechen conflict. The latter largely derived from the hedonistic aspirations of a set of people claiming power, who were supported by a part of the elite, the activities of which depended on the authorities, and a significant part of ordinary Chechens, who were in solidarity with the elite due to their oppression in the past. The role of elites in the escalation of conflicts was described at the time by T.R. Gurr [Gurr, 1993] and Ch. Tilly [Tilly et al., 1975], V.A. Tishkov introduced this idea into the imperious discourse in our country [Tishkov, 1997].

One of the main lessons learned by Russia from the experience of violent conflicts was the recognition that only the state can recognize the legal monopoly of force. The protection of society is based on the rule of law, but its observance shall be controlled not only by the state, but also by society, in world practice it is called a democratic participation [Zenghaas, 2007: 40]. Thus, *the legal monopoly of force, rule of law and compliance with the Constitution form the basis for violent conflict management.*

Lessons from institutional conflicts. There have been more than a hundred unarmed conflicts in the former Soviet Union. Most of them were institutional and constitutional, i.e. the contradictions in them were reduced to legislative regulations reflecting the ideologies and interests of the opposing parties. In such confrontations, the ethnocultural differences do not by themselves delineate the inter-group boundaries (in the understanding of F. Barth), there are economic, political and some situational circumstances behind them. The ideologies and actions of the republican elites who confronted the Federal Center were associated with ethnic nationalism clearly expressed in the 1990s.

In the Soviet ideology, literature and everyday practice, the concept of "nationalism" had a clearly negative meaning. It was interpreted as a denial of the equality of people of different nationalities (ethnicities), the priority of one nation (ethnicity) or race over the rest. On the

⁴ See: Tatar territories. 1995. October. No. 38.

contrary, in the European languages, this phenomenon was devoid of such an estimated load, it was discussed, analyzed and critically comprehended by many authoritative researchers. The discrepancy between the declarations of the elites and real practice was exposed by E. Kedourie [Kedourie, 1971], condemned by E. Hobsbawm [1998: 305], sometimes ridiculed by E. Gellner [1991: 319]. However, the experience of others without studying their own did not allow to determine *ab ovo* the contradictions risen and learn a lesson.

In the 1960s H. Kohn proposed to distinguish two types of nationalism: civil, or Western, nationalism based on the free self-determination of an individual, and Eastern, based on the ideas of the priority of ethnic interests based on history and culture [Kohn, 1967: 329–333]. The ideas and demands put forward by the ideologists in the Russian republics were closer to the second one.

The nationalism, according to most experts, presupposes the existence of a community, nation that has its own special qualities, its interests and values are prioritized over other interests and values, and most importantly, the nation should strive to achieve political sovereignty, at least some [Breuilly, 1983]. The nationalism observed in the Russian republics fully corresponds to this description, but it was not the same throughout the Russian space. The analysis of the requirements of regional elites and legislative practice in the republics give grounds to assert that the nationalism in Russia differed. This is one of the main lessons learned by the scientists and the authorities from the experience of unarmed institutional conflicts.

The desire for complete separation took place only in the Chechen Republic, whose elite called for sovereignty. In Tatarstan, although it was called a sovereign democratic state in the republican Constitution, expressing "the will and interests of the entire multinational people of the republic", ideologists in power circles were aware of the danger of nationalist ideas of exclusivity and intolerance, and therefore specifically emphasized: "protecting the culture of ethnic communities, teaching in their ethnic language" and "self-government up to sovereignty does not contradict the principle of respect for human rights" [Iskhakov, 1995: 53], i.e. they expressed themselves in the spirit of civil nationalism. This principle was also supported by the representatives of the Russian-speaking part of the region's community. In the 1990s, not only the All-Tatar Public Center (ATPC), the Committee for the Protection and Implementation of the Sovereignty of Tatarstan "Sovereignty" and the Tatar National Independence Party "Ittifak" were freely operating in Tatarstan, but also the Union of Officers of Tatarstan, "People's Power" pro-Russian organization in open opposition to the sovereignty of Tatarstan, political wing "Civil Union", pro-Russian reformist-oriented organization "Soglasie", communist organization "People's Front of Tatarstan".

There were more than 20 parties in North Ossetia, but they were formally created and ineffective [Gostieva, Dzadziev, 1995: 219, 229]. Six parties were registered in Tuva, but they were exclusively Tuvans. In Sakha (Yakutia), the idea of sovereignty was actively supported by the public associations "Sakha Kaskile" and "Sakha Omuk". At the same time, the reformist Democratic Party of Yakutia and the very large Communist Party of Sakha operated there. There was also a ethnic Russian public organization in the republic.

In Tatarstan, the idea of shared sovereignty recorded in doctrinal documents, was advanced at the official level. "For us," M.S. Shaimiev explained, "the sovereignty means the ability to voluntarily determine the share of powers that we reserve for ourselves and the share of powers that we delegate to Russia"⁵. In addition to the application for shared sovereignty, the authorities of the republic sought to handle property relationship, forms of management, standards of social, tax, price and investment policy, while, however, they left most of the enterprises in public ownership. The Federal Center, of course, was not ready for such a type of federalism, and the President of Tatarstan himself was aware that "we have run far ahead,

⁵ Izvestia of Tatarstan. 1995. February 15. P. 1.

and when the power in the Center becomes stronger, we will have to determine our relations in accordance with federal laws"⁶.

The President of Sakha (Yakutia) M. Nikolaev understood the nationalism in its Soviet meaning, and in an interview he told us that this word was brought by foreigners and journalists coming to the republic. Nevertheless, at the celebration of the fifth anniversary of the proclamation of the sovereignty of the republic, he said: "We have focused on the economic independence of the republic"⁷. The ideologists of Yakut nationalism spoke mainly for the right of "core nation on natural resources, land right, self-government, taking into account law of custom"⁸. To a lesser extent, they focused on the discussion of ethno-cultural problems of language and the "revival of traditions".

In North Ossetia – Alania, the essence of sovereignty was mainly reduced to the protection of the territory, which was due to the clash with Ingushetia and the South Ossetian conflict. Interview with the President of the Republic A. Kh. Galazov, and with ethnic activists are literally permeated with this idea.

The agreements between the governments of the Russian Federation and the republics ensured exit of the conflict relations with the Center in the mid-1990s. Since the situations and nationalisms in the republics had their own peculiarities, each such agreement was distinguished by its originality. Liberals criticized the conclusion of agreements with the republics, seeing in this the establishment of patron-client relations (N. Petrov, A. Melville). Nevertheless, in those conditions, the agreements played a positive role⁹, becoming a way to remove conflict relations: "Legal development is not a luxury, but a prerequisite for the peaceful resolution of conflicts" [Zenghaas, 2007]. The end in the settlement of constitutional conflicts was put by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2000, which abolished the sovereignty of the republics. It happened when the Center became strong.

The declaration of sovereignty did not mean the secession of the territory. "Where will we go," the representatives of the Tatarstan administration told us in an interview at the time, "It's not just about the geolocation of the republic." Both in the Center and in the local communities it was understood that in 24 hours the Central Bank can block the flow of finance, without which the functioning of the economic and social spheres of the region is impossible. At the federal level as a whole, the mobilization around this requirement did not provide a sufficient level of political gain. Since the mid-1990s, the political parties have stopped using it for mobilization, realizing that the non-Russian population of the republics is less than 1/5 of the total electorate, and by the end of the decade, the values of unification based on the principles of citizenship and a common interest in stabilization of the situation began to gain popularity in them. It is no coincidence that the political party "Our Home – Russia" was the leader in Tatarstan, Tuva and North Ossetia. At the same time, the idea of sovereignty in the form of demands for greater participation in the disposal of natural resources and making economic decisions was supported by more than 60% of the population of the republics (57% in North Ossetia, 64% in Tatarstan, 68% in Sakha (Yakutia) and Tuva), including more than 40% of ethnic Russians.

The power elite of the republics, called ethnocracy in the Center, in the 1990s had the opportunity to use not only ethno-cultural values, languages and traditions, but also environmental interests and the ideas of democracy, which was interpreted as respect for the rights of the minority. The practice of conflict resolution was to provide an opportunity to express ethnic identity in the public arena while maintaining a balance between the interests of various social forces, which provided compromise, socio-cultural loyalty and cultural established

⁶ Record of the speech of M. Sh. Shaimiev at the conference on federalism in 1995 at the Academy of Sciences.

⁷ Speech of M.N. Nikolaev // The Republic of Sakha. 1995. February 14.

⁸ U. Vinokurova, Day of Core Nation // The Republic of Sakha. 1995. August 9

⁹ The surveys conducted in Tatarstan in 1994 showed, for example, that 60% of Tatars and 70% of Russians supported the signing of such an agreement [Drobizheva et al., 1996: 78].

relations. The constitutional contradictions arose and needed to be resolved not only at the level of the Center – constituent entities of the federation, but also at the level of inter-ethnic relations within the republics. Recognition of someone else's interests, other than their own, became a difficult problem for the regional elites. The ethnocracy that Zh.T. Toshchenko wrote about was a reality, and the governments in the constituent entities of the federation, if they wanted to remain legitimate, had to show the ability to dialogue¹⁰. At the same time, as the results of surveys showed, the equality of opportunities in the republics was not always observed. Not only ethnic Russians, but also the representatives of the ethnicities that gave the name to the republics, recognized that a person's ethnicity was important when accessing to power. In 1999 26% of Russians and 18% of Bashkortostan Tatars believed that the Bashkirs had more opportunities to get a well-paid job in the republic, and 44–49% of Tatars and ethnic Russians believed that the Bashkirs had more opportunities to take a senior position in the authorities. Among the Bashkirs, only 13–29% agreed with this. It is noteworthy that in 2013, the opinions on trend remained the same and changed for the better by no more than 10% for each indicator. What is the lesson to be learned from this? The experience of the 1990s suggests that both at the federal level and at the level of the constituent entities of the federation, the state is obliged to prevent social discrimination, including on ethnic grounds, and to strive to ensure the equality of opportunities in the labor, social and political spheres.

In the 1990s, the elites played a predominant role in the formation of mass sentiments. The ideas of the political, scientific, and artistic elites were broadcast by the media and educators, and in traditional societies also by the elders and "authoritative people". In mass surveys, we recorded the spread of a stable opinion about the tensions that were actively discussed by the media. At the same time, the participants of the in-depth interviews talked about the information war.

If the consequences of nonviolent conflicts were reduced to frustration, xenophobia and migration, then the violent ones were accompanied by victims and flows of refugees. The number of refugees and displaced persons from North Ossetia – Alania, for example, was estimated at about 100 thousand people, 600 people died. Only from the end of 1994 to April 1995, 302.8 thousand people left Chechnya¹¹.

The factors and causes of violent and non-violent conflicts were discussed both in the 1990s and in the 2000s, both in our country and abroad. There are different approaches to their explanation, but the main thing that needs to be learned from this sad experience is that ethnic challenges and radical forms of their implementation took place under the weak power of the Center. At some historical period of time, there are changes in the potential of ethnic groups (the structural and functional model of T. Parsons), whose elites pretend to top positions, primarily in power. It was not only our case in the 1990s. Similar processes were observed in the 1970s in Belgium and Canada. After making claims for changes, the current situation can persist for quite a long time, as long as the central government is strong. But if it loses legitimacy, as it was in the USSR in the late 1980s and early 1990s, there is a chance for the implementation of claims, and then the escalation or relief of conflict situations depends crucially on the status of the central government. Actually, this is what we have observed in Russia. The legitimization of the central government in the late 1990s and early 2000s was followed by the legislative elimination of deviations in the Constitutions of the constituent entities of the federation that contradict the federal laws.

It was necessary to improve the management of a multi – ethnic society and it was the peculiarity of the new Russia of the 2000s, given that the Russian peoples had the experience of the Soviet period, when, albeit declaratively, they had their own statehood, and the experience of the 1990s, when the attempts of the democratic elite of the Center to build

¹⁰ The Government of Tatarstan, for example, in the 1990s removed 15% surcharge for language proficiency and reduced the number of faculties in universities where teaching was in the Tatar language.

¹¹ A. Zheludkov. Disasters of Russia are refugees. Refugee disaster is poverty // Izvestia. 1995. April 19.

federalism without ethnicity (eliminate the republics) met resistance in the regions, forcing them to look for compromise solutions. In addition, there were *differences in the understanding of democracy*. Among politicians and some scientists, the idea of democratic federalism as a non-ethnic federalism of civil equality remained. In contrast, the ideologists in ethnic republics associated democracy with the possibility of taking into account the ethno-cultural complexity in the constitutional and legal space of the country.

Managing cultural diversity. In the Russian sources, the state's policy in the field of inter-ethnic relations is called nation-building. Such a policy is carried out in all countries, which should combine the diversity of languages, religions, ethnicities, races with the flexibility of compliance with common laws and a common civic identity. In this article, instead of the term "nation-building", the phrase "*management of cultural diversity*" will be used, since, in our opinion, it more accurately describes the Russian policy that moves away from multiculturalism, but preserves the recognition of cultural diversity and languages of peoples while guaranteeing the freedom of cultural choice to the citizens (everyone has the right to determine their own ethnicity) and at the same time directs the state's efforts to intercultural interaction, development of dialogue and trust between peoples and the state. The religious Convention on the Protection of National Minorities ratified in 1998 obliges Russia to comply with a number of norms.

The management of cultural diversity at the state level is possible if, contrary to the concepts of neoliberalism and postmodernism, the nation-state is accepted as a continuing norm of modern states. Without entering into a discussion about the negative consequences of etatism for the formation of a political nation (prevalence of informal rules, low interpersonal and institutional trust), we believe that the state and the formation of a single political nation remains a necessary form of social coalition under modern conditions.

The fundamental document in the management of cultural diversity is the Strategy of the State National (Ethnic) Policy of the Russian Federation for the period up to 2025, where the concept of "Russian nation" for the first time appeared in the doctrinal space of management. In the modern world, there are two understandings of a nation: a civil political nation and an ethnic ethnocultural nation. There are examples of the transformation of one into another, elements of both can be present in each of them, nevertheless, both exist. Many modern multicultural states have their own internal nations, which explains the existence of the concept of "nation of nations" [Tishkov, 2008].

The management of cultural diversity is aimed at strengthening the All-Russian nation as integrating the society, stimulating the intercultural interactions and development of a civil solidarity. For this purpose, the management apparatus ensures the inclusion of this topic in the educational process, media and Internet space and promotes the practices of public self-regulation (for example, spontaneously emerging forms of mutual assistance, especially relevant in the context of a pandemic). The success of strengthening national (all-Russian) identity in a multicultural country largely depends on taking into account the growing ethnic identity of both ethnic Russians and other ethnicities, its orientation in a constructive, rather than disintegrating direction. The experience of our country shows that at specific historical stages and under certain conditions, the ethnic identity could involve both positive and destructive consequences for different peoples.

The management of ethnocultural development in Russia involves taking into account all the diversity of our complex state, where there are national autonomies, core small ethnic groups, peoples such as Gypsies and Aysors, dispersed people of different nationalities, diaspora groups, and, finally, migrants, external and internal, that attract special attention of departments and experts. People of each identity differ in the level of development of their civic culture and the preservation of traditional relations, respectively, and their integration processes proceed at different pace and have their own uniqueness.

Within the framework of the article, it is difficult to consider in detail the entire complex of issues related to the ethnicity in connection with the social, economic, political, historical and cultural contexts in the regions. Therefore, we will focus on those of them that are directly

related to the preservation of the unity of the nation. We will discuss them on the example of the republics that serve as a barometer of the state of interethnic relations in the country – Tatarstan, Bashkortostan, Sakha (Yakutia).

Tatarstan has quite high ethnic solidarity. 68% of Tatars and 54% of ethnic Russians believe that “it is important for a person to feel part of their ethnicity”¹², 84% of Tatars and 78% of ethnic Russians feel a connection with people of their ethnicity. However, with such a high importance of ethnicity, quite favorable inter-ethnic relations are maintained in the republic: 77% of Tatarstan residents considered them “favorable and calm”. Only 12% have experienced distrust and hostility due to ethnicity over the past year. This value was the same for both ethnic Russians and Tatars and coincided with the all-Russian indicator.

Maintaining favorable interethnic relations is the result of the high interest of the population in staying calm and smart policy of government bodies in difficult conditions. Since the 1990s, the All-Russian Tatar Public Center has been operating in the republic, fighting for the preservation of the Tatar language¹³. In addition, there are officially supported organizations of Tatars in Tatarstan, World Congress of Tatars, Russian National (Ethnic) and Cultural Movement of the Republic of Tatarstan, Assembly of Peoples of Tatarstan, which includes the organizations of Chuvash and other ethnicities, Kazan Human Rights Center and other public associations, including religious ones. Actually, the position of the republic’s leadership and its relations with the federal center are of crucial significance. Tatarstan is headed by an authoritative leader among both Tatars and ethnic Russians. Under strong power the interethnic contradictions are contained and to a certain extent leveled by other events of the all-Russian and economic plan. “Today, Tatarstan is an advanced and economically successful region that consistently focuses on building a strong Russia,” R.N. Minnikhanov said during the celebration of the 100th anniversary of the republic in 2020, and in preserving interethnic harmony he noted the support of the federal center “and, first of all, our national leader Vladimir Putin”¹⁴. At the same time, the words of the head of the republic do not mean that the management of interethnic relations in the region is not required. The problem of preserving the ethnic languages is very acutely perceived in Tatarstan¹⁵, not only by activists, but also by 59% of Tatars, while 49% of Tatars consider Russian as their native (first) language.

The difficulty of managing the interethnic relations in neighboring Bashkortostan lies in the fact that it is the republic with the highest level of interethnic contacts, where the people who gave the name to the republic do not make up the majority. With a high level of ethnic identity (79% of Bashkortostan residents confidently identify themselves by ethnicity, especially Bashkirs and Tatars), quite favorable relations are maintained in the republic (74–77% of the population evaluated them this way). At the same time, Bashkirs are concerned about the preservation of their ethnic language and environmental problems that are becoming socio-political (it is enough to recall the protests related to the preservation of Kushtau).

¹² Hereinafter there are the data of the 2020 surveys conducted by the Center for the Study of Interethnic Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the RPO “Center for the Study of Discrimination, Extremism and Xenophobia of the Republic of Tatarstan”.

¹³ However, at the last congress of writers of Tatarstan, this organization was called “a marginal structure where elderly activists get nostalgic ...but there is no hope that it will become an intellectual center.” See: “The collective farm left over from the Soviet period”: is there a chance for a reboot of the Writers' Union of the Republic of Tatarstan? // BUSINESS online. 2021. February 28. URL: <https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/500731> (reference date: 03.04.2021).

¹⁴ Rustam Minnikhanov: The subject of our pride and confidence in the future // The Republic of Tatarstan. 2020. May 25 Issue No. 74(28843). URL: <http://rt-onNne.ru/predmet-nashej-gordostH-uverenosti-v-budushhem/> (reference date: 03.04.2021).

¹⁵ Now the problem of the All-Russian census has become relevant, in connection with which the question of the possibility of recording more than one ethnicity and giving an answer about two native languages is being discussed.

Issues of ecology and natural resources are also relevant for the residents of Sakha (Yakutia). The demand for participation in the use of natural resources has been voiced by experts here since the 1990s. During the polls in 2020 89% (92% of Sakha and 86% of ethnic Russians) called "the participation of Yakut people in the use of resources in its territory important for the republic"¹⁶. At the same time, the language issues are not as acute in Yakutia as in Tatarstan and Bashkortostan. 35% insisted on compulsory study of the Sakha language by school students of all ethnicities in 2020, almost half of the Sakha people supported the voluntary study of Sakha language at school. 75% rated interethnic relations in the region as favorable. According to the assurances of the head of the Republic A. Nikolaev "Yakutia has always been and remains a stronghold of Russian statehood in the vast expanses of the north-eastern part of the country"¹⁷. Nevertheless, the importance of ethnicity is high here: 96% of Sakha and 88% of ethnic Russians feel close to people of their ethnicity, and its updating is higher than in the case of other collective identities (generational, religious, local).

In the Russian national republics, the strategies for the development of peoples are being developed, in connection with which there are discussions with an ethnic focus, which show that under the new socio-political conditions, as in the 1990s, the nationalisms in the republics differ. In Tatarstan, the focus is on the ethno-cultural stability through language and traditions. In Bashkortostan, the same ideas are voiced, but the concept of "Bashkir" in the proposed strategy is interpreted broadly: "If a person does not speak the Bashkir language, but at the same time feels like a part of this great people, is proud of its belonging, then this person is a Bashkir. Anyone who lives in Bashkortostan, values the republic and works for its benefit, has the right to consider itself a Bashkir"¹⁸. In fact, an attempt is being made in the republic to include elements of civil nationalism in the ideology. Although not all the Bashkir elite agrees with this, the innovation has already been introduced, and it is not accidental. For several years, the issue of civil nationalism as an ideology and practice of the state and management of culturally complex communities ("nation of nations") of our time has been discussed among the ideologists in Russia. And for more than one year, the legitimacy of the state in the modern world have been discussed in the pages of the journal "Russia in Global Politics". In particular, the idea is expressed that this requires a good source "rooted in a common sense of national belonging" [Lieven, 2020: 26]; "... the state makes legitimate and viable, first of all, the population with a sense of national identity, when each generation goes through a kind of everyday referendum on commitment and participation in this state as its Fatherland" [Tishkov, 2021].

Nationalism is based on the idea of the people as a co-citizen, and it is aimed at consolidating the civil nation¹⁹. Being implemented in the economy, politics, and culture, the nationalism ensures the solidarity of the people, especially under conditions of internal tensions or conflicts, and mobilization to defend the interests of the Fatherland. When V.V. Putin calls himself a nationalist, he means exactly this kind of nationalism. "I am the biggest nationalist in Russia," he said at Valdai Forum in 2014, "But the biggest, most correct nationalism is building the actions and policies in such a way that the people will benefit from it. And if the nationalism is understood as intolerance towards other people, chauvinism, it will destroy our country,

¹⁶ Results of a joint study in 2020 of the Center for Strategic Studies under the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Center for the Study of Interethnic Relations of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

¹⁷ Speech of A. Nikolaev on the National Flag Day in 2020

¹⁸ R. Khabirov's speech at the V World congress of Bashkirs in 2019 See: "Copying the experience of Tatarstan is a serious step back": The congress of Bashkirs adopted its strategy // BUSINESS online. 2021. February 28. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498335> (reference date: 03.04.2021).

¹⁹ Such nationalism can also differ and sometimes allows discrimination against minorities and expansion [Lieven, 2015].

which was originally formed as a multinational and multi-confessional state"²⁰. In 2018, he explained his position: "...I want Russia to be preserved, including in the interests of the Russian people. And in this sense, I said that I am the most correct, the most real nationalist and the most effective. But this is not a boorish nationalism, ...which leads to the collapse of our state. That's the difference"²¹.

In the country as a whole, in each constituent territory of the federation and in the mass consciousness, there are elements of different nationalisms. Recognizing this, it is easier to find understanding and build a mutually acceptable community of people with different cultures and religions. The management of cultural diversity is precisely aimed at combining the civil solidarity of all Russians with progressive elements of ethnic identity and patriotism, taking into account the real ethno-social and ethno-political practice.

Some conclusions. In complex multi-component societies, it is impossible to solve the issues of preserving consent without the participation of the state. The latter is expressed not only in the functioning of a special institution designed to regulate the interethnic relations (we have the Federal Agency for Ethnic Affairs), but also in the creation of social coalitions that ensure the legal norms of co-existence, activities for economic and organizational life support, maintaining a system of social institutions, including education, security, and violence prevention.

In modern societies that declare the principles of democracy, an important role is assigned to the participation of citizens in the regulation of social and ethnic contradictions. In Russia, there is a Council on Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, expert councils in the Federation Council, State Duma, Federal Agency for Ethnic Affairs and administrative bodies of the constituent territories of the federation. There are more than nine hundred federal, regional and municipal national autonomies in the country, however, according to the surveys, no more than 4–9% of our citizens know about them, and even less take part in their activities. It is obvious that civil participation in the regulation of interethnic contradictions, whether it is the need for education in the ethnic languages, support or elimination of some traditions (which do not comply with the laws), conflict situations with migrants, non-discrimination by ethnic, religious principles, etc., should be broader. These can be public discussions of pending legislative and legal acts, volunteer movements in support of the public order in the city, municipal district, courtyards, participation of public initiative organizations in the educational institutions in order to maintain or eliminate the cultural differences in the course of joint actions.

A sense of solidarity, belonging to the fate of the Fatherland, responsibility for the present and future of what we call the All – Russian identity, civic consciousness, it is of fundamental, fundamental importance for multinational Russia. As the President of the Russian Federation specifically noted at the last meeting of the Council on Interethnic Relations, the ethnic identity can have not only a competitive, but also a positive, constructive orientation, and the all-Russian civil identity is quite compatible with such an identity²². When implementing the modern state projects, taking into account the experience of regulating contradictions and conflicts of the 1990s can become a useful guide that helps to find ways to strengthen the interethnic harmony and preserve the ethno-cultural and religious diversity of the country.

REFERENCES

- Abdulatipov R.G., Mihailov V.A. (2016) *Russia in the 21st Century: National Answer on the National Question*. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatelskiy tsentr "Ethnosocium". (In Russ.)
 Breuilly J. (1993) *Nationalism and the State*. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press.

²⁰ Meeting of the International Discussion Club "Valdai" // President of Russia. 2014. October 24. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (reference date: 03.04.2021).

²¹ Meeting of the International Discussion Club "Valdai" // President of Russia. 2018. October 18. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (reference date: 03.04.2021).

²² Meeting of the Council on Interethnic Relations // President of Russia. 2021. March 30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (reference date: 03.04.2021).

- Drobizheva L.M. (1996) *The Elite of the Republics of the Russian Federation Says: L. Drobizheva's 110 Interviews with Politicians, Businessmen, Scientists, Cultural and Religious Figures, Leaders of the Opposition Movements*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 90s*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism*. Ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gostiyeva L.K., Dzadziev A.B. (1995) *Ethnopolitical Situation in North Ossetia*. In: *Developing Electorate of Russia*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS: 214–241. (In Russ.)
- Gurr T.R. (1993) *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: U.S. Institute of Peace Press.
- Iskhakov D. (1996) *Model of Tatarstan: pro et contra*. *Panorama-Forum*. No. 1: 46–58. (In Russ.)
- Kedourie E. (1971) *Nationalism in Asia and Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Khakimov R.S. (1993) *Twilight of the Empire (On the Nation and the State)*. Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russ.)
- Khobsbaum E. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Kohn H. (1967) *The Idea of Nationalism*. New York: Collier-Macmillan.
- Lieven A. (2015) *Anatomy of American Nationalism*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Lieven A. (2020) *Progressive Nationalism*. *Rossiia v globalnoy politike [Russia in Global Affairs]*. Vol. 18. No. 5(105): 25–42. (In Russ.)
- Pain E.A. (2004) *Ethnopolitical Pendulum: Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in postSoviet Russia*. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)
- Senghaas D. (2007) *The Civilization of Conflict: Constructive Pacifism as a Guiding Notion for Conflict Transformation*. In: Austin A., Fischer M., Ropers N. (eds) *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Moscow: Nauka: 35–50. (In Russ.)
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. (1975) *The Rebellious Century 1830–1930*. Cambridge, Harvard University Press.
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) *Nation, Nationalism and Nation-building*. *Rossiia v globalnoy politike [Russia in Global Affairs]*. Vol. 19. No. 2(108): 42–62. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) *Russia is a Nation of Nations (In Connection with the New Concept of National Policy)*. *Byulleten seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov [Bulletin of Ethnological Monitoring and Conflict Early Preventing Network]*. No. 78: 10–15. (In Russ.)

R.H. SIMONYAN

HOW THE SOVIET UNION COULD BE PRESERVED (BALTIC ANGLE)

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chef Researcher, Center for European Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Abstract. *The historical experience of the world's first socialist state and the reasons for its collapse is a fundamental problem not only in Russian, but also in foreign social studies. In the context of the globalization of the economy and the emergence of regional forms of association of states, one of which is the EU, the experience of the USSR is in demand: the integration of states that differ in socio-cultural characteristics, common patterns are inherent. The EU is solving the same systemic problems and experiencing the same difficulties as the USSR. This is due to the diversity of the countries that make up the unions, and the uneven development of their countries. The article substantiates the role of the subjective factor, including the ability of managers to use the experience of the most developed countries, the understanding of which is the basis for overall development. In the USSR, these are the Baltic republics, the population of which most acutely felt the need for radical reforms. The article examines the proposals prepared in this region for the country's recovery from the crisis and the attempts made to encourage the leadership of the USSR to reform, the rejection of which led to the collapse of the country.*

Keywords: *crisis of centralization • the largest catastrophe of the twentieth century • the subjective factor of the historical process*

DOI: 10.31857/S013216250016784-5

This article is a translation of: Симонян Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс) // *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021. No 8: 62–71. DOI: 10.31857/S013216250014595-7

The potential for a socio-economic development of the USSR. By the 1980s the possibilities of extensive development of the national economy of the USSR were completely exhausted. The Soviet economy entered a period of protracted crisis, and in 1983, for the first time in the post – war period, even according to official data, there was no GDP growth [National Economy..., 1984: 43]. The model of centralized directive and distribution state management had outlived itself. The viciousness of the current system of a ruling of the national economy had become obvious for almost all segments of the population. The Soviet Union needed a radical modernization, the necessary resources were available for this.

First, the USSR had the richest human capital. Today, no one disputes that the main wealth of any state, the main condition and source of modernization is its human capital, by the beginning of "perestroika", the USSR had it in full. The Soviet education system was considered one of the best in the world, and its high quality even today, many years later, is not disputed by anyone in the world. The USSR had a number of scientific schools, including one of the best in the world school mathematics¹. The leading Soviet universities formed highly qualified specialists, many of whom are also now working in Western scientific centers².

¹ Many of its representatives are now working abroad: M. Gromov, winner of the Abel Prize, which is considered the equivalent of the Nobel Prize in mathematics; V. Voevodsky, winner of the John Fields Prize, the highest prize of the International Congress of Mathematicians; D. Kazhdan, winner of the Campe de Ferrier Prize, who was elected a member of the US National Academy of Sciences a year after emigrating from Russia, and many others. Leading Soviet physicists also work abroad, including K. Novoselov and A. Geim, who became Nobel laureates there.

² After the collapse of the USSR, the American Silicon Valley began to speak Russian, as graduates of Soviet universities rushed there. In the USA, they are considered the best programmers and developers of

The population of the USSR was one of the most educated in the world; the country, according to foreign sociological services, was considered as "nation of most reading people".

Secondly, despite the emerging lag behind the advanced countries, by the mid-1980s the USSR had a developed industrial and technical base: out of 45 macro-technologies, which allow the global production of high-tech products, in 23 the Soviet Union occupied the first places (space and aviation technology, nuclear power, instrumentation, biochemistry, etc.) or was among the leaders [Petrakov, 2005: 188]. The USSR was ahead in computing technology of Europeans and Americans in a number of directions³. The "closed" cities, where scientific research was carried out and high – tech products were produced, stood surrounded by a dense network of Moscow, Leningrad, Sverdlovsk, Gorki, Saratov, Novosibirsk, Tomsk, Krasnoyarsk. Another indicator of the high technical level of the country is the presence of its own machine tool industry: only 18 countries had their own production of machine tools, among them our country always occupied the 2nd or 3rd places. The of military production is another indicator of the country's high scientific and technical base: the USSR ranked as second in the world in terms of arms exports.

Thirdly, the USSR had unique natural resources the world's largest zone of "chernozems" and about 30% of the world's proven mineral reserves (practically the entire periodic table) and energy resources with 3.2% of the world's population. There were no states in the world, which had such significant treasures of the subsoil.

Fourth, it is the energy of the population, the spiritual uplift that had engulfed almost all residents of the country. The readiness of the people, accustomed to trials, to new difficulties for the sake of turning the country into a modern prosperous state was universal. It is appropriate to recall Lenin's thesis that "an idea that has mastered the masses becomes a material force."

We should also mention the favorable international conditions. After the end of the Cold War, the world (primarily European) public looked at the USSR with the hope of its return to the rank of developed democratic countries. What other additional conditions were needed for a modernization breakthrough? Moreover, the experience of introducing market methods into the socialist economy were also already.

In March 1985, when Gorbachev became General Secretary of the Central Committee of the CPSU, the successful adaptation of market mechanisms to the planned economy had been going on in communist China for 7 years. And this is despite the fact that the bulk of the population of the USSR was not semi – literate peasants from rice fields, but educated people. This emphasized Gorbachev's advantage over Deng Xiaoping, the last one was the most successful reformers of our time, who began to implement reforms in incomparably more difficult conditions⁴, when famine was raging in many provinces of China. However, 2 years (!) after the intro-

computer technology. Only in California about 60 thousand immigrants from the USSR work mathematicians, physicists, chemists, biologists, biophysicists, semiotics, linguists, engineers, programmers. According to one of the leading Soviet bacteriologists K. Alibekov, who left for the United States in 2004, by the beginning of 2012, about 800 thousand Soviet scientists were working in various countries of the world, including more than 70 thousand from the defense industries (Arguments and Facts. 2012. No. 21. p. 9).

³ The Americans do not dispute the superiority of the Soviet computer either. K. Diefendorff in the article "Russians are coming" admitted that the Russians created such computers 15 years earlier than their Western counterparts. K. Diefendorf was the developer of one of the first Western superscalar processors [Diefendorff, 1999: 36].

⁴ At the end of the 1970s after 15 years of the "Great Leap Forward" and the "Great Cultural Revolution" China was in a deep depression. The economic devastation was supplemented by educational and intellectual as higher educational institutions in China were closed during 10 years, tens of thousands of specialists were repressed, engineering, technical and scientific personnel were physically exterminated or exiled to villages. According to the Dutch historian F. Dikötter the author of the book "Mao's Great Famine", the "Big Leap" alone claimed the lives of at least 45 million people [Dikötter, 2013: 74]. Deng Xiaoping himself was twice repressed. By the way, in the mid-1920s, during the period of the NEP, Deng Xiaoping studied in Moscow in the University of the Working People of the East and was fond of the "market" ideas of N. Bukharin, whose book "The Economy of the Transition Period" he often cited.

duction of self-supporting relations in agriculture, China began to export a food to the USSR. Against this background, the success of the upcoming reforms in the USSR was not in doubt.

There was another example of our neighbors in addition to China as the northern European countries, social-democratic governments of which managed to find a balance between the basic values of the society as freedom and justice. It was in this region which back in the 1930s, as the first socio-political phenomenon appeared in Europe, it is the "social state" (in Soviet lexicon "Swedish socialism"). We are talking about a system of relations that best corresponds to human nature itself as a desire for freedom and personal success (in a market economy for a wealth).

The access to the knowledge of the forms of organization of social life that appeared in the 1980s in the countries of Western Europe played the role of a powerful impulse to carry out social transformations. The USSR had a region where these forms operated relatively recently (only 40–45 years ago), this is the Baltic republics. The desire for cardinal changes was common to the population of all the Union republics, but in the Baltic States it was not only more acute than in other regions of the country, but also distinguished by constructiveness. Many analysts paid attention to the modernization mood of the population in the Baltic republics. The English historian A. Brown wrote: "When residents of the Baltic States compare their standard of living with their neighbors, they look not at the "third world" states neighboring the republics of the Caucasus and Central Asia, but at the prosperous Finns and Scandinavians, imagining themselves in their place" [Brown, 1989: 27].

In the Baltic republics, primarily in Estonia and Latvia, economic life was traditionally determined by the Protestant work ethic and the work ethic of the Russian Old Believers, who made up a significant proportion of the Baltic population since the end of the XVII century. The role of this factor in the economy was manifested during the development of capitalism in Russia in the late XIX – early XX centuries: Riga was the third center of industry and science after Moscow and St. Petersburg, there were factories for the production of the first Russian electric motors, cars, and airplanes. In the Soviet Union, goods and services produced in the Baltic States have always been in high demand.

In the USSR, Estonia was the only republic whose population could see the "world of capitalism" every day. It was possible to watch Finnish TV programs since 1965 in this republic, which was interesting for both Estonians and Russians⁵: 5 "It was like a window to the world was opened," the head of the department wrote. the ideological department of the Central Committee of the KPE M. Titma. – We saw how different it is from the one in which we live" [Titma, 1989: 33]. But Finland was not a rich country by European standards at that time. The constituent regions of the USSR were extremely diverse: natural, economic, social, demographic, historical and cultural, including the degree of readiness for social modernization [Simonyan, 2002: 31]. The population of the Baltic States (like Moscow and Leningrad) had the highest proportion of intellectuals (in Estonia-32.7%) [National Economy..., 1990: 609], it was a social group with increased reflection and especially acutely reacting to what is happening.

The leaders of the USSR skillfully used the advantages of the Baltic States, which since the 1960s were a permanent testing ground for a number of economic experiments, technical and organizational innovations, testing new methods of managing the economic mechanism. The Baltic experience of implementing self-financing in the construction, local and food industries and household services, which began in 1986 in Estonia, had already shown a high economic effect [Economic..., 1988]. Therefore, it is not surprising that this region, along with Moscow and Leningrad, turned out to be the leader of the "perestroika" processes in the USSR. This is

⁵ According to the 1989 census, Estonians made up 61.5% of the population of the republic, Tallinn-47.2%.

confirmed, for example, by a four-day visit Gorbachev in February 1987 to Latvia and Estonia⁶, full of meetings with the labor collectives of enterprises and research institutes.

1988 as time of peak of hopes about "perestroika". The situation in the economy at the beginning of "perestroika" was so obvious that it no longer made sense to seriously criticize the overcentralized state management in the economy. There were no more "professional economic secrets" for the public for a long time: huge resources were used extremely inefficiently in the country, and sometimes simply criminally. The air of change was felt in the social atmosphere. "Thousands of excited people walked around Moscow, Leningrad, Sverdlovsk and other large and small cities, they were eager for decisive actions to reform the country" [Lyubarsky, 1988: 31]. The enthusiasm that engulfed the population was most noticeable in the west part of the country: "The political transformations that began in the USSR, especially in 1988, swept Estonia, Latvia and Lithuania like a whirlwind" [Weide-man, 2008: 77]. At the same time, the ethnic factor was not paramount: Russian – speakers (Russians, Ukrainians, Belarusians, Jews, etc.) made up the majority in many cities of the Baltic region, especially the labor collectives of large industrial enterprises, which leaders were mainly representatives of non – titular ethnic groups.

The fact that the Baltic locomotive was "under steam" to lead the country out of the economic impasse was an undoubted trump card of the initiators of "perestroika". "However, time passed," Gorbachev's adviser A. Grachev testifies – "and the changes announced from the rostrum of the congress and promised to society did not occur" [Grachev, 2001: 156]. Gorbachev's assistant A. Chernyaev will then write about the substitution of real actions with streams of words: "Every year Gorbachev rushes more and more, attaching special importance to words: he convinces, shames, calls, conjures, admonishes, agitates, threatens, and all this was in vain. All words... words... words" [Chernyaev, 1997: 59].

A Russian proverb says: "They are waiting for the promised three years." For reforms, three years are expected, this was 1988, in which they were finally supposed to begin and because of weighty reason, it was economic problems. The consumer market was finally destroyed in the country, the supply of essential goods to the population was transferred to the card system. Member of the Presidential Council O. Latsis describing the political atmosphere of 1988 focuses on "disappointment in perestroika, during which Gorbachev's activity in real achievements was increasingly inferior to his activity in delivering instructive speeches" [Latsis, 2001: 224]. Thinking people in the country asked the question: what else should be done to encourage the Center to take active action?

Realizing the need for some decisive step, Gorbachev announced the convening of an All-Union Party Conference. This decision inspired the public of the country. In the Baltic States, the general mood could be expressed in words: "Moscow begins to re-form". In those days, in an editorial article, the journal of the USSR Academy of Sciences "Economic Sciences" wrote: "Our joint efforts as both of the Center and of local officials should be aimed at scrapping the stagnant, too bureaucratic system. This requires the efforts of the republics, coordinated joint actions to ensure genuine self-financing" (1988, No. 4. p. 4).

The concepts of republican self-financing proposed by the Baltic republics were not something fundamentally new. These ideas were in line with the theoretical developments prepared by Soviet market economists, starting with the "Kosygin" reforms and, above all, the works of their ideologist E. Lieberman. In the 1980s economic development became the dominant subject in scientific and economic discourse. As the first step towards the introduction of market mechanisms into the socialist economy, it was supposed to take one of the central places in the decisions of the XIX Party Conference, which opened on June 28, 1988. The hopes of the Soviet people for changes were fueled by the fact that for the first time a party event of this level was broadcast on the All-Union television.

⁶ After N. Khrushchev's visit to Riga in June 1959, this was the first visit of the head of the USSR to the Baltic States.

The presence of the “Baltic locomotive” was confirmed by the Estonian delegation as the only one that came to Moscow with a specific action program. The program, supported by all the grassroots organizations of the Communists of this republic, did not contain anything beyond the scope of the tasks of “perestroika”. It outlined not only the urgent tasks of overcoming the systemic crisis, but also the methods of solving these ones as a regional economic plan, a new election law, the development of self-government, the development of the Union Treaty, the creation of a Constitutional Court, a mechanism for distributing rights and powers and a system of interaction between the Center and the republics.

The content of the program of the Estonian delegation could be, at least, a good basis for discussing measures for the transition from a planned economy to a market economy, which have already begun to be implemented in Poland, Hungary, Czechoslovakia. However, then leadership of the USSR did not understand the real state of affairs in the country, so the KPI program was rejected as too revolutionary and premature. The section on regional self-financing appeared in the resolution only after the insistent demands of the conference delegate, honored Inventor of the USSR B. Mironov, who represented the Tallinn plant named after Kalinin.

The fact that the Central Committee of the CPSU felt a threat to its position in this program is not the fault of the Communists of Estonia, but the misfortune of the leaders of the USSR, who did not understand at that time that they were offered a real chance of saving the state that had entered a political and economic impasse. Opening the CPSU conference, its general secretary first expresses deep regret that “during the three years of perestroika, the party has not achieved revolutionary transformations”, and then rejects the program of the Estonian Communists as “too revolutionary” [Materials..., 1988: 17, 129]. In this cognitive dissonance of the leader is the drama of a great state. The Center had demonstrated that, despite its claims, it no longer determines events, but is increasingly lagging behind their development.

The Soviet people watched as the over-centralized economy entered deeper and deeper into a comatose state. They not only observed, but also put forward initiatives, forming them into powerful movements in support of reforms. The strength of these “grassroots” initiatives was that they came on behalf of not only public, but also leading scientific organizations. “Now, to a certain extent, the proposals that, having been adopted, hardly led to the collapse of the USSR have been forgotten, both the Gorbachev followers and their initiators do not like to remember them, for well – known reasons. This refers to the concepts of economic sovereignty, republican self-financing, put forward in Estonia and supported in other Baltic republics. Unfortunately, these proposals were categorically rejected... In Moscow, the foremen of perestroika listened only to themselves” [Toshchenko, 2003: 17–18].

Two years later, the fate of a more radical program of transition to market relations, where self – financing as the first step has already lost its validity, turned out to be the same – “500 days”, prepared by a group of authoritative market economists (S. Shatalin, G. Yavlinsky, N. Petrakov, O. Bogomolov, etc.). In accordance with this program, it was supposed to neutralize the ruble overhang, free up prices and put the country on the rails of a market economy, commercializing economy. The core of the program was privatization: since the state had all the property, and the people had money, it was envisaged to exchange one for another. Moreover, privatization was supposed to begin with small assets as shops, public catering and household services, etc., with a gradual transition to industrial enterprises, as was already done in the socialist countries of Europe⁷.

The program “500 days” was adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR. Gorbachev, who energetically supported the “500 days” and even widely informed the world community, then retreated under the pressure of the military-industrial lobby, which saw it as a threat to its interests. “It seemed that a decisive step in the economy would finally be taken. After all, the President could not help but see that the gap between political and economic transformations

⁷ Hungary, Czechoslovakia, Poland, and Slovenia were already starting the second stage of privatization, and the USSR was stuck discussing issues of self-supporting relations between enterprises and regions.

is becoming extremely dangerous for the country. And at the most dramatic moment of the choice, when literally everything depended on the President, the civil courage of one person would have saved the "500 days" program at the Supreme Soviet of the USSR, we did not see this courage" [Sobchak, 1991: 267].

Replacing actions with declarations led to the fact that Gorbachev and his perestroika lived a separate life. At the same time, the speeds were different: Gorbachev moved slowly, leading combinations to neutralize the conservatives, issuing convincing documents on the need for reforms, and perestroika moved quickly, thereby "acceleration", with the slogan of which his leadership of the country began. Any historical moment, and even more so a turning point, is immanent by various scenarios of development. "I personally believe in randomness in history, that is, in the will of man," wrote academician D. Likhachev. Therefore, such questions as "what awaits us in the future?" they don't make sense. We are waiting for what we will do ourselves, because there are no such laws that would lead us along a strictly defined path in history" [Likhachev, 2007: 3]. In the new history, the subjective factor – the will of the political leader – plays a decisive role. There are many examples when overdue reforms were missed due to a weak leader, there are also the opposite ones, when the presence of a strong personality compensated for the lack of objective conditions for revolutionary changes⁸. 8 "Even if the efforts of social actors in the historical process lead to unexpected consequences, they do not cease to be the product of their actions" [Yadov, 2001: 14].

In the economic crisis that began in the 1980s in the USSR, much depended on the personal qualities of the head of state: "The meeting of the first secretaries of the Central Committee of the Communist Parties of the Union Republics and regional party committees, held for the first time in July 1989, showed how theoretically blind and disconnected from reality Gorbachev and the highest party activists were" [Onikov, 1996: 84]. The multinational nature of the country required from its leader, if not understanding, then at least a respectful attitude to this sphere of society. "It seems that Gorbachev had to see a lot and think about a lot. After all, he himself came from the North Caucasus. But subsequent events showed that he understood national relations the worst and made the most serious mistakes in this area" [Latsis, 2001: 206]. His incompetence in understanding and evaluating the processes taking place in the country was reflected in sociological studies. In August 1989, VTsIOM conducted a survey of the USSR population on national relations based on the All-Union sample. The respondents' answers to the question "What threatens good relations between peoples?" showed that even among the Russian-speaking residents of the Baltic States, the majority of respondents (53.2%) associated the main danger directly with the policy of the Center [Levada, 1990: 182].

Attempts to encourage Gorbachev to reform. Due to the rapidly deteriorating situation and the lack of real efforts by the Center to improve it, the party leadership of the Union republics found themselves in a difficult situation, as nationalists became more active in the conditions of the deepening economic crisis. The leaders of the republics understood that they were politically doomed if they failed to confirm their national character. The specific role of the Communist Parties of the Baltic republics at that time was to preserve themselves as a political force that could defend the interests of the republics in a dialogue with the Center. But Gorbachev seemed to have deliberately tried to prevent them from holding power, his actions and rhetoric only strengthened positions of nationalists. "The discussion in the Central Committee of the CPSU was characteristic. The Estonians were begging: make some concession to us, at least a step towards us, so that we can show our people that we are considered... But Gorbachev spoke to them in an imperative tone just without knocking his fist on the table" [Brutents, 2005: 394].

⁸ One of the main organizers of the October revolution L. Trotsky in his book asks the question "If Lenin had not reached Russia in April 1917? (which, in his opinion, was very likely) and, answering it, makes a categorical conclusion: "If there had been no Lenin, there would have been no October" [Trotsky, 1990: 332].

The position between the hammer and the anvil forced V. Vālās, the first secretary of the Communist Party of Estonia, takes the initiative. It was decided to convene an extraordinary session of the Supreme Soviet of the SSR on November 16 1988 to consider proposals received after the XIX party conference, the leitmotif of which was the adoption of a new Union Treaty. 262 out of 280 deputies voted in favor of the resolution "On the Union Treaty," no one voted against it. The Declaration of Sovereignty of the Republic, adopted by a majority of 258 votes, established: "Sovereignty of the Estonian SSR means that it owns the highest power in its territory in the person of its highest governing bodies. Accordingly, the status of a republic within the USSR must be determined by the Union Treaty.

The effectiveness of the Estonian demarche was reflected in Gorbachev's speech on November 29, 1988 at the session of the Supreme Soviet of the USSR, where he agreed on the legality of the urgent issues faced by Estonia and the need to resolve them:

"The next stage of political transformation will be related to the harmonization of relations between the USSR Union and its constituent republics. At this stage, the status of the republics, the expansion of their rights in political, socio-economic and cultural life will be considered"⁹

Estonia's campaign went. Although the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR abolished the declaration of sovereignty of the ESSR, the Center reacted promptly: the Commission of the Supreme Soviet of the USSR on the division of powers between the Center and the Union Republics ("Tarazevich Commission"¹⁰), which operated from December 1988 to May 1989, was established. Within its framework, a working group was formed to prepare materials for the Political Bureau of the CPSU Central Committee on the renewal of the Union and the development of federal relations. In addition to deputies and employees of the Supreme Soviet apparatus, 17 scientists were included, mostly civil lawyers, three economists and two sociologists, specialists in the Baltics (together with the author, the group included Deputy Director of the Institute of Sociology of the USSR Academy of Sciences V. Mansurov).

The meetings mainly focused on a new Union Treaty, which should record the competences of the Center and the republics. Deputies of the Baltic republics¹¹ justified the expediency in the Union Department of those powers that could not be exercised at the level of the republics: financial system, energy, air, sea and rail transport, state security, border protection, armed forces, defense industry, foreign policy. The rest of the spheres – economy, construction, agriculture, health, culture, household services – were proposed to be transferred to the jurisdiction of the Union Republics. This was the very decentralization that the USSR has repeatedly tried to implement. Of course, this initiative was supposed to come from Moscow. Especially since the flow of letters to the CPSU Central Committee with proposals for division of powers between the Center and the republics increased [Simonyan, 2011]. The public of the Baltic republics at that moment still hoped that their reasonable proposals for the reform of the economy and federalism would interest the Center.

Six years later, Gorbachev publicly admits the rightness of these proposals in his memoirs in the section on the Baltics: "... belated explanations..., this delay did loss precious time..." etc. [Gorbachev, 1995: 512, 513, 514, 517, 518].

Because of their professional activities, sociologists which conducted research in the republics focused much better than other social scientists in the disintegration processes taking place in the country. This made it possible to make convincing arguments for the adoption of a recommendation in the final document of the commission to the leadership of the USSR to sign a new Union Treaty. The main opponents of this position were persons of the Legal department of the

⁹ Izvestia. 1988. November 30. P. 2.

¹⁰ Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the Byelorussian SSR G. Tarazevich is then Chairman of the Commission of the Council of Nationalities on National Policy and Interethnic Relations of the Supreme Soviet of the USSR.

¹¹ Academician R. Kukaine, Director of the Riga Institute of Microbiology, Minister of Culture of Lithuania L. Shepetis, head of the Tartu Horse S. Rike are all communists, deputies of the Supreme Soviets of their republics.

Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, they defended a thesis: "There is a Constitution of the USSR and no new treaty is needed." Sociologists' arguments were particularly disliked by the deputy head of the department P.I. Sedugin, whose efforts to improve the content of the final document turned out this document to be dull and almost useless.

Three years later, I met P.I. Sedugin in the State Duma and couldn't hold myself and asked: "Pyotr Ivanovich, have you now seen that in 1989 a new Union Treaty proposed by the Balots should have been signed?" He replied that "it's not as important as I or the members of our working group thought then, it's important, as Gorbachev thought then, and therefore whatever recommendations we made, this couldn't change his position." That is, until the last moment, there was a hardware tradition of giving management only those proposals that fully meet his expectations. This episode accurately characterizes the consciousness and psychological attitudes of the party-state nomenclature of that period. "In the Spring of 1989, it was not yet clear what future Estonia and the Soviet Union were going on," Estonian Minister of Culture Y. Allik. – Although Moscow chose Yeltsin as its representative at the Congress of People's Deputies, power in Estonia was still quite firmly in the hands of Vālas, and in the Kremlin – in Gorbachev's hands" [Allik, 2000: 145]. Describing the events on the eve of the collapse of the USSR, American Sovietologist R. Garthoff, who met with almost all leading central and Republican figures during "perestroika" years, also emphasizes that in 1989 "only a very small part of politicians, even in the Baltic republics, called for independence. And the issue of compromise solutions was still open" [Garthoff, 1993: 395].

For our country, the situation in the late 1980s is a typical historical fork. And one of the most real opportunities to hinder centrifugal trends was to sign a new Union Treaty. What obvious benefits flowed from it?

First, by signing this document, the leaders of Latvia, Lithuania and Estonia would legitimize their presence in the USSR. This would automatically entail a change in the position of the West, which never recognized their legal inclusion in the USSR in 1940. Thus, the most painful, most vulnerable issue of the the Soviet Union was closed¹².

Secondly, it was an initiative of the Baltic republics, which was undoubtedly a winning and tactical, and strategic moment for the Baltic republics at the time, and even more so for the Center.

Thirdly, by signing such a document and transferring economic, cultural and education issues to the jurisdiction of the republics (which their representatives insisted on in the Tarazevich Commission), the Union leadership would relieve tension within these republics and knock the trump cards out of the hands of local national radicals and separatists.

Fourthly, there would be a real opportunity to meet the expectations of the population and finally start, practically, not in words, implementing economic reforms, and in the most prepared region of the country for this purpose.

So, in this time, the USSR had an unusually favorable socio-political situation for both the transition to the market and the development of state federalism. However, the refusal to sign a new Union Treaty in 1989 put an end to both the reformation and the rescue of the USSR. Next step was the agony of the great power.

¹² It is necessary to note the ancestral feature of the Balts, which distinguishes them from their eastern neighbors as obligation, respect for the document. For the modern Russian mentality, these are categories, most often not too revered. Although for people whose generations have lived in the conditions of constant deception on the part of the state, this is probably forgivable. Therefore, sometimes you can hear something like "would leave anyway" about the Baltic states. I always remember this characteristic judgment when I meet with open hostility and even aggression expressed by modern young politicians of the Baltic republics to those persons which made up the Soviet political elite of these countries in the late 1980s and early 1990s: "After all, they wanted to sign a new Union Treaty. If they had achieved this, we would now be not in the EU, but in the USSR." This, of course, is not forgiven.

REFERENCES

- Allik Y. (2000) In memory of the Spiritual Father. *Tallinn*. 2000. No. 19–20: 132–154. (In Russ.) Brown A. (1989) *Rainbow Colors of Perestroika*. Riga. *Atmoda*. No. 3: 15–27. (In Russ.)
- Brutenz K. (2005) *Unfulfilled: Not Indifferent Notes on Perestroika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Chernyaev A. (1997) *Diaries of the Assistant to the President*. Moscow: Terra. (In Russ.) Diefendorff K. (1999) Russians are Coming. *Microprocessor Report*. No. 2: 28–39.
- Dikötter F. (2013) *Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962*. Hong Kong: Open Edition.
- Economic Mechanism in the Sphere of Consumer Services: The Experience of the Estonian SSR*. (1988) Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Garthoff R.L. (1993) *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Gorbachev M. (1995) *Life and Reforms*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Grachev A. (2001) *Gorbachev: The Man Who Wanted What was Best...* Moscow: Vagrius. (In Russ.) Latsis O. (2001) *Carefully Planned Suicide*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.) Levada Yu. (1990) *There is an Opinion: The Results of the Sociological Survey*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Likhachev D. (2007) Conscience is a Guarantee of Freedom. *Vremya zhit' vmeste* [Time to Live Together]. No. 1: 3–5. (In Russ.)
- Lyubarsky K. (1988) Waiting for a Change. *Novoe vremya* [New Time]. No. 24: 29–31. (In Russ.)
- Materials of the 19th All-Union Conference of the CPSU*. (1988) Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1983: Statistical Yearbook*. (1984) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Onikov L. (1996) *CPSU: Anatomy of Disintegration*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Petrakov N. (2005) *Innovative Way of Development for the New Russia*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Simonyan R. (2002) The Baltic Countries and the Collapse of the USSR (On Some Myths and Stereotypes of Mass Consciousness). *Voprosy istorii*. No. 12: 28–39. (In Russ.)
- Simonyan R. (2011) The Subjective in the Historical Process. *Voprosy filosofii*. No. 3: 12–23. (In Russ.)
- Sobchak A. (1991) *Walking into Power: The Story of Parliament's Birth*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Titma M. (1989) *Estonia: What's going on here?* Tallinn: Periodika. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Trotsky L. (1990) *On the History of the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Weidemann R. (2008) A Quarter of a Century of Our Modern History (1982–2007). *Vyshgorod*. No. 1–2: 68–83. (In Russ.)
- Yadov V. (2001) And yet the Mind Can Understand Russia. In: *Russia: Transforming Society*. Moscow: KANON-Press-Ts. (In Russ.)

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2021 No. 8

CONTENTS

1991: A Look at Events 30 Years Later

- 3 TOSHCHENKO Zh.T. Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made?
14 SEMENOV E.V. A Long Echo of 1991: Social Meaning of Country's Disaster
22 TIKHONOVA N.E. Transformations of the Social Structure of Russian Society
in Late 1980s – Late 2010s
33 MIRONOV B.N. Formation of National Elites as a Factor of the USSR Disintegration
49 DROBIZHEVA L.M. 1990s' Experience and Cultural Diversity Management
62 SIMONYAN R.H. How the Soviet Union Could be Preserved (Baltic Angle)
72 YAKOVENKO A.V. USSR as a Mirror of an Unrealized Humanistic Perspective

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 82 ANDREEV A.L., ANDREEV I.A. Russia-2021: Experiencing the Present and Looking into
the Future
93 KUZNETSOV I.M. Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism and Renewal

ECONOMIC SOCIOLOGY

- 103 SHABANOVA M.A. Separate Waste Collection as Russians' Voluntary Practice:
the Dynamics, Factors and Potential
118 JIANG HAIBIN, VESELOVA L.S., LEBEDINTSEVA L.A. Phenomenon of Chinese Labor:
Difficulties in Finding Jobs for Chinese Graduates and "Acute Shortage of Labor"

CHAIR. CONSULTATIONS

- 130 POPOV E.A. Profession of Sociologist: Applicants' Ideals and Students' Consensus

DISCUSSION. POLEMICS

- 140 PIKETTY T. Capital and Ideology: a Global Perspective on Inequality Regimes

ACADEMIC EVENTS

- 154 BARIEV M.M., MAXIMOVA O.A. Youth in the Global Agenda
(about the International Congress in Kazan)
156 VINOKUROVA U.A., PRONINA E.I. Personality. Scientist. Teacher
(in Memory of L.M. Drobizheva)
159 NEKLYUDOVA N.P., SEKICKI-PAVLENKO O.O. About the Results of the 12th Ural
Demographic Forum

REFLECTING ON A NEW BOOK

- 161 BUZGALIN A.V., KOLGANOV A.I. A Great Reset or a Half-Truth Dump:
Will the Post-Pandemic World Become More Just?

168 BOOKS IN BRIEF

LETTER TO EDITORS

- 170 NOVOKRESHCHENOV A.V. Once Again about the Nomenclature Method of Working
with Leading Personnel

THEORY. METHODOLOGY

- 175 CHERNYSH M.F. Modernization Revisited: Searching for a New Conceptual Scheme

ECONOMIC SOCIOLOGY

- 184 KAZ M.S. The "World of Labor" of Working Retirees: Dilemmas and Meanings
194 KISELEV I.YU., OVCHINNIKOVA N.V., SMIRNOVA A.G., MIN YOU. Employment
trajectories of preretirees in the context of retirement-age increase
203 KLIMOVA S.G., KLIMOV I.A. The Experience of Russian Companies in the Context of the
Pandemic

POLITICAL SOCIOLOGY

- 212 BARSUKOVA S.Yu., ZVYAGINTSEV A.V., LAPTIYEVA L.S. The experience of youth
participation in election campaigns and its impact on the civic position

1991: A LOOK AT EVENTS 30 YEARS LATER

- 221 TOSHCHENKO Zh.T. Was the geopolitical catastrophe of the USSR man-made?
230 SEMENOV E.V. A long echo of 1991: social meaning of country's disaster
237 TIKHONOVA N.E. Transformations of the social structure of Russian society in late
1980s – late 2010s
246 DROBIZHEVA L. M. 1990s' Experience and cultural diversity management
257 SIMONYAN R.H. How the Soviet Union could be preserved (Baltic angle)

266 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

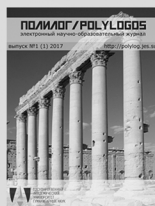
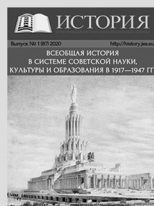
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**